

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
SOCIETY FOR INTELLECTUAL HISTORY

© 2002
Moscow

DIALOGUE WITH TIME

*
**Intellectual History
Review**

10

URSS
Moscow • 2003

Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмерсон)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

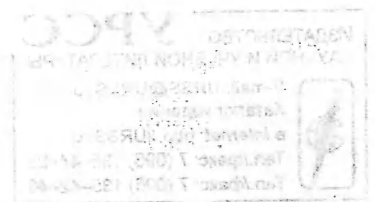
Альманах интеллектуальной истории

10

ISSN 8-284-00418-7

© Коллектив авторов, 2003
© Институт интеллектуальной истории РАН,
1989 (под редакцией) 2003
© Издательство УРСС, 2003

УРСС
Москва • 2003

Главный редактор

Л.П.РЕПИНА

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Р.Зезина
кандидат исторических наук А.Г.Суприянович

Редакционная коллегия:

М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШТУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 10.
М.: Едиториал УРСС, 2003. — 408 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 10.
Moscow: Editorial URSS, 2003. — 408 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 23.06.2003 г.
Формат 60×84/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 25,5. Зак. № 2-991/216.
Отпечатано в типографии ООО «Рохос». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

	ИЗДАТЕЛЬСТВО	УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
	E-mail: URSS@URSS.ru	
	Каталог изданий	
	в Internet: http://URSS.ru	
Тел./факс: 7 (095) 135-44-23		
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46		

ISBN 5-354-00418-7

- © Коллектив авторов, 2003
- © Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2003
- © Едиториал УРСС, 2003

ПРОДОЛЖАЕМ НАШ «ДИАЛОГ»...

Сегодня мы представляем читателю десятый выпуск альманаха «Диалог со временем». Первый выпуск увидел свет в 1999 г. Прошло всего четыре года – «детский» возраст. И все же... Перед нами десять томов альманаха, более 200 статей – результаты нашего совместного труда, плоды интеллектуального диалога его авторов и читателей¹.

В предисловии к первому выпуску была заявлена междисциплинарная научная программа нашего издания, определена его широкая проблематика – в соответствии с современным пониманием предмета интеллектуальной истории и ее статуса в системе исторического знания на рубеже XX и XXI вв. Не ставя никаких хронологических и географических ограничений, мы отправились в увлекательное «путешествие» по необъятному исследовательскому пространству интеллектуальной истории, включающему, согласно нашему собственному определению, «изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты».

Тематический диапазон «Диалога...» охватывает историю идей и идеологий, философской, религиозной, экономической, общественной и политической мысли, естественных, социальных и гуманитарных наук, историю историографии и историю литературы и т.д. Мы исходим из того, что «простая инвентаризация интеллектуальных богатств, которыми мы располагаем сегодня, не может объяснить, по какому праву мы пользуемся ими. Это можно сделать только одним способом – анализируя, а не просто описывая их и показывая, как они были созданы в ходе исторического развития»².

Проблематика альманаха (как и всех исследовательских и издательских проектов Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и Межрегиональной общественной организации содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории») определяется сквозной (от Античности до Новейшего времени) генеральной программой «Традиции и творцы европейской интеллектуальной культуры», стимули-

¹ Библиографию статей всех десяти выпусков см. ниже, с. 385–394.

² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 219.

рующей исследования творческой деятельности и интеллектуальных процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания на базе интеграции истории идей, социально-интеллектуальной истории и микроаналитических подходов «новой культурно-интеллектуальной истории».

Основные направления исследовательского поиска наших авторов отражены в постоянных и периодических рубриках альманаха: «Из истории идей и представлений», «Из истории наук о природе и обществе», «Образы времени и пространства», «Интеллектуальные традиции», «Интеллектуальная история сегодня», «Интеллектуальная культура античности и средневековья», «Интеллектуалы и общество», «Из истории политической мысли», «История и политика», «История и память», «История и теория», «Интеллектуалы и власть», «Профессиональные сообщества и творческая деятельность», «Историко-философские концепции XX века», «Из истории идеологии», «Религиозные учения и религиозная полемика», «История и философия», «Из истории исторической мысли», «Из истории гуманитарного знания», «Из истории научных дискуссий», «Из истории образования», «Прошлое и его репрезентации», «Проблемы исторического знания», «Историческое знание и историческая наука», «Историческое знание и его функции», «История и биография», «Историки об историках», «История и литература», «Эстетика истории», «Теория и метод в историческом познании», «Поиск альтернатив», «Биография как метод исторического познания», «Обращение к прошлому и историческое сознание», «Историография на пороге XXI века», «Перекрестки постмодернизма», «Культура XIX–XX вв.: языки, дискурсы, жанры» и др. Важное место в нашем издании занимают рубрики «Переводы и публикации», «Читая книги», Приглашение к дискуссии». Мы рады отметить что особый интерес читателей вызвали специальные тематические выпуски альманаха³.

В числе авторов альманаха – не только маститые ученые – отечественные и зарубежные, но и перспективные молодые исследователи, преподаватели российских вузов, которым предстоит определить лицо интеллектуальной истории в новом тысячелетии.

Благодарим всех наших авторов и читателей за сотрудничество и надеемся на его продолжение.

От редакции

³«Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории» (вып. 4, 2001), «Историческая биография и персональная история» (вып. 5, 2001), «Персональная история и интеллектуальная биография» (вып. 8, 2002).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЕГО ФУНКЦИИ

И.М. Савельева, А.В. Полетаев

ПРАГМАТИКА ИСТОРИИ

Содержание исторического знания и, соответственно, создаваемой в рамках этого знания картины прошлого, определяется признанными в данном обществе функциями истории, которые задают цели конструирования прошлого, а также правилами такого конструирования, являющимися локальными критериями истинности той или иной панорамы исторической реальности. Эти два аспекта исторического знания тесно связаны между собой – соответствие принятым установкам (целям, функциям) является одним из критериев «правильности». В свою очередь создание «истинной» картины прошлого всегда считалось одной из важнейших функций истории.

1. *Magistra vitae*

Разделение труда в современной общественной науке сложилось так, что на плечи историков лег комплексный анализ обществ, отличных от современного. Как отметил французский историк М. Де Серто, историографический дискурс конструируется как *познание другого*:

...Прошлое в первую очередь связано с *репрезентацией различия*. Производимая историком операция состоит в определении того, что именно, в соответствии с современными установлениями, отличается от своего «другого» (прошлого), в предположении о наличии дистанции, отделяющей нынешнюю ситуацию <от прошлого>, и тем самым в маркировании посредством дискурса значимых изменений, обуславливающих эту дистанцированность. Эта операция имеет двойной смысл. С одной стороны, она историзирует настоящее время. Точнее говоря, она позиционирует настоящее время переживаемого момента... Но, с другой стороны, образ прошлого сохраняет свою первичную функцию репрезентации *утраченного*... Таким образом, история всегда амбивалентна: установление места прошлого в равной мере является формой *выделение места для будущего*¹.

¹ Certeau M., de. The Writing of History. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1988. [Fr. ed. 1975]. P. 85.

Тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т.е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество было похоже на сегодняшнее, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности². Эта граница условна и размыта, но тем не менее она существует. Понятно, что на исследование прошлых социальных реальностей общество выделяет относительно ограниченные (по сравнению с дисциплинами, изучающими существующую реальность) людские и финансовые ресурсы. Однако зададимся вопросом, зачем современное общество вообще выделяет ресурсы для изучения прошлого, но при этом финансирует их существенно скромнее, чем изучение настоящего и заведомо недостаточно для разработки проблематики множества разнообразных «прошлых»?

Один из подходов к решению вопроса связан с уяснением роли исторической науки в общей системе знания, т.е. с анализом ее функций. В этом случае вопрос формулируется иначе: для чего люди изучают историю, вырабатывают знание о прошлом, в том числе научное?

Конструирование социальной реальности включает в качестве необходимой составляющей установление отношений с определенными событиями прошлого. Важность прошлого для настоящего хорошо понимали уже древние общества, приписывая истории целый ряд задач, связанных с культурно-политическими функциями, накоплением и обобщением социального опыта. Утилитарное отношение к прошлому унаследовала и средневековая историография. Иоанн Солсберийский в XII в. дал почти исчерпывающий перечень функций истории:

Зрелище прошлого помогает нам, во-первых, понять планы и намерения Бога; оно наполняет сердца людей спасительным страхом перед Господом, показывая примеры кар и награды за действия людей и побуждая их следовать путями справедливости...

Во-вторых, как выражаются языческие писатели, чужая жизнь является для нас наставницей, и тот, кто не знает прошлого, будет чувствовать себя среди современных ему событий подобно слепому... В-третьих, записи хроник служат для утверждения новых и отмены старых постановлений, для укрепления или ликвидации привилегий³.

Историю издавна использовали для легитимизации власти, доказательства благородства происхождения, нахождения общего языка между разными социальными или национальными общностями или утверждения национального превосходства. С помощью истории обос-

² Подр. см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о прошлом // «Логос», 2000. № 2 (23). С. 39–74; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.

³ *Johannis Salisburij. Historia Pontificalis*. Ed. by M. Chibnall. L., 1956. P. 3.

новывали необходимость реставрации прошлого, оправдывали настоящее и прогнозировали будущее. Кроме того, особенно на любительской стадии, до второй половины XIX в., история служила развлечением для тех, кто ею занимался, и это тоже очень важная функция.

Таким образом функции, выполняемые историей, перечень которых мы обнаруживаем во многих трудах по историографии, обеспечивали удовлетворение многочисленных социальных потребностей. На протяжении столетий в рефлексиях по поводу истории вопрос о функциях был одним из центральных. При этом, если способы исторического познания эволюционировали достаточно заметно, то в трактовке функций истории наблюдалась удивительная стабильность, длящаяся почти до конца XX в. В последние десятилетия в западной исторической науке этот вопрос практически не обсуждается. Отчасти, по нашему мнению, интерес к данной проблеме угас потому, что функции, издавна приписываемые истории, в какой-то мере обнаружили свою неэффективность, и это всем очевидно. Но есть и другая причина.

Большинство рассуждений о функциях исторического знания относится к тем смыслам термина «история» и соответственно к тем временам, когда она понималась как род литературы или как обществоведение в целом. В связи с тем, что в XX в. радикально изменяется характер исторического знания и история отделяется от социальных наук, логично предположить, что должны были произойти какие-то новации и подвижки в «назначении истории». В этой связи возникает вопрос: насколько вообще применимы предшествующие многовековые рефлексии по поводу функций истории к современной ситуации? Акцент на новых аспектах этой проблематики позволит, как нам кажется, наметить подходы, более адекватные современному состоянию исторической науки, и переформулировать традиционную тему.

Общественная роль истории в эпоху Нового времени описывается по следующей модели: становление исторического сознания; стремительное развитие исторического знания и высокий общественный престиж профессии – процесс, достигающий апогея к середине XIX в.; профессионализация истории и становление исторической науки, сопровождающееся относительным падением социальной роли историков (конец XIX – начало XX в.); и нарастающий скептицизм в отношении научности истории и ее способности «давать уроки» при одновременном росте массового интереса к прошлому, не совсем точно проблематизированному как «историческая память».

Становление исторического сознания в Новое время привело к тому, что в XVIII в. история превратилась в важный социокультурный фактор. С этим связан и высокий общественный авторитет истории, и интерес к историческим знаниям, ставший чуть ли не обязатель-

ной характеристикой любого образованного человека. В 1772 г. один немецкий ученый подсчитал, что из почти 5000 сочинений, появившихся в Германии с 1769 по 1771 г., примерно пятая часть была по истории. Во Франции они составляли около четверти, другие страны еще сильно отставали (в Англии лишь девятая часть всех сочинений относилась к историческим), но демонстрировали ту же тенденцию⁴. Даже в России, где собственные исторические издания появились позднее, уже в конце XVIII – начале XIX в. «только ленивый не увлеклся “славянскими древностями” и “Начальной летописью”»⁵.

Назначение истории было не просто образовательным. До конца XIX в. история выполняла, прежде всего, прикладную функцию – поставляла знания, которые можно использовать в настоящем. Согласно нашей концепции, это свидетельствовало о возрастающей роли общественно-научного знания, которое во многом аккумулировалось в сочинениях по истории. Напомним, что XIX в. еще не стал «веком масс», но зато он был «веком публики», временем, когда общественное мнение могло оказывать важное воздействие на политический процесс (равно, как и на многие другие области). Возможность апеллировать к публике, а не к экспертам, повлекла за собой литературизацию речи. Историки с конца XVIII в. использовали язык, ориентированный на литературные жанры, имеющие успех (вплоть до мелодрамы). Поэтому особенным влиянием пользовались те из них, кто отличался литературным талантом (это справедливо не только по отношению к историкам, но и к представителям других профессий, ориентированных на общественное мнение – юристам, политикам и, конечно, художественным критикам).

В XVIII–XIX вв. (а в принципе, уже начиная с Н. Макиавелли) история была поставлена на службу государству, и многие известные историки занимали высшие государственные должности. В Англии ведущие историки (А. Алисон, Г. Галлам, Т. Б. Маколей) активно влияли на политическую жизнь, конструируя прошлую реальность, основанную на концепциях «виггов» и «тори». В Германии малогерманская школа, крупнейшие представители которой были депутатами Рейхстага (Г. фон Зибель, Г. фон Трейчке), создавала концепцию национальной истории. Особенно показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, А. Тьер и Ф. Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их

⁴ Butterfield H. Man on His Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1955. P. 37.

⁵ Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. СПб.: Академический проект, 2000. С. 35.

«сбросили» другие историки – Л. Блан, А. де Токвиль и Наполеон III⁶. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк А. Марру писал:

Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала как следует читать *Илиаду*, история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии... Под объединенным влиянием идеализма и позитивизма идея прогресса была навязана в качестве фундаментальной категории (христианство было признано «устаревшим», христиане были низведены до небольшого меньшинства... Современная «мысль» стала суверенной)... Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии показывая, что она... укоренена в прошлом⁷.

Заклучений, подобных приведенному выше, достаточно много, и они свидетельствуют, что в этот период историки вовсе не были специалистами лишь по прошлому, а исполняли роль обществоведов в целом, прежде всего, политологов. Видимо, именно обществоведческой функцией тогдашней истории объясняется ее отчетливая партийность (идеологизированность) или национализм. А, как точно заметил Ж. Дюби, «идеология – это не отражение действительности, это проект воздействия на нее»⁸. Прошлая реальность, создаваемая по лекалам партийных или националистических проектов, естественно, выглядела по-разному, но это мало кого смущало, ибо соответствовало общепринятым критериям исторического знания. Ни одно идейное направление или движение XIX в. не обходилось без «своей истории».

В XIX в. продолжало расти и общеобразовательное влияние истории. Знание прошлого, чтение исторических сочинений стало ключевым показателем образованности уже весьма широких слоев населения. XIX век сделал историю поистине «всемирным» достоянием. Возникали разнообразные исторические общества, журналы, по-прежнему популярным оставалось коллекционирование древностей. При этом вплоть до начала прошлого столетия история оставалась в большей степени элементом культуры, чем науки. Достаточно сказать, что непрофессиональная история вообще доминировала до упрочения «немецкой исторической школы».

⁶ Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS, 1993. Вып. 1. С. 154–162. С. 157.

⁷ Марру А.-И. De la connaissance historique. 6th ed. P.: Editions du Seuil, 1954. P. 11.

⁸ Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. Пер. с фр. М.: Языки русской культуры, 2000 [1978]. P. 17.

Однако на исходе XIX в., когда история находилась в зените общественного признания, началось падение авторитета истории и преопределили его, в первую очередь, процессы становления научного исторического знания. Дело в том, что между 1870 и 1930 гг. произошла профессионализация истории. Историки стали писать для историков.

«Как это ни парадоксально, именно тогда, когда у истории появилось столько читателей, сколько никогда раньше не было, историки стали скромнее, чем когда бы то ни было. Популяризаторов оттеснили профессиональ»⁹.

Во второй половине XIX в. один за другим появляются профессиональные исторические журналы, предназначенные не для широкой публики, а для специалистов. Первый профессиональный исторический журнал *Historische Zeitschrift* начал выходить в Германии в 1859 г. Затем — *Revue Historique* (1876) во Франции, *Rivista Storica Italiana* (1884) в Италии, *English Historical Review* (1886) в Англии, *American Historical Review* (1895) в США. Профессионализация в целом проходила по немецкой модели. Не случайно первый выпуск *English Historical Review* открывался статьей лорда Актона «Немецкие исторические школы», а Л. фон Ранке был избран первым почетным членом Американской исторической ассоциации¹⁰. Понятно, что в целом профессионалы ориентировались, в первую очередь, на следование критериям научности и признание коллег, а не на успех у читателей или достижение прагматических политических целей. Они больше не обращались к образованной публике и пользовались уже другим языком. Литературное мастерство перестало рассматриваться как необходимый элемент профессии, выбор сюжетов и проблем также мало зависел от читательского интереса. В большинстве своем представители исторической науки отказались от претензий на роль философов и наставников в повседневной жизни и были достаточно безразличны к массовой аудитории.

В силу указанных обстоятельств между трепетным отношением к моральным урокам истории, характерным для прошлых поколений, и взглядами современников на полезность исторических познаний образовался большой разрыв. Историки уже не представляли особого интереса для власти, а власть — для них, поэтому историки не участвовали столь активно в политической жизни. Правильнее будет сказать, что они, если хотели, «подыгрывали» власти, хотя эти «игры» время от времени могли быть весьма серьезными, примером чему служит, например, пангерманская историография.

⁹ Зелдин. *Op. cit.* P. 157.

¹⁰ Iggers G. *The German Conception of History*. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1984. P. 28.

На самом деле отмеченная многими историками профессионализация была не первичным, а производным фактором, повлиявшим как на цеховое сознание историков, так и на общественные представления о задачах дисциплины. Главное же в том, что историческое знание стало специализированным в качестве научного знания о *прошлой* социальной реальности, дифференцировавшись от общественного знания в целом. С появлением социальных наук прагматическая часть знания о настоящем и даже о прошлом, необходимая для понимания настоящего, отошла к общественным наукам. В одних областях обществоведения знание о прошлом играет более существенную, в других – менее существенную роль. Но в любом случае, главное дело социальных наук – изучение настоящего, и весь «прикладной», практический эффект связан с решением этой задачи.

Соответственно, как только история перестала быть обществоведением, она неминуемо должна была потерять часть своего прагматического влияния, связанного с задачами, которые она решала на протяжении многих веков. За приобретение дисциплинарного суверенитета пришлось расплачиваться падением общественного престижа. В отношении исторического знания произошло в своеобразном смысле возвращение к точке зрения древних греков, для которых, как отмечал английский историк Дж. Покок, история во многом была упражнением в политической иронии, формой размышления о том, как действия человека производят результаты, противоположные намерениям¹¹.

Итак, мы акцентируем внимание на том, что исторический опыт XX столетия свидетельствовал не о невозможности учитывать уроки истории, как полагали и до сих пор думают многие историки, а о преимущественной востребованности экспертных оценок других социальных наук, анализирующих современность.

В ареале господства марксистской идеологии социальные науки на уровне теории не были столь дифференцированы – теория была для всех одна – и история на самом деле в гораздо большей степени сохраняла свое традиционное, обществоведческое, назначение. Последнее обстоятельство объясняет многочисленные попытки исторически осмыслить «путь» России, подъем националистических историографий и многое другое, отличающее жизнь нашего исторического сообщества от интересов западного исторического мейнстрима в последнее десятилетие. О способности преодолеть разрыв с западной исторической наукой сегодня, как нам кажется, можно говорить только применительно к небольшой части отечественных историков.

¹¹ Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton (NJ); L.: Princeton Univ. Press, 1975. P. 6.

Уступив значительную долю своего влияния социальным наукам в отношении прагматических задач, связанных с осмыслением настоящего, история тем не менее не выглядит лишенной общественного признания. Часть ее функций, напротив, активизировалась, отвечая иным общественным запросам, а именно: потребностям в знании об иной (альтернативной) реальности, которую история тоже традиционно удовлетворяла, наряду с религией (начиная с мифов) и искусством.

Ограничение презентистских задач исторического знания, произошедшее за последний век, конечно не означает, что его традиционные функции полностью экспропрированы другими социальными науками. Задача конструирования прошлого с целью объяснить или усовершенствовать настоящее в широком смысле по-прежнему решается в том числе и с помощью исторического знания. В том числе, но совсем не в той пропорции, что век назад.

Длинный и довольно цветистый список функций истории мы предлагаем свести к пяти ключевым понятиям: *поддержание образцов, легитимация, идентификация, эскапизм и историческая память*. Уже сами эти понятия выявляют значимость исторического знания как знания о прошлом всех трех подсистем социальной реальности (культуры, социальной системы и системы личности). Нам кажется, что такой подход дает возможность концептуализировать старую тему функций истории на уровне современной социальной теории и осмыслить, что произошло с функциями исторического знания именно в XX в.

2. Уроки прошлого

Поддержание образцов

Попытаемся показать, какие из традиционных функций истории подходят под рубрику «поддержание (задание) образцов». Прежде всего, сюда можно отнести морализацию и накопление социального опыта.

Смысловое поле истории индуцируется нравственными практиками, «общими понятиями о том, что “хорошо” и что “плохо”, что “желанно” и что “отвратительно”, что “допустимо” и что “неприемлемо”, которые целиком вытекают из *нравственных определений людей как людей*»¹².

Морализаторские задачи понимались как создание и закрепление в исторической памяти образцов моральной доблести, или преподнесение воспитательных уроков (этот список можно продолжить, открывая одно за другим исторические сочинения «о пользе и вреде истории»).

¹² Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. С. 298.

Жизнеописания царей, полководцев, поэтов стимулировались стоической философией, так как они позволяли наставлять людей с помощью примеров добродетельной жизни.

«В "Анналах" Тацит писал: "Я считаю главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчисленным словам и делам устрашение позором в потомстве" (62. Annal., III. 65)... Не трудно заметить, что Тацит подходит к истории не только как ритор, но и как исторический мыслитель. Его цель — оставить потомкам цепь исторических примеров политических пороков или добродетелей...»¹³

Со времен Тацита морализаторская тенденция преобладает в античной историографии, о чем свидетельствует сочинение его младшего современника Светония Транквилла «Жизнеописания двенадцати цезарей», а также «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Деяния» Аммиана Марцеллина. Задачи морально-политического наставления решались и при обращении античных историков к истории преступлений и злодеяний. В этих случаях пафос направлялся на обличение негативных «образцов», чтобы способствовать воздержанию от подобных поступков в настоящем и будущем¹⁴.

От античной историографии и от библейской традиции пристрастие к морализированию унаследовали средневековые историки. Биографии были откровенно дидактическими, то есть писались с целью представить образец христианского благочестия или гражданской доблести. У римских историков заимствовались и приемы поучения, путем драматизации действия, вставных речей и т. п.¹⁵ В последние столетия Средневековья список героев, достойных пера историка, приведенный в «Полихронике» Ранульфа Хигдена выглядел следующим образом:

...суверен в своем королевстве, рыцарь на войне, судья в суде, епископ среди духовенства, политик в обществе, хозяин в своем доме, монах в своем монастыре¹⁶.

Способность давать воспитательные уроки приписывали истории и в дальнейшем. Так, готовность соответствовать «лучшему в Риме и Греции», гуманистами Возрождения была возведена в ранг национальных достоинств.

Не стоит забывать и о том, что именно история обеспечивала «славу и бессмертие» тем, кто мог себе это позволить. В Греции Клио

¹³ Барз М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 72–75.

¹⁴ Ср. напр.: «Заговор Катилины» Саллюстия.

¹⁵ Косминский Е. А. Историография Средних веков (V в. — середина XIX в.). Лекции. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 28–30.

¹⁶ Цит. по Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1969]. С. 28.

была музой не только и не столько истории, сколько гимнической, т.е. прославляющей, поэзии. Этой функции истории придавалось самое серьезное значение в эпоху Возрождения. Так, Анджело Полициано

«серьезно предупреждает (1491 г.) короля Португалии Жуана, в связи с открытиями в Африке, чтобы он своевременно позаботился о славе и бессмертии и переспал ему во Флоренцию материал "для обработки"»¹⁷.

Античные образцы морального поведения в культуре Европы оказались столь устойчивыми, что стремление следовать им обнаруживается в европейских странах и в Новое время, являясь составной частью представлений о национальной доблести. Именно в определенных периодах римской истории находили примеры для подражания революционеры XVIII в.

Другим историческим источником моральных образцов в эпоху современности становятся анналы национальной истории. Например, французы накануне Революции 1789 г. искали модели героизма не только в античности, но и в собственном прошлом, создав пантеон героев, которые символизировали победоносные моменты в жизни народа. Фаворитами в этом смысле были Святой Людовик, Генрих IV, Людовик XII и Вильгельм Завоеватель. Важным событием в создании исключительно французского пантеона героев стала публикация исторической антологии «Иллюстрированные портреты великих людей Франции». Главным критерием для включения в список были патриотизм и вклад в развитие нации. За выдающиеся проявления патриотизма в издание включались и женщины¹⁸. Галерея историко-литературных портретов национальных героев прошлого на протяжении XIX в. создается во всех странах Европы в основном усилиями историков-романтиков (и, конечно, литераторов и художников).

Поскольку рационалистическая историография трактовала человека как статического героя исторической драмы, то исторические труды этого времени представляют собой просто кладезь примеров героического поведения и «моральных уроков» («упадок и падение», прежде всего, Римской империи, — очень модная тема морализирующей историографии). Во второй половине XIX в. морализирование в истории приобрело прямо-таки государственный характер. Выдающийся теоретик И. Дройзен, полемизируя с позитивистской позицией Г. Бокля, в определенном смысле отождествлял с «миром истории» «этический

¹⁷ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии: опыт исследования. Пер. с нем. М.: Юрист, 1996 [1860]. С. 99.

¹⁸ Shama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. London: Penguin Books, 1989. P. 32–33.

мир»¹⁹. Американские историки периода между Гражданской и Первой мировой войнами «золотым веком» считали ранние годы республики, и по этому стандарту оценивали свое время как эпоху деградации.

Традицию морализаторства в полной мере наследовала идеологизированная история, подчиняя установление отношений с прошлым еще и партийным целям. Национальное и социальное угнетение, существующее в настоящем, до сих пор стремятся обнаружить и в области исторической памяти, в которой принижена и искажена роль низов, женщин, этносов, меньшинств. В такой «восстанавливающей историческую справедливость» литературе важен элемент героизации не только главного коллективного персонажа, но и рассказ о выдающихся представителях тех или иных социальных групп. Так же, как либеральные историки пишут о созидательной роли буржуазии, а историки-марксисты представляют свидетельства славного прошлого пролетариата, женская история повествует об историческом вкладе выдающихся женщин, история меньшинств – о борцах за интересы меньшинств и т.д.

Вторую древнейшую функцию истории – практическую, т.е. накопление социального и политического опыта, – также можно трактовать как поддержание или задание образцов, выполняющее обучающие функции. На протяжении многих веков бытовало мнение, что, «если совершать такие-то социальные действия, то результат будет таким-то», хотя всегда существовали и скептики. В циклических концепциях исходным был тезис о повторяемости истории: поскольку история повторяется, то искусство политической деятельности воспроизводимо. В линейных – акцент делался на неизменную природу человека, которая неизменно проявляет себя в аналогичных обстоятельствах (или сама их воспроизводит). Выполняя функцию накопления политического опыта, история непосредственно выступала в роли политологии.

История, удовлетворявшая потребность в политической мудрости, начиная с «прагматической истории» Н. Макьявелли, предназначалась в основном для представителей власти. Например, в 1559 г. в Англии было опубликовано «Зерцало для правителей» – собрание стихотворных трагедий на исторические темы. И каждая трагедия, в основе которой лежала судьба какой-либо исторической личности, сопровождалась полезным прозаическим комментарием, указывавшим, какой исторический урок из нее можно извлечь²⁰.

В XVIII в. политическая история представлена уже именами Вольтера, Мабли, Э. Гиббона, историками шотландской школы, а Французская революция дает политической истории «зеленый свет». От ее современ-

¹⁹ Droysen J.G. Historik. 4 Aufl. München, 1960 [1958]. S. 402.

²⁰ Барз М.А. Шекспир и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979. С. 111.

ников А. Барнава и К.Ф. Вольнея и через весь XIX в. из-под пера историков (Ф.Д. де Монлозье, О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Токвиля, А. Тьера и др.) выходят «Истории Французской революции», осмысливавшие именно *опыт* революции, ее уроки. Если к этому добавить историографию вигов и тори в Англии и произведения «немецкой исторической школы», то понятно, почему XIX в. называют веком политической истории (и почему так ошутим был политический вес самих историков).

Действительно, опыт некоторых событий долго сохраняет свое значение. Французская революция 1789 г. служила моделью для революционеров XIX в. и в Европе, и в Латинской Америке. Попросту говоря, они знали, как подготовить революцию, как ее начать, и что будет потом. Революции готовились и планировались по «учебнику истории» и если «призрак коммунизма» «бродил», то революции вполне осмысленно распространялись по Европе, а затем и по миру, с учетом исторических уроков. Точно так же опыт революции 1917 года в России использовался революционерами более отсталых стран; «отсталость» перестала восприниматься как препятствие для «скачка в социализм», поскольку на вопрос «что делать» имелись исторически проверенные ответы. В XX веке каждый школьник знал, как важна революционная организация для подготовки революции и что следует, в первую очередь, занять здание парламента, захватить мосты, вокзалы, почтамт (а теперь еще и телецентр). Столь же важен для политических сил азиатских и африканских государств XX в. исторический опыт государственных переворотов (пусть даже на практике приходится импровизировать).

Один из последних по времени примеров уверенности историков (вернее историка и социолога) в повторяемости прошлого и в обусловленной этим актуальности знания истории, мы обнаружили в статье А. Согомонова и П. Уварова «Открытие социального». Их главный тезис состоит в том, что в конце XVI – начале XVII в. при жизни одного поколения было открыто абстрактное социальное мышление и «общество в этом смысле случилось внезапно и мгновенно». Глубокий, хотя и спорный, анализ возникновения социального авторы, как нам показалось, вполне серьезно, заключают следующим выводом: «На наших глазах рушатся концепции государственного суверенитета и национального государства. Мы, можно сказать, проваливаемся в *досовременную ситуацию*. А для понимания этих процессов гораздо важнее инструментарий и стиль мышления культурного антрополога, чем социолога²¹».

Если вдуматься, то верой в возможность использовать «уроки прошлого» во многом руководствуются и представители альтернативной истории и контр-истории, когда они выстраивают альтернатив-

²¹ Согомонов А.Ю. Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей, М.: Наука, 2001. С. 199–215. С. 212.

ное будущее от зафиксированного в прошлом события. Хотя интерес к тому, как иначе могло бы пойти развитие события, может быть чисто умозрительным, часто он связан с исторической практикой.

«Если мы хотим прочесть страницы истории, а не бежать от нее, нам надлежит признать, что у прошедших событий могли быть альтернативы. Некоторые из них можно расценивать как реакцию на совершенные ранее ошибки, которые будущее дает шанс исправить. Эти альтернативы – не отголоски человеческого чаяний и желаний, а упущенные по тем или иным причинам объективные возможности – иногда из-за отсутствия героя, иногда – коня, иногда – подковы, но в большинстве случаев – из-за недостатка ума»²².

Прагматических мотиваций в альтернативной истории можно встретить предостаточно, и объясняются они убеждением в возможности преодолеть в настоящем или будущем негативный опыт прошлого.

Значение знаний о прошлом, позволяющих поддерживать образцы, различно. В военной истории (опыт битв) удельный вес исторических знаний был традиционно велик, а в экономической – незначителен. Может быть, это связано с тем, что различные элементы социальной реальности меняются в разной степени – военная стратегия мало изменилась до I мировой войны, а экономика – очень сильно. Историческая социология временами демонстрирует настоящие «прорывы» в прошлое, результатом чего становятся мощные и влиятельные объясняющие теории. А знания, накопленные социальной историей, в основном воспринимаются как знания о «Другой» реальности. То же самое еще в большей мере можно отнести к исторической антропологии. В целом же возможности исторических объяснений настоящего сегодня существенно уступают потенциалу других социальных наук.

Легитимация настоящего

К задачам легитимации социального порядка, конечно, относится потребность в самоутверждении, которую издавна удовлетворяет история. Великие *exempla*, в воспоминании о которых мы утверждаем самих себя, издревле культивировало каждое общество. Самые распространенные способы легитимации в исторических исследованиях – героизация прошлого или, наоборот, его забвение и преодоление.

Национальные движения в Европе использовали историческое мифотворчество, культ национальных героев как свое главное оружие. Становление национальных государств, формирование национального самосознания, подъем национализма – все эти процессы стимулировали легитимизирующую функцию истории.

²² Хук С. «Если бы» в истории [1943] // THESIS, 1994. Вып. 5. С. 214–215.

Когда в XIX в. в историографии утвердился вариант исторического исследования, в котором обосновывалась положительная роль государства и власти и политическая история надолго стала бесспорным лидером историографии, задача легитимизации государственных интересов формулировалась совершенно открыто. Свое классическое решение она нашла в немецкой исторической школе, а наиболее откровенное – в пангерманизме начала XX в. Пангерманисты пытались исторически обосновать внешнеполитические цели империалистических кругов Германии в конце XIX – начале XX в. Так, например, немецкий историк Д. Шефер был одним из самых деятельных пропагандистов в Пангерманском союзе, во флотском Ферейне, в Военном союзе и других подобных организациях. Шефер стремился, как он писал позднее в своей автобиографии, подготовить немецкий народ к войне «плановмерно от первого до последнего человека»²³. Этой цели подчинялись его исторические труды. В 1897 г. он опубликовал по заказу Министерства морского флота работу «Германия на море», обосновав необходимость создания мощного военно-морского флота. В дальнейшем его основные работы «Мировая история Нового времени» (1907) и «Немецкая история» (1910) рассматривали участие в борьбе за мировое господство в качестве главной цели Германии.

Давно я вынашивал мысль написать историю Нового времени, начиная с эпохи великих географических открытий, когда взгляд европейца простерся на весь земной шар во имя его раздела. Имперским морским ведомством было высказано настоятельное пожелание иметь такую краткую историю. Так мысль стала делом... Немцы в 1870 г. наконец-то создали империю. Мне было ясно, что их роль в будущем будет зависеть от участия в борьбе за господство над миром... Помочь этому – такова была цель, которую я преследовал при написании «Мировой истории Нового времени»²⁴.

Примат государства и политики, характерный для господствующей школы в немецкой историографии конца XIX – начала XX в., тоже имел идеологическую подоплеку. Для Шефера именно государство являлось средоточием истории, и именно немецкое государство, созданное Бисмарком, было прототипом современного государства. Отсюда вытекала уже методологическая посылка о том, что исследование, не сфокусированное на государстве и государственной политике, будет неизбежно ущербным. Более того, Шефер отрицал даже плодотворность изучения политической истории, с точки зрения внутриполи-

²³ Schäfer D. Mein Leben. Berlin-Leipzig, 1926. S. 149.

²⁴ Хук С. Указ. соч. С. 214–215.

тических интересов или социальных отношений, так как считал приоритетными внешнеполитические задачи государства²⁵.

Исторические интерпретации придают убедительность не только государственной политике. Они используются и для обоснования идеологических проектов будущего общественного устройства. Необычайно высоко оценивается роль исторической легитимации в идеологиях, траектория социальных концепций которых прочерчена от прошлого через настоящее к будущему. В силу своей темпоральной конструкции идеологии вообще не могут обойтись без собственных интерпретаций прошлого. Это касается и истории государства в целом, и истории отдельных социальных и этнических общностей, и трактовки конкретных ключевых событий (например, истории революций, реформ, войн).

Изредка случались исторические метаморфозы по отношению к прошлому в рамках одной идеологии. Во время Великой Отечественной войны возникла потребность мобилизовать героические образцы прошлого, до того, в соответствии с марксистской догмой, преданного забвению как «предыстория». В исторической и художественной литературе, по указанию Сталина, началось возрождение фигур русских полководцев и царей, «сыгравших прогрессивную роль в истории». Вождь, однако, мыслил еще масштабнее, понимая необходимость конструирования прошлой реальности, способной легитимизировать претензии на всемирно-историческое значение всего происходящего в СССР. На совещаниях историков с участием секретарей ЦК ВКП(б) в 1943—44 гг. формулируется установка, согласно которой

«Россия должна отныне восприниматься миром как исторически наиболее прогрессивная страна, игравшая во все переломные моменты исторического развития Европы ключевую роль: она остановила реакционную экспансию немецких и шведских феодалов; она спасла Европу от нашествия татаро-монголов; она ограничила османскую агрессию и затем сыграла важную роль в освобождении балканских народов; она разгромила армии Наполеона; она внесла решающий вклад в срыв империалистических планов Германии в годы первой мировой войны и, наконец, избавила мир от фашизма. Естественно, отсталая и реакционная империя не могла бы справиться с подобными задачами. Поэтому перед историками встает проблема существенного изменения исторического облика России и славянского мира в целом»²⁶.

С функцией исторической легитимации тесно увязаны такие задачи как оправдание; мы не будем утомлять читателя многочисленными примерами того, что часто так и называют «историческое оправдание». Его более новая версия —

²⁵ См. Iggers G. Op. cit. P. 33.

²⁶ Логунов А. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. М., 2001. С. 46.

оправдание». Его более новая версия – «преодоление прошлого», процесс, в котором активно участвуют историки. Это важная прагматическая социально-политическая задача: «преодоление» необходимо для легитимации настоящего. Понятие появилось в 1960-е годы в Германии, но сама функция существовала задолго до того²⁷.

Во Франции «преодолевали» угнетающее прошлое итогов Семилетней²⁸, а затем и Франко-Прусской войны. После поражения в последней французские историки сформулировали задачу идейного обеспечения национального единства. В частности, в 1876 г. Г. Моно писал:

Изучение прошлого Франции ... имеет ныне национальное значение. С его помощью мы можем вернуть нашей стране единство и моральную силу, в которых она нуждается²⁹.

Напомним также о важности темы «преодоления фашизма» в немецкой историографии, о последовательных процессах демонизации и демистификации фашизма. Полувековой процесс морального освобождения от нацистского прошлого, избилующий эмоциями и сменой ориентиров, сам стал темой уже не одного научного исследования³⁰.

В России конца 1980-х – начала 1990-х гг. именно социальный заказ на новое историческое знание с целью преодоления прошлого на какое-то время сделал занятие историей чрезвычайно популярным. Характерно, что в то время одни историки полагали возможным вернуться к некоей точке в прошлом и пойти по альтернативному пути, который и пытались спроектировать, а другие были больше озабочены моральными проблемами: покаянием, организацией «Нюрнбергского процесса» над КПСС, поисками «дороги к Храму», делением на «чистых и нечистых» и т.д. Десять лет спустя российская власть привлекает историков к поискам «национальной идеи».

Идентификация

Задачу идентификации решает, например, такая известная функция истории как удовлетворение потребности личности и общества, вплоть до «человечества», в самопознании. Приведем лишь два высказывания на эту тему, сделанных с интервалом примерно в двести лет.

²⁷ В Англии уже в XVII в. возникает концепция «национального греха» (Samuel R. (ed.) *Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity*. 3 vols. London and New York: Routledge, 1989. P. 55.

²⁸ Shama S. Op. cit. P. 32.

²⁹ Monod G. Du progrès des études en France depuis le XVIe siècle // *Revue historique*. Т. 1. 1876. P. 5–38. P. 5.

³⁰ Подробнее см.: Борозняк А.И. *Искушение: нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?* М.: Пик, 1999. Характерно само название работы, которое содержит несколько ключевых для данной темы слов.

Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам³¹.

...Для чего нужна история? Для человеческого самопознания... Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет³².

Изучение национальной истории издавна было не только познавательным, но и сугубо прагматическим занятием.

Римские историки первой половины II–I вв. до н.э. писали всегда с четкой целью, исходя из политической и идеологической доктрины, согласно которой римский народ (*populus Romanus*) един в своих целях и возвышается над всеми другими народами благодаря свойственной ему доблести (*virtus*). Эта патриотическая установка соответствовала политическим амбициям государства, поздно вышедшего на историческую арену и уверенно шедшего к созданию мировой империи... Стремление прославить Римское государство, его обычаи и законы приводило к пренебрежительной оценке других народов, не сумевших оказать отпор римскому натиску. Желание представить римский народ сплоченным в осуществлении исторических целей заставляло закрывать глаза на социальные и политические конфликты истории Рима эпохи гражданских войн, а также предшествующего времени³³.

С утилитарными целями испокон веков изучались соседи и враги: обращение к «своему» и «чужому» прошлому выполняло функции формирования образа «своего» и «их» настоящего³⁴.

Максима *Nosce te ipsum* (познай самого себя) применительно к задачам идентификации народа и государства оказалась более всего востребованной для решения задач формирования национальной идентичности в период становления национальных государств.

Главной отличительной чертой исторического сознания Нового времени стала его «национализация». Как и многие другие политически актуальные темы, «нация» проблематизировалась совокупными усилиями деятелей искусства, философов и обществоведов, но мы обратим внимание на особую активность и специфическую роль исто-

³¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978 [1752]. С. 10.

³² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории [1946] // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. М.: Наука, 1980. С. 13–14.

³³ Немировский А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. С. 185.

³⁴ Описания жизни народов «уже в Римской империи сделали базой «искусства управления народами», служили пособием для властей по вечно актуальному «национальному вопросу», а также по внешней приграничной политике. Традиция такого целенаправленного изучения из соображений политических была доведена до совершенства в Византии, в частности в труде императора Константина Барянородного «Об управлении империей» (Лурье 1997. С. 12).

риков XIX – начала XX в. в становлении национального сознания. Задача эта была совсем не так проста, как может показаться сегодня:

Когда в 1864 г. инспектор образования задал вопрос детям в деревенской школе в горах Лозера: «В какой стране расположен Лозер?» – ни один из детей не знал ответа. «Вы англичане или русские?» – спросил он. Они не знали. Этот случай, произошедший в отдаленной части Франции, показывает, что французы лишь очень постепенно понимали свою национальную принадлежность³⁵.

Национальная история стала важной частью школьного обучения. Убеждение в продолжении национального прошлого и идентификация с ним, увековечение героев и событий национальной истории – революций, военных побед, освобождения – все это входило в число задач обучения национальной истории³⁶. Вклад историков в знание о нации начинается с творения самого понятия и соответственно его прошлого. Задействованность историков в изучении этой проблемы определяется, как минимум, двумя особенностями объекта исследования. Нация – это макро-объект, охватывающий социальную и культурную систему на значительном географическом пространстве и в большом интервале времени. С одной стороны, основные аспекты национальной проблематики – социальные и культурные факторы формирования национального государства, язык, этнос, культура, историческое сознание, сознание территориальных границ, связи с предками – всегда присутствовали в поле зрения историков. С другой стороны, сама традиционность, консервативность, долговременность феномена делает его «историчным».

Национализм представляет собой явление глубоко «историческое» по самому своему характеру; мир в его свете видится как плод взаимодействия различных сообществ, каждому из которых свойственны уникальные черты и своя собственная история и каждое из которых есть результат своих собственных истоков и своего особого пути развития³⁷.

В то же время «большие темы» национальной истории: дух нации, исторические корни нации, исторические судьбы нации, национальный характер – находятся в поле зрения национализма. Темпорализация национального сознания проходила в соответствии с политическими задачами создания национальной идентичности, воспитания чувства национальной гордости, мобилизации нации для решения государственных задач, которые нередко так и называли «историческими». В каждой на-

³⁵ Zeldin Th. France 1848–1945. Intellect and Pride. Oxford etc.: OUP, 1980. P. 3.

³⁶ Shils E. Tradition. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1981. P. 59.

³⁷ Смит Э. Национализм и историки // Нация и национализм. Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. С. 236–263. С. 236.

циональной истории есть свои герои, у каждого народа – свой Пантеон, а национальная принадлежность некоторых исторических личностей является таким же предметом спора, как и приграничные территории. Свод национальных побед и галерея портретов национальных героев в исторической литературе, наряду с художественной, – основа конструирования национального характера и материал для воспитания национальной гордости, уроков патриотизма. Именно национальные истории, отражая самим фактом своего появления процесс образования национальных государств, послужили основой и для массовых образовательных программ, и для политической пропаганды, предлагая версии исторических судеб нации и национальных задач.

Тенденциозность национальных историй начинается уже с вопроса о происхождении нации. Ангажированные историки без видимых мук преодолевали такую известную коллизию, как объективная современность наций в глазах историка против их субъективной древности в глазах националиста. Создание национальных историй не обходится без мифологического дискурса в целом, а тем более, когда речь идет о поисках корней, уводящих в далекие времена. Нередко конструирование «начала» осуществляется с помощью различных теорий особого происхождения «своего народа», надо сказать поражающих изобретательностью и одновременно какой-то первобытной наивностью.

В становлении национального сознания большую роль играл фактор «крови», «расы» как биологической основы общности. В националистической историографии XIX в. на базе расовых теорий произошло возрождение архаики (свои-чужие, мы-они). Апелляция к прошлому в целях формирования национальной или этно-групповой идентичности почти всегда опирается на конструкцию этногенетического мифа.

Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории – когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя свой прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда на данной территории пришельцы разного этнического происхождения сплачиваются в новую этническую группу и, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору³⁸.

³⁸ Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М.: Историч. ф-т МГУ, 1999. С. 118–150. С. 125.

Особое значение создание образа нации имело для стран, пребывавших в состоянии национальной раздробленности (Германии, Италии) и угнетенных народов европейских империй. Там изучение и возрождение национального прошлого, фольклора, мифов возводилось нередко в ранг национальных приоритетов и предельно политизировалось. Тема национального величия была ведущей темой европейских историков до 1914 г. Эта тенденция в целом ослабевает после Первой мировой войны, но не везде. В Германии после поражения националистические задачи пропагандировали даже очень известные историки (прежде всего, входившие в кружок Георге), убежденные, что «история должна служить жизни, а именно: национальной вере, <а> «истина» определяется через нацию и через «немецкость»»³⁹.

До сих пор от исторической интерпретации очень сильно зависит система международных отношений, особенно если речь идет о неудовлетворенных территориальных притязаниях той или иной страны (наглядный пример – Курильские острова). Точно так же вопросы «кто когда на кого напал» или «кто первый начал» до сих пор страстно обсуждаются не только на исторических конгрессах, но и на политических форумах. А в критические для национального существования моменты историки нередко участвовали в прямой политической пропаганде. Беспристрастность «научной» истории в очередной раз была разоблачена во время франко-прусской войны, «когда тяжелые орудия обеих сторон» – французский историк Ф. де Куланж и немецкий историк Т. Моммзен – использовались для доказательства того, что Эльзас соответственно принадлежал французам и немцам⁴⁰.

Как заметил Шилз, образы прошлого определяют поведение индивидов разных национальностей. Американский еврей и американский ирландец, например, реагируют на разные события в мире, даже если никогда не жили на исторической родине⁴¹. Групповая идентификация особенно активизировалась в западных странах в последние десятилетия. Если раньше в центре внимания были процессы аккультурации, то ныне на первый план выдвинулись концепции культурного и социального разнообразия⁴², которые поддерживаются стремлением к «политической корректности». Отсюда идет своеобразный бум историй различных меньшинств, инициируемый, в первую очередь, представителями самих этих меньшинств, хотя и не только ими.

³⁹ Цит. по: Эжеле О.Г. Немцы не в ладу с современностью // Одиссей, 1996. С. 230.

⁴⁰ Conkin P.K. The Heritage and Challenge of History. N.Y.–Toronto, 1971. P. 79.

⁴¹ Shils. Op. cit. P. 53.

⁴² См.: Гёрц К. Польза разнообразия [1986] // THESIS, 1993. Вып. 3. С. 168–184.

Формальная универсальность нации как социокультурного понятия делает ее весьма достойным предметом для историка. В то же время политизированность и во многих случаях болезненность национальной проблемы в настоящем превращает национальную историю в один из самых конъюнктурных сюжетов, весьма пригодный для демонстрации типичных грехов исторического знания. Происходившее во второй половине XX в. отступление политической истории, а затем и ее кризис, который она преодолевает уже в рамках «новой политической истории», во многом связывались именно с пристрастностью, партийностью и тем самым вненаучностью государственной и национальной истории.

Если взглянуть на панораму социальных наук, то очевидно, что политические проблемы современности переходят в ведение политологии, этнологии, отчасти социологии. Модными становятся такие проблемные дисциплины, как глобализм или мультикультурализм. Преобразившаяся политическая история наконец-то не претендует на трансляцию актуального опыта. Если кто-то сейчас изучает механизмы власти в Средневековье, то не с целью предложить образцы для воспроизведения, а для того, чтобы определить, насколько они отличны от современных (или сходны с ними). «Национальных задач и обязанностей» у представителей «новой политической истории» сегодня нет⁴³.

Эскапизм

Утрата историей одних традиционных функций сопровождалась усилением значимости других, почти столь же традиционных. Прежде всего, речь идет о такой функции истории, которую мы называли эскапизмом. Она в явном виде известна, как минимум, уже человеку Ренессанса. Еще Петрарка поставил прошлое над настоящим, он пытался бежать от настоящего, забыть «эти места, эти времена и эти обычаи» и возродить римское прошлое⁴⁴. (И не только возродить, но и прожить его, как видно из его писем). А человеку, который устремляется в прошлое, неважно по каким мотивам, необходимо знание о нем.

Потребность в знании о другой реальности может существовать как в связи, так и вне связи с историей или прошлым вообще. Например, она может объясняться любознательностью (как живут

⁴³ Между тем, например, в 1920-е гг. даже такой известный академический историк, как Канторович, упрекал немецких медиевистов в том, что они оказались «абсолютно несостоятельными» на протяжении жизни нескольких последних поколений, особенно после образования Германской империи в 1870–1871 гг., «полностью устранившись от выполнения национальных задач и обязанностей» (цит. по: Эксле. Указ. соч. С. 229).

⁴⁴ Burke P. The Renaissance Sense of the Past. N.Y.: St. Martin's Press, 1969. P. 21.

Другие?). Существует и такой феномен, как стремление переместиться в иную реальность. Это как давно освоенный уход «из мира» в иное географическое или социальное пространство – на чужбину, в пустынь, скит, в коммуну, в народ и т.д., так и ренессансная тяга к жизни в Античности. Поскольку в Новое время историческое прошлое постепенно приобрело статус Другого, человек XX века знает, что бессмысленно писать письма Титу Ливию. Но, движимый по сути той же потребностью, он взаимодействует с прошлым не активно, а пассивно, читая сочинения о Другой (прошлой) реальности.

Конструирование прошлого (знание о прошлом) как другой, качественно иной реальности имеет давнюю традицию (она возникает в рамках мифического знания). В большинстве известных нам культур создается образ некоего прошлого, существенно отличающегося от настоящего. Прежде всего, это так называемое «мифическое время» (время первотворения), которое позднее дополняется «героическим временем», лежащим на границе между «мифическим» и «эмпирическим» временем. Эти представления о времени первотворения и времени «героев» переходят в развитые мифологические системы (Греция – Гесиод и др.), а затем и в христианскую религию, в которой, впрочем, «мифическое» прошлое сокращается до нескольких дней.

Подобная же конструкция «другого» прошлого существует, например, в сказках и отчасти в легендах. В рамках более специализированных систем знания «другое» прошлое описывается, в частности, у Платона (Атлантида), и это описание уже является не чисто мифическим, но, с некоторой условностью, может быть отнесено к философскому или протоидеологическому знанию. Наконец, конструирование альтернативной прошлой реальности было вполне узаконено в искусстве (литературе, драматургии, живописи, скульптуре и т.д.).

История традиционно удовлетворяла потребность в знании об иной реальности, наряду с религией (начиная с мифов) и искусством. Так, историки-романтики объясняли интерес к прошлому тем, что оно – другое (еще не с заглавной буквой!). Но романтики все же сильно увязывали прошлое с настоящим, относились к нему крайне эмоционально и старались убедить в необходимости сохранить его.

Однако конструирование «другого» прошлого в рамках научного знания до последнего времени было мало распространено. Скорее искали связь с современностью: прошлое актуализировалось, его конструкция была приближена к конструкции сегодняшней реальности или различалась определенными отдельными элементами, которые наглядно демонстрировали, чем настоящее отличается от прошлого.

Прорыв был совершен медиевистами – специалистами по раннему Средневековью. Именно они первыми начали конструировать иную прошлую реальность – варварскую, а не христианскую. В основе этого подхода лежит фундаментальная посылка о том, что в прошлом люди иначе *действовали*, потому что иначе *думали*. Затем такой подход распространился и на позднее Средневековье, и на раннее Новое время.

Произошла революция по отношению к прошлому. Историзация прошлого заключается в его сохранении – не потому, что прошлое прекрасно, существенно или актуально, но по той единственной причине, что оно «интересно»⁴⁵.

В результате знания, генерируемые общественными науками и историей, в разной мере удовлетворяют потребности в объяснении и описании. Применительно к современной реальности существует потребность понять, что происходит. Соответственно, нужно, чтобы человеку растолковали, что совершается буквально «у него на глазах», концептуализировали событийность, объяснили взаимосвязи и механизмы происходящего. Это проявляется даже на уровне средств массовой информации. Аналогичные практические запросы предъявляют политики, бизнесмены и т.д. Прагматические потребности стимулируют развитие аналитического знания вплоть до самого высокого уровня.

Надобность в знании об иной реальности имеет совершенно иной характер⁴⁶. Уход от настоящего, возможность расширить пространство, задаваемое жизненным опытом, погрузиться в мир фантазий и т.д. не является сугубо прикладной потребностью, соответственно, возникает нужда не в объяснении иной реальности, а в ее описании. Как мы уже отметили, эта потребность, безусловно, присутствует давно, именно она объясняет огромный интерес к историческому роману, историческому детективу, историческим биографиям, увлекательно написанным научным историям и даже к публикациям исторических документов⁴⁷. Все это может быть прочитано без всякого намерения «учиться жизни», «брать уроки морали», «преодолевать прошлое» или «познавать себя и свое общество через опыт истории», а с единственной целью перенестись в другую реальность (здесь возможна аналогия с притягательностью научной фантастики или виртуальной компьютерной реальностью).

Конструкция иной реальности также подчиняется определенным правилам. Это четко видно на примере литературы. Весьма характерно,

⁴⁵ Браг Р. Европа, Римский путь. Пер. с англ. М.: Аллегро-Пресс, 1995. С. 89.

⁴⁶ См. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. С. 20-25.

⁴⁷ Подробнее см. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом как проблема социологии знания // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 5–28.

что именно здесь велико влияние постмодернизма. Традиционно иная реальность должна в некотором смысле также выглядеть как реальность (художественная, сказочная, виртуальная и т. д.). Правила иные, но задача та же – конструирование картины мира (или реальности).

По мере дифференциации истории от других социальных наук баланс в ее функциях в пользу эскапизма, удовлетворения потребности ухода в другую реальность становится все более отчетливым, особенно в последние десятилетия. Отсюда – интерес профессионалов и непрофессиональных читателей не к «Истории», а к *историям*. Ответом на него стало появление множества новых исторических субдисциплин. Такое перепрофилирование никак не способствовало возрастанию общественно-политической роли истории, зато вызвало к жизни феномен нового исторического бестселлера – научного сочинения на «узкую» тему «другого прошлого»: одной деревни или одного человека. Подобные сочинения поднимают публичный престиж исторической науки, хотя удовлетворяют при этом совсем другие потребности.

«Историческая память»

Вышесказанное, конечно, не отменяет других причин заинтересованности общества в развитии исторического знания, а также политических амбиций самих историков. Часть влиятельных историков тоскует об утраченных общественных позициях и, видимо, считает неадекватной роль представителей своего цеха в принятии политических решений. Однако речь теперь идет, прежде всего, не о способности истории «учить жизни» на опыте прошлого, а о состоятельности ее экспертных оценок. Л. Стоун пишет:

...Только продемонстрировав политикам и общественности, что нам есть что сказать важного, интересного и полезного, мы, профессиональные историки, сможем добиться процветания в обществе, все более обращающемся к технике за рецептами быстрого решения своих проблем, и к мифотворцам, левым или правым, за уверенностью и надеждой⁴⁸.

Назовем три главные причины настойчивого желания историков оставаться экспертами по «настоящему», невзирая на конкуренцию социальных наук: роль традиции (они давно этим занимаются); невозможность абстрагироваться от социальной реальности (стремление продлить прошлое в настоящее, а настоящее в прошлое – поиски в прошлом тех следов, которые как цепь причинно-следственных связей прямо ведут к настоящему); стремление к более сильным социальным позициям (оружловское «прошлое – важнее» – слабое утешение для тех, кто хочет быть причастным к принятию решений).

⁴⁸ Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 160–176. (С. 175).

Стремление оказывать влияние на современное общество реализуется ныне в таком недавно проблематизированном историками направлении как «историческая память». Разрабатывая тематику исторической памяти, историки, естественно, немалое внимание уделяют определению ее общественного значения, механизмам формирования и другим социальным аспектам, безусловно, связанным с задачами исторического сообщества.

«Историческая память» по-разному концептуализируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как социальная память о прошлом, как синоним исторического сознания. Не вдаваясь в анализ концепций и определений, отметим, что мы под исторической памятью понимаем представления о прошлом, существующие в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их образный, когнитивный и эмоциональный аспекты.

Эти представления складываются на основе самых разных видов знания и нельзя с уверенностью утверждать, что история играет в этом процессе ведущую роль, поэтому термин «историческая память» отчасти вводит в заблуждение. Достаточно обратить внимание на то, что рядовой человек, не причастный к цеху историков, черпает свои знания о прошлом и из обыденного знания (например, в семье), и из искусства (преимущественно массового), и в религиозном учении, и в идеологических построениях (если он религиозен или идеологизирован). Соответственно и на массовом уровне историческая память совсем не тождественна историческому знанию. Но в современных обществах, в отличие от традиционных, функция истории, по нашему мнению, состоит в том, что она выполняет роль каркаса исторической памяти, существенно участвуя в формировании «социальных рамок памяти» (понятие, введенное М. Хальбваксом⁴⁹).

Общество нуждается в том, чтобы каждый его участник чувствовал неразрывную связь с историей и включал себя в историческое, аксиологическое и географическое пространство как своей страны, так и мира в целом. М. Блок писал:

...в отличие от других наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все – наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами... Наше искусство, наши литературные памятники полны отзвуков прошлого, с уст наших деятелей не сходят поучительные примеры из истории, действительные или мнимые... Всякий раз, когда наши сложившиеся общества, переживая беспрерывный кризис роста,

⁴⁹ Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. P.: Albin Michel, 1994 [1925].

начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали⁵⁰.

Хотя «без забвения жить вообще невозможно», но полное забвение называется амнезией, это тяжелая болезнь и для личности, и для общества. Вряд ли такая угроза существует, вряд ли вообще можно говорить о падении интереса к прошлому. Против этого свидетельствует массовое увлечение местной историей, историческими памятниками, музеями, генеалогией, документалистикой. Конструирование социальной реальности включает в качестве необходимой составляющей установление отношений с определенными событиями прошлого, которые запоминаются или не запоминаются. Историческая память, хранящая значимые события, в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую в традиционном обществе обеспечивала традиция.

Важнейшим источником приобретения и систематизации исторических знаний является образование, прежде всего школьное. Мы уже говорили о том, сколь важным считалось обучение истории для формирования национального сознания, чувства патриотизма, тех или иных идеологических взглядов. Но знание истории с античных времен признавалось необходимой составляющей овладения культурным наследием, а с эпохи Ренессанса – элементом классического образования. Непременное для образованного человека владение сведениями о прошлом, в том числе и блестящие познания в области античной истории, стали устойчивой традицией раннего Нового времени. Эта традиция была унаследована и поднята на еще более высокую ступень в эпоху Просвещения. Историки не только обеспечивают общество знанием, на котором базируется обучение, они участвуют в создании образовательных программ, в написании учебников и в преподавании истории. (Правда, многочисленные опросы социологов свидетельствуют, сколь причудливое «знание» запечатлевается в итоге всех этих усилий в индивидуальной исторической памяти.)

За пределами системы образования историки выполняют более общие «просветительские» функции, участвуя в создании музейных экспозиций, комплектовании библиотек, организации коммемораций, принятии решений о реставрации зданий и памятников (или их сносе). Указанные виды активности историков в немалой степени определяют содержание исторической памяти.

Задачи формирования исторической памяти решаются и на уровне государства, включая такую сферу деятельности как «поли-

⁵⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. Пер. с фр. М.: Наука, 1986 [1949]. Р. 7–8.

тика памяти», направленную на создание «нужного» синтеза настоящего с прошлым. Упомянутые острые дискуссии о забвении, преодолении, возвеличивании прошлого тоже вносят немалый вклад в «политику памяти». И здесь важно подчеркнуть не только содержательные моменты актуальных для общества исторических дебатов. Следствием того, что сама историческая память с недавних пор стала предметом исследования историков, являются попытки, в том числе и специалистов по политическим технологиям, применить научные знания, накопленные в этой области, для более осмысленного влияния на общественное сознание. По отношению к событиям прошлого индивиды выступают в качестве реципиентов готовых исторических формул, которые, как отмечает В. Нуркова, «весьма разнообразны – от примитивных пропагандистских лозунгов до изощренных политических технологий, учитывающих психологические особенности каждой адресной группы»⁵¹.

Говоря о механизмах формирования исторической памяти, еще раз подчеркнем, что историческое знание далеко не всегда усваивается непосредственно. Оно транслируется в другие области знания, а затем в какой-то части становится доступным через них. Достаточно напомнить, что, например, одни литературные произведения сами служат источником знаний о другом времени, так как принадлежат ему, а другие – «исторические» – опираются на освоенное художником историческое знание. Во всех подобных случаях историк выполняет функцию посредника, но на результат повлиять не может (если, конечно, не выступает в качестве научного консультанта фильма, спектакля или перформанса).

Понятие исторической памяти – это не метафора, на эмпирическом уровне – это прежде всего проблема памяти индивида, то есть проблема психологической науки. Для исторической памяти, так же как для других типов индивидуальной памяти, существенны как раз интерес и актуальность, т.е. связь с прагматическими потребностями настоящего. В этом смысле историческая память а-исторична, ибо в ней в известном смысле стирается Другое время. Как писал Ф. Шатле:

...Если верно то, что прошлое событие уходит безвозвратно, и что это обстоятельство конституирует его сущность, так же верно и то, что его «прошлость» отличает его от любого другого события, которое может напоминать его. Идеи о наличии повторов в истории... о том, что «ни-

⁵¹ Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М.: МАКС-Пресс, 2001. С. 20–33. С. 23.

что не ново под луной» и даже о том, что мы можем научиться у прошлого, могут иметь смысл только для неисторического сознания⁵².

Действительно, историческая память, согласно Шатле, базируется именно на неисторическом сознании, так как стимулом для нее, бесспорно, является возможность, опираясь на «образ прошлого» и знание о прошлом, лучше ориентироваться в настоящем.

Мы стремились показать, что существует масса мотивов для конструирования прошлого и, соответственно, сохраняется множество функций истории. Хотя специализация истории как знания о прошлой социальной реальности объективно сильно дезавуирует «практическую значимость» исторических трудов, тем не менее интенция легитимизировать (объяснять, оправдывать) настоящее, опираясь на знание о прошлом (прославлять, «преодолевать» или обвинять прошлое), остается востребованной. Когда «болезненные» проблемы настоящего объясняют историки, это понятнее «народу», чем когда то же самое делают социологи или экономисты с их категориальным аппаратом, специфическим языком и т.д.

Устойчивая вера в то, что в прошлом можно найти ответ на любой нерешенный вопрос в реальной жизни (поддержание образов) – источник соответствующих запросов историческому знанию.

Сохраняется особая роль историков в становлении национального сознания и национальной идентичности там, где существует соответствующая потребность и политический заказ. При этом некоторые историки занимаются не только изучением национального характера, но и претендуют на участие в его формировании. И то, и другое оказывается вполне возможным и в рамках науки, и за ее пределами. Проблема идентификации решается с помощью исторических сочинений и вне национального или этнического поля. История, позволяющая в определенном смысле «жить в прошлом», может быть важным элементом идентификации не только с национальным государством, но и с определенной группой или стратой общества.

Понятно, что во всех этих случаях речь идет о воздействии на массовое сознание (политическое, национальное) путем активного формирования исторической памяти. В этой зоне история взаимодействует с не научными формами знания о прошлом: идеологией, философией, искусством, религией. Бесспорно, работа на публику видоизменяет облик исторической профессии, предъявляя иные требования к форме исторических сочинений

⁵² Châtelet F. La naissance de l'histoire: La formation de la pensée historienne en Grèce. Paris, 1962. P. 11.

требования к форме исторических сочинений (риторике). С одной стороны, они должны быть доступны по форме, увлекательны и понятны. С другой – совсем неплохо иметь приметы «тайного знания», недоступного непосвященным. Поэтому в одних сочинениях культивируется доступность, а в других – эзотерическая таинственность научного жаргона, заменяющего научную терминологию.

И все же, несмотря на недавно осознанную роль историков в формировании исторической памяти, не следует, как нам кажется, акцентировать «возвращение» историка в современность. Основное изменение состоит, по нашему мнению, в том, что общество сегодня не столько требует от историка объяснений настоящего через прошлое (их, не очень докучая прошлым, предлагают другие социальные науки), сколько ждет описаний иной реальности, «хороших и разных», но исполненных по канонам исторической профессии. Может быть, последнее обстоятельство отчасти разъясняет преобладание метода описания над объяснением в историографии, что иногда трактуется как «теоретическая отсталость», а иногда как специфическая внеположенность истории по отношению к любому виду знания.

Рольф Торстендаль (Швеция)

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИИ В ПОЛИТИКЕ

Частное и публичное использование истории

Существует целый ряд книг под заголовком «Использование истории» или «Использование истории и злоупотребление ею», причем последнее вызывает незаслуженно большой интерес.

Использование истории для того, чтобы получить пост-преподавателя на кафедре истории в университете – совсем не то же самое, что использование истории в выработке политического курса. В частности, некоторые из президентов США, кажется, понимали, что история полезна для них как для правителей. Они приглашали в число своих сотрудников известных историков, как поступил Джон Кеннеди с Артуром Шлезингером-младшим, или имели в качестве своих советников людей, обладавших вполне определенными взглядами на (недавнее) историческое прошлое. Я имею в виду Джорджа Ф. Кеннана и Фрэнсиса Фукуяму (хотя и не уверен, можно ли рассматривать последнего как советника), или Кондолизу Райс в нынешней президентской администрации. Когда такие советники используют историю, они делают это совсем не так, как студент, стремящийся стать преподавателем и потому прилагающий дополнительные усилия в работе над диссертацией.

Итак, существуют разные виды использования истории. Главные из них, упоминающиеся в литературе по данному предмету, могут быть обозначены как использование в карьере, личное использование с целью стать более совершенным человеком, приобретаю более глубокое понимание происходящего в мире, образовательное использование как инструмент, заставляющий других понимать мир, идеологическое использование истории, побуждающее людей видеть развитие событий в «правильной» перспективе (с точки зрения автора или оратора), политическое использование, тесно связанное с сокрытием и обнаружением тайн прошлого, или же созданием памятников прошлого и т.п. Примечательно, что те, кто пишет об использовании истории, часто рассматривают эти способы как равные по значению. Это неоправданно. Они отличны друг от друга по важности и в своих моральных аспектах. Кроме того, между ними нет тесной связи.

Стоит бросить беглый взгляд на некоторые из этих способов, прежде чем мы сконцентрируемся на политическом использовании и его отношении к профессионализму историка.

Historia magistra vitae (история – наставница жизни) – признанное представление о пользе истории, известное еще со времен Цицерона. Во всех западных странах история была и остается одним из основных предметов школьной и университетской программы. Ее значение для жизни не оспаривалось. Представляется, что в отношении интереса к истории, по крайней мере, письменной истории, существовали различия между странами не-европейского мира. Тщательное фиксирование истории династий в Китае, как кажется, сильно отличается от пренебрежения историей в древней индуистской культуре Индии¹.

То обстоятельство, что история считается важной для того, каким образом мы проживаем наши жизни, интересно, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, это означает, как подчеркнул Карл Георг Фабер, что история и жизнь рассматриваются отдельно друг от друга и даже порой как противоположности. Второй интересный аспект взаимоотношений истории и жизни состоит в том, что польза истории для жизни не отождествляется с ее пользой для политики. Немецкий историзм упрекал философов Просвещения за их слишком практический взгляд на историю и ее использование в политике. Долгое время считалось само собой разумеющимся, что история так или иначе полезна для жизни людей, хотя это не следует напрямую применять к политике. Кроме того, послевоенные общества, и не только Германия, претерпели изменения, и по крайней мере преподавание истории в школах было зачастую связано с современными политическими проблемами².

Таким образом, «жизнь» в том смысле, в каком она понимается в большинстве исторических споров, – это одно, а «общественная жизнь» – нечто совсем другое. Используется ли история как наставница общественной жизни – и нужно ли использовать ее применительно к современной общественной жизни? А.Л. Роуз однажды написал небольшую книгу «Использование истории», в которой он убеждал в полезности этой дисциплины³. Ее польза для карьеры вполне естественна. Исто-

¹ Wang Q.E. Time perception in Ancient Chinese historiography // *Storia della Storiografia*. V. 28. P. 69–86; *Chinese History in Perspective (History and Theory, Theme Issue 35)*; Basham A.L. (ed.). *A Cultural History of India*. New Delhi: Oxford UP, 1975 (особенно статьи С. Радхакришнана об индуизме, С.Н. Дас Гупты о философии); Thapar R. *A History of India*. V. 1. New Delhi: Pelican, 1966/1990 (особенно гл. 2, 4, 5).

² Faber K.G. The use of history in political debate // *History and Theory*. Beiheft 17. 1978, pp. 36–67 (особенно pp. 36–38).

³ Rowse A.L. *The Use of History*, London: Hodder & Staughton, 1946.

рическое мышление может быть сопоставлено с эволюционным мышлением в биологии и геологии. Методология истории также имела большой охват и была полезна во всевозможных ситуациях, не только в тех, где профессионал имел возможность продемонстрировать его или ее искусство (на деле Роуз упоминает пару женщин-историков, но в его книге в основном фигурируют мужчины, по большей части из Оксфорда или Кембриджа, или французы и немцы)⁴. История делает возможным культурное понимание, которое требуется во всех жизненных ситуациях, частных и публичных, — полагаю, что к этому может быть сведено краткое изложение основных идей Роуза. И я уверен, что многие с ним в этом согласятся.

Однако немногие согласятся с Роузом по всем пунктам. Его книга несет на себе сильный отпечаток своего времени. Ее предисловие датировано «семестром Св. Михаила», 1945 г., а опубликована она была в 1946 г. Время ее создания, безусловно, объясняет, почему немцы обозначены там как (постоянные) агрессоры.

Роуз не скрывает своего неприятия. «Немцы вряд ли смогут измениться до тех пор, пока не выбросят эту парочку [Фридриха Великого и Бисмарка] из головы и не очистят от них свою систему»⁵. Но не только немецкая политика и немецкая агрессия вызывала его раздражение. Немецкая мысль столь же плоха. Примеры здесь — Гегель и Маркс, особенно Гегель. Дав весьма краткую версию теории Маркса, он говорит: «Все это, я боюсь, очень по-немецки. Проблема столь многих немецких евреев не в том, что они еврей, но в том, что они столь безнадежно немецкие. Именно так пишут и думают немцы — Гегель гораздо хуже...»⁶.

Это поразительные взгляды для книги, стремящейся показать, как знание истории и «исторический способ мышления» расширил горизонты и углубил понимание мира. Автор использует историю способом, прямо противоположным тому, что он говорит о понимании. Это становится наиболее явным, когда он сравнивает то, что, по его словам, является немецким способом толкования истории, с британским.

«Влияние на немцев ложного прочтения истории было еще более трагичным потому, что немцы, несомненно, верят той чуши, в которой они погрязли». Это привело к мечте немцев о мировом господстве, но «они все еще не усвоили главного урока». «Именно Бисмарк, более чем кто бы то ни было другой, направил Германию по ложному пути; и до сих пор немцы по большей части не имеют об этом представления». Англичане противопоставле-

⁴ В тексте упоминаются Эйлин Пауэр (р. 70) и С.В. Веджвуд (р. 91), но они отсутствуют в именном указателе. Философ Сьюзан Стеббинг должным образом рассматривается в тексте и упоминается в указателе.

⁵ Rowse A.L. Op. cit. P. 8–9.

⁶ Ibid. P. 123.

ны этому упрямому нежеланию усваивать уроки истории. «Англичане всегда были готовы учиться на ошибках, совершенных ими в прошлом»⁷.

Хотя Роуз явно находился под сильным влиянием исторического мышления Дильтея, он, как представляется, точно так же не осознавал своего непонимания «немецкой культуры» (он даже отрицал ее существование!), как и не отдавал себе отчета в своих британских предрассудках, проявлявшихся в большом и малом⁸.

Мы не собираемся здесь представлять запоздалый критический обзор книги Роуза. Однако она демонстрирует нечто, совершенно не входившее в намерения автора. Когда Роуз пытается показать полезность «истории», он произносит очень мудрые слова:

Если ты не понимаешь мира, в котором живешь, ты всего лишь его игрушка, и неминуемо превратишься в его жертву. (...наше единственное спасение в понимании). Ведь именно это и есть история⁹.

В то же самое время он демонстрирует собственное, весьма специфическое «использование истории». Его различение разных смыслов идеи использования истории не помогает ему избежать шатких политических обобщений и грубых противоречий.

Немецкий историк Теодор Шидер, привел другое наблюдение в связи с использованием исторического образования. В одном эссе он заметил, что нации демонстрируют разное отношение к собственной истории как школьной дисциплине и инструменту образования:

В XIX в., великой эпохе историографии, история во Франции играла иную роль, нежели в Германии. Во Франции она была частью литературы; но, пожалуй, самой важной была ее тесная связь с политикой. Большинство (sic!) французских историков этого периода – Гизо, Токвиль, Тьер, Аното – были министрами, порой в критические времена, и их исторические труды не могут быть отделены от их политической деятельности. Будучи историками, они писали как политики; в роли государственных мужей они действовали как историки. Немецкие историки, несмотря на сильные политические влияния, никогда не играли активной роли в принятии политических решений¹⁰.

Шидер считает характерной, и не вполне позитивной чертой Германии то, что здесь изучение истории и историописание «оставалось

⁷ Rowse A.L. Op. cit. P. 200–201.

⁸ Роль исторического знания в карьере британских гражданских чиновников воспринимается в качестве доказательства полезности истории в целом, не обращая никакого внимания на то, что ситуация в Британии может оказаться специфической, и что, например, во Франции ту же роль играют инженеры (p. 4–6).

⁹ Rowse A.L. Op. cit. P. 16.

¹⁰ Schieder T. The role of historical consciousness in political action // *History and Theory*. Beiheft 17. 1978. P. 1–18. [P. 9].

академическим» и было отделено от политически ответственной элиты (бюрократии и аристократов). «История» в Германии «никогда прямо не влияла на политические действия».

Сказанное до сих пор сводится к следующему. То обстоятельство, что история имеет значение для индивида, не оспаривалось и практически не вызывало страха. Воздействие истории проявляется на двух уровнях: на уровне карьеры и пользы для индивида. Никто не оспаривал то, что история – наставница жизни (или должна быть ею). Однако когда важность истории для индивида (будь то сознательное использование или бессознательное воздействие) распространяется на целые народы, профессиональные группы или классы, на первый план выходит новый аспект истории в ее отношении к обществу и социальным группам. Использование (или неиспользование) истории может рассматриваться с отвращением, смехом, или восхищением, но оно редко упоминается походя, без комментариев. Публичное использование истории – дело деликатное.

Некоторые философы истории сказали бы, что любое историописание есть публичное использование истории, по крайней мере, когда дело доходит до публикации книг. Своими действиями историки пытаются повлиять на взгляды окружающего их мира, скажут они. Многие не согласились бы с Шидером в том, что возможно разделить «академическую историю» и ее публичное использование. Я полагаю, что эта идея основывается на преувеличении, и если ее принять, нужно ввести важные различия между двумя видами использования истории. «Интерес антиквара», о котором говорил Ницше, или изучение истории "wie es eigentlich gewesen" в отличие от использования истории историками эпохи Просвещения, о которых говорил Ранке, представляется мне обычным типом историописания. Заметьте, что я не говорю об «объективной» истории и еще менее – об Истине в истории, но только о стремлении историка исследовать и писать об истории ради нее самой. (Я знаю, что многие известные философы истории, например, Йорн Рюзен, не разделяют моей интерпретации слов Ранке, но это неважно для моего вывода: историческое сочинение может иметь своим намерением лишь показать, как обстояло дело в прошлом, а не указать, что людям нужно делать сейчас или в будущем).

Полезность для государства

Правительства – короли и государи задолго до того, как возникли демократические выборы и ответственность перед парламентом – всегда стремились сделать исследования ученых полезными для государства. Поистине примечательно то, что многие ученые с легко-

стью снабжали государство информацией, которую у них запрашивали правительства и политики. Позвольте мне привести два примера за пределами сообщества историков. Подчинение требованиям государства важно для первого примера, Фрица Хабера, и его работы на германскую военную машину во время Первой мировой войны, но это же верно и для многих менее щепетильных ученых. Множество не столь спорных результатов интеллектуального труда обязаны своим происхождением целям, поставленным правительствами и политиками. Другой пример, с иным значением, – Уильям Беверидж, работавший на британское правительство во время Второй мировой войны и создавший план, названный его именем¹¹.

Важно упомянуть, что оба этих человека стали известными исследователями прежде, чем начали работать на свои правительства. Хабер, пожалуй, самый успешный химик своего времени, был приглашен с профессорского поста в Карлсруэ в 1911 г. (зadolго до войны) стать главой Института Кайзера Вильгельма в Берлине именно из-за своей репутации в международных научных кругах. Здесь он разработал теорию и практику крупномасштабного производства аммония, который мог использоваться по-разному: как удобрение и как отравляющий газ. Беверидж уже имел репутацию крупного экономиста, когда возглавил Лондонскую школу экономики в 1919 г., а когда стал работать в Оксфорде в 1937 г., то завоевал мировую славу теоретическими изысканиями в данной дисциплине. Во время войны он возглавлял комиссию по проблемам социального обеспечения, выработавшую знаменитый отчет; он служил своему правительству и иными способами.

Легко осудить Фрица Хабера – это часто делалось, и не только в связи с его работой над горчичным газом, отравляющим веществом со столь страшным воздействием, – но быстро забывают, что этот газ был, более или менее, побочным продуктом его долговременного исследования, завоевавшего ему Нобелевскую премию по химии (многokратно оспаривавшуюся награду) в 1918 г. Точно так же легко восхвалять Бевериджа за его план, так как он стал источником идей для социальной политики, многократно использовавшимся в послевоенной Европе. И Хабер, и Беверидж были лояльны своим правительствам и предоставили свои профессиональные способности в распоряжение государства. В обоих случаях результаты их деятельности превзошли ожидания их правительств. В чем же тогда

¹¹ Говоря о Хабере и Беверидже я буду в основном ссылаться на работы Д. Штольценберга и Дж. Харриса. – *Stolzenberg D. Fritz Haber: Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude: eine Biographie.* Weinheim: VCH, 1944; *Harris, José. William Beveridge: A Biography.* Oxford: Clarendon, 1977.

состоит разница? Можно сказать, что разница заключается в моральном аспекте, но тогда о чьей морали идет речь? Должны ли мы порицать/восхвалять их намерения? (А мы их знаем?) Мы можем сказать, что они должны были принимать во внимание последствия своих исследований, но поскольку их намерения и субъективные размышления неизвестны, нам трудно порицать/хвалить. Порицая или восхваляя тех, кто приказал или попросил произвести исследование и использовал его результаты, и тех, кто определял цели исследований, то есть, связанных с проектами политиков, мы вряд ли найдем ключ к поведению ученых.

Профессионализм

как путь к верному использованию знания

Чувство вины или его отсутствие – это один вопрос, а профессионализм или его недостаток – совсем другой. Их часто считают взаимосвязанными, но это не так. Существует множество исследований, проведенных по распоряжению правительства или государственных учреждений, которые не имеют никакой моральной нагрузки. Однако с профессиональной точки зрения они имеют смысл. Было бы неверным предположить, что Хабер непрофессионально вел исследование, одним из результатов которого стал горчичный газ; точно также не стоит поспешно полагать, что работа Бевериджа над планом, который носит его имя, может считаться вполне профессиональной, так как он представлял собой скорее применение идей, выработанных в ходе его профессиональной исследовательской деятельности.

Когда политики просят ведущих ученых, действующих в рамках национальной исследовательской системы, служить государству, это требование часто вступает в конфликт с требованиями академического профессионализма. Примеры тому – Хабер и Беверидж. Хотя моральные аспекты их работы на правительство были различны, мы должны согласиться, что оба они были готовы использовать свои профессиональные возможности для создания того, что само по себе не являлось научным или академическим достижением, но было тем, что стремилось использовать правительство. Главный вопрос заключается в том, не воздействуют ли политические власти на науку неподобающим образом, когда обращаются к ученым с такими просьбами.

Политики хотят, чтобы историки проводили исследования определенных тем, – иногда они даже требуют определенных результатов. Историки же хотят быть свободными в выборе тем, проблем и методов исследования. Обе стороны идеализируют свое положение. Когда политики объявляют, что на исследование определенной темы или направления выделяются особые средства, они порой думают, что ре-

зультаты окажутся благоприятными для их партии или правительства. Зачастую у них есть свое представление о политическом использовании данной темы, идет ли речь о национальных движениях, которые могут привлечь часть избирателей, или же о Холокосте или истории дискриминации, которые могут вызвать интерес совсем других общественных групп. Ряд исторических исследований проводятся, прежде всего, ради международного имиджа и лишь во вторую очередь они предназначены для национального употребления, – другие государства и их лидеры могут быть впечатлены дерзкой открытостью (или «прямотой»), с какой данное правительство обращается к таким темам. Историки с трудом допускают, что и они сами выбирают многие темы с оглядкой на их политическое воздействие. Исследования, посвященные тайным политическим акциям или надзору над гражданами в недавнем прошлом, с одной стороны, и анализ идеологической подоплеку экстремистских движений, с другой, – очевидные примеры тем, которые могут быть избраны с оглядкой на политические результаты. В подобных исследованиях трудно игнорировать политическое воздействие.

Существует множество тонких «пограничных» случаев. Политики и в самом деле стремятся воздействовать на историю и использовать ее в своих целях, но в то же время историки (и многие специалисты в области общественных наук) стремятся влиять на политику. Современные политологи порой выставляют свои действия по достижению этой цели в качестве добродетели, как конечную цель своей дисциплины. Подобные действия в обоих направлениях зачастую осуждаются как угроза «академической свободе» и профессионализму исследования.

Таким образом, мы вновь и вновь сталкиваемся с тем, что профессионализм историка (не только историка, но именно он нас сейчас интересует) и политика конфликтуют. Это важно и когда «политика» есть только часть сознания историка, и когда политические организации дают непосредственные указания о проведении исторического исследования. Но разве профессионализм историков не эластичен? Определены ли строгие правила, исключаящие влияние политики на работу историков? Странно, если бы дело обстояло именно так, ведь история историографии постоянно указывает на то, что тот или иной историк сознательно или бессознательно проявлял политическую тенденциозность¹². Указывалось, что историки симпатизировали тому или иному политическому движению прошло-

¹² Это демонстрируют очень многие исследования по истории историографии; см., например, классические работы: *Geyl, Pieter. Napoleon For and Against. London: Cape, 1964* и *Butterfield H. George III and the Historians. London: Collins, 1957.*

го, или же использовали историю в качестве параллели современной политики. Можно усомниться и в том, что какого-нибудь историка следует оставить без политической «этикетки» какого-либо сорта. Идеологическая позиция, позитивная или негативная оценка одних социальных установлений, а не других, кажутся неизбежными, если историк глубоко погружается в политическую ситуацию прошлого. Справедливо, например, что длинная временная дистанция не дает защиты от современных политических воздействий. В сочинениях многих известных историков античности, подвергавшихся анализу, было обнаружено множество следов современных идеологий, связанных со временем, когда эти труды писались, например, работы знаменитого русского ученого-эмигранта Ростовцева о римской и египетской государственной бюрократии. Лишь в редких случаях история пишется, как кажется, без всякой связи с политикой. Исследование развития какой-либо специфической теории в химии, выполненное полностью в рамках истории науки, трудно анализировать с точки зрения его политизированности. Но как хорошо известно тем, кто знаком с историей науки, всегда были и есть тесные связи между политическими амбициями и научными экспериментами, особенно дорогостоящими¹³. Показывая эти взаимосвязи, а также социальное окружение лаборатории, историк часто говорит не только о прошлом, но также и о своих жизненных ценностях.

В чем же состоит исторический профессионализм? Не нужно проводить всестороннего исследования, чтобы прийти к выводу о том, что нет единодушия ни относительно самой идеи, ни – еще менее – относительно ее определения. Многие историки скажут, что хороший профессионал умеет великолепно использовать исторические методы, другие скорее укажут, что хороший профессионал должен обладать хорошим знанием истории, как деталей, так и общего хода событий, третьи сочтут, что признаком истинного профессионала является стремление анализировать прошлое и связывать факты о нем с социальными теориями. Утверждения подобного рода (а приведенные примеры не исчерпывают всех возможностей) часто соседствуют с заявлением о том, что можно ввести и другие критерии. Немногие

¹³ См., например, *Krige J. The Politics of European Scientific Collaboration // Science in the Twentieth century. Amsterdam: Harwood, 1997. P. 897–918; idem. The rise and fall of Esro's first major scientific project, the large astronomic satellite (LAS) // Choosing Big Technologies. Chur: Harwood, 1992. P. 1026; Palladino P. Entomology, Ecology and Agriculture. The Making of Scientific Careers in North America, 1885–1985. Amsterdam: Harwood, 1996.*

хотят признать, что те характеристики, которые они находят наиболее важными, приведут к появлению слишком запутанного определения.

Если мы обратимся к социологии профессии, мы обнаружим путеводную нить, но и тогда это будет не бесспорным определением. Один из вариантов социологии, завоевавший признание в 1980-е, основан на веберовском анализе общества. Согласно данной концепции профессиональных сообществ, их члены защищают свои интересы через создание организаций и барьеров. Чтобы сохранить профессиональную ценность нэмер один, знания (и навыки) они часто вступают в союз с государством, создавая своего рода легитимацию, порой в конкретной форме членства в профессиональной ассоциации как обязательном условии для отправления профессиональных функций. Так поступают не только врачи и юристы, другие группы и подгруппы также пытались установить ограничение конкуренции. Сами профессионалы, конечно, возразят, что это ни в коем случае не ограничивает конкуренцию. Все прошедшие квалификацию допускаются в профессиональную организацию. Остальные помечены как неквалифицированные, шарлатаны. По их мнению, это единственное средство сохранять компетентность специалистов¹⁴.

Даже если бы существовала еще одна признанная интерпретация профессионализма, я бы предпочел эту¹⁵. Как все группы ученых, историки не действуют организованно. Но, безусловно, существует защитный механизм, объявляющий, что все те, кто пишет книги, снимает фильмы и делает телевизионные передачи об истории, не имеют надлежащей выучки (при посредстве научных исследований) в том, как представлять, осмысливать и понимать историю, и поэтому не могут быть признаны «историками» в академическом сообществе.

Использование современной истории

Ранее я пытался показать, что не только новейшая история вовлечена в конфликт профессионализма и политики. Это проявляется – в разных формах и с разной интенсивностью – во всех науках. Од-

¹⁴ См.: *Sarfatti Larson M. The Rise of Professionalism. Berkeley: Univ. of California Press, 1977; Parkin F. Marxism and Class Theory: a Bourgeois Critique. London: Tavistock, 1979; Collins R. Changing conceptions in the sociology of the professions // The Formation of Professions / Ed. by R. Torstendahl, M. Burrage. London: Sage, 1990. P. 11–23; Collins R. Market closure and the conflict theory of professions // Professions in Theory and History / Ed. by M. Burrage, R. Torstendahl. London: Sage, 1990. P. 24–43; E. Freidson. Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986.*

¹⁵ Подробнее об историческом профессионализме см. мою статью «History, Professionalization of» // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, London: Elsevier, 2001.

нако проблема наиболее остро стоит для новейшей истории, так как здесь трудно найти тему, которая так или иначе не затрагивала бы партийных или государственных интересов. Когда средства массовой информации осознают эту ситуацию, они станут пристальнее следить за исследованиями в области новейшей истории, как это делается в отношении других дисциплин. Несмотря на это, новейшая история не уникальна в своем стремлении к профессионализму; это часть общего правила, гласящего, что правительства стремятся контролировать не только финансирование науки, но и сами исследования.

Правительства создают комиссии (среди членов которых, помимо надежных политиков, и ученые), разрабатывающие программы исследований. Правительства обращаются к исследовательским советам (если они получают государственное финансирование) сконцентрировать исследования в определенной сфере. Правительства также отвечают на запросы исследователей относительно требуемой ими информации для анализа, и если они не полностью удовлетворяют эти требования (что, как я думаю, бывает редко), то обеспечивают селекцию материала и порой устанавливают правила цензуры результатов исследований. Для новейшей истории особенно важна власть правительства над историческими материалами, так как профессиональный кодекс историка заставляет его искать современную событиям информацию, а также материал, непосредственно порожденный исследуемым процессом. Любая селекция или правило, исключающее часть материала из исследования, может оказаться роковым для профессиональных результатов.

Это относится к системе правил самих профессиональных историков. Этой системе, однако, трудно дать определение. Она состоит из разных частей, которые я назвал соответственно минимальными и оптимальными требованиями¹⁶. Минимальные требования историк не может игнорировать, не рискуя быть обвиненным в ошибке. Эти правила часто представляются в исторических учебниках в более специфической форме, но они сводятся к основополагающим требованиям: 1) не выступать с противоречивыми утверждениями, или утверждениями, ведущими к противоречиям, 2) придерживаться одного предмета в одном исследовании, так что результаты исследования должны оказаться связанными именно с ним, и 3) представлять основания для утверждений в эмпирической форме, которая допускает контроль

¹⁶ См., прежде всего: *Reglerade minimikrav och optimumnormer // Den Kritiske analyse*, Oslo: Universitetsforlaget, 1994. P. 43–62. Рус. пер.: *Торстендаль Р.* «Правильно» и «плодотворно» – критерии исторической науки // *Исторические записки*. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 54–73.

со стороны других. Оптимальные требования, с другой стороны, относятся к тому, что считается «плодотворным» или «хорошим» исследованием. Поскольку существует много мнений по данным вопросам, оптимальные нормы варьируются. Эти нормы обычно соединяются в «пучки», и кроме того, оптимальные нормы, по сути, обозначают разные сферы истории: история рабочего класса связана с одной группой таких норм, история историографии с другой, парламентская история – с третьей, и т. д. Новейшая история, возможно, делится на две или три подгруппы, каждая со своей группой оптимальных норм.

Политическое вмешательство – это чаще всего случается с новейшей историей, – в определение тем исследования, в постановку проблем и доступность материала означает нарушение минимальных и оптимальных норм профессии. В некоторых случаях нарушение может быть незначительным, но в других – решающим. Минимальное требование проверки и контроля результатов нарушается, если лишь некоторые исследователи имеют доступ к материалу и – что более серьезно, – если материал подвергался отбору до того, как на него взглянули историки. Это случается очень часто. При помощи других манипуляций с материалом можно заставить историка нарушить еще одно или два минимальных требования, так как может быть нарушено тематическое единство.

Оптимальные нормы также сталкиваются с пренебрежением политиков, склонных считать, что то, что актуально для них, столь же важно и в области науки. Когда политик осознает наличие проблемы и возможность улучшить свой собственный (или партийный) имидж, продемонстрировав интерес к ней, щедрое финансирование и особые институциональные средства искушают многих профессионалов объявить о своем интересе к данной теме. В зависимости от количества грантов и размаха институциональных усилий даже лучшие профессионалы могут поддаваться искушению. Вспомните о Хабере, который получил возможность возглавить Институт Кайзера Вильгельма в 1911 г. Я полагаю, что мы все можем привести параллели из естественных или общественных наук. Итак, профессионалы могут быть куплены – но когда они куплены, их коллеги редко критикуют их (разве что за спиной). Публичная критика в основном направлена против политиков, которые сделали это возможным. Они это заслуживают, но ученым не повредила бы доля самоанализа, в том числе и историкам, которые открыты для такого рода сделок.

(Перевод с английского А.Ю. Серединой)

Йорн Рюзен (Германия)

МОЖЕТ ЛИ ВЧЕРА СТАТЬ ЛУЧШЕ? О МЕТАМОРФОЗАХ ПРОШЛОГО В ИСТОРИИ

Нас должна возвышать не только мысль о том, чтобы воспроизвести прошедшее, но и о том, чтобы произвести новое¹.

Леопольд фон Ранке

Почтенная публика, давай, подыщи себе сама конец! Он должен, должен, должен быть хорошим!²

Бертольт Брехт

Удивительная вещь прошлое. Оно прошло, и все же оно присутствует. Что произошло, то произошло, однако мы не можем успокоиться. Прошлое заново представляется, интерпретируется, переосмысливается, усваивается, отторгается, отдалляется, приближается, боготворится, предстает в черном свете, овеществляется, приходит в движение. Даже когда мы о нем забываем, оно тем не менее продолжает беспокоить нас. Оно представляется в настоящем – часто против нашей воли. Прошлое может так тяготеть над нами, что от него хочется избавиться. Но это сделать невозможно. Прошлое – часть нас самих. Мы не можем без него жить. Оно должно служить жизни. Таково ли оно? Если оно на удалении от свершившегося не является таковым, можем ли мы сделать его полезным для жизни? И что происходит с ним в результате нашей интерпретации и осмысления?

Дискурс по этому вопросу содержит два совершенно разных ответа, которые я (конечно, упрощенно) хотел бы обозначить как модернистский и постмодернистский³.

Модернистский ответ оказал глубокое влияние на понимание научного обращения с прошлым. Его выражением стало известное

¹ *Ranke, Leopold von. Vorlesungseinleitungen / Ed. V. Dotterweich, W.P. Fuchs. (Aus Werk und Nachlaß, Bd. IV). München, 1975. S. 117. – Я благодарен Карлосу Кельблю за критические замечания и дополнения.*

² *Brecht, Bertolt. Der gute Mensch von Sezuan, Epilog (Gesammelte Werke in 20 Bänden. Bd. 4: Stücke 4). Frankfurt am Main, 1967, S. 1607.*

³ *Vgl. dazu Lorenz, Chris. 'You got your history, I got mine.' Some reflections on truth and objectivity in history // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 10 (1999), S. 563–584.*

изречение Ранке, который хотел «только показать, как это собственно было»⁴. Деятельность историка ориентируется в этом случае на полученные эмпирическим путем факты. Конститутивной для такого научного способа исторического мышления является критика источников. Решающим для определения когнитивных стратегий научного исторического мышления является идеал объективности исторического исследования. Это – фактическое (объективное) содержание произошедших событий, значимое для самопонимания настоящего.

В противоположность этому модернистскому ответу сформулирован постмодернистский ответ на вопрос, как мы обращаемся с прошлым. Он подчеркивает в историческом мышлении процесс, в котором история *делается* прежде всего путем интерпретации прошлого из настоящего. Здесь главными считаются лингвистические процедуры исторической репрезентации, а не методы исследования. Вместо объективности речь в этом случае идет о поэтической и риторической выразительности, о нарративной когерентности.

Две точки зрения кажутся взаимоисключающими. Именно это противоречие инспирировало дискурс памяти в науках о культуре. Хальбвакс, Нора и другие исследователи проводят различие между исторической наукой как «холодным» делом объективирующего мышления и коллективной памятью как «горячей» выразительностью прошлого. Полезность прошлого для жизни противоречит объективности. Классически это противоречие выражено во втором «несвоевременном размышлении» Ницше о «пользе и вреде истории для жизни». Если под смыслом истории понимать ее способность ориентировать человеческую жизнь во времени, тогда «научные истории» с точки зрения фактов правдивы, но бессмысленны. Память, напротив, придает значение смыслу, а не фактам. «"Это сделал я", – говорит моя память. "Я не мог этого сделать", – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает»⁵. Это и есть (само-)понимание настоящего, которое выносит решение о значении фактического содержания произошедших событий.

Однако здесь нет противопоставления⁶, так как для обеих точек зрения принципиально одно и то же – *синтез опыта и интерпретации*. Для модернистского научного исторического мышления

⁴ Ranke, Leopold von. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514*, 2. Aufl. (Sämtliche Werke 33/34). Leipzig, 1874. S. VII.

⁵ Nietzsche, Friedrich. *Jenseits von Gut und Böse*, § 68 (Kritische Studienausgabe, ed. Giorgio Colli u. Mazzino Montanari, Bd. 5). München, 1988. S. 86.

⁶ Vgl.: Rösen, Jörn. *Die Ordnung der Geschichte. Moderne, Postmoderne und Erinnerung // ders.: Geschichte im Kulturprozeß*. Köln, 2002; *ders.: Historical Objectivity as a Matter of Social Values // Historians and Social Values / Ed. by J. Leerssen, A. Rigney*. Amsterdam, 2000. S. 57–66.

важно, что не существует никакого свободного от интерпретации исторического опыта. И, наоборот, постмодернистский подход не может не учитывать то, что память в принципе обусловлена опытом. Она утратила бы способность ориентироваться в культурном пространстве, если бы вспоминающие серьезно верили в то, что вспомненное ими прошлое есть вымысел.

Рассмотрим этот синтез со специфической точки зрения. Кардинальным здесь является вопрос, может ли (и как) в этом синтезе раскрыться перспектива будущего, связанного с ожиданиями людей, без отрицания или ограничения ими важности исторического опыта. Я хотел бы показать, что (и как) смысл истории открывается из будущего, которое превосходит опыт прошлого. (Тем самым я сознательно противопоставляю свой анализ традиционному историческому мышлению, аргументы которого основываются на источниках). Если заострить мою мысль и выразить ее парадоксально, то я хотел бы сделать историю местом утопического (*Ort des Utopischen*). Историческое время следует истолковывать как «место без места» (*Ort des Ortlosen*), а исторический опыт характеризовать как выход за пределы опыта в процессе жизненной практики людей. Можно сформулировать этот кардинальный вопрос просто: есть ли у истории *happy end*? Или же – как вызов: прав ли меланхолик Чарли Браун, когда он основывает надежды на будущее и заботу о сегодняшнем дне на ожиданиях: «Я все еще надеюсь, что вчера будет лучше»?⁷

Рис. 1. Я думаю, что бессмысленно заботиться о завтрашнем дне.

Рис. 2. Вероятно, мы должны думать только о сегодняшнем дне.

Рис. 3. Нет, это означало бы покорность.

Рис. 4. Я все еще надеюсь, что вчера будет лучше.

Эта эзопова мудрость комиксов не должна казаться совсем уж странной, так как в культуре современного общества, наследующего прежние представления о счастье⁸, есть родственный мотив. Вме-

⁷ Schulz, Charles M. *Charlie Brown und seine Freunde (Peanuts)*, Nr. 699. 1979.

⁸ Vgl.: Glücksvorstellungen. Ein Rückgriff in die Geschichte der Soziologie / A. Bellebaum, K. Barheier (eds). Opladen, 1997.

сто того, чтобы ссылаться на голливудские фильмы и комиксы, в качестве доказательства следует привлечь также документ более высокой культуры и более глубокого политического воздействия. Американская Декларация независимости рассматривает, как известно, *pursuit of happiness* в качестве конститутивного элемента современного гражданского общества.

We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are life, liberty, and the pursuit of happiness –

Мы считаем очевидной истиной то, что все люди созданы равными и что творец дал им неотъемлемые права, такие как жизнь, свобода и стремление к счастью.

Является ли эта истина из области прав человека значимой и для исторического мышления? Я спрашиваю о том, может ли историческое мышление выступать как *pursuit of happiness*.

На этот вопрос напрашивается отрицательный ответ: Чарли Браун «надеется в безнадежном направлении (*hofft in hoffnungslosen Richtung*)»⁹. Эрнст Шулин настоятельно подчеркивал это и предостерегал от опасности «истории, управляемой властью идеологии», истории, которая интерпретирует прошлое, переделывая его в зависимости от своих целей. Подобный подход недопустим не только по политическим причинам. В принципе историографическое «придание смысла» не должно искать «какие-либо подтверждения в представлениях прежнего времени»¹⁰. Подобное требование к прошлому отвергает идеал объективности науки и недопустимым образом выделяет вымышленный элемент в историческом мышлении, поскольку прошлое якобы можно изменить задним числом. Что произошло, то произошло. И это нельзя сделать непроизошедшим.

Наука служит «улучшению» только постольку, поскольку она создает «более точную, более правдивую картину прошлого»¹¹. Шулин выделяет пять следующих научных результатов, которые можно рассматривать как «улучшение прошлого». Впечатление от бренности и гибели изменяется в пользу опыта того, что жизнь продолжается. Впечатление о всесиили зла релятивируется, так как историческое познание позволяет увидеть «противодействующие силы»¹². Часто

⁹ Эрнст Шулин: «Я все еще надеюсь, что вчера станет лучше» – Замечания к выбранному Й. Рюзенем эпиграфу в: *Dimensionen der Historik. Geschichtstheorie, Wissenschaftsgeschichte und Geschichtskultur heute. Jörn Rüsen zum 60. Geburtstag* / H.-W. Blanke, F. Jaeger, T. Sandkühler (Eds): Köln, 1998. S. 3–12 (zit. S. 6).

¹⁰ Ebd. S. 11.

¹¹ Ebd. S. 6.

¹² Ebd. S. 7.

возникающее впечатление о неизбежности исторического развития релятивируется и даже исчезает. Становится ясно, что (и как) ход истории определяли случай и решения людей. Прошлое, несмотря на неповторимость, может нам что-то сказать, оно может что-то означать. Наконец, историческое познание может привести к пониманию того, «что у нас все-таки лучшие корни, чем мы думали»¹³. Любое дальнейшее предположение, что прошлое через историческое мышление меняет свой характер, основывается на «идеалистическом историческом мышлении», на которое оказала влияние «христианская теология истории», и которое может только ввести в заблуждение.

В качестве примера Шулин приводит Гервинуса, историческая концепция которого, по его же собственному признанию, потерпела фиаско. Историческое мышление Гервинуса оказалось несостоятельным скорее по причине его прогностического, нежели его, так сказать, «ре-гностического» содержания: не прошлое должно стать лучше, а выведенное из него будущее. И тем не менее: прошлое у Гервинуса становится чреватым этим будущим в результате метода его исторической интерпретации, которая наполняет прошлое смыслом для настоящего и его видов на будущее¹⁴. Шулин по этому поводу говорит лишь, что такое придание смысла имело всегда. В действительности же речь здесь идет не о разновидности исторического мышления, а о существенном элементе его логики. Историография без подобного придания смысла вообще невозможна¹⁵.

Столь неприятного Шулину Гервинуса можно заменить Буркхардом, который наделял историческое мышление силой, способной превратить беды прошлого в освобождающий исторический опыт. «То, что когда-то было радостью и горем, ныне должно стать опытом...»¹⁶. По крайней мере в историческом «созерцании»¹⁷ прошлое становится лучше: оно утрачивает страшные черты страдания и неизбежности и оформляется в «тотальную картину человечества», в которой дисгармония отдельного соединяется в гармонию целого.

¹³ Ebd. S. 9.

¹⁴ Vgl. Rösen, Jörn. Der Historiker als "Parteimann des Schicksals" – Georg Gottfried Gervinus // ders.: Konfigurationen des Historismus. Studien zur deutschen Wissenschaftskultur. Frankfurt am Main 1993. S. 157–225.

¹⁵ Vgl. Rösen J. Zerbrechende Zeit. Über den Sinn der Geschichte. Köln, 2001.

¹⁶ Burckhardt, Jacob. Über das Studium der Geschichte. Der Text der 'Weltgeschichtlichen Betrachtungen'. Aufgrund der Vorarbeiten von Ernst Ziegler nach den Handschriften hg. von Peter Ganz. München, 1982. S. 168; ders.: Gesamtausgabe. Bd. 7: Weltgeschichtliche Betrachtungen. Historische Fragmente. Aus dem Nachlaß / Hg. Albert Oeri, Emil Dürr. Stuttgart, 1929. S. 6f.

¹⁷ Ebd. (Anm. 16), S. 32.

«С высокой и удаленной точки, а именно такой должна быть позиция историка, все вместе колокола звучат прекрасно, независимо от того, дисгармонируют они вблизи или нет: *Discordia concors*»¹⁸.

Историк исправляет, так сказать, эту *Discordia* отдельных страшных событий прошлого и превращает ее в *Concordia* эстетически привлекательного исторического целого¹⁹.

Подобное есть у Ранке. Ему знакомо угнетающее впечатление, которое может произвести исторический опыт:

«Всегда видят только то, как сильный побеждает слабого до тех пор, пока другой более сильный не победит и не уничтожит его; пока в конце концов насилие не придет в наше время и не случится то же самое... Не остается ничего другого, кроме чувства ничтожности всех вещей и отращения к различным проступкам, которыми люди запятнали себя».

Однако для Ранке это негативное впечатление возникает от определенного недостатка понимания: «Не видят, почему все эти вещи случились, для чего все эти люди были и жили; даже внутренняя связь скрыта». Но история наперекор отвращению извлекает из реликтов прошлого «внутреннюю связь» человеческих проступков и раскрывает ее, и – смотрите, вещи выглядят иначе – лучше: Ранке считает, «что мы, все глубже проникая в действительно произошедшее, можем получить более живое представление об исторических событиях»²⁰.

В нищете угнетения и насилия существуют свобода и сила человеческого духа; исторический взгляд открывает наблюдателю (с его собственной жизненной практикой в качестве духовного источника) темпоральную глубину его национальной и человеческой идентичности.

Как легенда давно исчезнувшего метода исторического мышления это сегодня может вызвать только меланхолию или насмешливое дистанцирование – в зависимости от того, рассматривают ли отказ от лежащей в основе этого метода исторического мышления философии истории и «исторической религии»²¹ как потерю или как приобретение. Я же вижу в исторической концепции классического историзма

¹⁸ Ebd. S. 192f.

¹⁹ Vgl.: Rösen, Jörn. Der ästhetische Glanz der historischen Erinnerung – Jacob Burckhardt // ders.: Konfigurationen des Historismus (Anm. 14). S. 276–330. Ferner Jaeger, Friedrich. Bürgerliche Modernisierungskrise und historische Sinnbildung. Kulturgeschichte bei Droysen, Burckhardt und Max Weber. Göttingen, 1994; Große Kracht, Klaus: Das Weiterleben der verletzten Menschheit – Kultur und Kompensation bei Jacob Burckhardt // Storia della Storiografia 30 (1996). S. 125–133.

²⁰ Ranke. Vorlesungseinleitungen (Anm. 1). S. 185f., 191; ähnlich S. 124f.

²¹ Vgl. dazu: Hardtwig, Wolfgang. Geschichtsreligion – Wissenschaft als Arbeit – Objektivität. Der Historismus in neuer Sicht // Historische Zeitschrift 252 (1991). S. 1–32. Rösen, Jörn. Historische Methode und religiöser Sinn – Vorüberlegungen zu einer Dialektik der Rationalisierung des historischen Denkens in der Moderne // ders. Geschichte im Kulturprozeß (Anm. 6).

скорее только повод для того, чтобы выявить измерение исторического мышления, в котором между прошлым и настоящим царит нечто большее, чем постфактум (материально-объективный или поэтически-субъективный), – своеобразная «внутренняя связь» (Ранке), в которой прошлое и настоящее живо присутствуют: прошлое – в своем историческом значении для перспектив настоящего времени, а настоящее – в познающем обращении к прошлому, которое исторически интерпретирует свершившееся. Я хотел бы с точки зрения теории познания развить и обосновать эту связь жизненной полезности исторического, в которой прошлое является не прошлым, а будущим (т.е. оно «может "стать лучше"»), и из этого сделать выводы относительно способов исторического смыслообразования.

Я исхожу из *ориентирующей функции исторического знания*, в которой сходятся историческая наука и культурная память. Они делят между собой фундаментальные смысловые критерии исторического мышления. С помощью этих критериев интерпретируется исторический опыт. При этом он ничего не утрачивает из своей фактичности. Напротив, действительно случившееся приобретает специфику познаваемого задним числом, в котором может появиться даже больше фактов, чем было известно. В качестве интерпретированного прошлое приобретает для настоящего статус истории (так, например, интерпретированный жизненный путь становится биографией). В этом значении оно способно ориентировать человеческое действие и страдание в темпоральных изменениях жизненных обстоятельств. Специфически историческим средством этой ориентации является представление о темпоральности, оснащающее современную жизненную практику опытом прошлого и ожиданиями будущего. С помощью этого представления картина прошлого включается в структуру культурной ориентации современной жизненной практики. И в этой структуре прошлое становится «лучше». Это может означать, что оно в контексте важного для исторического мышления представления о временном процессе становится *совместимым с целью действия*²².

²² Для упрощения аргументации я причисляю к этой совместимости с целью действия и функцию ориентации, которая свойственна историческому мышлению в формировании *человеческой идентичности*. Телос ориентации тогда, правда, не является целью действия, с которой осмысленно проектируется будущее; это – Я человека, точнее его временная когерентность. Действие в этом случае является не поведением человека в мире и с миром, а постоянно сопровождающей это поведение ментальной активностью его общения с самим собой. Это можно выразить словами Кьеркегора: речь идет о действии и страдании, с помощью которого человек в его отношении к миру и другим людям познает самого себя. Я оставляю без внимания телеологические различия

Не существует исторического мышления, в котором такое нагруженное смыслом и интерпретативное представление о развернутом во времени процессе не играет никакой конститутивной роли.

Действие в своей целеопределенности всегда телеологично. (Страдание есть опыт и жизненный процесс, который также телеологически определен: страдание служит мотивацией к действию по его преодолению или уклонению от него, или же оно требует осмысления, а осмысление включает в себя телеологию действия)²³. Всякий смысл действия обнаруживает телеологические черты — всегда, когда он открывает перспективы будущего, направляющие действие, т.е. делает возможным определить и поставить цель. (Смысл не есть сама цель, но ее условие и критерий ее определения). Поскольку историческое мышление конститутивно связано со смыслополаганием действия, а в определение смысла входит телеологический элемент, то оно всегда телеологически ориентировано. Оно, по меньшей мере, должно быть опосредовано телеологией действия, чтобы быть рациональным. Телеологическая установка на релевантность действия была в прежнем историческом мышлении сама собой разумеющейся. Оно следовало логике телеологии действия (и соответственно подменяло действующий субъект исторического процесса, такой как Бог, общество, вид, культура, нация и т.д.). Против этой телеологической установки исторического мышления выдвигались серьезные возражения (и аргументация Шулина против идеалистического исторического мышления основывается на этой критике). В действительности же сегодня история в своих самых прогрессивных формах мыслит не телеологически, а реконструктивно. *Однако это ничего не меняет в функциональной необходимости ее совместимости с целью действия.* Реконструктивно выстроенная не-телеологическая история, более не связанная с принципом каузальности, обращается к условиям толкования возможного. Тем самым она, вынуждаемая логикой, открывает свободу действий в самой исторической интерпретации: свобода становится критерием толкования (и, таким образом, непосредственным стимулом к действию и терпимости к страданиям).

между внутренним и внешним действием и страданием, с помощью которого человек воздействует на свой мир. Однако у «внешнего» действия также есть цель, заключающаяся в том, что его субъект, чтобы жить, сам хочет и должен становиться, быть и оставаться субъектом действия.

²³ По причине экономии аргументации я не всегда подробно останавливаюсь на аспекте страдания, хотя он для человеческой жизни и ее интерпретации также конститутивен, как и аспект действия.

Одновременно с этим историческая интерпретация, когда она вписывается в ориентирующие рамки жизненной практики, в значительной мере становится открытой для будущего и в большей степени, чем прежде – *свободоиндуцирующей*. Она открывает возможности для *целесолагания*, которого совершенно не знает телеологически представляемый исторический процесс. Реконструкция поощряет телеологию практики и увеличивает возможности интерпретации. Теоретическая телеология исторического мышления в форме соответствующих поучительных рассказов, напротив, сводит практику к одной единственной цели действия. Она, таким образом, уменьшает свободу и в экстремальных случаях действует тоталитарно (на что совершенно верно указывает Шулин).

Кстати, совместимость с целью действия может быть критерием типологии форм исторического смыслообразования²⁴. В зависимости от того, какой опыт темпоральных изменений человека и его мира должен быть обработан, и от возможностей исследователя, применяется тот или иной метод исторической интерпретации – традиционный, образцовый, критический или генетический. Совместимость с целью действия представляет собой транснарративный смыслообразующий критерий исторического повествования. Само наличие шансов сознательного изменения значения прошлого вряд ли откроет эту возможность для исторического мышления, использующего традиционный или образцовый тип смыслообразования. Но она появится при критическом дистанцировании настоящего от прошлого, и скорее всего будет реализована в генетическом типе смыслообразования²⁵.

Самыми характерными примерами сильно ориентированной истории являются поучительные рассказы, которые помогают большим группам людей получить представление об их коллективной идентичности. Эти рассказы следуют за современными (для рассказчика) событиями и реорганизуют самосознание людей так, что новый опыт интегрируется в культурную ориентацию их жизненной практики. Можно, таким образом, самому дать объяснение возможным действиям. Это необязательно отменяет интерес к самому прошлому, в чем вновь и вновь обвиняются сторонники презентизма в историографии. Якоб Буркхардт, например, насмеялся над тем, что немецкие историки после 1871 г. начали с того, что стали, «возможно, не без намекá сверху морщить лицо иначе, чем в последние четыре-пять

²⁴ *Rüsen, Jörn*. Die vier Typen des historischen Erzählens, in: ders.: Zeit und Sinn. Strategien historischen Denkens. Frankfurt am Main, 1990. S. 153–230.

²⁵ На последнее прямо указывает Шулин: «Я все еще надеюсь, что вчера станет лучше» (Anm. 9) (S. 11).

лет»²⁶. Его презрение к действиям коллег по цеху не должно, однако, вводить в заблуждение: он сам очень внимательно следил за современными событиями и воспринимал их как повод для развития своей теории исторических кризисов²⁷. Его историческое мышление совершенно немыслимо без деятельного участия в цехе современников. Подобным образом можно рассматривать и изменения, которые претерпели исторические оценки нации в новейшей немецкой историографии. Эти изменения произошли в силу потребности немцев в новой ориентации после 1989 г. Игнорирование этого факта поставило бы историографию в положение аутсайдера. Критика Буркхардта была справедлива – и наша критика может в этом следовать за ним – там, где новая ситуация проецируется на прошлое таким образом, что она выступает как его следствие, т.е. как будто бы ничего другое невозможно. Но в этом случае подавляются альтернативы (если таковые имеются), способствующие свободе исторического познания.

Но и там, где темами подобных рассказов являются утраты, давление и преследование и, наконец, массовое убийство, эти рассказы служат усилению идентификационной ориентации людей. Они могут, например, конструировать историю страданий таким образом, что она становится своей противоположностью, надеждой на лучший мир. Тем самым черты их идентичности путем отличия от виновников содеянного нагружаются позитивными ценностями. Негативный исторический опыт не угнетает их, а, напротив, ободряет.

Из этих теоретических размышлений можно сделать вывод: истории – благодаря конститутивной связи с временной ориентацией жизненной практики людей в определении смысла и целеустановки действия и страдания – всегда имеют *happy end*, поскольку их «конец» есть действие, которое они ориентируют. И этот «конец» – *happy*, потому что целевая ориентация действия всегда связана с *happiness*, со смыслоопределяющей, нормативно нагруженной позитивностью состояния человека (пусть даже это действие направлено только на то, чтобы предотвратить или устранить препятствующие или оказывающие отрицательное воздействие обстоятельства).

Это коренящееся во всех действиях людей «улучшение будущего» ориентировано посредством функциональной телеологии исторического мышления на прошлое. Но станет ли оно в результате этого лучше? Напрашивается мысль о том, что прессинг ожидаемый будущего следует направить на интерпретацию прошлого. И тогда прошлое действительно может стать иным, чем оно было,

²⁶ Письмо Фридриху фон Прену от 5 марта 1871 г.

²⁷ Vgl.: Jaeger. Bürgerliche Modernisierungskrise (Anm. 19).

пока такие перспективы из игры желаний и надежд не превратятся в суровую прозу жизни. Однако не будет ли при этом прошлое только отражением полных надежд проекций будущего, которые не имеют ничего общего с тем, что действительно произошло?

Если это так, то речь может идти об «улучшении» прошлого в процессе его осмысления только за счет исторического опыта и присущего ему метода достоверного мышления. Напротив, следует придерживаться того, что историческое мышление не просто следует за телеологией действия, а ведет себя по отношению к ней *принципиально критически*. Оно воспламеняется именно от того элементарного факта, что темпоральные процессы человеческого мира *не* следуют телеологической логике действия. Историческое мышление – это ответ человеческого духа на раздражающий опыт того, что в конце целенаправленного действия часто получается не то, что было задумано. Истории рассказываются для того, чтобы устранить этот эмпирический абсурд телеологии действия во временном процессе. Они обязаны ментальному импульсу жизненной полезности прошлого, назначение которого состоит в том, чтобы быть посредником в структурных различиях между намерениями и результатами действия, в которых перманентно коренится случайность, и сглаживать их.

Это можно выразить и так: действие ориентировано на *happiness*, но очень редко приводит к нему. Но для того, чтобы придерживаться этой ориентации, требуется, так сказать, *Meta-happiness* исторического мышления, в котором случайность результатов действия, отличающихся от целей, перерабатывается так, что в дальнейшем можно осмысленно следовать целям, ориентированным на *happiness*. Традиционная телеология исторического мышления была, таким образом, если выразиться точнее, *метателеологией* по исцелению абсурдности в опыте случайных, непреднамеренных последствий результатов действия²⁸. Что это означает для качества прошлого в структуре используемого таким образом исторического мышления? Будет ли прошлое благодаря ориентации людей на счастье лучше?

Прежде всего, нужно придерживаться того, что историческое мышление, конечно, не изменяет факты прошлого – "*res gestae*", «деяния». «Лучше» относится не к этим фактам, оно подразумевает только преднамеренный приоритет целей действия и интерпретаций страдания людей над имевшимися предпосылками и обстоятельствами действия или страдания. Прошлое в этих предпосылках и обстоятельствах всегда *современно*. Поэтому в действии и страдании мы всегда уже находимся за пределами прошлого – в настоящем.

²⁸ Гегель изложил эту метателеологию как тезис о «коварстве разума».

Историческое мышление возвращает это нахождение человеческой жизни «за пределами» прошлого (вне его предпосылок, условий и обстоятельств) назад – к прошлому. Оно заставляет осознать их как историю, и при этом они обретают собственное значение. Так прошлое из заданной *предыстории в настоящем* становится *историей для настоящего* и осмысленно переносится в будущее. Факты прошлого интерпретируются с позиции этого «за-пределами» (Darüberhinaus). Но становятся ли они в результате этого лучше?

Конечно, нет, если «лучше» должно означать изменение и устаревание негативного качества в смысле *приукрашивания* или *улучшения*. Здесь с Шулином можно полностью согласиться. Впрочем, нельзя обойти вниманием тот факт, что такое *улучшение* систематически имеет место в ментальных процедурах памяти. *Улучшение* окружает факты памяти золотой рамкой ее ценностей и либо затемняет некрасивые черты, либо убирает из этих фактов неприятное и тяжелое. Из этой естественной тенденции памяти к *улучшению* нельзя, однако, вывести никакого правила исторического мышления до тех пор, пока оно следует методу, контролируемому опытом.

Современное историческое мышление делает прошлое посредством своей критики даже хуже. Оно устанавливает и представляет те факты, которые стали жертвой тенденции памяти к улучшению. (По крайней мере, оно, следуя правилам исследования, обязано на опыте критически проверять эмпирическое содержание коллективной памяти). Оно превращает поэзию «лучшего прошлого» в прозу подкрепленного аргументами изложения фактов. Поскольку это так, то история, конечно же, играет против памяти. Но значит ли это, что ее отрезвляющая проза бессмысленна? На этот вопрос нельзя ответить отрицательно. Однако когда смысл включает в себя избыток интерпретаций значения, это вызывает опасения, потому что именно в этом случае речь идет об «улучшении». «Стать лучше» значит стать – выйдя за пределы чистых фактов – многозначным и нагруженным смыслом. Но это всегда происходит в историческом мышлении.

Итак, можно сказать, что прошлое становится «лучше». Под «лучше» подразумевается статус, который факты прошлого приобретают в жизни настоящего, когда люди обращаются к ним, познавая и интерпретируя их (т.е. в своей исторической обусловленности получают ясное представление о самих себе). «Лучше» означает, что прошлое как осадок свершившегося действия под давлением страдания перетолковывается: прошлое из неподвижности свершившегося перетекает в движение жизненной практики. Историческое мышление играет вещам собственного мира мелодию их исторических значений и тем самым заставляет их «танцевать». «Лучше» означает более

свободное, уже не обусловленное фактами, а осмысленно воздействующее. Но не является ли это «улучшение» только интерпретацией *Post-Festum*, которую мы потом накидываем на прошлое? Доминирующие в современном научно-культурном дискурсе метафоры ментального процесса перетолкования прошлого в историю говорят в пользу этого: «вымысел» и «конструирование» настоятельно предлагают подобное улучшение *задним числом*. Однако нельзя игнорировать то, что в основе этого улучшения лежит *двойственный процесс*. Во-первых, решительно нельзя отрицать, что мы всегда уже выдуманы и сконструированы в исторической заданности наших жизненных обстоятельств, прежде чем мы сами начинаем выдумывать и конструировать их. (Речь идет не только о том, что было до и после, а всегда и об одновременности). Кроме того, прошлое в нашем «вымысле» оживает, так как к обусловленной заданности свершившегося принадлежат также модели интерпретации и смысловые критерии исторического мышления. Они – часть культуры, которая нас уже породила, прежде чем мы самостоятельно и критически начали действовать в ней. Прошлое, таким образом, всегда нечто большее, чем мертвое проекционное пространство наших ре-проецированных потребностей в его осмыслении. Оно в своем значении истории как бы уже изначально «лучше», т.е. прошлое осмысленно (но не как каузальная связь вещей) переносится в проект будущего, с помощью которого настоящее превосходит его в действии и страдании людей.

Вальтер Беньямин сформулировал ориентацию прошлого на будущее следующим образом: «Нас ждали»²⁹. Тем самым в историко-теоретическом плане подразумевается, что в опыте прошлого всегда заложено *невозмещенное будущее*. Будущее и его невозмещенность облицовывают «внутреннюю» сторону исторического опыта. В ней идет речь о *темпоральной интерсубъективности*. Таким образом, имеется в виду связь между людьми прошлого и людьми настоящего, которая лежит в плоскости смысла их жизненной практики. Надежды, ожидания и страхи в определенной степени «наследуются» поколениями. Парадигмой этой темпоральной интерсубъективности является межпоколенческая связь культурной ориентации³⁰. В этой межпо-

²⁹ Benjamin, Walter. Über den Begriff der Geschichte, in: Gesammelte Schriften. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1991. S. 691–704 (zit. S. 694).

³⁰ Под этой «парадигмой» я подразумеваю то, что смысловая внутренняя связь, в которой прошлое, порождая смысл, продолжается в настоящем, может объясняться на примере последовательности поколений, но не ограничиваться ею. Об историко-философских предпосылках и импликациях этой связи см.: Liebsch, Burkhard: Geschichte als Antwort und Versprechen. München, 1999; ders. Geschichte im Zeichen des Abschieds. München, 1996.

коленческой связи проекты будущего связаны посредством своего обращения к исторически интерпретированному прошлому со смыслообразованиями, происходившими в этом прошлом.

Прошлое – это не неизменные факты, так как субъективность действовавших и страдавших в нем людей всегда приводит его в движение, которое доходит до нас в ментальной связи поколений больших и малых коллективов. Точнее говоря, оно проникает в нас, в глубины нашей субъективности и одновременно *через нас и из нас* – в будущее, которое мы осмысленно проектируем для своего действия.

Исторический смысл сам является эффективным элементом исторических фактов. Сама социальная реальность уже нарративна, прежде чем мы нарративно убеждаемся в ее временной протяженности³¹. В этом отношении телеология действия людей в процессе темпоральных изменений их мира является элементом нашей последующей реконструкции этих изменений и интерпретации (нашей исторической метателеологии). Она вошла в наше историческое мышление с его культурными предпосылками. Мы наделяем умерших не просто нашим историческим смыслом, а выводим этот смысл из заданности нашего мира, в которой мертвые становятся для нас живыми. Подхватывая формулировку Фрейда, можно сказать: они для нас своего рода *постфактум*. С помощью исторической интерпретации мы согласовываем нашу телеологию действия с вошедшей в исторический опыт телеологией умерших, с их страхами и надеждами, разочарованиями, рационализацией и преодолением гнетущей действительности.

В процессе согласования наших намерений с намерениями умерших (выступающих в *пред-истории* как современность) умершие не мертвы, а являются частью нашей собственной жизни. Из этой *предыстории* они входят в нашу историю, избавляясь от немой условности нашего действия и страдания, находя спасение в языке исторического смысла того, что с ними и в результате их действий произошло. Призраки превращаются в «предков». Из фактической условности возникает деятельный дух.

³¹ На это неоднократно указывал Дэвид Кепп: *Time, Narrative, and History. Studies in phenomenology and existential philosophy*. Bloomington (Indiana Univ. Press), 1986; *Getting the stories straight: Narrative and historical knowledge // Historiography between modernism and postmodernism. Contribution to the methodology of the historical research / Ed. by J. Topolski*. (Poznan, Studies in the philosophy of the sciences and the humanities, vol. 51) Amsterdam, 1994. S. 119–133; *Phenomenology and historical knowledge // Phenomenology of interculturality and life-world / Ed. by Orth, Ernst Wolfgang; Cheung, Chan-Fai*. (Phänomenologische Forschungen, Sonderband). Freiburg, 1998. S. 112–130.

Это превращение означает «улучшение». Чистая обусловленность нашего действия обстоятельствами свершившегося является для телеологии этого действия случайной. Эта случайность трансформируется с помощью исторического мышления в представление об осмысленном и многозначном временном процессе. И в результате прошлое становится «лучше». «Улучшение» подразумевает произошедшую в историческом мышлении с помощью нарратива трансформацию опыта случайностей в различии между намерением и результатом действия – в осмысленную связь, которая может ориентировать как представление о временном процессе. Это представление устраняет различие между результатами прошлого и намерениями настоящего в отношении будущего. И тому есть масса примеров, таких как «наследие», «задача», «традиция», «свидетельство» и т.д.

Но воспринимается ли событие прошлого в смысловом избытке нашей исторической ориентации действия непрерывно? Если на этот вопрос отвечают утвердительно, то мыслят в категориях идеалистической философии истории. Она применяется как теодицея человеческого страдания (во внутримировой связи событий) и как прогресс в ходе развития устраняет отягощающий опыт. Исторически интерпретируя «бойню... в которой счастье целых народов, мудрость государств и добродетель индивидов приносятся в жертву»³², она превращает ее в прогрессивное движение, достигающее апогея в современности. Это относится не только к Гегелю, но и к Ранке³³. Противоположностью является неразрешимость (*Unauflösbarkeit*) негативного исторического опыта, то, что Якоб Буркхардт называл несчастьем многих. Парадигма этого – Холокост.

Итак, речь идет только о противоположности рождающей смысл «внутренней связи»? Должен ли непрерывный переход опыта прошлого в ориентированный на будущее смысл нашей телеологии действия прерываться, превращаться в дисконтинуитет? Если это происходит, то разрушается синтез опыта и интерпретации, логически конститутивный для самого исторического мышления. В этом случае следует отречься от совместимости исторического смысла с телеологией действия. Историческое мышление «умерло», а вместе с ним и история. Ее радостно провожают в музей либо она переста-

³² Hegel, Georg Wilhelm Friedrich: *Die Vernunft in der Geschichte* / Ed. J. Hoffmeister. 5. Aufl. Hamburg, 1955. S. 82.

³³ «В приближении различных наций и индивидов к идее человечества и культуры заключается безусловный прогресс». – Ranke, Leopold von. *Über die Epochen der neueren Geschichte* / Ed. Theodor Schieder u. Helmut Berding (Aus Werk und Nachlaß, Bd. 2). München, 1971. S. 80.

ет существовать в меланхолическом отсутствии ориентации жизненной практики людей³⁴.

Мои аргументы, напротив, сводятся к тому, что важно признать абсурд в исторической интерпретации прошлого и соединить его в синтезе исторического повествования с историческим смыслом. В этой связи тема «травмы» выступает как основной категориальный вопрос исторической науки и исторического мышления. С помощью этой категории историческая интерпретация становится переработкой абсурда в опыте умерших, который они сами произвели и оставили нам в наследство. Мы как потомки перерабатываем его во временную перспективу невозмещенного будущего нашего собственного настоящего. Мы даже чувствуем свою ответственность за этот абсурд.

Парадигмой ментальной процедуры такого обращения с прошлым, в котором тяжесть его опыта побуждает к действию в пользу иного будущего, является скорбь³⁵. В действительности есть смысл сказать о том, что через скорбь прошлое, в котором произошла утрата, оказывавшая парализующее воздействие, становится лучше. Скорбь изменяет прошлое, нарушающее смысл и потому не желаемое проходить. Прошлое воспринимается по-новому как *будущеспособное* (zukunfts-fähig). Эта метафорфоза может происходить и с историческим мышлением. Оно может аналогичным образом обращаться с тяготящими нарушениями смысла в ткани исторической интерпретации прошлого – в пользу настоящего – и освобождать перспективы человеческой жизни от обусловленности абсурдом прошлого.

Как это может происходить? Сначала незатейливо и просто, с помощью рассказа о том, что произошло. Засвидетельствованные ужасы прошлого как бы «затишают», извлекаются из анонимности зловещего, получают имя, становятся очевидными. Самым впечатляющим подтверждением того, что последующее свидетельство

³⁴ Zu ersterem vgl.: *Bolz, Norbert*. Das Happy End der Geschichte // *Geschichtskultur in der Zweiten Moderne* / R. Beier (Ed.). Frankfurt am Main, 2000. S. 53–69. Впечатляет то, как после исторических катастроф XX в. исторический опыт может эстетически улетучиваться: «История сегодня – это только спектр модной цветовой гаммы» (S. 611). Обратной стороной этой постмодернистской медали является интеллектуальная конъюнктура сегодняшней меланхолии. Vgl. dazu: *Bohrer, Karl-Heinz*. Der Abschied. Theorie der Trauer: Baudelaire, Goethe, Nietzsche, Benjamin. Frankfurt am Main, 1996. S. 40. Vgl. auch *Entzauberte Zeit. Der melancholische Geist der Moderne* / L. Heidbrink (Ed.). München, 1997; *ders.* Melancholie und Moderne. Zur Kritik der historischen Verzweiflung. München, 1994.

³⁵ См.: *Trauer und Geschichte* / Liebsch, Burkhard; Rösen, Jörn (Eds.). (Beiträge zur Geschichtskultur, Bd. 22). Köln, 2001.

происходит в пользу надежды тех, чей смысл жизни был уничтожен, является эпизод из произведения Клода Ланцманна «Шоа», в котором оставшийся в живых Филип Мюллер, член зондеркоманды по ликвидации трупов из газовых камер, рассказывает:

Что значить жить,
для чего?
И тогда я пошел в газовую камеру,
с теми,
и решил умереть
с ними...
И тогда сказала одна:
"Ты хочешь умереть. Но это же
бессмысленно.
Твоя смерть
Не вернет нашу жизнь.
Это – не поступок.
Ты должен выйти отсюда,
Ты же должен еще рассказать
о наших страданиях,
о несправедливости, причиненной нам...
о том, что произошло"³⁶.

Что означает такой «рассказ» для родившихся позднее, тех, кто должен жить в межпоколенческой связи с жертвами или преступниками и исторически ориентироваться?³⁷ Их исторический синтез опыта и интерпретации должен опираться на рефлексивное признание границ смысла – при универсальном предположении его наличия³⁸.

³⁶ Was sollte man leben, / für was? / Und da ging ich in die Gaskammer, / mit denen, / und entschieden zu sterben. / Mit ihnen. / [...] / Da sagte eine: / "Du willst ja sterben. Aber das / hat doch keinen Sinn. / Dein Sterben wird nicht / unseres Leben bringen. / Das ist kein Tat. / Du mußt von hier raus, / du mußt ja noch berichten über dem, / was wir leiden, / was für ein Ungerecht uns getan ... / geschehen ist." – *Lanzmann, Claude. Shoah. München 1988. S. 219 f.*

³⁷ Vgl. *Rüsen, Jörn. Holocaust-Erinnerung und deutsche Identität, in: ders.: Zerbrechende Zeit (Anm. 15).*

³⁸ Ср. аргументацию Луманна: «Смысл всегда отсылает к смыслу и никогда, исходя из смысла, к чему-либо другому. Системы, привязанные к смыслу, не могут поэтому быть или действовать свободно от смысла... Отрицания также имеют смысл. Любая попытка отрицать смысл вновь предполагает наличие смысла... Таким образом, смысл является неотрицаемой недифференцируемой категорией... "Бессмысленность" поэтому не может быть достигнута в результате отрицания смысла» – *Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. 2.A. Frankfurt am Main, 1985 (Zuerst 1984). S. 96.* Алоис Хан, напротив, приводит более дифференцированную аргументацию: «...в теории придания смысла можно поступать по-другому и там следует различать между смыслом как предпосылкой коммуникации, а также мышления. Мы не можем думать, не

Осмысленное представление исторического мышления о временном процессе, которое привязано к фактической цепи событий, должно быть сломано. Для этого нужны темпоральные концепты, которые в их собственном смысле нельзя привязать к хронологической последовательности событий, они пересекают временной процесс, порой играя против него и выигрывая; это – утопия, миг, происхождение, предел, контрфактические предположения смысла и т.д.

Сконструированная таким образом история не имеет *happy end* нашей телеологии действия и оставляет вне себя абсурдный для телеологии действия опыт. Она интегрирует абсурд в историческую ориентацию телеологически ориентированного и оформленного действия так, что этот абсурд непреднамеренно продолжается в самом действии, в развитии человека и его мира, а именно как стремление устоять перед ним. В результате «рассказа» остановленный, а лучше сказать – наглядно представленный – ужас нужно как опыт осмыслить так, чтобы он стал мотивацией к действию по превращению в свою противоположность, т.е. стал толчком к смыслообразованию.

Осмысленный абсурд как шанс к действию и готовность к страданию – предпоследнее слово исторического мышления. Его последнее слово – *happy end* нашей телеологии действия, в которой речь всегда идет о счастье лучшего будущего. И самое последнее слово – молчание непредставляемого будущего, которое наше действие высвобождает из себя и в котором мы всегда умираем. Это молчание должны нарушить потомки, когда они в своей исторической интерпретации обратятся к нам, чтобы иметь возможность быть самими собой.

(Перевод с немецкого Н.Ф. Сокольской)

действуя осмысленно, и мы также не можем коммуницировать, не действуя осмысленно. Однако в немецком языке понятие придания смысла (*Sinngebung*) по меньшей мере означает нечто большее, и я полагаю, что люди (и в определенной степени – культуры) зависят оттого, что жизнь им кажется полной смысла. В одном случае речь идет о том, понимают ли любое предложение, которое я говорю, или более или менее любое предложение. Таким образом, смысл есть понимание. Но в другом случае речь идет также о том, что кому-то мир и жизнь могут казаться абсурдными. Противоположным понятием этому является смысл. Смысл как противоположность абсурдности. Это представлялось мне в соответствующих пассажах о социальных системах недостаточно различимым. Я критиковал это в несколько шутливой форме. Луманн, как видно из последовавшей реакции, был готов тотчас же подхватить эту мысль». (*Kölbl, Carlos; Scheloske, Anne. Wissenschaft als Passion. Interview mit Alois Hahn // Handlung, Kultur, Interpretation. Zeitschrift für Sozial- und Kulturwissenschaften 10 (2001). S. 138-157. (S. 150).*

С.Г. Ким (Томск)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ГЕРМАНИИ «ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНА»¹

Отступая от дуалистических концепций познания, современная наука стремится произвести качественные изменения в осмыслении своих основополагающих категорий. Однако бурные дискуссии 90-х гг. вокруг фундаментальных концептов историописания в ФРГ поставили перед учеными больше вопросов, чем предложили ответов на них. В преодолении «хаоса постмодернизма» надежды возлагались на формирование внутренне подвижной системы взаимодействия людей в её плюралистическом равновесии. Историки пытались так очертить предмет своих штудий, чтобы он находился в точке пересечения интересов различных наук о человеке и обществе. Причём, поскольку каждая из них имеет собственный угол зрения на их взаимоотношения и собственные приёмы их анализа, поднимался вопрос о более сложной, версии изучения «космоса истории». Отказ от иерархии «важности» изучаемых проблем и осознание ограниченности любого из классических направлений исследования вели не просто к акцентированию полицентричности этой «галактики». Ученые склонялись к признанию наличия не одной (или же тотальной, универсальной) истории, а их множества. Это, в свою очередь, вызывало некоторую теоретическую растерянность и ослабление влияния на историка нормативных посылок, а также суждения о бесконечности дороги к синтезирующим моделям Великой бездны прошлого².

Между тем, именно эта, казалось бы, беспредельная, Вселенная была полна творческих сил и таила в себе все ростки настоящего и будущего. Поиски объединяющего принципа в конструировании исторического целого и такой методике, способной объяснить логику и динамику его существования, ведутся сегодня учёными всего мира. В

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 00-01-00025.

² См.: *Rüsen J. Postmoderne Geschichtstheorie // Geschichtswissenschaft von 2000 / Hrsg. von K.H. Jarausch u.a. Hagen, 1991. S. 27-48; Geschichte schreiben in der Postmoderne / Hrsg. von C. Conrad, M. Kessel. Stuttgart, 1994; Bauman Z. Ansichten der Postmoderne. Hamburg, Berlin, 1995; Smith H.W. Geschichte zwischen den Fronten // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 22. 1996. S. 592-608.*

исторической науке Германии, пожалуй, особенно отчётливо проявилась близость таковых к насущным потребностям реального времени. Попытки найти сбалансированное (диалектическое) сочетание между объективными условиями жизни и «способами их осознания» человеком всегда соответствовали здесь внешним политическим и идеологическим факторам. Но особенно отчетливо проблема легитимации настоящего путем «присвоения» прошлого обозначилась после «перелома 1989/90 гг.», драматически изменившего представления о смысле истории. Это с неизбежностью поднимало вопрос о пределах исторического познания как «ретроспективного взгляда на грядущие дела»³. Речь шла о том, в какой степени наука может сделать историю доступной познанию, и в какой мере знания о ней являются опосредованными. Представлялось важным понять то, насколько такие способы превращения прошлого в доступные настоящему формы (а, следовательно, способы содействия этому настоящему) содействуют постижению смысла истории. Ведь попытки создания «новых мифологий» начинались в Германии ещё под впечатлением от Французской революции⁴ и всегда были призваны обосновать новые духовные порядки и общественные связи после разочарований и разрушений. Пытаясь отрешиться от романтической ностальгии по золотым векам прошлого и наивных мечтаний о светлом будущем, учёные выносили на обсуждение вопрос о том, каким образом в столь широком спектре вероятных отношений к прошлому занять положение между абсолютной истиной и абсолютной непознаваемостью. Именно на фоне попыток его решения попытаемся взглянуть на состояние исторической науки Германии «после постмодерна»⁵.

Подчеркнутое внимание к постижению смысла исторического бытия, его идеального содержания выступало в ФРГ неотъемлемым компонентом дискутируемых в последние годы альтернативных способов приближения к прошлому⁶. Такие установки связывались учёными в первую очередь с тем, что способы восприятия и осмысления действительности, а также самотолкования картины мира историческими субъектами, заслуживают ничуть не меньшего вни-

³ См.: Кум С.Г. Историческая наука и историческое сознание в ФРГ: трудный путь «преодоления прошлого» // Историческая наука и историческое сознание / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 2000. Гл. II. С. 68–122.

⁴ См.: Frank M. Gott im Exil: Vorlesungen über die Neue Mythologie. Frankfurt a. M., 1988; Mythologie und Vernunft. Frankfurt a. M., 1984.

⁵ См.: Schulín E. Nach der Postmoderne // Geschichtsdiskurs / Hrsg. von W. Küttler u. a. Frankfurt a. M., Bd. 1. 1993. S. 365.

⁶ См., напр.: Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Hrsg. von H. Nagl-Docekal. Frankfurt a. M., 1996.

мания, чем их социально-экономическое положение или принадлежность к «объективно зафиксированным» состояниям, слоям или классам. Кроме того, ими подчеркивалась необходимость в большей степени, чем ранее, учитывать отвлеченность как самого исследователя, так и его инструментария от тех значений, которые индивид в прошлом придавал своим действиям⁷.

Эти требования, хотя и воспринимались как тривиальные, не являлись таковыми прежде всего по двум причинам. Во-первых, поскольку были направлены на пересмотр некоторых «старых новых» тенденций историописания, вынужденных дать ответ на «вызов постмодернизма». Имелась в виду в основном сциентистски ориентированная наука, не уделявшая большого внимания изучению субъективной реальности и её смысловых полей. Она располагала их на «лежащем под структурами» уровне и считала производными от технологий функционирования общества. В какой-то мере, по выражению Герхарда Хаука, смысловые конструкции отливались на кухне социального, причем из существовавших независимо от них форм, которые и придавали им очертания⁸. Вторая причина актуальности постмодернистских требований виделась в их желании разрушить устоявшиеся представления о том, что исторический факт – это всегда нечто объективно зафиксированное. В конечном счете, полемика велась не только вокруг вопроса о значимости смысловых характеристик бытия. Она была намного шире, поскольку касалась одной из основных проблем любого исторического анализа. Учёные включались в полемику о дихотомии «подлинного» и «мнимого», «факта» и «фикции»⁹. Они задавались вопросом, что следует рассматривать как «факт» и, вместе с тем, как тот факт из бескрайнего разнообразия прошлой жизни, который находится в доступной современным методам исследования «метagalактике».

Интерес к познанию смысла происходившего явился, в целом, характерной чертой большинства нынешних версий изучения прошлого, начиная с истории будней до толкований невербальных способов общения, символов и ритуалов. Одним из возможных критериев их дифференциации стало определение местоположения смысловых уровней реальности. Одни ученые предпочитают искать

⁷ См.: Daniel U. Clio unter Kulturschock. Zu den aktuellen Debatten der Geschichtswissenschaft. Teil 1. // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Jg. 48. 1997. H. 4. S. 200.

⁸ Hauck G. Geschichte der soziologischen Theorie. Reinbek, 1993. S. 133–152.

⁹ Оценку этих дискуссий см.: Эскле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 49–60.

их в «материальной» культуре, другие – в «символической». В первом случае особым вниманием пользуются факты повседневной жизни, во втором – сами компоненты осмысления и толкования окружающего мира его субъектами. Различны также представления о том, что следует включать в категорию смысла, каковы пути её исследования и, наконец, каково её место во взаимодействии различных аспектов бытия. Достаточно условно их можно разделить на два (очень широких и внутренне подвижных) направления, которые совмещают дефиницию смысла с опытом или «культурной практикой» и с текстом или «дискурсивной практикой». Ориентирами в их познании для немецких историков стали, соответственно, построения К. Гирца и М. Фуко¹⁰.

Согласно «гирцианским» интерпретациям культуры как «самотканной материи смыслов», по признанию учёных, как раз её освоение человеком делало возможными социальные связи и, в конечном счёте, приводило в движение колесо истории. Культура располагалась на «промежуточном уровне» между духом и материей, включая в себя и то, и другое. Смысловые значения вплетались при этом в контекст социальной практики людей. Собственно здесь, в сфере межличностных и общественных отношений, которые структурировались благодаря этому смыслу, культура воспроизводилась и видоизменялась¹¹. Не менее перспективным представлялся многим немецким историкам опыт «стилистического измерения» текста источника, где запечатлен человеческий опыт. Ведь, согласно М. Фуко, дискурс – это совокупность не только высказываний, но и актов их формулировки. Более того, он рассматривался как тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт. Поэтому дискурсивный анализ включал в себя не только диалог исследователя с источником, но и предполагал в качестве высшей цели ученого вовлечение дискурса в поле недискурсивных практик¹².

¹⁰ Wolff S. Die Anatomie der Dichten Beschreibung. Clifford Geertz als Autor // Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem Problem des Kulturvergleichs. Göttingen, 1992. S. 339–361; Frank M. Zum Diskursbegriff bei Michel Foucault // Diskurstheorien und Literaturwissenschaft. Frankfurt a. M., 1988. S. 25–44.

¹¹ Unterweiten der Kultur. Themen und Theorien der volkstümlichen Kulturwissenschaft / Hrsg. von H. Bausinger. Frankfurt a. M., 2001; Kittler F. Eine Kulturgeschichte der Kulturwissenschaft. München, 2000; Frisby D., Bormemann J. Cultural Turn. Zur Geschichte der Kulturwissenschaft. Frankfurt a. M., N.Y., 2001; Kulturwissenschaft. Felder einer prozessorientierten wissenschaftlichen Praxis / Hrsg. von H. Appelsmeyer, E. Billmann-Mahecha. Göttingen, 2001; Nell W., Riedel W. Kulturwissenschaften. Geschichte Grundlagen, Perspektiven. München, 2001.

¹² См.: Iggers G. Zur "linguistischen Wende" im Geschichtsdnken und in der Geschichtsschreibung // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 21. 1995. S. 557–570; Иггерс Г.Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу

Между тем при всех своих позитивных гранях постмодернизм, по мнению историков ФРГ, ярко показывал проблематичность самой категории «реальность». Несмотря на то, что объектом дискурсивных высказываний была совокупность общественных связей, подобно узлам семиотической «сетки» культуры (К. Гирц), именно эта практика и моделировала те объекты, о которых шла речь. Объективированный в языке образ мира или «слепок» с действительности выступал здесь главным смыслообразующим фактором, который определял контуры как мышления, так и поведения человека. Деятельность субъектов истории обозначалась уже как производная от «созидающих смысл» текстов исторических документов, т. е. смысл в ней лишь реализовался. В представлении немецких ученых первичная смысловая конструкция создавалась здесь вновь, как бы за спиной у человека, но уже не структурными посылками, а дискурсивным пространством. Иными словами, формировалась во множестве различных дискурсивных высказываний, которые моделировали «исходную матрицу» восприятия людьми самих себя и окружающего мира. Как раз она очерчивала границы и направления «культурного творчества» человека в обществах ушедших эпох, к анализу которых обращались исследователи¹³.

Исходя из этого, внимание ученых концентрировалось вокруг таких текстов, которые формировали основные категории жизненного опыта, а именно: «я», «мы» и «другие»; «хорошо» и «плохо» и т. д. Причём исторический источник рассматривался не столько как документ, несущий информацию о прошлом, сколько как часть той смысловой конфигурации, которая была создана дискурсивной практикой. Более того, предпринятый историками шаг к превращению анализа прошлого в разновидность «поэтического творчества», определил и инструментарий подобных толкований. Способом приближения к познанию минувшего выступали здесь методы деконструкции и лингвистического анализа, направленные на расшифровку и декодирование вербальных конструктов. Контекстом смысловых характеристик бытия являлись в этом случае не реальные факты из социальной практики людей, а вновь (и порой исключительно) исторические тексты или рассуждения о них. В силу этого, считали не-

историографического подхода Хейдена Уайта // *Одиссей. Человек в истории*. 2001. 2001. С. 140–154; *Yaïm X. Ответ Иггерсу* // Там же. С. 155–161.

¹³ См.: *Geschichtsdiskurs* / Hrsg. von W. Küttler u. a. 5 Bde. Frankfurt a. M., 1993/94; *Jelavich P. Poststrukturalismus und Sozialgeschichte – aus amerikanischer Perspektive* // *Geschichte und Gesellschaft*. Jg. 21. 1995. S. 259–289; *Язык и интеллект*. Сб. пер. с англ. и нем. М., 1996.

мецкие ученые, сделанные заключения чаще всего оставались за гранью деятельности людей, создающих эти тексты и реализующих их смысловые категории в жизни. Реальность сводилась к её образу в сознании, идеальному продукту психической деятельности человека, социальный опыт людей к их рассуждениям, историческое познание к авторскому воссозданию вербальных представлений о смысле происходившего. В итоге, отказ от классических претензий обрести «единственно верный» смысл исторического существования приводил, на их взгляд, к релятивизму и к появлению противоречивых вариантов «гипотетической реконструкции» истории¹⁴.

Таким образом, в ходе критических дебатов о возможностях новаторских стратегий изучения прошлого их эвристический потенциал не оспаривался. Признание онтологической и гносеологической ценности плюрализма и стремление выйти за пределы жёсткого разграничения предметного поля исторических изысканий, открывали перед учеными всё новые пути к внутринаучному и междисциплинарному диалогу. Вместе с тем, ученые по-прежнему настаивали на формировании совокупности таких приемов изучения смысловых характеристик, которые позволили бы не просто ре/деконструировать их на фоне исторической реальности, а включить их в этот контекст. В ставших уже бесконечными поисках таких «промежуточных» (или медиальных) моделей объяснения, а точнее, эпистемологических *условий* для их создания, продолжается движение навстречу друг другу у прежних антагонистов¹⁵. Попытки объединения инновационных и уже устоявшихся позитивистских образцов изучения прошлого пришли в преддверии XXI в. на смену «ослепленению блеском постмодернизма».

Стараясь объяснить смысл исторического бытия (в каком бы то ни было его значении), ученые соглашались с равноценностью всего комплекса толкований различных компонентов неоднородного, но неделимого «космоса истории». Признание нерасчленимости человека и общества делало целесообразными любые подходы к их изучению во всем богатстве составляющих. Пожалуй, это «фундаментальное» кредо «третьей» линии в постижении прошлого способно сплотить сегодня всех современных историков. Дискуссионное поле историографии охватывает все то, что объединяется (несмотря на

¹⁴ См.: Giddens A. Konsequenzen der Moderne. Frankfurt a. M., 1995; Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt a. M., 1990.

¹⁵ См., напр.: Iggers G. Geschichtstheorie zwischen postmoderner Philosophie und geschichtswissenschaftlicher Praxis // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 26. 2000. H. 2. S. 335–346; Pierre Bourdieu im Gespräch mit Lutz Raphael // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 22. 1996. S. 62–89.

различия в концепциях и тематике) под названием «история культуры» или, вернее, «историческая культурология»¹⁶. Она устремлена не только на изучение творческого потенциала личности, на преодоление дихотомий и анализ взаимосвязей человека и социума в контексте культуры. Нацеленная на постижение человека как «живого целого» (К. Гирц), она отчетливо показала также переориентацию общественнознания к антропоцентризму в его новом облике – трансдисциплинарном, предлагающем множественность углов зрения на социальную деятельность актеров истории.

Что касается нового видения «предполагаемых миров прошлого», то такие версии историописания обозначают иногда как «космологическую» антропологию, изучающую личностное, сознательное начало мироздания. Именно здесь учёные рассчитывают поместить свой предмет в фокус пересечения его разнообразных компонентов, конструируя его тем самым во множестве граней. Как раз в анализе опыта человечества как культурной или дискурсивной практики они надеются отыскать точку согласия и, следовательно, интеграции социальной реальности. Постигание многоаспектности бытия увидели на пути постижения его смысла, отраженного в интеллектуальной деятельности и зафиксированного в языке, искусстве, ритуалах, символах и т. д. Традиционная формула взаимоотношений субъекта и объекта, личности и общества все более приобретала вид триединства. В качестве связующего (вернее, придающего им гармонию) члена выступали накопленные знания, опыт людей, их самосознание или культура. Ведь как раз культура в вышеозначенном понимании задавала координаты мировосприятия конкретной личности, творящей историю, её жизненного опыта, а, следовательно, определяла её установки и инициативные действия. Именно *Действие* выступало аналитической единицей «движения мира», превращалось в тот предмет познания, где *потенциальное множество* микро- и макровлияний, объективных и субъективных компонентов бытия обретали своё *реальное единство*¹⁷. В качестве же медиума в

¹⁶ См.: Человек. Культура. История. Саратов, 1993; Культурология. XX век: Антология. М., 1995; Александрова Е.Я., Быховская И.М. Апология культурологии: Опыт рефлексии становления научной дисциплины // *Общественные науки и современность*. 1997. № 3; Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 124–145; Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // *Вопросы философии*. 1999. № 4 и др.

¹⁷ Анализ указанных процессов в современной исторической науке см.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // *Социальная история*. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 30–37.

процедурах познания прошлого, вернее диалога с ним, принимая во внимание всю безуспешность попыток «прямого» контакта даже с «человеческой» реальностью, выступал предлагающий её «слепок» *текст источника*, где объективирован образ уже не существующего мира. Именно на этом пути представлялось возможным *новое прочтение* прошлого, когда «из деяний делается история».

Поиски механизмов включения исторического «факта» в его контекст, который, по признанию аналитиков, имеет не только свою конфигурацию, но и располагается на различных уровнях, а также может быть зафиксирован в «картине мира» и рассмотрен под многими углами зрения, продолжается. Вместе с тем, следует отметить, что уход от попыток создания «глобальных» конструктов «нового прошлого» изменил сами суждения об интегральной парадигме историописания. Она формулируется не столько как неделимая и амбивалентная, сколько как *поливалентная* модель постановки проблем и способов их решения. Изменяются сами представления, о возможностях целостного видения процесса общественной динамики как согласованной «системы систем». Новая версия изучения прошлого представлена не только и не столько как промежуточная между личностью и обществом, где интеграция – это нередко лишь предел суммирования. Чтобы уйти от опасности создания мозаичных композиций необходимо, наряду с признанием полицентричности и многослойности мироздания, отражение асимметричной циркуляции между этими центрами и слоями. Как раз задачи постижения неравномерных и неоднозначных изменений в метagalактике прошлого выдвигались в качестве приоритетных для исторической культурологии.

Не остались, конечно, незамеченными и аргументы сторонников постмодернизма. Обращает на себя внимание в этом контексте понятие «культурная память», введённое в научный оборот немецкой науки Яном Ассманом¹⁸. Он определял «культурную память» как особую форму передачи и осовременивания культурных смыслов, как обобщающее понятие для всякого знания, которое управляет поступками и переживаниями в рамках взаимодействия внутри общества и подлежит повторяющемуся из поколения в поколение наставлению и заучиванию. Более того, на его взгляд, культурная память представляет собой не только *предмет* познания (и в науке, и за её пределами) – она одновременно еще и *форма* познания. Говоря словами Я. Ассманна, культурная память не «встречается» с прошлым, она несет его в себе са-

¹⁸ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. См. также: Assmann J. Ägypten: Eine Sinngeschichte. München; Wien, 1996.

мой. Таким образом, в самих понятиях культуры и культурной памяти задается двойной уровень – как познание объектов, с одной стороны, так и рефлексии относительно условий этого познания, с другой стороны. Они включают в себя одновременно и опыт, и смысл¹⁹.

Отчетливое выражение новаторские стратегии нашли в стремлении комбинировать повествовательные (герменевтические) и объясняющие (структурные) способы аргументации, а также в надежде достичь равновесия между ними²⁰. Естественно, комплексное (социогуманитарное) знание исключало любые исследовательские приоритеты. Между тем, представления о его диалогичности требовали уточнения традиционного разделения наук на идиографические и номотетические. Сторонники и тех, и других все чаще подчеркивали, что в любой науке присутствуют, и всякий раз по-своему соединены, процедуры понимания и объяснения. Так, скажем, в ходе полемики вокруг ориентированных на «понимающую» этнологию интерпретаций культуры многие историки настаивали на необходимости определения радиуса действия и «мощности» дефиниции культуры при изучении прошлого. Не менее очевидно сегодня и признание роли методов интуитивного понимания в номотетических науках, ориентированных на объяснение, т.е. на сопоставление изучаемых явлений с идеальными типами и абстрактными моделями. Их представители согласились с наличием не только законов, основанных на строго необходимой взаимосвязи факторов, но и законов, отражающих вероятностные процессы²¹. В гуманитаристике, бесспорно, это было связано с критикой позитивизма и его ответом на «вызов постмодернизма», стержневые аргументы которого сформулированы в теоретических конструктах представителей неосциентизма.

В современной историографии ФРГ логика новаций и механизмы преемственности проявились, пожалуй, особенно отчетливо. Уте

¹⁹ См.: Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 176–198.

²⁰ См.: Wunder H. Artikel „Kulturgeschichte, Mentalitätengeschichte, Historische Anthropologie“ // Fischer Lexikon Geschichte / Hrsg. von R. van Dülmen. Frankfurt a. M., 1990. S. 65–86; Daniel U. „Kultur“ und „Gesellschaft“. Überlegungen zum Gegenstandsbereich der Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 19. 1993. S. 69–99; Sieder R. Sozialgeschichte auf dem Weg zu einer historischen Kulturwissenschaft? // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 20. 1994. S. 445–468.

²¹ Яркий пример – синергетика. См.: Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 9–11; Янч Э. Самоорганизующая Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1; Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4, и др.

Даниэль отмечала как парадокс в истории немецкой науки то, что герменевтическая линия познания, сформулированная некогда в Германии, вновь стала здесь спорной уже при заимствовании багажа американской этнологии²². Ориентируясь в 60-70-е гг. на аналитический арсенал социологии, немецкие ученые, как известно, сочли методы понимания ненаучными. Критика идеалистического историзма и «декавалификация» герменевтики были в то время не только взаимосвязаны, но и отчасти приравнены. Как «истористские» оценивались те способы толкования прошлого, которые ставили целью изучение «намерений» вместо «причин» и те формы историописания, которые больше «рассказывали», чем «объясняли»²³.

Актуальность критики немецкого историзма связывалась в те годы с изменением предметного поля исторической науки, с формированием альтернативных версий изучения прошлого. При этом, однако, чрезмерно акцентировались те дихотомии, которые в дебатах 80-х гг. прошли между позитивистской историей общества и антропоцентристскими подходами²⁴. В «роковую», по признанию самих ученых, оппозицию были поставлены историческое объяснение и логическое обоснование – с одной стороны, и интуитивное проникновение, а вместе с ним и нарративное исследование – с другой. В то же время весь известный опыт в сфере инноваций, как и опасения историков, прийти к созданию новых мифов, делали дискуссию между этими моделями неизбежной²⁵. Более того полемика показала, что недостатки и преимущества герменевтических и сциентистских подходов уравнивали друг друга. Эмпирическая практика продемонстрировала,

²² Daniel U. „Kultur“ und „Gesellschaft“. Überlegungen zum Gegenstandsbereich der Sozialgeschichte // *Geschichte und Gesellschaft*. Jg. 19. 1993. S. 69–99. См., напр.: *Kulturgeschichte heute* / Hrsg. von W. Hardtwig und H.-U. Wehler. Bonn, 1996; *Gessner D. Kulturgeschichte contra Zeitgeschichte*. Ein Literaturbericht // *Historische Zeitschrift*. 1997. Bd. 265. H. 2. S. 395–407.

²³ См.: *Rüsen J. Konfigurationen des Historismus*. Studien zur deutschen Wissenschaftskultur. Frankfurt am Main, 1993; *Wittkau A. Historismus*. Zur Geschichte des Begriffs und des Problems. 2. durchges. Aufl. Göttingen, 1994.

²⁴ См.: *Wehler H.-U. Neoromantik und Pseudorealismus in der neuen „Alltagsgeschichte“* // Ders. *Preußen ist wieder chic...* Frankfurt a. M., 1983. S. 99–106; *Ders. Alltagsgeschichte: Königsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen?* // Ders. *Aus der Geschichte lernen*. München, 1988. S. 130–151; *Kocka J. Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme*. 2. erw. Aufl. Göttingen, 1986. S. 132–176; *Kaschuba W. Kulturalismus: Vom Verschwinden des Sozialen im gesellschaftlichen Diskurs* // *Zeitschrift für Volkskunde*. Bd. 91. 1995. S. 27–46.

²⁵ См.: *Kocka J. Faszination und Kritik. Bemerkungen aus der Perspektive eines Sozialhistorikers* // *Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich* (19. und 20. Jahrhundert). Göttingen, 1995. S. 389–392.

что в зависимости от темы и постановки вопроса к интересным результатам приводил либо один, либо другой способ видения, а чаще их комбинация. В силу этого дебаты о том, какой из них лучше, теряли всякий резон вне темы и цели конкретного изыскания.

В конце XX века интонация при характеристике проблем эволюции и «перманентной реставрации» традиций немецкой исторической науки, всегда остававшихся в поле зрения ученых ФРГ, изменилась. Все чаще обращалось внимание на то, что за новыми формулировками в современной гуманитарной мысли скрывались идеи классиков историзма. Действительно, оценивая конструкты постмодернизма и «культуроведения», как не вспомнить о диалектике Духа или о герменевтике смысла. Ведь сердцевину немецкого историзма составляло признание идеалистической субстанции, выступающей сущностью конкретно-исторических процессов. Его представители многократно повторяли, что история идей и мыслей представляет собой ключ для объяснения истории деяний. И задача ученого состояла в том, чтобы познать таинство бесчисленных проявлений духовности мира. Отсюда акцент на иррациональном знании, на «откровении, развивающемся изнутри человека», которое позволяло историку прочесть неизгладимые следы прошлого, выявить их грани и проникнуть в суть исторических феноменов. Самым существенным и необходимым инструментом историка признавалось «понимание», т.е. интуитивное проникновение в мир изучаемых объектов, раскрытие его смысловых связей посредством интерпретации и расшифровки знаковой ситуации. Для классического историзма познавать прошлое – означало его монтировать или реконструировать, «вживаясь» в него и заново сопереживая или, словами И.Г. Дройзена, речь шла о его познании в форме гипотез, продвигающемся вперед эмпирическими путями²⁶.

Такие установки, несомненно, представлялись актуальными в свете новых ориентиров историописания, что делало вместе с тем необходимым выявление причин неудач при их реализации. Соглашаясь с тем, что социальный процесс не может быть репродуцирован ни в одной из своих фаз и что историческое произведение – это лишь «заново прочувствованное» прошлое, ученые ФРГ увидели истоки кризиса историзма в его «теологической отшлифованности»,

²⁶ См., напр.: Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма; Hardtwig W. Geschichtsstudium Geschichtswissenschaft und Geschichtstheorie in Deutschland 1752-1989 // Ders. Geschichtskultur und Wissenschaft. München, 1990; Historismus am Ende des 20. Jh. Berlin, 1996.

т.е. в его «вере в неизвестный абсолют»²⁷. Концепция о «духовной подоснове» исторической действительности, определяя метафизическое и металогическое содержание историописания, трансформировалась, на их взгляд, в убеждение о существовании *другой* субстанции, имеющей абсолютное значение для людей и определяющей их будни²⁸. Достаточно полная характеристика этих процессов дана О.Г. Эксле²⁹, который обратил внимание ученых на два существенных аспекта генезиса историзма начиная с середины XVIII в. Это, во-первых, множественность переданных из прошлого картин мира и их смыслов. И во-вторых, создание обоснованных в значительной степени при помощи истории, «новых мифологий».

«Религиозно-метафизические» основы историзма (как в идеалистическом, так и материалистическом вариантах) были серьезно поколеблены, по единодушному признанию аналитиков, только Максом Вебером³⁰. «Детеологизация» истории, отказ от пристрастия к «наркотику веры» вытекали из разрыва с прежними иллюзиями о возможностях и ценности научного познания. Если раньше наука о прошлом представлялась как поиски на «пути к Богу» (будь то поиски «вечной истины» или «объективной закономерности»), то в XX в. истористская вера в постижение «абсолютного» была разрушена. История утратила функцию «учительницы жизни», что так ярко проявилось в бурных дискуссиях по вопросу «Так зачем ещё история?» на протяжении всего столетия³¹. Произошли изменения в самом статусе научного знания, отказ от абсолютизации его познавательных возможностей, а понятие «точное» (или «строгое») историческое знание утратило свою актуальность. В эпоху постмодернизма ему был придан вид дискурса, совокупности доводов и рассуждений о прошлом, имеющей гипотетический характер³². Опираясь на суждения Г. Гадамера, Р. Барта,

²⁷ См.: Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München, 1990; Schulin E. Traditionskritik und Rekonstruktionsversuch. Studien zur Entwicklung von Geschichtswissenschaft und historischem Denken. Göttingen, 1979. S. 117–132.

²⁸ Подробнее см.: Ким С.Г. О механизмах реализации новаторских стратегий в современном историописании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2001. Вып. 26. С. 3–23.

²⁹ Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма...

³⁰ См.: Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Там же.

³¹ Обзор данных дискуссий см.: Wozu Historie heute? Köln, 1996.

³² О новом статусе знания см., напр.: Люотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фран. М., СПб., 1998. См. также: Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1999. М., 1999. С. 11.

П. Рикёра, М. Фуко, Ж. Дерриды, никто уже не возражал против того, что функции исторической науки и её значение в обществе модифицированы коренным образом. Она не является более «теорией» по ту сторону событий реального мира, с их постоянной и совершенной «сущностью», которая открывается наблюдению ученого. В конце XX в. историческое знание всё явственнее представлялось как элемент социальной жизни общества, как составляющая его производительных сил, обладая познавательным, а значит и изменяющим действительность потенциалом. Более того, поскольку сама история происходила и происходит в результате взаимодействия людей в самых разных сферах, частью этой работы, т. е. типом человеческой активности, как раз и изображается историческая наука.

Такая роль системы знаний, полученных по определенным «критериям научности», с необходимостью означала не только специализацию, но и давала ученому ощущение относительности результатов своей работы. Любой ответ на научные вопросы опирался на предыдущие достижения и выдвигал новые вопросы. В этом бесконечном процессе познания быть научно превзойденным, вспоминая слова М. Вебера, не только наша судьба, но и наша цель. Наряду с этим в свете представлений об исторической науке, как об одной из составляющих процесса осмысления и изменения действительности, теряли всякие основания проблемы корреляции взаимоотношений объективности и партийности, полярности теории и практики. Точно также, впрочем, как и утратило смысл противопоставление объективизма идеалистического и материалистического толка. Вопрос ставился иначе – возможен ли консенсус и нужен ли он вообще в познании мира? Ученые все более склонялись к тому, что дискурсивная практика не дает постижения объективного и целого, а лишь предлагает гипотетическую конструкцию безвозвратно ушедшего времени. Она подразумевает бесконечное множество «языковых игр» на поле истории, подчиняющихся различным правилам. Как бы то ни было, изначальная ограниченность человека (и обывателя, и ученого) в восприятии целостности бытия приводила к рождению самых разных, в том числе и онтологических мифов³³. Ведь язык, как особый способ выражения самосознания личности, всякий раз предлагает нам ту панораму реальности, которая соткана из мироощущений его носителя. Другими словами, социальные реалии, вернее «картины мира», выступают здесь в качестве *воображаемых миров* прошлого, прошедших сквозь фильтры сознания множества людей.

³³ Оценку этих процессов более подробно см.: Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 48–49.

Разумеется, никто из историков не отрицает того, что познание – это диалог аргументаций, а его цель – достижение согласия сторон, участвующих в этом процессе. Однако таковое может выступить, по их убеждению, лишь как одно из состояний дискуссии, но отнюдь не как её завершение. Никакой консенсус, словами Пауля Нольте, не в силах охватить все сегменты общественного бытия и дать его целостную картину³⁴. Поэтому в условиях «оправданного» плюрализма и переноса центра тяжести на множественность повышалась опасность ухода в субъективные объяснения и «беллетризацию» истории. Вопрос о добросовестности предлагаемых изысканий, об их соответствии «критериям научности», приобретал направляющее значение для самого исследователя как члена академического сообщества. Именно его решение определяло облик науки как элемента социальной жизни, как типа интеллектуального творчества, с необходимостью возникающего в рамках активного («деятельностного») отношения к реальности. Иначе говоря, очерчивались контуры системы знаний как части «культурной» (в том числе и вербальной) практики общества в её современном, антропологическом толковании.

Итак, вернемся к характеристике построений «исторической культурологии», символизирующей современное состояние историописания, к «инвентаризации» её опыта в немецкой науке. Суть инноваций в этой области, связанная с ориентацией на «понимающую» этнологию (или антропологию), сводилась к попыткам дистанцироваться от того понятия общества, которое использовалось в *social science history*. Вместе с тем «примат социального» не подменялся никаким другим, ибо усилия исследователей культуры были направлены даже не столько на преодоление антитезы человека и общества, сколько на объяснение логики их взаимодействия. Не менее очевидным было и то, что достигнутое в теоретических дискуссиях осознание необходимости разьяснения повседневных жизненных связей и как результата деятельности людей, и как направляющей силы их поведения вызывало массу сложностей в конкретно-исторической практике. На передний план поэтому выдвигались вопросы о том, как и с помощью каких приемов альтернативные версии толкования прошлого сделают возможной полимасштабную реконструкцию исторического процесса. Наряду с этим оставалось непонятным, каким образом должны быть поставлены здесь традиционные проблемы о субъекте истории. В поле зрения немецких ученых вновь оказались ключевые вопросы давней дискуссии о герменевтике и,

³⁴ О нынешнем состоянии исторической науки см., напр.: *Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte / Hrg. von P. Nolte. München, 2000.*

прежде всего – о доступности субъективного опыта, о понимании смысла деятельности Другого человека через текст источников.

Именно при их решении, а точнее, при обновлении своего аналитического инструментария, историки увидели полезность опыта этнологии, поскольку её главной целью всегда являлось «участвующее (или включенное) наблюдение» над обществом. Конечно, отдаленное прошлое наблюдать невозможно. Историк сосредоточен на изучении зафиксированных в документах «картин мира», на тех фрагментах реальности, которые прошли через сознание их авторов. Поэтому всегда делался акцент на том, что «эмпатическое понимание» не означало превращения аналитика в «коренного жителя» чуждой ему культуры или подражания таковому. Его задача ограничивалась тем, чтобы косвенно, путём создания некоего микрокосмоса и всестороннего толкования его составляющих, расшифровать иную культуру и способы её существования. Точно также историк, по убеждению Ханса Медика, брал тот или иной исторический текст как объективированный результат интеллектуального творчества носителя информации и делал выводы о значении событий и поступков, которые в нем описаны, а также о смысле высказываний, которые он содержал. Причём, как он сам не раз убеждался, «здравый смысл» исследователя не равен таковому у человека прошлого³⁵. Это делало познание чужого Я или «чужой одушевленности» (тем более в цепочке дискурсов о дискурсе), по меньшей мере, труднодостижимым.

Исходя из этого, не менее интересны и в высшей степени полезны оказались размышления немецкой науки о собственных эпистемологических традициях. Попытки проникновения в иное ментальное поле и иную логику поведения поворачивали историка к необходимости их «понимания». Тот факт, что новый вариант антропологии характеризовался как «понимающая» наука о «культурной практике», указывал на его герменевтическое происхождение. В отличие от структурно-функциональных и подобных им способов видения, которые рассматривали мировосприятия и ценности изучаемых культур как производные, т. е. пытались извлечь их из материальных условий и функциональных связей, именно герменевтика уводила от подобных технологий. Особенно показательны в этом контексте последние десятилетия XX в., когда она, по убеждению аналитиков, все более удалялась от своих первоначальных установок. Сегодня в гу-

³⁵ *Medick H. Vom Interesse der Sozialhistoriker an der Ethnologie. Bemerkungen zu einigen Motiven der Begegnung von Geschichtswissenschaft und Sozialanthropologie // Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte / Hrsrg. von H. Süssmuth. Göttingen, 1984. S. 53.*

манитарной сфере существует, по крайней мере, несколько герменевтик, имеющих свою специфику, направленность и целеполагание, свое обоснование метода и теоретических начал³⁶. Что касается «понимающей» версии антропологии, то она все более утрачивала неоистористские иллюзии о возможностях абсолютного «вживания» или полного «понимания» исторических субъектов, вернее, того *Смысла*, который они вкладывали в свои действия. «Новая» герменевтика уже не определялась лишь как инструментарий для истолкования исторических текстов и постепенно превращалась в саморефлексирующий вид «культурно-научной» интерпретации³⁷.

Остановимся, впрочем, на рассуждениях Х.-Г. Гадамера, который отказался от классических претензий историописания «обрести единственно верный смысл». Ещё в 1960-е гг. он поставил вопрос о том, связаны ли «истина и метод» действительно так тесно, как утверждали прежние трактовки науки³⁸. На его взгляд, представления, полученные на, казалось бы, методически гарантированных путях исследования, были подвержены ограничениям и деформациям. Более того, таковые отчасти и вытекали как раз из стесненности ученого определенными стандартами и правилами, т. е. теми самыми пресловутыми «критериями научности». Фиксация аналитических процедур на применении методологических канонов стала, по его мнению, логическим следствием «идеала верификации», требовавшим ограничения на том запасе знаний, который поддавался проверке. Вместе с тем, из поля зрения исключался целый массив сведений, для рассмотрения которых не существовало никакой независимой экспертизы. Для гуманитарных наук это, прежде всего, знания об осмыслении и интерпретации мира *другими* людьми, *другим* временем и *другими* культурами. По отношению к ним любой историк не в силах был оставаться непредвзятым, поскольку они всегда переплетались с его собственными восприятиями и оценками. В общей сложности считается, что «понимание» человека есть понимание Другого и самого Себя через этого Другого³⁹.

³⁶ См., напр.: Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика. Гл. 1. М., 1995.

³⁷ См.: Frank M. Das Sagbare und das Unsagbare. Frankfurt a. M., 1990; Gröndin J. Einführung in die philosophische Hermeneutik. Darmstadt, 1991; Heller A. Ist die Moderne lebensfähig? Frankfurt a. M., N.Y., 1995; Koselleck R., Gadamer H.-G. Hermeneutik und Historik. Heidelberg, 1987; Scholtz G. Ethik und Hermeneutik. Schleiermachers Grundlegung der Geisteswissenschaften. Frankfurt a. M., 1995.

³⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

³⁹ О принципе «признания чужой одушевленности» см., напр.: Румянцева М.Ф. Философское понимание индивидуальности как предпосылка становления антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: ме-

Бесспорно, такие формы воспроизведения чужого Я через саморефлексию исследователя уже не воспринимались немецкими историками как отклонение от нормы после того, как спасительная вера в возможности научной объективности была в значительной степени утрачена. Скорее, среди ученых существовало и до сих пор существует предубеждение к попыткам толкования переплетений различных аспектов бытия, находящихся отражение в продуктах их восприятия человеком, в качестве основы для получения достоверных знаний или хотя бы смысла происходившего. Релятивистский пессимизм сопровождался здесь боязнью крайних форм субъективизма, когда историк, скажем, мог не ставить таких вопросов, которые не считались им важными для его собственной эпохи. В Германии это особенно отчетливо проявилось в интерпретациях одной из «болевых точек» её истории – «коричневого двенадцатилетия»⁴⁰, предложивших конкурирующие и даже исключаящие друг друга образы прошлого.

Чтобы избежать подобных опасностей, аналитики обращают внимание на традиционные представления о диалогичности гуманитарного знания. «Новая» герменевтика с её комплексным исследовательским арсеналом (как и вся постмодернистская историография) стремится, исходить из перспективности любого знания и любого опыта, но, указывая на необходимость поисков истины, она при этом настойчиво отказывается делать релятивизм своим принципом⁴¹. Хотя её сторонники соглашались с тем, что ни в будничной жизни, ни в науке нет полных гарантий достоверности результатов, всё же они сохраняют надежду на то, чтобы считать себя «понимающими» происходящее и минувшее. Возможности решения этой задачи связываются как раз с вступлением в диалог с современниками или с историческими источниками. Речь идет о присущем любому знанию методе «вопросания», который всегда стремились увязать со спецификой диалогичности постижения истины в гуманитарных науках. Ещё М. Хайдеггер, говоря об особой роли «вопросания» в истории, отмечал, что уже в эпоху «разбожения» мировосприятия, ученый остался сам с собой и один на один с предметом своего анализа⁴².

сто в системе социальных наук, источники и методы интерпретации / Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998. С. 26–31.

⁴⁰ См. напр.: *Борозняк А.И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

⁴¹ См.: *Heller A.* Von einer Hermeneutik in den Sozialwissenschaften zu einer Hermeneutik der Sozialwissenschaften // Ders. *Ist die Moderne lebensfähig?* Frankfurt a. M., New York, 1995. S. 34.

⁴² См.: *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // *Вопросы философии.* 1989. № 9; *Его же.* Работы и размышления разных лет. М., 1993.

Как бы то ни было, в нынешних условиях, когда историческая мысль утратила всякие элементы «сакральности» – «веру в абсолют» в любой его формулировке, постановки вопросов и их решения вытекают прежде всего из эмпирических стратегий историописания. Причем учеными ФРГ подчеркивается, что диалог с прошлым плодотворен лишь при условии, когда собственный способ видения не абсолютизируется, а рассматривается как предварительный шаг к поискам «совместного» ответа на поставленный вопрос. Такая готовность к диалогу и стала главной составляющей «новой» герменевтики, подчеркивающей наличие культурных барьеров между историком и объектом его познания. Исследовательские инициативы отнюдь не ограничиваются «вживанием» в ценностно-нормативные координаты других людей. Отмечается не только диалогичность процесса постижения смысла мироздания. Более того, чтобы историку понять нечто как ответ на заданный им вопрос, он должен находиться на уровне изучаемых им параметров прошлого и их смысловых значений. При этом ему необходимо, в представлении историков, выбирать такие теории, процедуры и понятия, которые не исключали бы этого смысла. Иначе говоря, «понимание» выступает здесь приглашением к упорядочению различных объяснений субъектами истории как самих себя, так и окружающего мира. В конечном счете, ученый должен вплести их в тот исторический контекст, вне которого процесс формирования смысла остается непостижим. Другими словами, схема исторического анализа ставится в зависимость от представлений и ценностей людей изучаемой эпохи. Как писал Р. Шульте, объяснение их опыта и деятельности возможно только средствами культурной герменевтики. А именно, через осознание и реконструкцию «эмических» (т. е. присущих самим действующим лицам) категорий и/или с помощью осмысления отношений между исследователем и его объектом как в этнометодологии)⁴³.

В итоге, логика вышеозначенных размышлений немецких ученых продемонстрировала, что повторяющиеся в мировой науке выступления в защиту научного «мультикультурализма»⁴⁴ вряд ли стоит сводить к принципиальному равенству всевозможных приемов и способов видения, а также типов источников. Интерес к плюралистическому разнообразию космоса истории, говоря словами У. Даниэль, не

⁴³ *Schulte R.* Das Dorf im Verhorr. Brandstifter, Kindsmorderinnen und Wilderer vor den Schranken des bürgerlichen Gerichts Oberbayern 1848–1910. Reinbek, 1989. S. 29–30.

⁴⁴ *Briesen D., Gans R.* Über den Wert von Zeitzeugen in der deutschen Historik // BIOS. Jg. 6. 1993. H. I. S. 1–32.

должен допускать релятивистского пессимизма. Ведь речь идет отнюдь не о возрождении старых дискуссий о приоритетах способов «измерения» исторического пространства, так как они вряд ли сумеют сделать, на её взгляд, историописание более наукообразным. Речь идет скорее о том, чтобы, всерьез принимая различия теорий, методов и источников, учитывать их не только и не столько в рамках дебатов о фундаментальных принципах познания, сколько в убедительных эмпирических изысканиях⁴⁵. В свете сказанного, ключевым критерием для определения важности и пригодности теоретических проектов становятся именно их конкретные результаты. На передний план полемики решительно выдвигается требование обосновывать свои критические аргументы на практике. За любым поступком человека, несомненно, стоит определенная логика и понять её можно только в конкретных проявлениях и только здесь найти точки согласия различных познавательных технологий. До тех пор пока теоретические постулаты не нашли своего практического внедрения в соответствующие эмпирические штудии, они, по общему признанию, не могут считаться рациональными. Этому, в общем-то, простому выводу и пытаются сегодня придать статус определяющего и направляющего в исследовательской работе ученые ФРГ различных направлений.

⁴⁵ Daniel U. „Kultur“ und „Gesellschaft“. Überlegungen zum Gegenstandsbereich der Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. Jg. 19. 1993. S. 69–99.

ИСТОРИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

А.Ю. Серегина

ИСТОРИЯ КОРОЛЯ РИЧАРДА II В АНГЛИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛЕМИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА

Эпоха Реформации и религиозных войн с полным правом может быть названа периодом расцвета полемической литературы. По всей Европе сотни типографий выпускали множество трактатов, авторы которых были вовлечены в настоящие памфлетные кампании. Почти все они так или иначе затрагивали вопросы вероучения и/или злободневные политические проблемы. Однако подобное тематическое деление было чуждо литературе того времени. Хотя некоторые авторы и начали уже выделять политику и политическую теорию в отдельную сферу человеческой деятельности, свободную от теологических импликаций, в глазах большинства европейцев она таковой не являлась. Соответственно, в богословских трактатах рассматривались политические вопросы (особенно если речь шла об отношениях церкви и государства), а злободневные памфлеты содержали в себе богословские экскурсы. Вот почему отнесение текста к той или иной группе должно определяться не набором сюжетов, а способом их подачи и контекстом, в котором они рассматриваются (теологическими построениями или их политическими и конституционными последствиями).

Исторические примеры, присутствующие в полемических произведениях любого жанра, в данном случае вполне показательны. Они могли рассматриваться в конституционно-правовом контексте, фактически превращаясь в правовые прецеденты (и тем самым меняя свой статус в системе аргументации). Но те же самые примеры могли рассматриваться и как действие божественного провидения, и тогда причины и последствия исторических событий перемещались из сферы политики и права в область этики и морали. Но насколько точно контекст, в который помещались примеры, соотносился с

предполагаемым жанром трактатов и памфлетов? Попыткой ответить на этот вопрос является настоящая статья, где будет проанализирована интерпретация английскими историками и полемистами XVI в. истории короля Ричарда II и его смещения с престола.

Появление этого сюжета в полемической литературе было практически неизбежным, если авторы касались проблемы тирании в любом ее аспекте – моральном (кара за грехи), религиозном или конституционном. Пример Ричарда II являл собой одновременно и наказание тирана за дурное правление, и демонстрацию прав парламента разрешать вопросы престолонаследия, а насильственная смерть Ричарда, согласно мнению, разделявшемуся практически всеми, призвала на головы англичан Божественный гнев и привела к кровопролитию войны Роз. При этом изложение истории Ричарда II требовало особого такта: королевская цензура не поощряла внимания к факту смещения законного монарха, не говоря уже о том, что Тюдоры в своей пропаганде обычно подчеркивали, что унаследовали права на престол от Ланкастеров, и, следовательно, провозглашение коронации Генриха IV узурпацией престола было делом достаточно рискованным.

Средневековая и раннетюдоровская историография рассматривала историю Ричарда II как правовой конфликт государя-тирана и подданных, сосредоточившись на его конституционных и моральных сторонах. Религиозный же аспект был привнесён полемистами-протестантами, которые, начиная с Тиндейла, представляли Ричарда II как несостоявшегося защитника проповедников слова Божия – лоллардов, и именно то, что король не оказал им поддержки, и привело к его смещению и прочим бедствиям, постигшим Англию в XV в.

Уиклиф незадолго до того проповедовал покаяние среди наших предков. Они не покаялись ... Они убили своего истинного и настоящего короля, и поставили на престол троих ложных королей одного вслед за другим, при которых вся знать [Англии] была убита, и к тому же половина простолюдинов, кто во Франции, кто от собственного меча, сражаясь между собой за корону; большие и малые города пришли в упадок, а половина возделанных земель превратилась в пустошь, по сравнению с тем, что было раньше¹.

¹ *Tyndale W. Prologue to the Prophet Jonas (1531) // Tyndale, Doctrinal Treatises and Introductions to Different Portions of the Holy Scriptures. Ed. H. Parker. Cambridge, 1848. P. 458: 'Wickliffe preached repentance unto our fathers not long since. They repented not. ... They slew their true and right king, and set up three wrong kings a row, under which all the noble blood was slain up, and half the commons thereto, what in France, and what with their own sword, in fighting among themselves for the crown; and the cities and towns decayed, and the land brought half into a wilderness, in respect of what it was before'*

Образ Ричарда здесь противоречив. Его собственный отказ следовать проповеди Уиклифа (хотя он и не преследовал лоллардов) навлек на него кару, но с другой стороны, он предстает в роли монарха-мученика, правителя, погубленного гонителями истинной веры – католическими прелатами (прежде всего, архиепископом Кентерберийским Арунделом), использовавшими его смещение для того, чтобы начать гонения на последователей Уиклифа².

Джон Бейл, писавший под непосредственным влиянием Тиндейла, прямо относил Ричарда II к прото-протестантским мученикам на том основании, что в его правление не было преследований лоллардов (доказательство особого благочестия короля и его благоволения сторонникам Евангелия!)³.

Однако «классическая» протестантская интерпретация истории Ричарда II появилась позднее, во второй половине XVI в.; она принадлежит автору «английского протестантского мифа», Джону Фоксу.

Фокс характеризует падение короля Ричарда как событие странное и достойное сожаления.

Странное, так как подобные примеры довольно редки для королевских престолов. Достойное сожаления, ибо сердце любого доброго человека не может не сокрушаться при виде того, что он [Ричард] заслужил то, что с ним случилось, если он был смещен по праву, либо же, если он был смещен несправедливо, видеть, что королевский титул неспособен сохранить свое право, когда он силой принужден уступить место могуществу⁴.

Главной причиной падения Ричарда Фокс, в соответствии с мнением Тиндейла, называет его отказ поддержать учение Уиклифа.

Он сошел с пути своих предков и перестал искать общества тех, кто стремился к истине Евангелия. Поэтому так и случилось, не из-за слепого колеса фортуны, но благодаря тайному вмешательству Того, кто направляет все сословия: итак, после того как он первым оставил дело Евангелия Божия, Господь оставил его⁵.

² Tyndale, *An Answer to Sir Thomas More's Dialogue*. Cambridge, 1850. P.186.

³ См. Levy F.J. *Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967; Pineas R., 'William Tyndale's Influence on John Bale's Polemical Use of History' // *Archiv fur Reformationsgeschichte*, 53 (1962), 79-96; Aston M. 'Richard II and the Wars of the Roses' // *Aston M. Lollards and Reformers: Images and Literacy in Late Medieval Religion*. L., 1984. P. 273-315.

⁴ John Foxe. *Acts and Monuments*. London, 1583. I. P. 512-513: Straunge, for that the like example hath not often [513] bene seene in seates royall. Lamentable, for that it cannot be but grievous to any good mans hart, to see him eyther so to deserve, if he were iustly deposed; or if he were iunjustly deprived, to see the kingly tittle there not able to hold his right, wher by force, it is compelled to geve place to might.

⁵ Ibid., 513: he starting out of the steps of hys progenitors, ceased to take part with them, whiche tooke part in the gospell. Wherupon, it so fell, not by the blinde wheele of

Кара Господня проявилась в том, что законный король впал в тиранию. Непосредственными причинами смещения Ричарда с престола стали, согласно давно устоявшейся историографической традиции, действия дурных советников короля, навязанный жителям Лондона заем, а также преследование собственных родственников и представителей знати⁶.

Поскольку Фокс рассматривал бедствия Ричарда II в контексте истории истинной церкви и ее мучеников, он не уделял большого внимания конституционному аспекту смещения монарха. Об этом он говорит вообще очень коротко. Однако совершенно проигнорировать этот щекотливый момент, с которым напрямую была связана легитимность династии Ланкастеров (а значит, в конечном счете и Тюдоров, и их преемников Стюартов) не представлялось возможным. Согласно краткой формуле Фокса, переход престола прошел практически без затруднений, так как король Ричард просто отрекся от престола в пользу ближайшего родственника по просьбе королевства, представленного в парламенте (на этом, собственно, роль парламента и закончилась):

Во время заседания этого Парламента [1399 г. – А.С.] граф Нортумберленд и многие другие графы и лорды были посланы к королю в Тауэр, чтобы принять у него полное отречение от престола, согласно его обещанию, данному ранее, и так они и поступили⁷.

Описывая ситуацию подобным образом, Фокс избегал коварных (и не слишком интересных ему) вопросов о том, по какому праву парламент лишил короля престола и утвердил на троне его преемника.

Версия Фокса оказала решающее влияние на позднюю тюдоровскую историографию. Что же касается Тиндейла и Бейла, то их труды были восприняты отнюдь не так бесконфликтно, хотя бы потому, что в первой половине XVI в. убежденные протестанты (для которых и создавалась новая версия национальной истории) были меньшинством. Большинство же читателей и авторов до середины XVI в. следовало в русле традиций средневековой историографии и ее трактовок истории Ричарда, рассматривая ее как конституционный конфликт.

Так, Эдвард Холл, например, объяснял причину конфликта тем, что Ричард II из законного монарха превратился в тирана:

fortune, but by the secret hand of him, which directeth all estates: that as he first began to forsake the mayntayning of the Gospell of God, so the Lord began to forsake him.

⁶ Ibid., 514.

⁷ Ibid.: In which Parliament, the Earle of Northumberland with many other Earles and Lords were sent to the king in the Tower, to take of him a full resignation according to hys former promise, and so they did.

Король Ричард ... стал вести такой образ жизни, что ни во что не ставил совет своих дядей и других серьезных и разумных людей, но все делал по своей воле, ставя волю и желания на место закона и разума⁸.

Тирания Ричарда выразилась, в частности, в конфликте короля со своим двоюродным братом, Генри Болингброком, графом Херефордом (будущим Генрихом IV), которому было отказано в праве наследовать своему отцу, герцогу Ланкастеру.

Действия правителя переполнили чашу терпения подданных и привели их к восстанию. Примечательно, что Холл подчеркивает: Генри Болингброк не явился в Англию как завоеватель, он вернулся на родину по призыву англичан, как освободитель. Все эти идеи Холл вкладывает в уста посла, отправленного сословиями Англии к Болингброку – архиепископа Кентерберийского Томаса Арундела.

Ни один человек нашей нации не может быть уверен в том, что сохранит жизнь, земли и владения без угрозы для них, и не может владеть движимым имуществом без страха его лишиться. Все эти отвратительные деяния, совершавшиеся много лет, привели к тому, что общее благо нашей изобильной страны почти исчезло и погибло... Мы, несчастные подданные, столь долго переносили иго распутного и неразумного короля Ричарда и мирно терпели гибельные преследования его алчных и жадных слуг, что наши спины настолько стерлись, что мы не можем больше страдать, а наши кости столь ослабели, что мы не можем больше нести бремя. Вследствие этого необходимость, а не желание, разум, а не страсти, постоянство, а не легкомыслие побуждают нас жаловаться тебе и стремиться к твоей помощи и поддержке. Мы посланы к тебе большей частью знати и большей частью общин, чтобы объявить свое желание и требование, чтобы ты принял в свои руки высшую власть, управление и скипетр нашей родной страны по праву наследования, и управлял ею и защищал ее согласно твоей всем известной мудрости и давно проявленной на деле искусности в делах правления. Мы всегда знали, что тебе свойственны справедливость, благоразумие и честность, в силу которых ты не попытаешься сделать и не прикажешь совершить ничего, что не было бы справедливым, благородным и похвальным⁹.

⁸ *Edward Hall*. The union of the two noble and illustre famelies of Lancastre & Yorke London, 1559: Aii: kynge Richarde ... was nowe brought to that trade of livynge that he litle of nothyng regarded the councaill of his uncles, nor of othet grave and sadde persones, but did all thynge at his pleasure, setting his will and appetite in stede of lawe and reason.

⁹ *Ibid.*, (Av): no manne of our nacion is sure of his life, nor enioyeth hys landes and seigniories without derade, nor possesseth his movables without terrour or feare, whiche outragious dooinges many yeres occupied hath brought the publique wealth of our abounda[n]t countree almoste to wrecke and bitter exterminio[n]... wee miserable subiectes have so long borne the yoke of wa[n]ton unwitty kyng Richard, and have pacie[n]tly tollerate the pemicious persecucuin of his greedy and avaricious officers, thau our backes bee so glade that we can no more suffre, and our cynne bones so

После возвращения Болинброка в Англию и ареста короля решение о смещении Ричарда было принято большинством его подданных (в парламенте):

«Большинством было сочтено, что король Ричард достоин того, чтобы лишиться королевского достоинства и правления»¹⁰.

Тем не менее, несмотря на то, что роль подданных в принятии столь важного конституционного решения и признается Холлом, он избегает вопроса о том, обладают ли подданные и сообщество в целом правом смещать монарха. В его изложении Ричард оказывается смещенным (хотя и по заслугам) только после того, как он сам отрекся от короны и передал ее Генри Болинброку как ближайшему наследнику. Холл приводит «речь» Ричарда:

Я, по своему собственному побуждению и свободной воле, лишаю себя королевского достоинства, права и власти и отрекаюсь от владения, титула этого королевства, со всеми правами, к тому относящимися, и отдаю их в его руки и в его владение¹¹.

Так Холл обходит все сомнительные детали и придает моменту перехода короны в руки представителя новой династии полную легитимность. И хотя он и приводит речь епископа Карлайлского в защиту прав свергнутого монарха, в его изложении она лишена какого-либо серьезного конституционного наполнения, а последовавший за этим арест епископа выглядит совершенно оправданным.

Ричард Графтон в своем изложении истории Ричарда следует той же традиции. Он, как и его предшественники, вменяет в вину королю гонения на представителей королевского рода и знати, вымогательство денег у подданных, но прежде всего – его дурных советников.

Они [советники] добивались обвинения многих, и если человек оказывался обвиненным, не было никакого средства освободить его, будь он богатым

weake that we can no le[n]ger cary. And therefore necessitie and not wyll, reason and not affeccion, co[n]stancy and not levitie enforceth us to lamente and desyre youre ayde and co[m]forte, to whom we be sent by the moste part of the nobilitie and also of the moste parte of the universall comminaltie, to desire and requyre you to take upon you the high power, governaunce and sceptrre of your native countreye and ryghte inheritaunce, and the same to governe, rule and defend according to your approved wisdom and longe experime[n]ted pollicie, whome we have ever knowen to be of that justice, of that prudence & of that integritie that you wyl not commaound, admonish or attempt any thing which shall not be iust, honest and laudable.

¹⁰ Ibid.: it was thought by the most parte that kyng Richard was worthy to be deposed of all honour, rule and Princely governaunce.

¹¹ Ibid.: I of my owne mere mocion and fre wyll, do putte and depose my selfe out of all royll dignitie, prehemyence & soveregnite, and resygne the possession, title and use of this realme, with all rigtes thereunto apperteinyng, into his handes and possession.

или бедным, но он должен был прийти к соглашению с этими тиранами и заплатить им штраф, размер которого определялся их прихотью¹².

Именно этим и объясняется обращение подданных к Болингброку и призвание его из Франции¹³.

Графтон приводит статьи обвинения, предъявленного Ричарду, чтобы доказать, что он «был несправедливым и плохим государем, тираном по отношению к своим подданным, и вследствие этого заслуживал быть смещенным»¹⁴.

Однако конституционные затруднения, возникающие из-за активной роли парламента в конфликте обходятся тем же самым способом – в ответ на предъявленные обвинения Ричард отрекается от престола¹⁵. Впрочем, далее появляются нюансы – у Графтона роль парламента гораздо более выражена, чем у Холла. Он упоминает акт парламента, который объявил Ричарда смещенным¹⁶. Только после этого Генрих потребовал престол для себя по праву кровного родства, и именно парламента принял окончательное решение:

Затем лорды, выслушав его требования, посовещались тайно между собой, и когда у них спросили, что они думают, все они согласились с упомянутыми требованиями, и признали, что он достоин править ими как король. Потом архиепископ Кентерберийский, узнав мнение лордов, поднялся и спросил общины, согласны ли они с лордами, и они выразили свое согласие¹⁷.

И лишь затем подданные принесли своему новому королю присягу на верность и выслушали его клятву хранить закон и традиционные вольности подданных согласно древним хартиям¹⁸.

Тексты историков последней трети XVI в. демонстрируют гораздо большую зависимость от «протестантской» версии о королевиче-мученике, хотя и не воспроизводят ее в деталях. Так, в хронике Джо-

¹² *Richard Grafton. A Chronicle at large. London, 1569, 363-398. 398: they procured many man to be accused, and such as were accused, there was no remedye to deliver him, or them, but were he poore or riche, he must compounde and make his fine with those Tyrannes, at their will ad pleasure.*

¹³ *Ibid.*, 399.

¹⁴ *Ibid.*, 400: was an uniuist and unprofitable Prince, and a tyraunt over his subjectes, and therefore worthy to be deposed

¹⁵ *Ibid.*, 403-404.

¹⁶ *Ibid.*, 405.

¹⁷ *Ibid.*, 406: Then the Lordes heryng this claime, commoned secretly among themselves, and then was it demanded of them what they thought: and they all agreed to the sayde clayme, and that he was worthie to reigne as king over them. Then the Archbishop of Cantorbury havng knowledge of the Lordes mindes, stooode up and ask the Co[m]mons if they would assent to te Lordes, to the which also they assented.

¹⁸ *Ibidem.*

на Стоу король Ричард предстает не в образе тирана, но как молодой и неопытный политик, доверившийся дурным людям:

Он намного превосходил всех своих предков щедростью; однако слишком предавался отдыху и праздности, и не любил воинские подвиги и силу оружия; а поскольку он был молод, он управлял при помощи совета молодых, ни во что не ставя наставление опытных и мудрых людей своего королевства, так как те, кто были рядом с ним, не имели ни мудрости, ни здравого разума. Это привело страну к большим волнениям, а его самого в конце концов к великому несчастью¹⁹.

Недостатки (не пороки!) Ричарда привели к его смещению, но Стоу подчеркивает, что король сам отрекся от престола в пользу Генриха, и не под влиянием страха за свою жизнь, а осознавая собственные грехи, приведшие к его падению (еще одно напоминание об образе короля-мученика в раннетюдоровской протестантской традиции):

...вскоре после этого он подчинился и отрекся в пользу упомянутого Генриха от всей своей власти и королевского титула, от прав на корону Англии и Франции, зная, что он по заслугам был смещен из-за своих недостатков и дурного управления государством²⁰.

Еще более противоречивое сочетание образа классического короля-тирана и короля-мученика представлено на страницах хроники Рафаэля Холиншеда. В его изложении событий конца XIV в. вроде бы отчетливо прослеживается объяснение того, что подданные Ричарда имели все основания быть недовольными своим государем и желать его смещения. Ведь впавший в тиранию монарх не остановился и перед прямым нарушением закона в парламенте 1398 г.:

...Король так извратил и перевернул порядок вещей, что получил право даровать всю власть обеих палат [парламента] определенным людям... Они были назначены для того, чтобы рассматривать и выносить решения по петициям и делам, уже представленным к рассмотрению, но еще не решенным; однако в силу этого пожалования они стали выносить решения относительно других вещей, которые в целом относились к ведению

¹⁹ John Stow. A Summarie of our Englysh Chronicles. London, 1566, 134: In bountie and liberalitee he farre passed all hys progeniors: but he was over much geven to rest and & quietnes, and loved litle dedes of armes, and marcial prowesse, & for he was yong, he was moste ruled by young counsayle, and regarded nothing the advertysementes of the sage and wyse menne of hys Realme, for the chysse about hym were of now wisdom nor estimacon: whyche thyng tournd this land to great trouble, and himselfe in fine to extreame miserie.

²⁰ Ibid., 144: shortly after he yelded up and resigned to the sayd Henry, all hys power and kyngly tytle to the Crowne of England and Frauce, knowledgyng that he worthyly was deposed for his demerites and mys governyng of the Common weale.

всего парламента, пренебрегая его статутами, нанося вред королю и ус- танавливая дурной пример для будущих времен²¹.

К числу прочих преступлений Ричарда-тирана относилось без- застенчивое вымогательство средств у подданных, помимо субси- дий, выделенных парламентом (еще одно проявление пренебреже- ния законом и традицией).

...В этом парламенте было совершено еще много вещей, которые вызва- ли неудовольствие немалого числа людей, особенно потому, что многие законные наследники были лишены права унаследовать свои земли и имущество властью этого самого парламента. Эти злодеяния настолько оскорбили людей, что король и те, что были вокруг него, главы его совета, подверглись осуждению и поношению²².

Таким образом, Ричард II выглядит здесь как классический пример *тирана по образу правления* – т.е., законного монарха, злоу- употребившего своей властью.

...Он [Ричард] позабыл о своем достоинстве и стал править согласно своей воле, а не рассудку, угрожая смертью всякому, кто не повиновался его без- законным желаниям. Из-за этого лорды королевства начали опасаться за свои собственные владения, так как находились во власти свирепого гнева того, кого они считали человеком, лишенным здравого рассудка и мудрости, а потому не любили того, кто так злоупотребил своей властью²³.

Холинshed приводит статьи обвинения, выдвинутые против ко- роля, и его изложение обстоятельств, приведших к отречению и смещению монарха вроде бы не оставляет сомнений в том, что ав- тор признает законность действий подданных в данном конституци- онном конфликте. Однако когда Холинshed возвращается к причинам постигшей Ричарда судьбы, проявляется иной образ.

²¹ Holinshed's Cronicles [1587] Richard II, Henry IV and Henry V. Oxford, 1923. 2: The king so wrought and brought things about, that he obtained the whole power of both houses to be granted to certeine persons... These were appointed to heare and determine certeine petitions and matters yet depending and not ended: but by vertue of this grant, they proceeded to conclude upon other things, which generallie touched the knowledge of the whole parlement, in derogation of the states therof, to the disadvantage of the king, and perillous example in time to come.

²² Ibid.: Manie other things were doone in this parlement, to the displeasure of no small number of people; namlie, for that diverse rightfull heires were disherited of their lands and livings, by authoritie of the same parlement: with whom wrongfull dooings the people were so much offended, so that the king and those that were about him, and cheefe in counsell, came into great infamie and slander.

²³ Ibid.: ...he forgot himselfe, and began to rule by will more than by reason, threatning death to each one that obeyed not his inordinate desires. By means wherof, the lords of the realme began to feare their owne estates, being in danger of his ffurious outrage, whome they tooke for a man destitute of sobrietie and wise- dome, and therefore could not like of him, that so abused his authoritie.

Он был распутным, исполненным гордыни и предан радостям плоти. Он содержал самую большую свиту и самый пышный двор, нежели какой-либо король Англии до него или после²⁴.

Однако не распутство и мотовство оказываются главными причинами гнева Господня, а пренебрежение благом церкви и духовным благом подданных – распространением Слова Господня – и злоупотребления клириков, которым не был положен предел:

...на епископские кафедры и другие церковные бенефиции назначались такие, кто не только не могли учить или проповедовать, но ничего не знали из Писания Господня, и могли лишь требовать свои десятины и доходы. Таким образом, они были совершенно недостойны называться епископами, будучи распутными и тщеславными людьми, облаченными в епископский пурпур. Далее, здесь царили плотские грехи распутства и прелюбодеяния, отвратительной супружеской измены, подчинившей себе короля, но особенно епископов, вследствие чего все королевство было заражено их дурным примером и постоянно взывало к Господнему гневу, призывая отомстить за грехи государя и его народа²⁵.

Здесь мы явно имеем дело с протестантским образом короля Ричарда, грехи которого выразились, прежде всего, в слабости плоти и пренебрежении своим долгом «главы церкви».

Более того, поскольку самой испорченной частью «политического тела» оказываются прелаты, Ричард под конец рисуется не в столь мрачном свете. Напротив, в соответствии с традицией Тиндейла – Бейла, он (в худшем случае) всего лишь правитель, подверженный понятным юношеским слабостям и оказавшийся под дурным влиянием. В прямом противоречии с собственным повествованием Холиншед уверяет, что подданным при Ричарде жилось не так уж плохо:

Этот государь испытал на себе неблагодарность своих подданных. Ведь хотя (из-за юношеской слабости) он вел себя более распущенно, чем это казалось подобающим его королевскому достоинству, и выбирал таких совет-

²⁴ Ibid., 48: He was prodigall, ambitious, and much given to the pleasure of the bodie. He kept the greatest port, and mainteined the most plentifull house that ever any king in England did either before his time or since...

²⁵ Ibid.: such were preferred to bishoprikes, and other ecclesiasticall livings, as neither could teach nor preach, nor knew any thing of the scripture of God, but onelie to call for their tithes and duties; so that they were most unworthie the name of bishops, being lewd and most vaine persons disguised in bishops apparell. Furthermore, there reigned abundantlie the filthie sinne of leacherie and fomication, with abhominable adulterie, speciallie in the king, but most cheefelie in the prelatie, whereby the wole realme by [49] such their evill example, was so infected, that the wrath of God was dallie provoked to vengeance for the sins of the prince and his people.

ников, которых не любили его подданные, вследствие чего и его самого любили меньше, ни в одно правление общины не были столь богаты...²⁶

От этого вывода уже остается один шаг до признания Ричарда мучеником, жертвой амбиций подданных и козней прелатов. Впрочем, Холинshed так и не делает этого шага, не ставя тем самым под сомнение легитимность новой династии Ланкастеров. И хотя в его хронике именно Генрих IV Ланкастер (а не Ричард), оказывается ответственным за развязывание войны Роз, Холинshed связывает ее начало не с наказанием за смещение Ричарда как таковое, а за его убийство, не мотивированное никакими законными причинами²⁷.

Гораздо более цельный образ монарха-тирана появляется на страницах снискавшего скандальную славу сочинения Джона Хейворда «Жизнь и правление короля Генриха IV» (1599 г.), первая часть которого посвящена обстоятельствам смещения с престола Ричарда и утверждению у власти новой династии.

В тексте Хейворда чувствуется влияние протестантской традиции (в версии Фокса), однако автора явно в меньшей степени интересуется Ричард как протестантский мученик; скорее его внимание уделяется моральному аспекту тирании и ее последствиям для самого тирана и для его подданных (и те выборы, которые этими обстоятельствами обуславливаются). Личные пороки Ричарда ведут к его политическим ошибкам – прежде всего, выбору дурных советников (обычной ошибке всех тиранов):

Король, погрязший в телесных наслаждениях, стал неумеренно благоволять и покровительствовать некоторым людям, которые вели небезупречный образ жизни, и презирались всем королевством... Благоволя им, король также потерял уважение и любовь многих. Ведь порой для государя столь же опасно иметь дурных и ненавидимых сторонников, как и быть дурным и ненавидимым самому²⁸.

Дурные советники подталкивают короля к дурным поступкам. Так, их нелюбовь к войне (занятию истинного правителя) привела к

²⁶ *Ibid.*, 49: he was a prince the most unthankfullie used of his subjects, ...For although (through the frailtie of youth) he demeaned himselfe more dissolutelie than seemed convenient for his royall estate, and made choise of such counsellors as were not favored of the people, whereby he was the lesse favoured himselfe: yet in no kings daies were the commons in greater wealth, if they could perceived their happy state...

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *John Hayward. The Life and Raigne of King Henrie IIII [1599], Camden Society. 4 ser. V. 42. L., 1991. 70: the king, being now plunged in pleasure, did immoderately bend himselfe to the favoring and advansing of certaine persons which were both reproveable in life, and generally abhorred in all the realme ... The king also, by favouring these was himselfe little favored and loved by many. For it is oftentimes as dangerous to a prince to have evil and odious adherents as to bee evill and odious himselfe.*

вторжению в страну шотландцев, территориальным потерям во Франции, восстаниям в Ирландии²⁹, что повлекло за собой финансовые проблемы. В результате Ричард попытался разрешить их при помощи принудительных займов ('forced loans') у собственных подданных, «всех людей, обладавших достатком в каждом графстве, и городе»³⁰.

Хейворд подчеркивает: несмотря на то, что хотя многие (если не большинство) действий Ричарда были продиктованы его советниками, в глазах подданных только он один нес за них ответственность:

После того, как Ричард однажды лишился доверия, то что бы ни случилось хорошего, это приписывалось другим, бедствия же связывались исключительно с ним³¹.

Действия Ричарда (или его советников, что в этом случае одно и то же), привели подданных короля на грань восстания против него. Хейворд вкладывает в уста архиепископа Кентерберийского обращение лордов королевства к Генри Болингброку, находившемуся в 1399 г. во Франции. В этой речи обосновывается право подданных передать корону другому представителю династии во имя общего блага.

Мы посланы к тебе ... от знатных лордов и сословий нашей страны не для того, чтобы искать мести против нашего короля на основании частных оскорблений и недовольства, не из отчаянного стремления предать все государство огню из-за личных бедствий, не для того, чтобы горделиво возвысить какого-либо человека, но ради того, чтобы открыть перед тобой все страдания и бедствия нашего несчастного государства, ради того, чтобы получить от тебя помощь и остановить его губительное разрушение...

Наши предки наслаждались высшей степенью и совершенством свободы, но мы живем в зависимости, будучи по сути не подданными, а вещами и настоящими рабами, и не только по отношению к одному своевольному государю, но для многих гордых и презренных фаворитов...

Ты – ближайший королю по крови, и потому тебе надлежит взять на себя правление, которое его слабость не может удержать³².

²⁹ Ibid., 107.

³⁰ Ibid., 108: 'all men of worth in every shire and towne corporate'.

³¹ Ibid., 107: 'But beeing once out of credite, whatsoever fell out well was attributed to others; misfortunes were imputed onely to him'.

³² Ibid., 113–114: 'We are sent unto you ... from the chiefe lords and states of our land, not to seeke revenge against our king upon private injury and displeasure, nor upon a desparate discontentment to set the state on fire, nor to procure the ambitious advancement of any peticular person, but to open unto you the deformities and decaies of our broken state, and to desire your aide, in staying the ruinous downfall of the same ... Our ancestors lived in the highest pitch and perfection of libertie, but we, of servillite, being in the nature not of the subjectes, but of objectes and flat slaves: not to one intractible prince onely, but to many proude and disdainefull favorites... You are neerest to the king in blood, and therefore ought to have the rule, of that his weaknesse cannot wiede'.

Обоснование прав подданных на смещение монарха у Хейворда трудно отличимо от традиционного для хронистов признания необходимости согласия подданных (парламента) на отречение короля от власти, что очевидно из описания обстоятельств отречения Ричарда:

Архиепископ Йоркский и епископ Херефордский (королевские адвокаты по этому случаю) провозгласили перед собравшимися там сословиями добровольное отречение короля и спросили, дают ли они [сословия] согласие на это. Бароны королевства отдельными мнениями, общины в один голос выразили свое согласие и признание этого действия³³.

Примечательно, что Хейворд, в отличие от большинства авторов XVI в. (за исключением полемистов, о которых еще пойдет речь), говорил не только о добровольном отречении короля Ричарда, но и последовавшем за ним решении парламента о его смещении. Так, приведя обвинения, предъявленные парламентом Ричарду (они присутствуют практически во всех хрониках), Хейворд продолжает:

Затем от знати и общин королевства потребовали, чтобы они вынесли суждение об истинности и весомости этих статей обвинения. Все они согласились, что преступления известны всем, и что король Ричард заслуживает быть смещенным и лишенным своего королевского достоинства за них³⁴.

За этим следовало признание английского престола вакантным в силу как отречения короля, так и акта о его смещении, а затем парламент признал право Генриха на корону³⁵.

Тем не менее, не стоит считать Хейворда сторонником идеи «народного суверенитета» или тираноборцем. Его рассуждения фокусируются на обстоятельствах и мотивах вынесения суждений и принятия решений, идет ли речь о короле, или о его противниках. Так, говоря о смещении Ричарда в парламенте, он подчеркивает:

Знатные люди отдали свои голоса, отчасти совращенные обещанием благоволения [со стороны Генриха], отчасти из страха; общины же обычно подобны стае ворон: куда полетит одна, туда за ней последуют и другие³⁶.

³³ Ibid., 132: 'The Archbishop of Yorke and the Bishop of Hereford (the Kings attorneys for the purpose) declared openly to the states there assembled the kings voluntarie resignation, and demaunded whether they would assent and agree thereunto. The barons of the realme by severall and particular consent, the commons with one generall voyce, did expreslye accept and admit the same'.

³⁴ Ibid., 137: 'Then was demaunded of the nobilitie and commons of the realme, what they judged both of the trueth and desert of those articles; who all agreed that the crimes were notorious, and that king Richard was worthe for the same to be deposed from his princely dignitie'.

³⁵ Ibid., 138–9.

³⁶ Ibid., 137: 'The noble men gave their voyces, part correeted by favour, part awed by fear; and the commons are commonly like a flocke of cranes: as one dooth flye, all will follow'.

Конечно, пренебрежительное отношение к способностям незнатных людей (в том числе и общин) принимать политические решения, руководствуясь разумом, а не страстями, отнюдь не является отличительной чертой Хейворда, оно было практически общепринятым. Однако в сочетании с оценкой роли знати оно существенно корректирует первоначальное восприятие текста Хейворда как тиранического или даже принадлежащего традиции английской политической мысли XV–XVI вв. Еще более меняет картину речь епископа Карлайлского (Томаса Мерка) во время обсуждения в парламенте дальнейшей судьбы уже смещенного правителя. Епископ утверждает, что лишение власти законного монарха невозможно:

если суверенная власть принадлежит государю, то хотя бы по его грехам он был дурным правителем для подданных, наносящим ущерб и нестерпимым, по закону они не могут ни причинить вреда его личности, ни угрожать его власти, судебным ли решением, или же силой. Ведь ни один, ни все магистраты вместе, не обладают никакой властью над государем, от которого истекает всякая власть, и одно лишь присутствие которого заставляет замолчать и приостанавливает действие всякой подчиненной ему юрисдикции и власти³⁷.

Епископ оговаривает, что даже сам король Ричард не мог лишиться себя власти:

Принимая во внимание то, что по законам страны король один не может отчуждать древние драгоценности и украшения, принадлежащие короне, он, безусловно, не мог отдать саму корону, а вместе с ней и королевство³⁸.

Отрицает епископ и право подданных в парламенте определять престолонаследие:

...у нас никогда не было обычая, чтобы народ по своей воле избирал себе короля. Подданные всегда обязаны подчиняться тому, кто по праву кровного родства является следующим наследником; еще менее они могут утвердить и сделать законным титул, который ранее был узурпирован силой. Ведь ничего нельзя сделать свободно тогда, когда вольность скована страхом³⁹.

³⁷ Ibid., 143: 'if the soveraigne majesty be in the prince although for his vices he bee unprofitable to the subjectes, yea hurtfull, yea intollerable: yet can they lawfully neyther harme his person nor hazard his power, whether by judgement, or els by force. For neyther one nor all magistrates have any authority over the prince, from whome all authority is derived, and whose onely presence doeth silence and suspend all inferior jurisdiction and power'.

³⁸ Ibid., 147: 'And seeing that by the lawes of this land the king alone cannot alienate the auncient jewels and ornaments pertaining to the crowne, surely hee cannot give away the crowne it self, and wherewithall the kingdome'.

³⁹ Ibid.: 'Neyther have we any custome that the people at pleasure should electe theyr king. But they are alwayes bound unto him who by right of bloud is next successour; much lesse can they confirme and make good title which is before, by violence, usurped. For nothing can then freely doone, when liberty is once restrained by feare'.

На основании этих рассуждений епископ заключает: мы не имели ни права, ни причины ни сместить короля Ричарда, ни избрать герцога Генриха на его место⁴⁰.

Комментируя слова епископа, Хейворд отметил, что впоследствии им было придано большое значение, так как правление Генриха IV ознаменовалось постоянными казнями непокорных вассалов, а впоследствии в стране разразился династический конфликт, в котором погибли четыре монарха. Вину за конфликт Хейворд возлагает на Генриха, приказавшего убить своего смещенного предшественника, но косвенным образом – и на всех англичан, приведших к власти новую династию Ланкастеров⁴¹.

Хейворд сознательно не принимает определенной стороны в конституционном конфликте. «Абсолютистской» речи епископа Карлайльского противопоставлена, как мы помним, речь архиепископа Кентерберийского, обосновывающего права подданных. Текстуальный баланс, впрочем несколько нарушен в пользу «абсолютистской» версии – речь епископа Карлайльского длиннее (семь страниц против двух), а аргументация гораздо более изощрена. Таким образом, можно вполне обоснованно предположить, что сам автор склонялся именно к этой трактовке событий, тем более, что именно она наилучшим образом увязывается с его этическими выводами.

Впрочем, все эти нюансы не спасли Хейворда от гнева его собственной королевы: Елизавета увидела в его труде опасные параллели между царствованием Ричарда II и своим правлением (упоминание о дурных советниках и принудительных займах, а также рассуждения о возможности смещения тирана). К тому же Хейворд пользовался покровительством графа Эссекса, а его книга имела несчастье появиться в продаже сразу после восстания Эссекса в 1602 г. Несмотря на все попытки оправдаться, автор злополучного труда (оказавшегося, кстати, весьма популярным в начале XVII в.) провел в тюрьме все последние месяцы жизни Елизаветы I и был освобожден только при восшествии на престол нового монарха, Якова I Стюарта⁴².

Возвращаясь к уже сказанному, следует констатировать, что вплоть до 1560-х гг. хронисты рассматривали смещение короля Ричарда II исключительно в контексте политико-правового конфликта. Однако появление «Книги мучеников» Фокса существенно изменило

⁴⁰ *ibid.*, 148–9: 'wee have neyther power nor policy, eyther to depose king Richard, or to elect Duke Henrie in his place'.

⁴¹ *Ibid.*, 149; 163–5.

⁴² *John Hayward. The Life and Raigne of King Henrie IIIII. Introduction by J. Manning. 1-57.*

ситуацию, популяризовав «протестантский миф» о короле Ричарде-мученике. Как мы видели, те или иные аспекты мифа воспроизводились в хрониках Стоу и Холиншеда, а следы его можно проследить и у Хейворда, хотя его «История» принадлежит к несколько иному жанру, и в нем сильна «политическая» традиция.

Таким образом, ранняя протестантская полемическая традиция оказала несомненное влияние на трактовку истории Ричарда II. Но можно ли говорить об обратном влиянии историографического канона на полемическую литературу?

Ответ на этот вопрос заставляет обратиться к религиозной полемике второй половины XVI в. (а в некоторых случаях и к более позднему периоду). Очевидно, что в силу щекотливости сюжета лишь авторы, явно находившиеся в оппозиции к режиму, могли себе позволить впрямую апеллировать к истории свержения законного монарха, пренебрегая тюдоровской цензурой. Но даже у оппозиционеров упоминания об истории Ричарда редки.

Такое упоминание присутствует в тираноборческом трактате протестанта Джона Понета, обращенном против королевы-католички Марии Тюдор. Оно, впрочем, очень кратко и, на первый взгляд, не слишком ясно:

А в силу каких законных причин Ричард II был смещен и на его место поставлен Генрих IV, я предоставляю судить им самим⁴³.

Однако этой краткой фразе соответствует весьма красноречивая ссылка на сочинение шотландского историка Джона Мейра «История Великобритании» (1521 г.), в которой о смещении Ричарда II говорится следующее:

Некоторые действия этого короля я осуждаю, и прежде всего, неза заслуженные приговоры, которые он выносил в отношении своей знати; во-вторых, власть его своеволия, которая проявилась по отношению к его дворянам и простолюдинам, я ни в коем случае не могу одобрить, напротив, я всячески осуждаю ее. Однако по такой несерьезной причине отстранить и лишить власти короля означает не что иное как открыть двери зверю мятежа против государства для всех последующих государей – чего нужно страшиться, как чумы, так как отсюда следует гибель всего государства⁴⁴.

⁴³ John Ponet. A Shorte Treatise of politike pouer. 1556 [London, 1942], 101: 'And upon what iust causes Richard the seconde was thrust out, and Henry the fourth put in his place, I referre it to their owne iudgement'.

⁴⁴ Johannis Maioris' History of Greater Britain [1521]. Edinburgh, 1892. 308: 'Certain things in this king I censure: and, first of all, that unmerited sentence that he passed upon those noblemen; secondly, the oppression of fickleness that marked the conduct of his nobility and the common people I can no way approve; – nay rather, I vehemently abhor the same. For so slight a cause to dismiss and depose a

Отметим, что Мейр осуждает смещение короля Ричарда II не на основании «абсолютистских» принципов, но лишь потому, что, на его взгляд, оно не имело под собой достаточного юридического обоснования. Смещение же тирана подданными как таковое не вызывает возмущения Мейра, что, впрочем, совершенно неудивительно. Шотландец по происхождению, Мейр учился в Париже, где и провел большую часть своей жизни. Он по праву принадлежит к числу наиболее известных представителей так называемой «поздней схоластики» XV – начала XVI в. Политические теории авторов, относившихся к этому кругу, характеризует следование галликанской конституционной традиции, уходящей своими корнями в идеалы Соборного движения XIV–XV вв. Большинство представителей поздней французской схоластики признавали право подданных на сопротивление государю в случае явного нарушения им законов страны. Таким образом, ссылка Понета на труд Джона Мейра оказывается весьма значимой, позволяя определить круг идей, оказавший воздействие на его собственную теорию.

После восшествия на престол королевы Елизаветы и официального перехода страны в протестантскую веру основной оппозиционной группой стали католики. Впрочем, и для них было характерно не слишком частое упоминание истории о смещении короля Ричарда – хотя они и не имели оснований опасаться тюдоровской цензуры (их сочинения так или иначе печатались на континенте), вопрос о престолонаследии и правах подданных определять его был чрезвычайно болезненным для католических авторов. С 1570 г. Елизавета была отлучена от церкви буллой папы Пия V, что автоматически заставляло усомниться в лояльности своей правительнице католических подданных, сохранявших верность Римскому престолу. Поэтому большинство елизаветинских католиков предпочитало не затрагивать данный сюжет.

Если же история Ричарда и появлялась в католических сочинениях второй половины XVI в., то чаще всего – как предостережение государям, выбирающим дурных советников (в данном случае – гонителей католиков). Так, в анонимном политическом памфлете «Государство Лестера» (1584 г.) (направленном, как легко догадаться, против фаворита Елизаветы, графа Лестера), практически не рассматриваются обстоятельства смещения Ричарда; упоминается лишь, что Генри Болингброк захватил престол силой (прямая аллюзия на выдвинутое в памфлете обвинение в адрес Лестера, якобы

king is nothing else than to make an easy opening for the horns of rebellion against the state in the case of all kings yet to come – a thing to be shunned as a plague, and certain to involve the ruin of any commonwealth'.

готовящегося захватить власть в Англии)⁴⁵. А в качестве причины смещения упоминается только одна – дурные советники:

Ведь мы можем перечислить три примера со времен завоевания, когда законные и истинные государи приблизили свое падение, сделав подданных врагами: Эдуард II, Ричард II и Генрих VI, причём одно то, что они выказывали слишком большое благоволение дурным людям, стало главной причиной гибели всех троих⁴⁶.

Аналогичным образом, католический священник Томас Фицгерберт упоминает дурных советников Ричарда II в одном из своих памфлетов конца 1590-х гг. Позднее в трактате о политическом управлении (1615 г.), он высказался чуть более развернуто:

Тем самым они [дурные советники] делают не только себя, но своих государей объектом такой ненависти со стороны знати и народа, что за этим много раз следовали волнения и восстания, так что государи оказывались вынужденными выдать их врагам или же погибнуть вместе с ними. Опустив примеры из других стран, мы испытывали это в Англии, во времена короля Эдуарда II и короля Ричарда II, против которых взялись за оружие знать и общины из-за ненависти, которую они питали к их фаворитам – Пьеру Гавестону, обоим Спенсерам, Роберту де ла Веру, графу Оксфорду и другим их сторонникам. На них они излили всю свою ярость, применив по отношению к ним всю мыслимую жестокость, за исключением графа Оксфорда, который спас свою жизнь бегством в Голландию и окончил дни в изгнании. Этому отчасти можно приписать несчастный конец обоих королей, которые впоследствии были смещены с престола и жестоко убиты⁴⁷.

Очевидно, что католические авторы использовали традиционные клише, которыми изобилуют исторические сочинения, однако они предпочитали не рассматривать всех остальных деталей этой

⁴⁵ Leicester's Commonwealth. The copie of a letter. 1584, 128-9.

⁴⁶ Ibid., 187: For wheras, since the conquest, we number principallie, thre iust and lawfull kinges, to have come to co[n]fusion, by alienation of their subieucts: that is, Edward the second, Richard the second, and Henry the sixt, this onlie point of to much favour towarde wicked persons, was the chiefest cause of destruction, in al thre.

⁴⁷ Thomas Fitzherbert. The First Part of a Treatise concerning Policy. 1615. ERL 175, 1974. 251: Wherby they expose not onlie themselves but alsoe their princes to such hatred of the nobilitie and people, that their followeth therof many times commotions & rebellions, in so much that their princes are either forced to abandon them to their enemies or esl to perish with them; as to omit forrain examples, wee have sene by experience in England in the time of King Edward the second and King Richard the second, against whom the nobilitie and commons did take armes for the hatred they bore to their favorites, Piers Gaveston, the two Spencers, Robert de la Vere Earle of Oxford and others their adherents, upon whose persons they discharged their furie exercising upon them al kind of crueltie, except the earle of Oxforde, who saved his life by flight into Holland, and ended his daies in banishment & herto may also partlie be ascribed the unfortunate end of both those Kinges, who were afterwards deposed and cruelie murdered.

истории, так как ее конституционный аспект мог поставить католических авторов в ряд мятежников, а «протестантский миф», по понятным причинам, ими отвергался, и смещение короля Ричарда интерпретировалось исключительно в светском, политическом контексте.

Впрочем, наиболее подробный и детальный анализ истории короля Ричарда, вышедший из-под пера католика, порывает с этими традициями, и порождает «католический миф» о Ричарде. Речь идет о сочинениях иезуита Роберта Парсонса, неоднократно использовавшего сюжет о смене династии в своих произведениях.

Парсонс, подобно своим оппонентам-протестантам, помещает историю Ричарда в религиозный контекст. Он также полагает, что смена династии и события войн Роз были обусловлены именно религиозными причинами, но, естественно, приводит обоснование, прямо противоположное версии Фокса: попустительство, а порой и прямое благоволение ереси Уиклифа погубило потомков Эдуарда III.

Ведь хотя король Эдуард III был великим королем, конец его был жалок: его наследник, король Ричард, после бесконечных восстаний, волнений и пролития крови знатных людей и простолюдинов, был смещен и убит. Началась кровавая распря между домами Ланкастеров и Йорков, длившаяся почти сто лет, на погибель не только королевской семье Ланкастеров, которая поначалу особенно благоволила Уиклифу, ...но и многим знатым сеньорам и семействам; гибельные войны и столкновения продолжались и дома, и за пределами страны, что привело к тому, что мы лишились всех своих владений, провинций и областей во Франции⁴⁸.

Личные прегрешения короля Ричарда также сыграли свою роль, хотя он и не благоволил еретикам.

Ему было всего одиннадцать лет, когда он получил корону, и на него возлагались большие надежды. Однако юность, богатство и власть, доставшаяся в столь юном возрасте, вместе с лестью и дурными советами развращенных людей, которые всегда стремятся находиться рядом с королевским достоинством, привели его в конце концов к плачевному падению. С Господней помощью, в своей жизни, поведении и правлении он мог бы следовать примеру и мудрости своих предков, как он и поступал, внешне сохраняя их религию и покорность Апостольскому престолу. Это (возможно) спасло бы его от несчастий, выпавших ему на долю. Впрочем,

⁴⁸ *Robert Persons. A treatise of Three Conversions. V. I. 1603. 544–545: 'For wheras K. Edward the 3 had byn a most glorious king, his end was pittiful: his heyre K. Richard after infinite sedotion, conetntion, and bloudshed of the nobility, and others was deposed, and made away. The bloody division of the huse of Lancaster and Yorke came in, endured for almost an hundred years, with the ruine not only of the royal line of Lancaster, by whom specially Wickliffe was favoured at the beginning ... but with the overthrow also of many other noble princes, and famiyes, and most pernicious warres & garboyles continued, both at home and abroad with the losses of all our goodly states, Provinces & Countreys in France'. См. также *Persons R. An Answer to the Fifth Part. 1606. Ch.12, 286.**

справедливо, что распутная жизнь обычно приводит к презрению, пренебрежению или неуважению религии. Вследствие этого король, и некоторые из тех, что были с ним, имели больше возможностей поддаться влиянию невежественного и греховного учения Уиклифа и его последователей, весьма распространенному в те дни, и привели многих простолудинов к яростному отрицанию религии, как ясно показывают невиданные доселе мятежи и восстания под предводительством их капитанов – Уота Тайлера, Джека Строу и прочих бесправных правителей⁴⁹.

Таким образом, Парсонс выстраивает четкую линию – от грехов плоти к пренебрежению религией, а затем к впадению в ересь, или, по крайней мере, попустительству ей. Подобное отношение вполне типично для представителя ордена иезуитов, которые, как правило, начинали борьбу с ересью с проповеди евангельской жизни. Что более интересно в данном контексте, так это плавный переход от религиозного аспекта к политическому: попустительство по отношению к ереси являлось очевидным нарушением не только долга Ричарда как государя-христианина, но и как хорошего правителя, так как распространение ереси ведет к мятежам и нарушению мира в стране. Так соединяются два образа: Ричард как плохой христианин (хотя и не еретик) и Ричард как плохой правитель.

Дурное правление Ричарда и связанные с этим вопросы о правах подданных на сопротивление ему рассматривались Парсонсом в трактате «Рассуждение о наследовании английского престола» (1594 г.), изданном им под псевдонимом Долеман:

Ричард позабыл о несчастном конце своего прадеда из-за дурного управления. По этой причине, после того, как он процарствовал 22 года, его также сместили актом парламента, собравшегося в Лондоне в 1399 г. по рождении нашего Господа, и осудили его на вечное заключение в замке Помфре, где вскоре после того он был предан смерти, подобно тому, как это случилось с другими. На место этого человека был свободно избран в качестве короля

⁴⁹ Ibid., 308: 'The child was but an eleven yeares old when he tooke the Crown, and of verie great expectation, but that youth, wealth, and commaundrie in that age, with adulation, and perverse connsaile of licencious paople, that are wont to accompanie that state and condition of Princes, drew him aside to his owne pittiful ruine in the end; and would God, in his life, conversation, & government, he had as well held the steps and wisdom of his auncestors, as he did in the owtward maintenance of their religion, and obedience towards the Sea Apostoliche; for that (Probably) it would have preserved him from the miseries whereunto hee fell; though it bee true also, that dissolution of life, doth commonlie bring with it contempt or neglect, or lesse estimation of religion; wherento this man, and some that were about him, had the more occasion given them, by the prophane, and wicked doctrine of Wickeliffe & his fellows, that prevailed much in these daies, and brought many of the Common people to such fury & contempt of all religion, as their strange tumults, and raging rebellions, under their Captains, Wat Tyler, lack Straw, and other like unruly rulers, doe well declare'.

благородный рыцарь Генри, герцог Ланкастер, который впоследствии оказался замечательным правителем, как знают все, и стал отцом короля Генриха V, называемого обычно английским Александром, ведь подобно тому, как Александр Великий завоевал большую часть Азии за девять или десять лет, так и Генрих завоевал Францию за меньшее время⁵⁰.

Во второй части трактата Парсонс обосновывает справедливость смещения короля Ричарда, в частности, и права подданных смещать тирана – в целом.

Все королевское достоинство дано им [королям – А.С.] исключительно сообществом, причем с явным условием, чтобы они правили согласно закону и справедливости; именно в этом и состоит цель их правления, суть их власти, путеводная звезда, которая должна направлять их путь, т.е. благо подданных, выгода королевства. Если эта цель оставлена или извращена, король становится тираном, тигром, жестоким львом, рыкающим волком, врагом общества, кровавым убийцей. Если бы сообщество не могло освободиться от столь неминуемой угрозы, это противоречило бы как естественному, так и моральному закону⁵¹.

Оправдывает Парсонс и вооруженное сопротивление тирану, поскольку оно порой оказывается единственным эффективным средством:

Дурной король не может быть устранен иначе, нежели силой оружия, если мы ожидаем обычного способа исправления положения, которое Господь предоставил сообществу, ведь видно, что упорствующий в тирании государь является вооруженным врагом, ногами попирающим главу королевства, и ясно, что он не может быть изгнан оттуда или призван к порядку, кроме как

⁵⁰ *Doleman R. A Conference about the Next Succession to the Crowne of Ingland [1594], ERL. 104. 1972. I. 59-60: this Richard (I say) forgetting the miserable end of his great grand father for evel goverment. As also the felicity, and vertue of his father and grand father: for the contrary, suffered himselfe to be abused and misled by evel counsellors, to the great hurte & disquietnes of the realme. For which cause after he had raigned 22. yeares he was also deposed, by act of parlama[n]t holden in London, the yeare of our Lord 1399. and condemned to perpetual prison in the castel of Pomfret wher he was soone after put to death also and used as the other before had bin, and in this mannes place by free electio[n] was chosen for king the noble knight Henry Duke of La[n]caster who proved afterwards so notable a king as the world knoweth, and was father to king Henry the fifth sumamed commonly the Alexander of Ingland, for that as Alexander the great conquered the most parte of Asia in the space of 9. or 10. yeares so did this Henry conquere France in lesse than like tyme.*

⁵¹ *Ibid.*, II, 62: *for that al kingly authority is given them only by the common wealth, & that with this expresse condition, that they shal governe according to law and equity, that this is the end of their government, the butt of their authority, the starr and pole by which they ought to direct their sterne, to witt, the good of the people, by the benefite of the realme, which end being taken away or perverted, the king becommeth a tyrant, a Tigar, a fearse Lion, a ravening wolfe, a publique enimy, and a bloody murtherer, which were against al reason both natural and moral, that a common wealth could not deliver it selfe from so eminent a distruction.*

силой оружия. А если вы скажете, что Господь может иначе излечить это бедствие, настав на государя смертельную болезнь или использовав подобные средства, ответ будет таков: Господь не всегда принуждает себя совершать чудеса или использовать необычные средства для достижения этих целей, но оставляет их в руках людей и сообществ, чтобы привести их в исполнение обычными средствами – мудростью и справедливостью⁵².

Применяя теоретические рассуждения к истории Ричарда, Парсонс показывает, что его смещение было справедливым, так как король явно нарушал закон и обычай страны, без причины карая представителей знати и высшего духовенства, а также наделив практически абсолютной властью своих фаворитов в ущербление прав короны и парламента⁵³. При таких обстоятельствах «политическая нация» Англии могла и обязана была воспротивиться действиям тирана, что и случилось, когда в страну был призван изгнанник – Генри Болингброк.

Парсонс оправдывает смещение Ричарда:

Во-первых, это было сделано по решению и призыванию королевства, или большей и лучшей его части... Во-вторых, это произошло без кровопролития, и, в-третьих, король был смещен актом парламента и, будучи сам убежденным в том, что его правление было недостойным, он был вынужден признать, что лишен власти заслуженно, и по доброй воле и без принуждения отрекся от нее⁵⁴.

Из всех рассмотренных в данной статье авторов, Парсонс наиболее радикален в своей трактовке. Для него подданные (в парламенте) безусловно обладают правом не только на сопротивление тирану, но и на определение престолонаследия, что явствует из его изложения истории Ричарда: в отличие от всех остальных, Парсонс подчеркивает, что решение о смещении Ричарда было принято парламентом раньше, чем король отрекся от престола; парламент же определяет и наследника Ричарда путем «свободного избрания». Подобная широта

⁵² Ibid., II, 68: for that an evel king cannot be removed but by force of armes, if we expect the ordinary way of remedy left by God unto the common wealth, for seeing that a tyrannical or obstinate evel prince is an armed enemye with his feet set on the realmes head, certaine it is, that he cannot be driven nor plucked from the[n]ce, nor brought in order, but by force of armes. Anf if you saye that God may remedy the matter otherwise, and take him away by sicknes, and other such meanes, it is answered, that God wil not alwayes bynde himselfe to woorke miracles, or to use extraordinary meanes in bringing those things to passe, which he hath left in the hands of men, & of common wealthes to effectuat, by ordinary way of wisdome and iustice.

⁵³ Ibid., II, 64–66.

⁵⁴ Ibid., II, 66: First for that it was done by the choise and invitation of al the realme or greater and better apte therof as had bin said. Secondly for that is was done without slaughter, and thirdly for that the king was deposed by act of parlament, and himselfe convinced of his unworthy governmet, and brought to confesse that he was worthely deprived, and that he willingly and freely resigned the same.

полномочий прямо вытекает из представлений Парсонса о народном суверенитете как высшем источнике политической власти⁵⁵.

Как Парсонс пришел к подобным заключениям? Если его религиозную трактовку практически предопределила полемика с Джоном Фоксом (ведь фактически его «католический миф» представляет собой вывернутую наизнанку протестантскую версию), то политическая аргументация Парсонса не находит себе вполне адекватных аналогов в традиции английской политической мысли (за исключением разве что Джона Понета). Данное сопоставление не так парадоксально, как кажется на первый взгляд: уже было сказано о том, что на Понета оказала большое влияние поздняя схоластика в целом, и произведения Джона Мейра в частности. Но и для Парсонса это влияние является столь же сильным: большинство его произведений демонстрируют блестящее знакомство автора с галликанской традицией XIV–XV вв. Таким образом, можно констатировать, что континентальная политическая мысль и континентальная историография оказали существенное влияние на Парсонса.

Радикализм Парсонса не остался незамеченным его современниками, вызвав ответную реакцию со стороны полемистов-протестантов. При этом главным объектом возражений стало право парламента определять наследника престола.

По мнению пуританина Питера Уэнтурта, престолонаследие определяется исключительно правом кровного родства. Обращаясь к истории смещения Ричарда и смены династии, он комментирует:

Он [Генрих IV] не является наследником или преемником, потому что парламент провозгласил его таковым, но потому, что он являлся наследником, парламент по праву должен был провозгласить и провозгласил его таковым... Итак Генрих IV больше полагался на дерзкое заявление о своем происхождении от Эдмунда Кривобокого, нежели на голос парламента, хотя бы он был усилен отречением Ричарда II⁵⁶.

⁵⁵ О теории сопротивления Парсонса см. Серегина А.Ю. Парсонс и английская революция // СВ. Вып. 62. С. 26–43; Идея народного договора в елизаветинской политической мысли: Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Диалог со временем. М., 1999. Вып. 1. С. 279–295; Происхождение королевской власти в английской католической мысли на рубеже XVI–XVII вв. // Диалог со временем. М., 2000. Вып. 3. С. 201–214.

⁵⁶ *Peter Wentworth. A Pithie Exhortation. [1598] Amsterdam. 1973. Pt. II, A Treatise containing iugdgement concerning the person of the true and lawfull successor to the Realmes of England and Ireland, 54: he is not heire or successor because the Parliament declareth him to be so, but because hee is so, therefore it is that the Parliment by right ought and doeth declare him to bee so. ... So Henrie the fourth did more rest upon the blind pretence of a claim by Edmond crook-back, then uppon the voice of the Parliament, though it were strengthened with the resignation of Richard the second.*

Уэнтурт не оспаривал права парламента как таковые (даже право сопротивляться тирану и, в конце концов, сместить его), но считал, что престолонаследие подчиняется только божественному праву.

Что касается прочих оппонентов Парсонса – уже знакомого нам Джона Хейворда и шотландского юриста Томаса Крейга, то и они также не принимали его трактовки права парламента определять престолонаследие. Примечательно, однако, что никто из них напрямую не отрицает права подданных воспротивиться действиям тирана, хотя оба не находят оснований для применения этого правила в отношении короля Ричарда. Хейворд, ставший к 1603 г. добрым монархистом, считает обвинение в адрес короля несправедливым и не дававшим подданным права сместить его.

Смещение короля Ричарда II было отвратительным деянием, не оправданным и не руководствовавшимся правилами рассудка и государственными интересами... Рассмотри его [Ричарда] действия беспристрастно – и ты не сочтешь его слишком плохим или дурным государем, взвесь обвинения, выдвинутые против него – и ты не найдешь ничего истинного или весомого...⁵⁷

В этом памфлете Хейворд в гораздо большей степени, чем раньше, склонен изображать Ричарда жертвой, а не главным виновником постигших страну бедствий, примыкая при этом к «протестантской» традиции: так, в его тексте появляется приведенная выше цитата из Холиншеда, где речь идет о том, как счастливы были общины королевства в его правление⁵⁸. Еще резче звучит и инвектива в адрес подданных короля, дерзнувших его свергнуть:

Столь опасно допускать до высшей власти безумное и безголовое множество, которое судит о вещах, руководствуясь не разумом и справедливостью, но либо мнением, которое обычно пристрастно, либо слухами, которые обыкновенно полны неточностей и ошибок. Большинство делает что-то, потому что так поступают другие; легче всего стать рабом чьей-либо гордыни и интриг.⁵⁹

⁵⁷ *John Hayward. An Answer to the first [part of a certaine conference. London, 1603. Cap. 3 Kii: The deposition of king Richard the second was a tempestuous rage, neither led nor restrained by rules of reason or of state; not sodainely raised and at once, but by very cunning and artificial degrees. But examine his actions without distempred iudgement, & you will not condemne him to be exceeding either insufficient or evill: weight the imputations that were objected against him, and you shall find nothing either of any truth or of great moment.*

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Ibidem.* So dangerous is to permit this high power to a heedlesse and a headlesse multitude, who measure things, not by reason and iustice, but either by opinion, which commonly is partiall, or else by report, which usually is full of uncertainties and errors: the most part doing because others doe; all easie to become slavish to any mans ambitious attempt.

Хейворд, таким образом, практически порывает с историографической традицией, оправдывавшей действия подданных Ричарда, и демонстрирует «монархический» потенциал протестантского мифа.

Трактат Томаса Крейга выглядит более традиционным (хотя речь идет не вполне об английской традиции). Шотландский юрист обосновывает полный и безоговорочный запрет на сопротивление:

Ни один человек не считается невиновным, если он поднял руку на помазанника Божия⁶⁰.

Впрочем, этот библейский запрет обычно применялся по отношению к тираноубийству. Что же касается сопротивления подданных (особенно сословий), то к концу XVI в. эта идея давно уже стала частью политической теории и практики европейских стран (Шотландии в том числе). Отвергнуть эту традицию было непросто даже для авторов-абсолютистов (к числу которых принадлежал Крейг). Показательно, что Крейг не отрицает права на сопротивление как такового:

В том случае, если тиран имеет армию, если он держит гарнизоны в замках и других крепостях, так что он может совершить злодеяния, многие даже из числа мудрейших (ученейшие из них), и среди прочих Солон, утверждают, что против него можно взяться за оружие законно, хотя бы он не был ни предупрежден, ни осужден. Но если он готов и желает предстать перед судом и быть судимым по законам страны, его подданные действуют как против божественного закона, так и против закона природы, присвоив себе право карать его без предупреждения и судебного приговора. Но Ричарда содержали в тюрьме, лишённого оружия, людей, охраны и гарнизонов: Он, если бы ему позволили предстать перед справедливым и честным судом, мог бы защитить себя и опровергнуть все ложные обвинения своих врагов, или обратить их против них самих⁶¹.

Таким образом, мы опять сталкиваемся с уже известной нам по труду Джона Мейра оговоркой – отрицается только применимость права на сопротивление по отношению к Ричарду и его английским подданным. Представляется, что сочинения Парсонса потому и вызвали

⁶⁰ *Thomas Craig*. The right of succession [1603]. London, 1703, 332: no man is said to be innocent who stretches out his hand against the Lord's anointed.

⁶¹ *Ibid.*, 329: In case a Tyrant has an Army, if he keeps all the castles and others strong holds with Garrisons, so that he can do mischief, many and even the wisest of them [learn'd men], and among the rest Solon, assert that arms may be lawfully taken against him, tho' he be neither cited nor condemned. But if he be ready and willing to undergo a Tryal, and will suffer himself to be judg'd according to the Laws of the Country, they act both against the laws of God and Nature, who take upon them to punish him without citation, and uncondemned. But this Richard was kept in a publick jail, destitute of Arms, Men, and all Guards and Garrisons, and who, had he been allow'd a fair and just Tryal, could have made a good defence for himself, and overthrown all the calumnies of his Adversaries, or retorted them against themselves.

столь широкий резонанс в Англии и за ее пределами, что его схема демонстрировала необычное сочетание традиционных для Англии XVI в. идей прав парламента, континентальных идей о народном суверенитете и религиозного аспекта любого тиранического правления.

Конституционные идеи Парсонса продолжали вызывать интерес у его соотечественников и после его смерти (1610 г.). Его трактат «Рассуждение о наследовании английского престола» был переиздан в 1648 г. (в контексте полемики о судьбе арестованного короля Карла I) сторонниками парламента под красноречивым названием «Несколько речей, произнесенных во время беседы, посвященной власти парламента судить своего короля за дурное управление». Исходный текст Парсонса был подвергнут сокращению и корректировке (чтобы убрать следы его конфессионального происхождения). Примечательно, однако, что приведенная выше цитата, повествующая о смещении короля Ричарда⁶², присутствует в этом издании целиком⁶³.

Переиздание трактата Парсонса, хотя и замаскированное, вызвало резкую отповедь со стороны умеренного пуританина Уильяма Принна, одного из лидеров парламентаской оппозиции, но человека, далекого от радикализма и опасавшегося суда над королем Карлом. В памфлете, изданном в начале гражданской войны (1643 г.) Принн, обращаясь к историческим прецедентам смещения английских монархов, воспроизводит знакомую протестантскую схему – король, павший жертвой заговора папистских прелатов⁶⁴. Он не оспаривал права парламента смещать монарха и распорядиться престолом, однако отодвигал все эти юридические прецеденты в католическое прошлое:

Эти парламента и национальные собрания, которые таким образом распорядились коронами и королями и обладали такой юрисдикцией в отношении их, безусловно должны были быть выше них и являться высшей суверенной властью. Правда, наши протестантские пары, общины и парламента никогда не требовали и не имели такой юрисдикции и, как я полагаю, никогда не станут этого делать⁶⁵.

⁶² См. прим. 51.

⁶³ См. *Severall speeches, delivered at a Conference, concerning the Power of Parliament, to proceed against their king for misgovernment*. London, 1648. 20.

⁶⁴ *William Prynne. The Sovereigne power of Parliaments and Kingdomes*. London, 1643. 8. 29-30.

⁶⁵ *Ibid.*, 86: Those Parliaments then and Nationall Assemblies, which have thus disposed of the Crown and Kings themselves, and exercised such jurisdiction over them, must certainly be above them, and the highest Sovereigne power. True it is, our Protestant peeres, Commons and Parliaments, never challenged nor exercised such jurisdiction, and I presume they will not doe it.

К 1648 г. стало очевидным, что протестантский парламент именно этим и собирается заняться: готовившийся процесс короля Карла I спровоцировал оживленную полемику. Стремясь убедить своих соотечественников в незаконности суда над монархом, Принн вновь напоминает своему читателю:

эти процессы проходили только в папистских парламентах во времена невежества, когда у них не было таких клятв, ковенантов, обещаний и прочих соображений, связывающих им руки, какие есть у нас сейчас⁶⁶.

Что же касается тираноборческих памфлетов, в изобилии выходивших из-под печатного станка в 1648 г., в условиях отсутствия цензуры, то Принн предупреждал читателей: теории сопротивления не являются конфессионально нейтральными, они – католические, а тот, кто их принимает, «ведом иезуитами»⁶⁷ (очевидный намек на переиздание трактата Парсонса, слишком известного, чтобы его можно было легко замаскировать под протестантское произведение).

Справедливости ради необходимо отметить, что трактат протестанта Понета также был переиздан в контексте полемики 1648 г. (и тогда же впервые стал доступным для многих англичан, так как первое издание 1556 г. вышло на континенте, и в Англию ввозилось нелегально). Но несмотря на различия в конфессиональной принадлежности, Понета и Парсонса объединяет нетипичное для английской традиции принятие континентальных (французских) политических теорий радикального свойства. Представляется, что важную роль здесь сыграла религиозная мотивация тирании, свойственная обоим авторам: именно это позволило им использовать в своих трудах континентальные теории и адаптировать их к системе понятий, свойственных английской политической традиции.

⁶⁶ *William Prynne. A Breife memento to the present unparliamentary Iunto touching their present intentions and proceedings to depose and execute Charles Steward, thir lawful king. London, 1648, 14: And those proceedings were only by Popish parliaments in time of ignorance, who had no such Oathes, Vowes, Covenants, protestations, and other forementioned considerations to tye thier hands, as you and we all have now.*

⁶⁷ *Ibid.*, 15: 'jesuit-ridden'.

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИСТОРИИ В ЕВАНГЕЛИЯХ

II¹. ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

Принятие истины выводится на первый план как залог двойного спасения: на земле (то, что был должен сделать Мессия) и на небе. Именно дихотомия «вера – неверие» позволяет окончательно отделить овец от козлищ, пшеницу от плевел, праведников от грешников. Идея конца света, пессимистическая и страшная, отходит на задний план. Он превращается в «дамоклов меч», которого должен бояться каждый верующий и неверующий, ведь им постоянно твердят о возможности Суда в любую секунду. Однако идеи «истины» и «веры» становятся краеугольным камнем и лозунгами нового этапа в развитии человечества – этапа строительства и «возвращения в Эдем».

Христос разбивает прежний синтез сакрального и секулярного как форму культуры обветшавшей и испорченной. Формула «Богу – Богово, кесарю – кесарево» призвана была доказать «тупиковый» вариант развития двух типов культуры. Это – формула «распада культуры». Из истории «ушел» Бог, но его место заняли политические интриги, социальная борьба, межэтнические столкновения, «столпотворение богов» и «языков». Христос категорически не согласен с общепринятым мнением, что это и есть «объективные факторы», действию которых должен подчиниться человек. Они не созидательны, не творят, а разрушают историю, лишают ее последнего смысла. Их надо отбросить как «кесарево» и вернуться к «богову». Монотеистическая идея «Бога» в то время фактически закладывала основы концепции абсолютной согласованности всех процессов, происходящих во Вселенной².

Время Христа – это время, которое не только нами воспринимается как рубежное и конечное. Сам Христос, а вслед за ним и его ученики говорят о совершившейся «полноте времени». «Порча» людей и общества для них не случайна, ибо из жизни людей ушел Бог и человек самонадеянно встал на его место. Это пугало перво-

¹ Начало статьи см. Диалог со временем. Вып. 9. 2002. С. 258–287.

² Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 118.

священника, когда он допрашивал Христа, но это не меньше поражало и волновало самого Христа. Он скрупулезно фиксирует «концы» прошлого (Мк 3:26; 1Пет 4:7; От 1:8, 21:6).

Культурное развитие предстает как разрушительный и чужой для конкретного носителя культуры процесс. Культура «раздевается» (выражение А.М. Панченко) до биологического. В ход идут обозначения, связанные не с социальным статусом, а полом (как в наше время – «мужчина», «женщина»), идут рассуждения о роли биологического в духе Ницше или Фрейда. Старое и испытанное не просто уходит, а отвергается новыми поколениями, на его смену приходит не свое, «родное», а чуждое – иные культуры, религии, языки. Человек в лучшем случае становится потребителем этой «эрзац-культуры», в худшем – просто пешкой в руках невидимых и доселе неведомых сил. История уже не представляет собой связный, «классический» текст как «рассказ о прошлом для настоящего» (Исидор Севильский). Листы «рукописи», подхваченные ураганом истории, разлетаются в стороны, а то и вообще скрываются из глаз. Все это воспринимается как энтропия не только культуры, но и самой истории.

Человек замыкается «в себе». Информационное пространство тяготеет к нулю, становится «черной дырой», куда уходит «мир». «Вселенная» сворачивается. «Дом» человечества разрушился. Ушли «стены» так как этнический горизонт раздвинулся. Не стало «потолка», ибо Бог «умер». Исчез «пол» – одиночество человека открылось как бездонная пропасть под ногами. Раньше культура имела «окна», которые вели на «улицу», теперь она оказалась в чистом поле. Как всегда в переходные периоды, «беспредельность» надвинулась вдруг со всех сторон, и человек оказался в мире, устрашающая реальность которого не позволяла видеть в нем прежний дом. В этом мире он снова стал беззащитным... Снова человек стал проблемой, распад прежнего образа Вселенной и кризис ее надежности повлекли за собой и новые вопросы беззащитного, бездомного и потому проблематичного для самого себя человека»³.

Вырисовывается постепенно новый образ мира, но не новый «дом». Стоит только всерьез принять идею бесконечности, считал М. Бубер, и нового дома уже не выстроить. Постепенно человечество все больше становилось бездомным. В каждую следующую эпоху, писал Бубер, одиночество все холоднее и суровее, а спастись от него все труднее. Человеку приходится в себе самом искать силы и смысл своего существования. Но «во всех стихиях человек – палач, предатель или узник» (А.С. Пушкин).

³ Губин В., Некрасова Е. Философская антропология. М., 2000. С. 10.

Происходит «рокировка» Коллектива и Человека. «Коллективистский» вариант культуры, казавшийся испытанным и несокрушимым, «мгновенно» уходит на задний план и столь же «мгновенно» ставший «одиноким» человек вынужден самостоятельно и «неумело» решать свои проблемы. Но и человек оказывается «забыт». Ветхозаветное общество с головой ушло в историю народов, общественных институтов, культур, религий, социальных сил и политических групп. «История людей», говоря словами Ю.М. Лотмана⁴, оказалась отменена. Люди из «венца творения», ближайшего «помощника» Творца превратились в статистов. Как остроумно заметил Ю.М. Лотман, важна была роль, а не исполнитель, оттенки исполнения стали восприниматься как случайности, а история в таких ситуациях действительно занимается только «закономерными процессами».

Христа не устраивает и складывающееся в римско-имперском Средиземноморье представление о человеке только как о «представителе» того или иного народа или социального слоя. Он «взрывает» ситуацию, «выдергивая» своих учеников из того или иного контекста и заставляя их сменить свое «призвание», стать не «ловцом рыбы», а «ловцом человеков» (Мф 4:19). Для Христа история перестает быть причинно-следственной цепью закономерных явлений, ибо нарушилась «связь времен». История врывается в его сознание ураганом событий и поступков, «бунтом плоти» «взбесившейся» биологической массы. Обуздать «зверя», вернуть его в прежнюю «клетку» культуры – задача времени, которую Христос однако ставит перед собой лично.

Если взять на вооружение идеи И. Пригожина, то можно сказать о наступивших «моментах бифуркации»: «когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить эволюция системы»⁵.

Для Средиземноморья в качестве альтернатив было «предложено» два пути и цивилизация пошла сразу по обоим, в результате чего произошло ее своеобразное разделение. Один вариант использовал иудаизм и начал создавать новый Текст – Талмуд. «Западная» (европейская) цивилизация пошла дорогой своей собственной истории (создание «христианского мира»), которую стали описывать христианская Библия и Священное Предание. Можно предположить, что были и другие варианты, но они были отсечены, говоря словами И. Пригожина, механизмом флуктуации.

⁴ Лотман Ю.М. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № 5. С. 2.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 236.

О сказанном выше можно судить и по другим примерам. По Луке, спустившись с горы, «и возвед очи Свои на учеников Своих», он начал свою проповедь словами – «блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк 6:20). Так говорится и у Матфея (5:3), однако есть здесь одна существенная деталь. В русских изданиях Библии, по Евангелию от Луки, Иисус говорит: «блаженны нищие духом», но если обратиться к подлиннику – а он написан на древнегреческом – мы находим совсем другие слова. Там сказано просто: блаженны нищие! По Луке, именно низшие социальные слои общества являются «солью земли», и именно им принадлежит «Царство Божие». С.С. Аверинцев в свое время удачно заметил, что речь идет о добровольно нищих⁶. Но это изменение фразы вполне согласуется с общим ходом рассуждений Христа. «Нищие духом» – ищущие духа в отличие от «бедных духом». Обвинение в бездуховности – непереносимое обвинение любой новой культуры в адрес своей предшественницы. Так «пшеница» отделяется от «плевел» и достаточно четко ставится задача нового культурного строительства. Выражение «нищие духом» было достаточно распространенным в то время⁷, оно встречается и в кумранских рукописях⁸. Усиливается эта идея у Матфея и указанием на «алчущих и жаждущих правды» (Мф 5:6). Бедность в библейских книгах «представляет собой не только экономическое и социальное положение, она может означать также внутреннее расположение, душевное состояние»⁹.

Бездуховность Десятиградия¹⁰ он показывает (Мф 11:28), когда обращается ко всему народу с обличением городов, которые так и не покаялись, несмотря на все явленные в них чудеса, и делает очень важное сообщение: «Все передано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». Тем самым впервые он официально объявляет себя сыном Бога и уже с этих позиций призывает всех: «Приидите ко Мне,

⁶ История Древнего Мира. М., 1982. С. 124. Прим. 15.

⁷ По мнению Э. Ренана, одной из «доктрин» Христа был «евеионизм» (от евр. евионим – бедные), акцент в котором делался на социальном равенстве. – Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991. С. 146.

⁸ Stendahl K. The Scrolls and the New Testament. L., 1958. P. 122; Амусин И.Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960. С. 249; Ленцман Я.А. Сравнивая евангелия. М., 1967. С. 61.

⁹ Словарь библейского богословия / Под ред. Ксавье Леон-Дюфура и др. Киев–М., 1998. С. 31.

¹⁰ Декаполис, т.е. десять городов на территории теперешней Иордании, которые образовали союз со Скитополем в Самарии, находившейся в прямой зависимости от Рима.

все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Себя он воспринимает посланцем «силы большей, чем сама Тора»¹¹.

Общеизвестно, что Рим старался быть преемником эллинской культуры. Также известно, что эллинскую и иудейскую философии разделяла глубокая пропасть. Кто-то так сформулировал эти различия: «Еврей спрашивает: «Что я должен делать?», тогда как грек спрашивает: «Почему я должен это делать?», или «греки верят в святость красоты, а евреи – в красоту святости». В двадцатом столетии с новой силой развернулся спор о том, что сыграло большую роль в становлении христианства – эллинизм или иудаизм. Появилось много работ в пользу того или иного истока. В послевоенный период начала складываться концепция «единого завета», в разработке которой приняли участие известные теологи (Ш. Журне, Ж. Даниэлю, К. Барт, Г.У. Бальтазар, А. Беа, Д. Остеррейхер). Они исходили из слов ап. Павла о христианах, «привитых» к вечному завету с народом Израиля (Гал 3:13-29; Евр 8:8). На Втором Ватиканском Соборе (1965) в декларации «Об отношении Церкви к нехристианским религиям» прямо было сказано об «узах, соединяющих духовно народ Нового Завета с потомством Авраама»¹². Фактически это же говорил довольно часто и Христос.

По Иоанну, «закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин 1:17). Стало быть, по Иоанну, в заповедях Божьих до Иисуса не было ни благодати, ни истины. По крайней мере, Моисеев закон приспособливается, переходя из внешней сферы человеческой жизни во внутреннюю, приобретая вместо «формально-юридического» «душевно-духовное значение»¹³. Христос фактически не рассматривает проблему происхождения зла, а ведь это основная проблема любой религии. Он опирается в этом вопросе на Тору и акцент делает на борьбе с известным злом. Проблема зла, таким образом, переходит в практическую плоскость. Акцент Христос делает именно на практической этике. Так Мк (10:19) демонстрирует, что он перечисляет только «этические» заповеди, но не упоминает «религиозные». Это «вольное» перечисление заповедей, когда он к тому же не упоминает десятую заповедь, но вводит совершенно новую «не обижай», говорит о том, что он пытается найти их суть, выявить лежащий в их основе алгоритм. Этот алгоритм и есть

¹¹ Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М.–СПб., 1997. С. 282.

¹² Второй Ватиканский Собор. Конституции. Декреты. Декларации. Брюссель, 1992. С. 433.

¹³ Теуш В.Л. О духовной истории еврейского народа. М., 1997. С. 163.

«золотое правило этики», которое Христос развивает дальше: «во всем, как хотите, чтобы люди поступали с вами, так с ними поступайте и вы» (Мф 7:12). В иудаизме считалось, что заповедей Яхве надо придерживаться только в пределах «земли обетованной». Книжники прибавляли лишь «поправки» (новые правила) к Закону, а Христос обращается непосредственно к истокам Завета, прежде всего к Декалогу как «подлинному Моисееву наследию»¹⁴. Он сохраняет зафиксированное в Торе требование к человеку быть «богоподобным» существом: «святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев 19:2).

Декалог сохраняется как основа нравственности: «если хочешь войти в жизнь, соблюди заповеди» (Мф 19:17; говорит Христос богатому юноше). Декалог рассматривает проблемы отношения человека к Богу и ближнему¹⁵. Это – суть «Моисеева учения»¹⁶. Именно это подчеркивает Христос и повторяет: «не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй» (Мф 19:18). Именно это учение он отстаивает, упрекая фарисеев в фактическом его забвении («зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?») и вспоминая слова Исаии о людях, которые пытаются в противовес Божественным сформулировать «человеческие заповеди» (Мф 15:1-9).

Важно подчеркнуть, что «заповеди» сформулированы как лозунги, директивы, они идеальны, но именно идеал является ядром любой идеологии, придает ей целостность: «идеал как бы направляет культуротворчество, придает ему целеустремленность и динамизм»¹⁷. В основе заповедей лежат прежде всего две идеи, впоследствии «возрожденные» Христом: любовь к Богу как сакральная часть культуры (первые четыре заповеди¹⁸) и любовь к Человеку как

¹⁴ Мень А. Сын человеческий // Пуцыкович Ф.Ф. Жизнь господа нашего Иисуса Христа, спасителя мира (СПб., 1900). Ставрополь, 1991. С. 185.

¹⁵ «Для изложения Десяти заповедей выбрана такая форма построения предложений и выражений, что каждое слово, будучи однажды услышанным или прочитанным, навсегда врезается в память». – Пятикнижие и гафтарот. М.–Иерусалим, 2001. С. 550.

¹⁶ Мень А. Как читать Библию. Ч. 1. М., 1997. С. 182.

¹⁷ Мшвениерадзе В.В. Человек и политика. М., 1984. С. 47; См. также: Флегонтова С.М. Идеология: понятие и явление. Опыт социально-психологического анализа // Понятия, принципы, категории (опыт философского и социально-психологического анализа). Л., 1975. С. 119.

¹⁸ В иудейской традиции – пять, они определяют обязанности человека по отношению к Богу (беин адам лемаком), сюда включается и заповедь уважения к родителям. – Пятикнижие и гафтарот. С. 390.

секулярная часть (шесть заповедей¹⁹). Христос весь Закон и пророков свел к этим двум «частям—принципам» (Мф 22:34; Мк 12:29-31). Это же дает возможность Христу говорить о наступлении нового этапа в развитии мира: «с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк 16:16). Речь идет уже не только о данном народе (ам), но и о других народах (гоим).

Поставленная Христом проблема соотношения «закона и благодати» в свернутом виде заключала широчайший комплекс проблем богословия, философии, логики, диалектики, мистики и он пытается выстроить новую иерархию. Здесь, безусловно, видно обязательное для переходных («ренессансных») эпох смещение культурных акцентов с социальной нормы на индивидуальную этику. Добавим, что в любой религиозной системе в «снятом виде» содержатся различные предшествующие идеологические формы. Как писал Гегель, «снятое» «есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено»²⁰.

«Свобода», которую приносит знание «истины», давала возможность и право начать новый ряд событий и рецептов, ибо новое общество в условиях кризиса должно было быть гибким. Христа не устраивают прежние представления об истине, сложившиеся в различных философских и религиозных учениях, как не интересуют его и «истины», полученные экспериментальным путем. Он фактически возрождает связку «эмэт» — «эмуна», где «эмэт» есть нечто твердо установленное (прежде всего Богом) и действительно существующее. В Новом Завете это слово часто заменяется на близкое по значению «алетейя». «Эмуна» — основывающаяся на этом вера в неизменность Бога и созданного им мира. Поиск истины — обязанность каждого, «человек должен стремиться к постижению истины, и он человек в той мере, насколько ему удастся выполнить эту задачу»²¹. Заметим при этом, что возобновленная Христом идея Завета фактически делает акцент на величии человека, ибо человек есть партнер Бога по завету²². Каждый человек обладает Божественным достоинством.

¹⁹ В иудейской традиции на второй скрижали было написано тоже пять заповедей, которые определяли обязанности человека по отношению к другим людям (бейн адам лехаверо). Любопытно, что в корпусе десяти заповедей оказались и такие «вполне материалистические ценности», как всеобщая справедливость, права человека, забота об экологии (Генри К. Христианин среди философов. М., 1994. С. 12).

²⁰ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 168.

²¹ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 193.

²² Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг, 1999. С. 94.

Складывается и необходимая педагогическая «лестница»: все отдельные люди и целые народы, а в итоге все человечество выстраивается в качестве «учеников», «штудирующих» одну и ту же «истину», с той или иной степенью аккуратности и энтузиазма решающие одну и ту же задачу. Аврелий Августин в итоге разделит всех в этом плане на четыре категории:

1. знающие истину и желающие ее знать,
т.е. стремящиеся к «совершенству»;
2. не знающие истину, но стремящиеся ее знать;
3. знающие истину, но не стремящиеся ее знать;
4. не знающие истину и не стремящиеся ее знать.

Христос требует от каждого отдельного человека задуматься над смыслом творящегося вокруг, над сутью происходящих событий. Человек должен быть не только их участником или очевидцем, он обязан как соучастник исторического процесса, космическая фигура, партнер Бога их осмыслить. Мало констатировать очевидную для всех «испорченность» бытия, мало понять причины этой испорченности, надо изменить мир. Стоит перефразировать сказанные в другой, но в чем-то похожей, ситуации слова К. Маркса о том, что, если до сих пор все мыслящие и равнодушные люди (синонимом этого выражения и есть слово «философ») пытались объяснить мир, теперь от них требуется самое деятельное участие в его перестройке²³, изменении путем возвращения к Богу. Такой акт самопознания и осознания своего места в мире есть проявление способности общества как системы к самоанализу. Если от человека в рамках «состоявшейся» культуры требуется выбор пути, понимание и принятие общепринятой точки зрения, то на стыках культур самопознание становится началом иного или нового этапа истории общества. Между «уходящим» и «приходящим» «богами» стоит «человек», именно он начинает движение к «коллективу», именно он становится первым звеном цепи, первой каплей реки, моря или океана.

Одной из важнейших проблем, возникающих на «стыках» культур, является проблема языка. Проявлением общественного кризиса станет и стремительно идущая конвергенция различных культур на всем пространстве Средиземноморья. В культурном плане это приводит к «столпотворению богов». Римский пантеон стремительно «засорялся» множеством новых богов, что в свое время остроумно высмеял Лукиан Самосатский. Как отмечал впоследствии Н. Макиавелли, смешение народов и «родных языков варварских племен с языками

²³ «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4).

Древнего Рима» приводило к смешению религий. Язык же любой культуры и религии как «формы» этой культуры кодируется в своеобразный набор терминов, понятий и дидактических выражений. Смешение их приводит к «обезоруживанию» отдельных культур, их «раздеванию» (выражение А.М. Панченко), т.е. к отбрасыванию прежних социальных, политических и религиозных терминов. Это было обусловлено процессами складывания государственных образований в рамках отдельных регионов и особенно метарегиона (Римская империя). В языковом отношении ярко проявляется «вавилонизм» как явление разноязычия, «столпотворения языков». Не случайно Рим именуют в это время «вавилонской блудницей». Это – одно из важнейших препятствий для международных контактов и налаживания единой экономической и культурной структуры римского «мира». Учение Христа – один из вариантов борьбы против «Нового Вавилона». В то же время, в империи «забота» о латинском языке ограничивала возможности его свободного развития и тем самым давался дополнительный стимул для развития иных языков. Новый язык как язык культуры метарегиона мог быть только синкретическим. Следует учитывать и то, что в это время начинают оформляться две основы будущей цивилизации – христианства и «вульгарной», т.е. общепотребительной, латыни. Религия – набор базисных, культуuroобразующих идей, а язык – форма их выражения и трансляции.

Попытки решения «языковой проблемы» шли по всему Средиземноморью. Они осложнялись тем, что в качестве своеобразных интернациональных языков уже функционировали латинский, греческий и еврейский язык. «Царить» станет впоследствии именно латинский, ибо созданная на его основе «культура» будет включать в себя достаточно развитые для складывания новой ситуации сакральные («Бог») и секулярные («Космос») идеи. На этом и будет сделан акцент Христом. Таким образом, латинский язык станет в некотором смысле апостериорным языком, создававшимся по образцу и из материала естественных языков²⁴. Латинский язык использовался как самый «интернациональный» – ему подражали, из него брали «термины», алфавит, учения о языке. В итоге должен был сложиться новый «образ мира, в слове явленный» (Б. Пастернак).

В ближневосточном «углу» Римского «мира» можно выделить три языковые зоны.

1. «Земля Обетованная», где сложился единый еврейский язык. На этой основе появляется идея лингвокультурной исключительности еврейского народа. Здесь выделяются фарисеи, которые всячески

²⁴ Триада «априори–апостериори–микст» введена в 1897 г. Г. Моком.

стараятся законсервировать Язык и Текст как основы культуры, ибо «мир есть книга» (Симеон Полоцкий). Фарисеи выдвинули девиз: «Крепить ограду вокруг Законов». Однако «ограда» была настолько высокой, что закрыла собой Закон²⁵.

2. Галилея, где чуждые еврейскому «миру» языки и культуры постоянно вторгаются в него с языческого севера.

3. Диаспора, где неизбежный контакт с другими культурами и языками осуществляется за счет «впływания» еврейской лингвокультурной парадигмы в другую языковую, этническую и культурную среду. В это время евреи, особенно из числа культурной элиты, общались между собой не на библейском языке геврим, а на греческом, точнее – на эллинском, который вошел в историю как греческий диалект койне. «Разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания»²⁶. Нужно учитывать, что «разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» (Вильгельм фон Гумбольдт).

Новые идеи требовали новой терминологии, иной лексики и грамматики. Христос становится «разрушителем» традиционных представлений о языке и культуре. Это в известном смысле связано с его происхождением, образованием и деятельностью. Выходец из Галилеи, не чистокровный еврей, полиглот (носитель целого ряда диалектов и наречий в Земле Обетованной), он постоянно передвигался по стране²⁷ и вступал в языковые контакты с местными жителями. Он обращался к простым людям, питательной среде синкретизма. Иврит обладал такой системой этнофеноменальных символов, что не поддавался «разгадке» извне. Христос, как в подобных ситуациях впоследствии Лютер, Данте, Шекспир, начинает говорить на «вульгарных» наречиях.

Не случайно, что одними из основных его противников станут именно сторонники языкового «фундаментализма», «ибо как упрямая телица, упорен стал Израиль» (Ос 4:16)²⁸. Эти споры нашли отражение и в дискуссии, описываемой в Мк 7:1-23, где Христос прямо заявил, что причина «нечистоты» – не общение с нечистыми предметами, а свойства человеческого сердца (7:15; 17:19). Он прямо подчеркнул различие между декалогом и законом и его толкованием (Мк 10:19), толкование закона книжниками – «глупое», они уп-

²⁵ Писнов М.Э. Иудейство. Киев, 1906. С. 167.

²⁶ Цит. по: Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Тверь, 1998. С. 55. См. также: Михайлов А.В. Надо учиться обратному переводу // Одиссей. 1990. С. 58.

²⁷ «Сын человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:20).

²⁸ Другой вариант перевода: «Как упрямая корова, так упрям Израиль».

разднили заповеди Божьи, фарисеи лишь исполняют ритуал, они тщеславны (Лк 18: 8-14) и обременяют народ 613 предписаниями. Разумеется, что для фарисеев Христос был «невеждой в Законе», к тому же Мессия должен был быть «отпрыском Давида», а связь Христа с Давидом еще предстояло доказать. Христос нарушает язык, правила грамматики²⁹. Перестановка исторических периодов с помощью «возвращения к истокам» – закономерный признак эпохи «Возрождения». Не каждый может «вместить» его Слово (Ин 8,37; 16:12), т.е. язык не может вместить новую картину мира³⁰. Поэтому он и начинает говорить притчами (Мф 13:9-13).

Одним из факторов, повлиявших на его языковые представления, была связь учения Христа с мистикой. В основе его размышлений лежат представление о фундаментальной общности всех предметов и явлений, отказ от обыденных представлений о времени и пространстве, пересмотр дихотомии «добро-зло», получение информации не через текст, а с помощью «веры», «разума» и т.д.

Мистический опыт, конечно, не может быть описан с помощью языковых средств, так как они предназначены для описания дискретных предметов и явлений³¹. По словам Григория Богослова, Христос «убеждал восстать от буквы и последовать духу» (Слово 37). Как указывал немецкий мистик XV в. М. Экхарт, «воспринимая, мы воспринимаем в свете времени, ибо все, о чем я думаю, я вижу в свете времени, как временное. Но ангелы воспринимают в свете, который по ту сторону времени, в вечности. Они познают все в вечном «сейчас»»³². «Иисус, как первобытный человек, или как маленький ребенок, не знал закона причинности»³³. «Сейчас» он заменяет на будущее время (Мф 16:18 – «На сем камне я создам Церковь мою»).

Противоречивость положения Христа хорошо уловил средневековый мистик Исаак Луриа. Его спросили, почему он не записывает свои идеи – «Это невозможно, ибо все вещи взаимосвязаны»³⁴. Поэтому-то Христос и предлагает лишь алгоритмы поведения, которые не могут найти адекватного отражения в языке: не просто «не убий», а «возлюби врага своего»; люби не «ближнего», а «дальнего».

Отсюда учение у Христа – не изучение какой-либо системы или ее толкование, а подражание идущему своим путем Учителю (Лк

²⁹ «Прежде нежели был Авраам, я есмь»: Ин 8:57-58.

³⁰ Миловидов В.А. Указ. соч. С. 57.

³¹ Там же. С. 61.

³² Цит. по: там же. С. 59.

³³ Бультман Д.Р. Цит. по: Мережковский Д. Иисус неизвестный. Харьков–М., 2000. С. 380.

³⁴ Цит. по: Миловидов В.А. Указ. соч. С. 61.

6:40; Мф 10:24; 11:29). Это – не учебный процесс, а новый образ жизни и мышления. Налицо эволюция от «истолкователя учения» к Учителю, который не «правильно» понимает Текст, а «слышит глас Божий в душе». Именно это придает ему особый авторитет: «сам сказал». Именно «информационное потрясение» начинает восприниматься как трансляция голоса Бога.

В то же время необходимо отметить, что и в своем отношении к языку и речи Христос основывается на тех представлениях, которые были изложены еще в Торе. Библия не содержит никакой особой философии языка, она рассматривает его как дар, данный человеку при его сотворении (Быт 2:19). Одна из ярких особенностей иудаизма – вера в созидательную мощь слова. Мир сотворен десятью речениями Бога (Быт 1). Они соответствуют десяти заповедям Божьего закона (Исх 20:2-17). Таким образом, мир создается и преобразуется не в результате рождения, брака, битвы или работы мастера, а является следствием «суверенного изреkania законов законодателем»³⁵.

«Вслед» за Моисеем Христос считает, что из всех Божьих созданий способность говорить присуща только человеку. Именно язык дает возможность оказывать влияние на людей. Посредством молитвы как языкового средства люди могут говорить с Богом и Бог говорит с ними. Но, оказавшись во власти греха, язык перестает играть необходимую роль в обществе и становится «лживым».

Человеческая речь, по убеждению Христа, в принципе отличается от речи Бога. Слова человека могут быть ложью, Божьи слова всегда истинны. Язык под властью греха становится проклятием и вместо того, чтобы объединить людей, разделяет их, становясь равнозначным слову «народ».

Однако даже после «столпотворения языков» Бог продолжает общение с людьми и позволяет им говорить с ним на их языках. Миссия Христа несет спасение и исцеление народу Израиля (ам) и другим народам (гоим).

Если Христос провозгласил лишь «свободу» языка, то окончательно новый «литературный» язык появится после канонизации «свидетельств» о Христе и особенно разноязыких Евангелий. Смело поставит задачу создания новой терминологии Павел: «Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них без значения; но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец» (1Кор 14:10-11). Его слова о том, что «несть эллина, несть иудея» не что иное, как обвинение первичных синкретических культур в неправомерности, ибо они обе и созданные на их основе языки замкнуты на себя. Окончательно но-

³⁵ Аверинцев С.С. Иудаистическая мифология // Мифы народов мира. Т. 1. 1987. С. 587.

вый язык найдет яркое отражение в Вульгате как синтетическом языковом Тексте.

Еще Сен-Симон писал, что идея, возникшая на определенном этапе, всегда «приводится в исполнение на последующем этапе»³⁶. Действительно, именно апостолы и отцы церкви доведут дело Христа «до конца», хотя и станут понимать его идеи в целом и его отношение к языку по-своему. Неслучайно, Христос жаловался, что «те, кто со мной, меня не поняли». Его идеи проходили через три круга-фильтра: 12 избранных, ученики и слутники в пути, остальной «народ» (*turba*³⁷). Это не могло не сказаться на интерпретации «истины». По свидетельству Папия Иерапольского, «Матфей записал изречения Господа (*Logia Kiriaka*) на еврейском языке, а переводил (или толковал) их, кто как мог»³⁸.

Все же идеи Христа остаются «центром» размышлений, а его высказывания (апофегматы) внутренним центром Евангелий. По словам Бультмана, задача толкователя Евангелия состоит в том, чтобы перевести раннехристианский религиозный опыт на современный язык. Это и есть демифологизация³⁹. Фактически это делал Христос по отношению к Танаху, а его ближайшие последователи – к его собственным идеям. Так закладывался аллегорический метод толкования Библии. В Евангелиях же можно проследить дальнейшее развитие апостолами–посланниками Христа (шалух) его идей и даже их перетолкование применительно к стремительно складывающейся новой ситуации. Евангелия – своеобразные комментарии к Торе.

Ученики Христа уже не примут «многозаветную» модель истории, но откажутся и от «однозаветной». Они пойдут средним путем. В их текстах начинает формироваться «двухзаветная» модель. Христианство станет плодом «брачного» союза Танаха и Платона в христовом оформлении. Если «многозаветность» так или иначе была связана с существованием полисной системы и полиэтнического мира, то через Платона – иудаизм – Христа начинает складываться новый «мир-система». Нужно было не отказываться от каких-либо Текстов напрочь, а выстраивать их новую иерархию. Любая синкретическая культура, в данном случае христианская, противопоставляет себя не другой культуре, а отсутствию культуры (язычеству как «столпотворе-

³⁶ Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 177.

³⁷ Ковельман А.Б. Толпа и мудрецы Талмуда. М.–Иерусалим, 1996. С. 52.

³⁸ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 119. «Многоликость толпы и ее разномыслие – разве это не то же, что рассеяние?». – Ковельман А.Б. Указ. соч. С. 54.

³⁹ Бультман Р. Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 86.

нию богов»). Платон или Аристотель в «чистом» виде сохраниться не могли и они отходят на задний план, как авторы сочинений, в которых содержатся лишь «осколки божественной мудрости». Тора снова становится «ядром» культуры. Танах дает пример решения сложнейших и разнообразнейших проблем. Тора – программа, Танах – инструмент. Христос с его крайне важными для нового мира идеями помещается на самый верх пирамиды: Тора – Танах – Евангелия. После сложного взаимодействия проиудейской ортодоксии Петра и универсалистски-фарисейской доктрины Павла побеждает компромисс.

Два «завета» были необходимы, но они выстраиваются в подчинении: Новый как первоизданный и Ветхий как второстепенный. В результате стремительного складывания нового латинско-варварского мира будет формироваться «источник более обильный» – Священное Предание, а три первичных Текста начнут восприниматься как нечто единое. Так же когда-то слились в сознании правоверных иудеев Тора и Танах, Закон, данный через Моисея, и пророки.

Два «завета» были необходимы и потому, что иначе Христос просто выпадал из культуры, а этого допустить было нельзя. В новозаветной литературе о «возрождении» Христом Моисеева Закона говорится особенно много. Христос родился под законом и подчинился ему (Гал 4:4). Он жил в полном послушании закону (Ин 8:46; Мф 17:5; 1Петр 2:21-23). Он был толкователем Закона (Лк 10:25-37). Христос создавал практическую этику, на основе которой строились и необходимые социальные, политические и юридические концепции. Схема такая: Тора дает космологию и гносеологию, Танах развивает эти идеи применительно к истории профанной, ставит цель перед историей, создает педагогическую ситуацию, необходимую для ее достижения (человек согрешил, наказан, но может быть прощен), Новый завет (прежде всего идеи Христа) показывает путь и средства достижения спасения⁴⁰. Новый Завет осмысливает и переосмысливает Ветхий, но и Ветхий начинает пониматься как необходимое обоснование Нового (Христос как выполнивший задачи Мессии и пошедший дальше, за пределы Земли Обетованной). К IV в. это соотношение будет даже оформлено в стихах: *Novum Testamentum in Vetere latet / Vetus in Novo patet* (Новый Завет скрывается в Ветхом / Ветхий открывается в Новом). Ветхий Завет объявляется «введением» в Новый⁴¹. Самый первый стих Нового Завета ясно свидетельствует о «тандеме» двух текстов: «Родословие Иисуса Христа,

⁴⁰ Канонические евангелия. М., 1992. С. 13.

⁴¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском переводе, с прим. Ч.И. Скоуфилда. М: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. М., 1989. С. 1084.

Сына Давидова, Сына Авраамова» (Мф 1:1). Ветхий завет «подтягивается» к Новому такими идеями, как «усыновление» (Израиль – «первенец» Бога), «слава» присутствия Бога в его народе (шехина – от евр. «селиться»), «завет», «обетование» милости всем народам. Утверждается, что «законоположение» дано впервые евреям, а «богослужение» оформилось впервые именно у них. Еврейские мудрецы объявлены «отцами» прошлых времен. Подчеркивалось, что Христос был рожден израильянином по плоти и крови и в первую очередь принадлежит не язычникам, а народу Израиля (Рим 9:4)⁴².

«Помогают» и различные течения в самом иудаизме, которые провозглашали себя последователями новых предписаний Бога. Таковы, в частности, кумраниты⁴³. Они опирались на Танах. О «новом договоре» Бога с домом Израиля говорил пророк Иеремия (Иер 31:31). Цитата из Иеремии приводится в Послании к Евреям (8:8-10)⁴⁴. Так Христос превращается в духовного господина мира человека и каждый человек отныне «во Христе умирал». Само выражение «Ветхий Завет» оказалось производным от «Нового Завета»⁴⁵.

Новая иерархия культур должна была быть выстроена и потому, что на рубеже эр происходит встреча не просто «соседних» и родственных культур (греческой, римской), а соприкосновение мощнейших евро-азиатско-африканских культур. Африканский мыслитель Леопольд Сенгор в свое время отметил, что три расы олицетворяют три стороны человеческой психики (белая – *ratio*, черная – *emotio*, желтая – *intuitio*). Христианская формула «вера, надежда, любовь» символизирует новый культурный синтез и с этнопсихологической точки зрения. Особенно важны, конечно же, были отношения греко-римской и ближневосточной культур. Хотя эти отношения были очень активными (существовала даже поговорка «либо Платон филоновствует, либо Филон платонствует»), западная культура, с точки зрения иудаизма, была «беззаконной», т.е. не привязанной к системе церемониальных предписаний (Евр 9:10)⁴⁶. Необходимо было «навести мосты», что будет предметом особых споров между Петром и Павлом на соборе 49–50 г. (Деян 15). Достигается своеобразный компромисс: Петр будет проповедовать в «Земле Обетованной», а Павел «понесет Слово Божье» в диаспору и язычникам. Определенным камнем преткновения здесь останется позиция самого Христа. Хотя он и не отвергал алтарных жертвоприношений, но сам, по свидетельству евангелистов,

⁴² Кюнг Г. Великие христианские мыслители. СПб., 2000. С. 62–63.

⁴³ Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983. С. 107; Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. М., 1996. С. 40–41.

⁴⁴ Верещагин Е.М. Библиейстика для всех. М., 2000. С. 31.

⁴⁵ Лёзов С.В. Указ. соч. С. 41.

⁴⁶ Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. Челябинск, 1999. С. 57.

в них не участвовал, ибо храм для него был, прежде всего, «домом молитвы». Богу, по его мнению, не нужна религиозность в соответствии с обычаем: «И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми» (Мф 6:5). Понадобится немалое время, прежде чем появится новая обрядовая система.

Естественно, что фигура самого Христа переосмысливается. Делается это и с его «помощью». Христос сам говорил: «Я есмь хлеб жизни», «ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру»; «путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу иначе, чем через Меня» (Ин 14:6); «Я есмь дверь; тот, кто войдет через Меня, спасется» (Ин 10:1,9)⁴⁷. По Марку, Иисус не только открыто говорит о своем мессианском предназначении, но и называет себя сыном Божиим. Первосвященник во время допроса напрямую спросил его: «Ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Только после этих слов, первосвященник разорвал на себе одежды свои, и все признали, что Иисус повинен смерти. Отталкиваясь от высказываний самого Иисуса (апофегматов), ученики придают личности Христа образ «божьего человека», сложившийся уже в эллинизме и иудаизме⁴⁸. Матфей свидетельствует, что Христос *правильно* излагает закон, делая акцент на праведности, которая заключается в любви (5:20; 7:12; 22:40).

Евангелие от Иоанна уже резко отличается от остальных. Ни один из авторов синоптических Евангелий не решился напрямую обожествить Иисуса. Это делает Иоанн: с самого начала Иисус предстает как бестелесное существо, лишённое человеческих качеств, божество, только принявшее человеческий облик. Но и в этом облике он не совсем обычный человек: он никогда не подвергается искушениям (не случайно Иоанн опускает рассказ об искушении в пустыне «от диавола»), никогда и ни в чем не сомневается и возвещает всем, что он расстанется с жизнью во имя исцеления всех людей и потом воскреснет. С самого начала Иисус представлен как вечно существующая сущность, в начале бывшая словом. Иоанн так говорит об этом: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог.

⁴⁷ Любопытно, что Христос пользуется более основательно для того времени отредактированным текстом Танаха I в. (хотя и не завершённым), а апостолы, видимо, больше ориентируются на Септуагинту (III в. до н.э.). Западная цивилизация попытается «непротиворечиво» использовать оба текста.

⁴⁸ Грундманн В. Иисус из Назарета // Грундманн В. Иисус из Назарета. Эллерт Г. Мухаммед пророк Аллаха. Ростов н/Д, 1998. С. 18.

«Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». В Слове этом была жизнь, и жизнь эта «была свет человеков». Наконец, свет и Слово слились воедино и «Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца»⁴⁹. «Новый Иерусалим» Апокалипсиса (21-22) – своеобразная модель идеального государства будущего. Через Христа был восстановлен мир с Богом (Римл 5:1,2,5), который нарушили иудеи как дети диавола (Ин 8:44). Апостол Павел прямо скажет, что следовать старому – значит грешить⁵⁰.

В результате «очищения» учения на смену ветхозаветной «троице» (Авраам, Сарра, Исаак) приходит новая: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух. Надо дополнительно отметить, что в культуре «Земли Обетованной» сложилось несколько конфликтов, которые тесно переплелись между собой и тем основательно усложнили общую ситуацию: на онтологическом уровне – конфликт «истинно-сущего» и «реально-видимого» (говоря словами Августина, Града Небесного и Града Земного); на аксиологическом – нравственных императивов («заповедей») и текучей эмпирии; на гносеологическом – «веры» и «знания». К тому же было нарушено необходимое «триединство» онтологии, аксиологии и гносеологии, превратившихся в «лебеда», «рака» и «щуку», ибо люди предпочитали отдельно говорить о Боге, вернее, о своей любви к нему, отдельно о той или иной заповеди, отдельно о своих способностях к познанию или знанию, к благочестивой жизни или удачной сделке.

Стараниями апостолов (особенно Павла), «последних римлян» (особенно Бозция) и Отцов Церкви (особенно Августина), был восстановлен необходимый для существования и развития цивилизации синтез онтологии, аксиологии и гносеологии. Именно концепция Троицы символизирует его: онтология (Бог-Отец с его Творением), аксиология (Бог-Сын с его Истиной) и гносеология (Бог-Святой Дух с его Благодатью). Христос из исторической личности превращается в теологему⁵¹.

⁴⁹ «Богоявление» Христа начинает рассматриваться как третье из наиболее важных и определяющих судьбу человечества событий (Творение, Дарование Десяти Заповедей).

⁵⁰ Гарнак А. Сущность христианства // Раннее христианство. Т. 1. М., 2001. С. 106.

⁵¹ Здесь невозможно не упомянуть мнение Ф. Ницше о том, что «был один христианин, и тот умер на кресте. Само «евангелие» умерло на кресте». Павел – носитель «дурной вести», дисангелия. См.: Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 56; Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1913. С. 96. «Ведь что такое, если подытожить, христианская вера? Это лишь непоколебимая уверенность в Христе, либо

Особый импульс «фундаментальному повороту общины от веры в Иисуса к вере в Христа» принадлежит ап. Павлу⁵². Адольф Гарнак не случайно называет его первым богословом, ибо именно он поставил задачу, решение которой создало главное содержание христианского богословия. Действительно, «без Павла не было бы никакой вселенской церкви, без Павла не было бы никакой греко-латинской патристики, без Павла не было бы никакой эллинистической христианской культуры и, наконец, без Павла не было бы никакого Константинова поворота»⁵³. О себе Павел говорил: «Я Иудеин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне» (Деян 22:3). В Синагогоне он заявил: «Мужи братья! Я фарисей, сын фарисея» (Деян 23:6). Тем не менее, именно он явился фактическим основателем христианства как религии. Кредо нового учения изложено им в основном в двух посланиях: «к Галатам» и «к Римлянам». Он категорично заявляет, что все законы Торы должны соблюдаться неукоснительно, нарушение даже одного из них навлекает «проклятие» на человека, «ибо написано: "проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в Книге Закона. А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет"» (Гал 3:10-11). «Послания ап. Павла» станут первым сводом христианских доктринальных образцов, основой для дальнейшего развития христианской догматики.

вообще ничто... Не хочешь об этом думать? Значит, ты погиб» (*Мигель де Унамуну*. Два эссе. Вера. // Иностранная литература. 2001. № 3. С. 251, 256).

⁵² Кюнг Г. Указ. соч. С. 36, 40. Фигура Павла, если можно так выразиться, неизбежно должна была вырасти за спиной Христа. Как часто бывает в истории (наивный идеалист Мартин Лютер и твердо стоящий на «земле», подлинный основатель лютеранства Филипп Шварцерд-Меланхтон, тугодум Карл Маркс и изящно-блестящий Фридрих Энгельс, «кремлевский мечтатель» В.И. Ленин и «кремлевский горец» И.В. Сталин), за Учителем обязательно приходит Ученик, прагматично и иронично наводящий порядок в доме «после гостей». Павел продолжил и одновременно оспорил Христа. Если для Христа не было ответов, то для Павла не стало вопросов. Он тоже примет мученическую смерть, но погибнет не как непонятый Бог, а как не принятый Человек.

⁵³ Кюнг Г. Указ. соч. С. 39. Павел подвергает дескриптивно-аналитической обработке собранную с помощью апостолов-учеников Христа информацию о нем, его жизни и идеях, разрабатывает на этой базе соответствующую программу по объединению всех христиан и созданию «истинной Церкви» и, по мере ухода соратников «распятого Бога» на выполнение задания «нести всей твари на земле истину», замещает их, становясь «новым» апостолом, тринадцатым, который, хотя и не видел Христа, но слышал его и понял лучше всех свидетельствовавших о нем.

Здесь происходит окончательное самоопределение христианства относительно античной греко-римской культуры и древнееврейского предания и, соответственно, двух основных языков античного мира. Павел откровение Христа называет «эпигносисом» («полным знанием»), которое выше любой истины, особенно «гносиса» людей, живущих «плотским» умом. (Кол 2:18). По Павлу Тора «подлинно сохранена» и «утверждена» посредством веры в Христа (Рим 3:31), она и только она является критерием чистоты и греховности человека (Рим 3:20; 4:15; 7:7; 14:23). Он даже ставит Христа выше Моисея: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос» (1Тим 2:5)⁵⁴. Если сначала «небо скрылось, свившись как свиток» (Откр 6:14), то потом ситуация изменилась благодаря деятельности учеников воплощенного Бога: «Вы – письмо Христово, чрез служение наше написанное не чернилами, но духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2Кор 3:3). При этом фактически переосмысливается значение слова «евангелие». Если в устах Христа и его ближайших сподвижников оно означало «весть» как спасающую «истину», «весть, которую принес Иисус», то теперь оно фактически означает «весть» о Христе, его смерти и воскресении, «проповедь о спасительном деянии Бога во Христе». Спасает фигура («деяния») Христа, а не его идеи⁵⁵. Павел пойдет и дальше, в его посланиях заметен переход от рассказа о Христе и его судьбе к изложению новой «мудрости», которая становится все более непонятной для простого человека и нуждается в толковании и разъяснении. Тем самым закладывались основы христианской теологии⁵⁶.

Павел окончательно отвергает «закон», понимая под ним, правда, комплекс идей Танаха (Гал 2:16). Он полемизирует именно с Танахом⁵⁷. Отрицание прежней культуры у него более решительное. Он прямо заявляет, что «проходит образ мира сего» (1Кор 7:31), поскольку в нем существует «власть тьмы» (Кол 1:13), грех, смерть и отсутствует «полнота». Если Христос настаивал «быть служителями

⁵⁴ Идея «воплощения» как «инхронизация» (вхождение во время, в греческой традиции) начинает новый темпоральный ряд.

⁵⁵ Канонические евангелия. М., 1992. С. 8, 71.

⁵⁶ Врэдэ В. Павел. М., 1907. С. 42. Послания Павла фактически представляют еще одно евангелие, качественно отличное от синоптических евангелий прежде всего тем, что на первом месте стоят взгляды не Христа, а самого автора. – Жебелев С.А. Апостол Павел и его послания. Пг., 1922. С. 3.

⁵⁷ Кюнг Г. Указ. соч. С. 53. В «посланиях» Павла «закон» появляется как обруч, сдерживающий порыв человека к «оправданию», он четко противостоит вере. – Раков В.М. «Послания апостола Павла»: экзистенциально-логический и культурно-исторический комментарий // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 87.

Нового Завета, не буквы, но духа» (2Кор 3:6), то Павел, несмотря на его искреннюю убежденность в том, что «буква убивает, а дух живит» (2Кор 3:6), выступает уже категорически против любого нового учения, даже если оно приходит от «Ангела с неба» (Гал 1:8), «ut omnes unum sint» (чтобы были едины). В то же время многое из «закона» он требует сохранить (Рим 3:19). Фактически у него можно обнаружить мощный импульс к формированию доктрины «добрых дел», ибо «закон», по его мнению, опирается именно на «дела» (Рим 4:2). Имеет дело «закон» и с духовными ценностями (Рим 3:20; 5:13). В результате «добрые дела» будут связаны с первой стадией духовного роста, они – «детоводитель ко Христу» (Гал 3:24).

В Евангелиях сохраняется одна из основных идей древнееврейской философии об обязательности гармонии души и тела. Это выражено в словах ап. Павла «Прославляйте Бога в своем теле» (1Кор 6:20)⁵⁸. Павел пытается, естественно, на базе тех идей, которые он продолжает считать иудейскими, связать воедино «расколотый мир». Акцент он делает на том, что может быть инструментом этого «строительства». Прежде всего, это – «добро»: «слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим 2:10). И обязательно – фигура Христа: «Нет уже Иудея, ни язычника... все и во всем Христос» (Гал 3:28). По аналогии с Днем Яхве Павел вводит понятие «Дня Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор 1:8). Это выражение встречается и в других местах Нового Завета (1Кор 5:5; 2Кор 1:14; Фил 1:6,10; 2:16). Тем самым Христос становится сопричастен Богу не только в том, что будет награждать отличившихся перед Богом и за то отмеченным самим Богом, но будет творить суд и наказывать.

Он создает фактически новый педагогический норматив, присоединяя к «закону» Моисея «истину» Христа: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности; да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» («Тим 3:16-17).

«Там, где нет норм, там нет культуры»⁵⁹, а христианство в этом

⁵⁸ Как писал Х. Робинсон, «гебрайская идея личности есть анимация тела, а не инкарнация души». – Цит. по: *Поликарпов В.С., Поликарпова В.А.* Феномен человека – вчера и завтра. Ростов н/Д., 1996. С. 199. И. Вейнберг показывает, что это нашло непосредственное отражение во всей древневосточной модели мира, подразумевающей обязательную связку личности и общества («я – мы»). – *Вейнберг И.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 95–99.

⁵⁹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс II *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.

смысле, особенно с точки зрения ближневосточной мысли, оставалось незаконным, т.е. не привязанным к системе церемониальных отношений. В Палестине сосуществовали три культуры: «Люди, к которым обращался Мессия, исповедовали иудаизм, писали Евангелия по-гречески и были подданными Римской империи»⁶⁰. Одной из задач паулинизма и являлась культурно-идеологическая перестройка⁶¹.

В результате можно говорить о своеобразной революции, которую произвело христианство, осуществив смену идеологии как универсализацию и интернационализацию «базовой» культурной парадигмы. Христос действительно «принес миру не новые философские доктрины, не проекты общественных реформ и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил самое отношение людей к Богу, открывая им тот Его лик, который прежде лишь смутно угадывался»⁶². Само имя Христа превратилось в краткий символ веры любого христианина, поверившего в то, что Иисус из Назарета действительно является Христом (мессией).

Уже восприятие истории Лукой «объединяет библейскую веру в Бога и греко-римскую веру в Провидение»⁶³. Таким образом христианское мировоззрение по необходимости сделает историю универсальной, провиденциальной, апокалиптической и периодизированной⁶⁴. В западную культуру тем самым привносится линейная

⁶⁰ Сумм Л. Римский стык // Новый мир. 2000. № 11. С. 171.

⁶¹ Флуссер Д. Указ. соч. С. 57. Складывание синкретической религии всегда рассматривалось как негативное явление. Сам термин «синкретизм» не случайно введен в научный оборот в период после Реформации немецким богословом XVII в. Георгием Коликстом в значении «смешение», «путаница». Христианский же синкретизм возник вполне закономерно. По мнению И.Г. Гердера, развитие экономических связей и торговли привело к тому, что «образ мысли разных народов, населявших греческую и римскую империю, постоянно смешивался» и возник «тот странный синкретизм, который стремился свести воедино принципы всех учений и который за недолгое время сблизил между собой Индию, Персию, Иудею, Эфиопию, Египет, Грецию, Рим и варваров – их способы представления, их взгляд на мир... повсюду появлялись философы, вносившие представления своей родной страны в общую массу понятий... теперь и капля христианства упала в этот океан и притянула к себе все то, что, казалось, может органически сластись с нею». – Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 495. Как отмечал впоследствии Н. Макиавелли, смешение народов и «родных языков варварских племен с языками Древнего Рима» приводило к смешению религий. – Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 17.

⁶² Мень А. Сын человеческий. С. 177.

⁶³ Грундман В. Иисус из Назарета. С. 26.

⁶⁴ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 49.

концепция, истоки которой восходят к Торе⁶⁵. Новые христианские представления о взаимоотношениях Бога и человека отрывали человека от природы и впервые создавали предельно социологизированную картину истории⁶⁶. Провиденциалистская концепция Торы в результате интерпретации ее новозаветными авторами фактически эволюционировала в универсальную теорию, позволившую, хотя и в специфическом виде, но на достаточно высоком для своего времени уровне установить закономерность мировой истории. Рамки локальной истории были раздвинуты до всемирно-исторических масштабов. Именно паулинистская трактовка истории легла в основу раннехристианской историографии⁶⁷. В представлениях Христа–Павла окончательно универсальный (вневременной и внепространственный) характер приобретает одна из базовых идей европейско-христианской цивилизации – идея закономерности исторического процесса. Она более известна в упаковке «Возрождения и Просвещения, но в те эпохи она приобрела лишь свое специфическое оформление. Понятие истории в новозаветной традиции очень тесно становится связано и с идеей прогресса. Место того или иного народа, человека, поступка, факта, события и явления располагается на соответствующей шкале «не истина – истина» и движение от первого элемента ко второму определяет степень их «прогрессивности». В будущей европейской цивилизации характеристика самой шкалы и интерпретация элементов обязательно будет меняться, но «колея» парадигмы останется абсолютно неизменной. Тогда это будет почему-то именоваться «научным подходом к истории».

Христианская картина истории впервые, пожалуй, предельно четко и обоснованно поставит проблему соотношения объективных и субъективных факторов развития человеческого сообщества. Единственным объективным фактором, т.е. силой, не подвластной воле и сознанию отдельного человека и всего человеческого сообщества, является Бог. Именно его «промысел» (т.е. воздействие) обуславливает целесообразный и, в то же время, бессознательный характер исторической эволюции. История начинает совершаться через людей, но помимо их воли. Все и вся есть Бог. Иоанн Скотт (Эриугена) по другому случаю и с другой целью, с «подачи» неопла-

⁶⁵ Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988. С. 412.

⁶⁶ Butterfield H. Christianity and history. L., 1950. P. 28.

⁶⁷ Vilbum R.L.P. Early Christian Interpretations of History. L., 1954; Barnes H.E. A History of Historical Writing. N.Y., 1963; Smalley B. Historians in the Middle Ages. L., 1974. P. 27–49.

тонизма, разделит все бытие на четыре природы: 1) несотворенная и творящая, 2) сотворенная и творящая, 3) сотворенная и не творящая, 4) не сотворенная и не творящая. И везде есть Бог, который существенно и всеобъемлюще творит историю.

Взгляды Христа, безусловно, оказали большое воздействие и на становление новых правовых идей. С него практически начинается новый этап в истории евразийского права⁶⁸. Само собой разумеется, что Тора является и «основой всего позднейшего еврейского права»⁶⁹. «Закон» как квинтэссенцию социальных и правовых отношений, действительно, можно представить в виде двух частей: Декалог как Общая часть и ветхозаветные предписания как часть Особенная⁷⁰. Новый Завет и Священное Предание универсализируют эти предписания и распространяют их на весь «христианский мир».

Исследователи давно спорят, что доминирует в иудейско-ветхозаветной модели мира – цикличное восприятие времени⁷¹ или линейное⁷². Вероятней все же предположить, что мы имеем дело с обязательным для региональной цивилизации совмещением того и другого. Общая педагогическая задача (исправление «народа» и всех «людей») может решаться только в ходе множества «катастроф» и «испытаний» («исход», «плен» и т.д.), которые неизбежно делят единое историческое пространство на сегменты. Но эта задача остается актуальной для любого «калибра» цивилизации. Поэтому апостолы и последователи Христа не примут его отказа детально проанализировать прошлое и активно используют формировавшееся в ветхозаветной литературе представление о спиралевидном развитии истории⁷³. Эти витки спирали и будут соответствовать множественным «заветам» с Богом. Новая «педагогическая» картина истории соответствовала двум необходимым условиям – повторяемости всего процесса на отдельных витках в виде спирали и предсказуемости и всеобщей очевидности его результата. Между прошлым и будущим устанавли-

⁶⁸ Снытко Е. От ветхозаветного к общечеловеческому праву // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 57.

⁶⁹ Телушкин Й. Еврейский мир. Иерусалим. М., 1992. С. 11.

⁷⁰ Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995. С. 12–13.

⁷¹ Cairns G.E. Philosophies of History. Meeting of East and West in Cycle-Pattern Theories of History. N.Y., 1962. P. 244–245.

⁷² Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. С. 36; Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 4. Тарту, 1973. С. 144–145.

⁷³ Вейнберг И.П. Пространство и время в модели мира ветхозаветного историописца // Народы Азии и Африки. 1990. № 6. С. 84.

вается необходимая связь и начинает строиться новая идеальная модель исторического развития, формируются универсальные критерии новой «правильности» решения старой педагогической задачи истории. «Самый стиль христианства очень меняется, он относится не к онтологии христианства, а к его психологии и его истории»⁷⁴.

Есть однако и существенная разница между ветхозаветным представлением об этих витках и универсальным, христианским, которое окончательно фиксируется Аврелием Августином. Именно он фактически утвердит «двухзаветную» историю, поделив (суммируя три новозаветных способа членения истории – космологический, аллегорический, биологический) историческое полотно не на «заветы», а на зоны (периоды), каждый из которых будет иметь свою педагогическую задачу (см. табл. на след. стр.).

Отметим, что христианская концепция истории многогранна, ибо не ограничивается политическими, экономическими или социальными факторами, а рассматривает «культуру», формируя представление об истории как о «результате множеств» (выражение Ф. Броделя).

Если в ветхозаветные времена «спираль времени» только начинает «раскручиваться» в «линейную конструкцию»⁷⁵, то ко времени «варварских королевств» этот процесс оказался завершен и окончательно сложилась картина истории «христианского мира» как метарегиона. Тем самым развивается заложенная в Торе концепция истории, но она уже перестает быть «историей катастроф» (как в Танахе в целом), для которой необходимы многочисленные «новые заветы». Социальные и политические конфликты⁷⁶ уже не существенны, ибо истина всеобъемлюща и дает возможность изменить и человека и общество. Да и «катастрофы» все уже известны («нет ничего нового под луной», все «было уже в веках, бывших прежде нас» Еккл 1:10), и есть рецепты и возможности их предотвращения.

⁷⁴ Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1. М., 1992. С. 24.

⁷⁵ Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 63.

⁷⁶ Речь не может идти о геологической катастрофе, она невозможна, ибо мир сотворен Богом и он «хорош» (Быт 1: 31). Как при Моисее, так и при Христе–Павле людей пугает не природа. Ее законы уже более или менее понятны и освоены опытным путем. Человек остро чувствует свое бессилие перед историей. Природа сотворена «добрым» и «милостивым» Богом как упорядоченная система и человек ею уже умело управляет. Общество же, которое «творит» сам человек, менее «безопасно». Уже по этой одной причине «конец света» и все «катастрофы» носят социальный характер и происходят исключительно потому, что люди отклоняются от Закона.

	ЗАВЕТЫ ТАНАХА	«ЗОНЫ» АВГУСТИНА И ИХ «ЗАДАЧИ» «ХРОНОЛОГИЯ» «ЗАДАЧА»	
1	Эдемский (с Адамом, Быт 1:28): от Эдема до Потопа, с «первыми людьми»	«Младенческий» (соответствует «первому дню» Творения): от сотворения человека до Потопа	Наказание за «Первородный Грех»
2	С Ноем (Ноахом, Быт 9:11), со «всякой плотью»	«Отроческий» (соответствует «второму дню» Творения): от Потопа до Авраама	Испытание способности людей сопротивляться размножающемуся злу и их воли к добру
3	С Авраамом (отдельно для потомков Авраама, Быт 15:18), не отменяет другие «заветы»	«Юношеский» (соответствует «третьему дню» Творения): от Авраама до Моисея	Искупление «Первородного Греха»
4	С Моисеем (отдельно для «12 колен», Исх 19:25), не отменяет другие «заветы»	«Зрелый» (соответствует «четвертому дню» Творения): от Моисея до Давида	Призвание лучшей части человечества к построению священного сообщества праведников
5	С Давидом (для «Дома Давидова», 2Цар 7:16), не отменяет другие «заветы»	«Пожилкой» (соответствует «пятому дню» Творения): от Давида до Христа	Отделение праведников от грешников («пшеницы» от плевел)
6	Палестинский (с Иерусалимом, Втор 30:3) «открыт» в будущее	«Старческий» (соответствует «шестому дню» Творения): от Христа до Страшного Суда	Окончательное воздаяние каждому по «заслугам»

Фактически закладывается матрица дальнейшего развития европейской культуры. «Библия» начинает восприниматься как единый и программный документ. Ориген (184–254) назовет его канон, где изложены «принципы веры и жизни». Как писал Гегель, «вытеснение языческой религии религией христианской – это одна из удивительных революций, выяснение причин которых всегда будет занимать мыслящего историка»⁷⁷.

⁷⁷ Цит. по: Капустин Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства. М., 1984. С. 72.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Т.А. Шанская (Казань)

МИФ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИДЕИ ЧАСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Связь просвещения и образования представляется очевидной и на первый взгляд, не нуждается в обосновании. Более того, сами слова «просвещение» и «образование» нередко выступают как синонимы. Между тем слово «просвещение», церковно-славянское по происхождению, в русском языке порождает омонимию. В первоначальном смысле означая крещение¹ – внесение света истинной веры во тьму язычества, в XVIII в. оно получило иной смысл, не совпадающий ни с современным «просвещение–образование», ни с церковнославянским «крещение». В этом значении слово «просвещение» может рассматриваться как калька с французского *les Lumières*. Оно обозначает не только философское направление, но и порожденный им тип мышления, некий культурный миф², характеризующий психологию человека той эпохи. В данной статье Просвещение понимается именно в этом смысле. Вопрос о месте образования в системе просветительского мифа и его трансформации в русской культуре не является столь очевидным, каким это может показаться на первый взгляд.

Основу просветительского мышления составляет глобальная культурная оппозиция «Природы – Цивилизации», что применительно к человеку означает противопоставление его естественного и гражданского состояния. Чаще всего для выражения этих антиномий просветители оперировали понятиями «Разум – Предрассудки». Разуму

Статья написана в рамках программы Европейского университета в Санкт-Петербурге «Развитие социальных исследований образования в России». Грант № 02П-017.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. III. С. 508.

² Характеристику мифа Просвещения и его преломление в русской культуре конца XVIII – начала XIX в. см.: Лотман Ю.М. Русская литература и культура Просвещения. М., 1998.

соответствует некий должный порядок вещей, который реален, но не обязательно присутствует в современном философу мире, где царят предрассудки, представляющие собой мнимую, но вполне ощутимую реальность. Разумно лишь то, что не может быть отчуждено в процессе человеческой деятельности – это воздух, пища, свобода и т.д., одним словом мир подлинных вещей, которым противостоят знаки, т.е. то, что не может быть использовано непосредственно, но что нарушает природное равенство людей – это деньги, чины, ордена и т.д.

Сам человек, взятый в его исходном природном состоянии, отличается простотой и непротиворечивостью. Добро, с которым люди относятся друг к другу – это норма. Зло соответственно – это всего лишь искажение первоначального добра. Оно не имеет онтологической природы. Злой человек – это тот, в ком под влиянием общественных предрассудков подавлено первоначальное добро. Поэтому возвращение к добру мыслилось просветителями всего лишь как восстановление нормы, и предполагалось, что возвращение это может произойти мгновенно. Для этого необходимо только избавиться от предрассудков, от привычки неправильно жить и неправильно мыслить. И то, и другое вырабатывается у человека в результате правильного воспитания и корысти воспитателей. Отсюда необходимость правильного воспитания – такого, которое бы не искажало природную сущность человека. Для этого человека необходимо оградить от искажающего воздействия социальной среды.

Впервые в европейской культуре новые педагогические идеи были сформулированы в конце XVII в. Джоном Локком в трактате «Мысли о воспитании». Философская система Локка создавалась в то время, когда в Европе заканчивался период религиозных войн, охоты за ведьмами, когда в воздухе еще пахло гарью от костров инквизиции, а в сердцах и умах людей жили предрассудки, порожденные страхом и ненавистью. Требовались новые идеи, на основе которых можно было бы построить новое общество, объединяющее в себе свободных людей. Человек, рожденный на свет, в представлении Локка, являл собой чистый лист бумаги (*tabula rasa*) на который в результате впечатлений, поступающих из окружающего мира, наносятся черты характера. В процессе развития люди заключают общественный договор и создают государство. Договор будет справедливым, если сознание людей не будет искажено в результате ложных идей, полученных при воспитании. Реальное же общество больно. Исправить его можно только, если воспитать нового человека, свободного от предрассудков, но для этого надо, чтобы человек воспитывался вдали от такого общества. Поэтому Локк выступил убежденным сторонником домашнего образования, цель которого заключается в том, чтобы

«уберечь его [ребенка] от заразы грубости и порока, которые повсюду так распространены»³. Очень важно, кто будет воспитывать ребенка:

«Воспитатель сам должен быть хорошо воспитан – он должен знать правила обхождения и формы вежливости применительно ко всему разнообразию лиц, времени и места и заставлять своего воспитанника всегда соблюдать их в той мере, в какой этого требует его возраст»⁴.

Вместе с тем воспитатель не должен быть ученым педантом. Его цель не в том, чтобы сообщить воспитаннику глубокие знания по различным предметам, а в том, чтобы воспитать характер и заложить способности для дальнейшего самообразования. Учитывая порочность современного ему общества, Локк прекрасно понимает, что такого воспитателя трудно найти, и его труд дорого стоит.

«Смею вас уверить, – обращается он к родителям, – что если вам удастся получить хорошего воспитателя, вы никогда не пожалеете о сделанных расходах; напротив, вы всегда будете чувствовать удовлетворение от сознания, что эти деньги нашли себе наилучшее применение»⁵.

Хотя родиной Просвещения является Англия, мифологизация этого понятия связана в первую очередь с так называемой «республикой философов», которая складывается во Франции в 1730-е гг., и представители которой объединяются вокруг издания знаменитой Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.

Педагогические идеи Локка были развиты и существенно дополнены Ж-Ж. Руссо в его романе воспитания «Эмиль». Руссо впервые в европейской культуре поставил проблему детства как такового.

«Детства не знают... Самые мудрые из нас гонятся за тем, что людям важно, – знать, не принимая в расчет, того, в состоянии ли дети научиться этому. Они постоянно ищут в ребенке взрослого, не думая о том, чем он бывает прежде, чем стать взрослым»⁶. Между тем «природа хочет, чтобы дети были детьми, прежде чем быть взрослыми»⁷.

Просветительскую антитезу «естественный человек – гражданин» Руссо интерпретирует как «единица – дробь». Только в природном состоянии человек представляет целостное явление. Вступая в общество, он превращается в дробь, где в числителе личность, а в знаменателе личности сограждан. Чем больше *других*, тем меньше свободы имеет каждая отдельная личность. «Отсюда вытекает, что с увеличением государства свобода уменьшается»⁸. В

³ Локк Дж. Педагогические сочинения. М., 1939. С. 109.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Руссо Ж-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 1. С. 22.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Там же. С. 571.

свободных обществах ограничение личной свободы носит осознанный характер и является результатом просвещенности, прежде всего в политических науках. Соответственно естественный человек не нуждается в просвещении, так как у него нет необходимости ограничивать свою свободу. «Свобода не в какой-либо форме правления, она в сердце свободного человека – он носит ее всюду с собою»⁹.

В известном смысле руссоистская антитеза «человек – гражданин» может рассматриваться как «ребенок – взрослый». Пасфос «Эмиля» в том, чтобы детям отдали детство, чтобы на детство не смотрели как на досадный период слабости, предшествующий взрослой жизни, период, который поскорее следует пройти. Воспитатели, рассуждающие таким образом, лишают ребенка той свободы, которую ему дает сама Природа. В результате их воспитанники «думают, что выходить из детства – значит стряхнуть с себя всякое иго; тогда-то они и вознаграждают себя за долгое принуждение, в котором их держали, подобно тому как освобожденный от оков узник протягивает, двигает и разгибает свои члены»¹⁰. В этом заключается один из источников общественных пороков. Уродуя детей неправильным воспитанием, воспитатели лишь воспроизводят социальное зло.

Главная задача истинного воспитания, по Руссо, заключается в том, чтобы закрепить в ребенке заложенные Природой качества, чтобы, развивая его телесно, не внушать ему идеи к восприятию которых детский разум еще не подготовлен. Единственный путь интеллектуального развития – это личный опыт. Сведения, полученные из книг до определенного момента, являются либо бесполезными, либо просто вредными. Поэтому, как считает Руссо, «чтение – бич детства»¹¹.

Основной принцип воспитания Руссо формулирует так:

«Ребенок знает, что он создан для того, чтобы стать взрослым; все понятия, которые он может иметь о состоянии взрослого человека, являются для него предметом знания; но он должен оставаться в абсолютном невежестве относительно тех идей об этом состоянии, которые ему не под силу». Знания порождают заблуждения: «чем больше люди знают, тем более обманываются... единственным средством избежать заблуждения служит невежество»¹². Руссо неоднократно высказывается в пользу невежества перед просвещенностью, искренне полагая, что «дикарь судит... более здраво, чем философ»¹³.

⁹ Там же. С. 583.

¹⁰ Там же. С. 380–381.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Там же. С. 204, 239.

¹³ Там же. С. 287.

Воспитать человека в обществе невозможно. Ребенок должен воспитываться в одиночестве и вдали от больших городов. «Воспитание в одиночку было бы предпочтительнее уже потому, что оно давало бы ребенку время созреть»¹⁴, т. е. давало бы возможность закрепиться в нем таким природным качествам, как доброта и чувствительность.

Таким образом, домашнее воспитание, по Руссо, формирует человека, которому в дальнейшем предстоит стать гражданином. По достижении периода зрелости, когда нравственно и физически ребенок окреп настолько, что может вести самостоятельный образ жизни, начинается период его гражданского образования. Теперь ему предстоит заключить общественный договор. Сам по себе договор является результатом свободного и сознательного выбора. Воспитанник может принять условия того договора, который изначально связывает его с родным государством, но может расторгнуть его и заключить новый договор с другим государством, которое ему покажется предпочтительнее. Но в любом случае он должен предварительно совершить путешествие, чтобы иметь возможность видеть на практике различные формы правления и сравнивать их между собой. Человек с хорошими задатками предпочтет ту страну, «где всегда позволительно быть честным человеком»¹⁵. Таким образом, завершающим этапом воспитания, по Руссо, является путешествие.

Как и Локк, Руссо много внимания уделяет качествам наставника. «Эмиль» – это, по сути, книга не только о воспитаннике, но и о воспитателе. И тот, и другой представлены в идеальном виде и в идеальных условиях. Кроме того, их связывают идеальные отношения, которые меняются по мере развития воспитанника. Из наставника воспитатель со временем превращается в друга, а его поучения приобретают характер советов. Но независимо от возраста воспитанника и этапа воспитания их связывают отношения любви и полного доверия друг к другу.

«Ученик не стыдится в детстве следовать тому, кто будет его другом в зрелом возрасте. Воспитателя интересуют попечения, плоды которых он должен собрать, и все достоинства, которыми он наделяет своего воспитанника, суть капитал, скопляемый им на старость»¹⁶.

Популярность «Эмиля» в Европе была огромной. Этот роман совершил переворот в европейской педагогике. Парижский парламент, приговоривший «Эмиля» к сожжению в 1762 г., лишь добавил книге популярности. Европейское общество разделилось на адептов и врагов воспитательной системы Руссо. Был создан язык, на кото-

¹⁴ Там же. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 562.

¹⁶ Там же. С. 45.

ром можно было говорить о воспитании, и которым теперь начали пользоваться как сторонники, так и противники «Эмиля».

Это особенно хорошо заметно на рецепции педагогических идей Руссо в России¹⁷.

Под частным образованием в России в XVIII в. понималось не совсем то, что сейчас. Если в настоящее время частное образование противопоставляется государственному образованию, то в XVIII в., когда система государственного образования еще не сложилась, частное образование противопоставлялось, как правило, общественному образованию. Само понятие «частное» мыслилось как отдельное, индивидуальное, домашнее. По сути, вопрос ставился так: должен ли ребенок воспитываться в обществе сверстников, или его необходимо воспитывать отдельно. В первом случае подразумевалось, что человек уже по самой своей природе существо общественное и для вступления в общество не требуется никакой специальной подготовки. Общественное воспитание лишь развивает те навыки общения, которые заложены в человеке самой природой. Во втором случае считалось, что человека необходимо подготовить к вступлению в общество, что само общественное бытие не свойственно естественному человеку как таковому, но является для него трагической неизбежностью.

Идеи частного образования в России, с одной стороны, шли из Европы, и воспринимались как европейские. В известном смысле понятия «частное образование» и «европейское образование» являлись синонимами. С другой стороны, различие исторических путей Европы и России существенным образом трансформировало само понятие «частное образование» применительно к российской действительности. На Западе просветительский миф и связанные с ним идеи воспитания в той или иной степени были восприняты и востребованы большинством людей, главным образом представителями третьего сословия, и направлены против привилегий дворянства. В России, где третьего сословия не было, окрепшее в ходе петровских реформ дво-

¹⁷ В России, идеи Руссо были восприняты как нигде серьезно. Спектр их восприятия был необычайно широк: от полного отрицания до попыток буквального воспроизведения на практике. В мемуарах члена Французской академии Д. Тьебо рассказывается эпизод, как один русский дворянин, воспитывая своего сына по Руссо и строго следуя всем рекомендациям, дающимся в «Эмиле», потерпел неудачу. Его педагогические усилия не принесли желаемого результата. Тогда он написал письмо Руссо, содержащее упреки. Получив его, автор «Эмиля» был удивлен, так как «не мог вообразить, что найдется столь легкомысленный отец, готовый его воспринимать и ему следовать» (Thiébauld D. Souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin. Paris, 1804. T. III. P. 334; Pingaut L. Les Francois en Russie et les Russes en France. Paris, 1886. P. 94).

рянство, являлось наиболее мобильным и активным в культурном отношении социальным слоем. Ориентированное на европейскую культуру русское дворянство питалось главным образом идеями, продуцируемыми в Европе третьим сословием. Поэтому, если в Европе Просвещение призвано было устранить социальное и культурное преимущество дворянства, то, на русской почве просветительские идеи как раз укрепляли доминанту дворянской культуры. Будучи третьесословным на Западе, Просвещение было дворянским в России. То же самое относится и к частному образованию. Рассчитанное на преодоление сословных перегородок в Европе, в России оно изначально становится привилегией именно дворянства.

Другое отличие российского частного образования от европейского заключалось в том, что в Европе просветительские идеи воспитания были направлены, прежде всего, против схоластического учения средневековых университетов. Домашний учитель воспринимался как альтернатива ученому педанту, перегружающему ум учеников ненужными сведениями, оторванными от жизни. Поскольку в России не было ни университетов, ни традиций схоластической науки, частное образование противопоставлялось педагогическим традициям, идущим еще от Домостроя.

Строго говоря, воспитание в допетровской Руси было в основном домашним, таковым по большей части оно оставалось и при Петре. Поэтому менялся не столько сам тип воспитания, сколько его ориентация. Вместо того, чтобы учиться, как учились отцы и деды, стали учиться жить и мыслить, как европейцы. Поэтому если на Западе частное образование мыслилось как свое, домашнее, приближенное к интимному миру человека, то в России оно воспринималось, с одной стороны, как модное и передовое, а с другой, как чужое, наносное, искажающее природные черты русского человека.

Кроме того, если в Европе потребность в частном образовании возникла как следствие неудовлетворенности официальной школой, в России сами идеи частного образования начинают распространяться сверху вместе с расширением прав и привилегий дворянства. Так в 1736 г. Анна Иоанновна ограничила срок службы дворян 25 годами¹⁸. До этого служба была бессрочной. А указом от 9 февраля 1737 г. дворянам было предоставлено «право обучать своих сыновей дома с проверкой результатов этого обучения государством»¹⁹. Проверка выражалась в том, что дворянские дети, достигнув определенного возраста, должны были являться на губернаторские смотры, где проверялись их знания.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. X. № 7240. С. 134.

¹⁹ ПСЗ. № 7171. Т. X. С. 43.

Частное образование как образование европейское, преимущественно французское, начинает распространяться при Елизавете Петровне, вместе с распространением французской моды при русском дворе. Собственно говоря, оно является составной частью этой моды. Говорить о каких-либо педагогических принципах, которыми руководствуются родители или сами приглашенные учителя-иностранцы еще не приходится. В публицистике, письмах и мемуарах, сохранилось большое число свидетельств об общем уровне домашнего образования второй половины XVIII в. Его невысокий уровень объясняется, как правило, тем, что учителями становились всевозможные проходимцы, прибывавшие из Франции в Россию.

Известно, что в указе об учреждении Московского университета, подписанном Елизаветой 12 января 1755 г., в качестве одной из причин открытия университета приводится следующее обстоятельство:

«Великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не только учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только чрез то младые лета учеников и лучшее время к учению пропадает, а за учење оным бесполезно великая плата дается; все же почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждою произвести из детей своих достойных людей в службу нашу, а иные, не имея знания в науках или по необходимости, не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали»²⁰.

Куратор Московского университета И.И. Шувалов рассказывал И.Ф. Тимковскому, как он был удивлен, узнав, что выписанные им из Франции для кадетского корпуса восемь лакеев «скоро все... разошлись учителями по домам»²¹. О том, какие люди нанимались в дома русских дворян в качестве гувернеров свидетельствуют записи секретаря французского посольства де ла Мессальера, сделанные в 1757 г.:

Нас атаковали Французы всех мастей, большинство из которых, имея ранее столкновения с Парижской полицией, ринулись опустошать северные края. Нас удивило и огорчило присутствие в домах высшей знати дезертиров, должников, вольнодумцов и распутников, а также множество женщин подобного сорта...; надо же было этим отбросам нашего отечества так распространиться, что, говорят, они есть даже в Китае, лично я их встречал повсюду. Господин Посол счел уместным предложить русскому правительству собрать сведения об их поведении и произвести отсев с тем, чтобы самых сомнительных типов отправить морем по месту их назначения»²².

²⁰ ПСЗ. Т. XIV. № 10346.

²¹ Русский архив 1874. Т. I. С. 1456.

²² Цит по: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855. С. 38.

Поступление в домашние учителя для такого рода людей было средством не только заработать, но и нередко спрятаться от правосудия. К тому же и плата, которую получал домашний учитель, была обычно довольно высока.

Несколько дешевле было содержать детей в частных пансионах, которые открывались в столицах и провинции, как правило, тоже иностранцами. Начиная с середины XVIII в. в газетах нередко можно было встретить объявления подобного типа:

«Некая иностранная фамилия шляхетного роду намерена принимать к себе детей учить основательно по-французски и по-немецки и по понятию и по летам каждого за все учение о плате вдруг договориться; а девиц кроме французского языка обучать еще шитью, арифметике, экономии, танцованию, истории и географии, а притом и чтитанию ведомостей»²³.

В этой связи открытие университета мыслилось не только как продолжение дела начатого Петром I, но и как альтернатива частному образованию. Однако достойной конкуренции университет, во всяком случае, на первых порах своего существования, составить не смог. Это объясняется, как нежеланием многих дворян обучать своих детей в государственном учреждении, так и небольшими сравнительно с частными учителями заработками университетских преподавателей, многие из которых вынуждены были подрабатывать частными уроками²⁴.

Если частное образование успешно конкурировало с государственным, то среди частных учителей иностранцы и особенно французы были практически вне конкуренции. Их общий уровень, ставший притчей во языце и предметом многочисленных сатирических выпадов, вместе с тем характеризует и общий уровень дворян, нанимающих подобных учителей. Спрос рождает предложение. Русский дворянин, желающий во что бы то ни стало видеть в своем доме француза-гувернера, как правило, был не в состоянии оценить не только качество его знаний, но и нравственный облик. Рассказывали анекдоты о том, как один чухонец, нанятый в дворянский дом под видом учителя-француза выучил своего воспитанника финскому языку, выдав его за французский. Или другой случай, когда беглый каторжник-француз,

²³ Московские ведомости. 1753.

²⁴ Вскоре после открытия университета в Московских ведомостях стали появляться следующие объявления: «Капельмейстер МИУ господин Дуний объявляет всем благородным, кто желает у него обучаться музыкальному искусству... петь и играть на клавикордах, могут явиться у него в доме Графа Мушинского, что на Знаменке. Цена будет весьма умеренная» (Московские ведомости. 1757. 23 сентября). Частными уроками промышляли и студенты: «МИУ Студент Антон Любинский желает охотников обучать приватно Арифметике и Геометрии Математическим порядком» (Московские ведомости. 1757. 24 октября).

помеченный лилией на плече, показывая эту отметку в дворянском доме при приеме на службу, с успехом внушил хозяевам, что он является принцем королевской крови²⁵.

Подобного рода факты очень скоро становятся предметом культурной рефлексии и, начиная с 1760-х гг., превращаются в штампы сатирической литературы. Особую роль здесь сыграли журналы Н.И. Новикова и произведения Д.И. Фонвизина. В одном из номеров новиковского «Трутня» в качестве известия из Кронштадта сообщалось:

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем кроме самых модных товаров, привезены 24 Француза, сказывающие о себе, что они все Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы, и что они будучи несчастливы в своем отечестве, по разным делам касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота, вместо Америки, принуждены были ехать в Россию. Они в своих рассказах солгали очень мало: ибо по достоверным доказательствам они все природные Французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою Полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось; и ради того приехали они сюда, и намерены вступить в должности учителей и Гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим бродягам, и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя Французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения²⁶.

Д.И. Фонвизин в «Письмах из Франции» сообщает, что «исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастье быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России; но как исполнение их просьб было бы убийственно для невинных, доставшихся в их руки, то уклонился я от сего злодеяния и почитаю долгом совести не способствовать тому злу, которое в отечестве нашем уже довольно вкореняется»²⁷.

Но даже в тех случаях, когда учителями становились не проходимцы, а люди действительно образованные, они не имели необходимых педагогических навыков. Так А.Т. Болотов, вспоминая своего учителя француза, отмечал:

Господин Лапис был хотя и ученый человек, что можно было заключить по беспрестанному его чтанию французских книг, но и тот не знал, что ему с нами делать и как учить. Он мучил нас только списыванием ста-

²⁵ *Haumant E. La culture française en Russie (1700–1900). Paris, 1913. P. 86–87.*

²⁶ Трутень, еженедельное издание на 1769 год. Лист XVI. Августа 11 дня.

²⁷ *Фонвизин Д.И. Сочинения. М., 1982. С. 186.*

тей из большого французского словаря, изданного французской академией и в котором находились только о каждом французском слове изъяснения и толкования на французском же языке: следовательно, были на большую часть нам невразумительны²⁸.

Частное образование в России середины XVIII в. стало предметом всевозможных насмешек, его случайный характер, связанный больше с капризами моды, чем сознательным направлением, на много десятилетий вперед определил отношение к нему образованного общества. Однако для того, чтобы это стало возможным, необходимо было найти некий образовательный идеал, с позиций которого можно было бы судить о конкретных примерах. Такой идеал был найден при Екатерине II.

Как известно, Екатерина запретила ввоз в Россию и продажу «Эмиля» Руссо. Характер этого запрещения не совсем ясен. Предположение Исабель де Мадариага, что Екатерина, «запрещая «Эмиля» в 1763 г., ...вероятно, его еще не читала»²⁹, вряд ли следует признать основательным. Запрещают обычно то, что сначала прочли. Поэтому сам факт запрета свидетельствует как минимум о том, что императрица успела познакомиться с романом воспитания. Однако следует отметить, что запрет не имел строгого характера. Он явно не распространялся на упоминание в печати об этом произведении Руссо. Кроме того, еще при жизни Екатерины, в новиковской типографии был издан сокращенный перевод пятой книги «Эмиля»³⁰. Правда, Екатерина неоднократно говорила о том, что не разделяет педагогических идей Руссо. Так в письме к г-же Бьельке от 13 сентября 1770 г. она писала:

Особенно я не люблю Эмилевского воспитания; в наше доброе старое время думали иначе, а так как между нами есть однако ж удавшиеся люди, то я держусь этого результата³¹.

А в 1781 г. императрица написала антирусоистское педагогическое сочинение «Детские разговоры», в котором Руссо обвинялся в антиобщественном эгоизме³². В 1778 г. Руссо умер, и в «Санкт-Петербургских ведомостях» появился его некролог, в котором с особым сочувствием говорилось об «Эмиле».

²⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1. 1738–1759. М., 1993. С. 171–172.

²⁹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 540.

³⁰ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. III. С. 77.

³¹ Сб. Императорского русского исторического общества. (РИО). Т. 13. С. 37.

³² Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 245.

По мнению автора некролога, Руссо «показал средство, чрез которое наиудобнее можно сделать в людях разум правым, сердце добрым и тело здоровым... Любовь к Отечеству и привязанность к всем священнейшим узам в человечестве, как то родства, дружбы, супружества, добродетели и благодарности, в писаниях его облечены всею прелестью изображений. Читая его сочинения, нельзя не почувствовать себя добродетельным»³³.

Сравнив некрологи Вольтера, умершего в том же 1778 г., и Руссо, помещенные в «Санкт-Петербургских ведомостях» П.Н. Берков сделал вывод:

Не остается никаких сомнений, что прижизненные и посмертные комплименты «Санкт-Петербургских ведомостей» Вольтеру представляли только официальную отписку, тогда как в некрологе Руссо дается положительная программа, реализовать которую настойчиво стремилась Екатерина II. Время увлечения ее Вольтером прошло, для осуществления своей затеи «воспитания новой породы людей» она увидела в Руссо более подходящего соратника. Отсюда и отразившееся в прессе умаление роли Вольтера и превознесение Руссо³⁴.

Цитируемая заметка П.Н. Беркова посвящена откликам на смерть Вольтера в России. О Руссо в ней говорится лишь попутно. Вероятно поэтому, исследователь не счел нужным объяснить, как соотносится его вывод об отношении Екатерины к воспитательной системе Руссо с приведенными выше негативными характеристиками, которые высказывались ею как до смерти Женевского гражданина, так и после нее.

Екатерина действительно не любила Руссо. Особенно неприемлемой для нее была его радикальная трактовка общественного договора. Императрица отнюдь не считала, что государство должно пользоваться тотальной властью над своими гражданами, которые добровольно предоставили ему в распоряжение свою волю³⁵. Между тем запретив «Эмиля», Екатерина не запретила «Общественного договора»³⁶.

³³ Чит по: Берков П. Н. Из русских откликов на смерть Вольтера // Вольтер. Статьи и материалы. Л., 1947. С. 200.

³⁴ Там же.

³⁵ Стремясь обосновать позицию либерального абсолютизма и доказать, что самодержавие в России не есть «деспотическая» система правления, Екатерина не могла опереться на концепцию Руссо. Она избрала государственную концепцию Гельвеция и других французских материалистов, согласно которой рожденный для общества человек, вступающий ради собственной пользы в союз с другими людьми, сохраняет и в новом состоянии всю полноту индивидуальной свободы, регулируемой его собственным разумно понятым эгоизмом. Екатерина II хотела не оправдывать самодержавное насилие над личностью, а доказать, что насилия нет и самодержавие – наиболее либеральная государственная система. См.: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII века. С. 237.

³⁶ Там же. С. 215–216.

Думается, что дело было в том, что «Эмиль» шел вразрез с государственной политикой воспитания, которую Екатерина стремилась проводить сразу по восшествии на престол. Руссо в своем романе противопоставлял воспитание человека и воспитание гражданина. Человека можно воспитать только вдали от общества и от государственных учреждений. Екатерина преследовала цель «создания идеального человека и безупречного гражданина»³⁷. То и другое для нее было неразрывно и соответствовало тому, что И.И. Бецкой, видимо с ее подачи, называл «новой породой людей». Педагогические идеи Локка, рассматривающего человеческую природу как *tabula rasa*, на которой можно запечатлеть любые идеи, была ей, безусловно, ближе, чем представление Руссо об исходно доброй природе человека. При внешней близости идей Локка и Руссо, Екатерина зорко усмотрела их различие, и видимо, боясь, чтобы не произошло подмены одной системы другой в процессе практического применения, она запретила «Эмиля» и всячески подчеркивала неприемлемость его воспитательной системы. Однако не Локк, а именно Руссо произвел настоящий переворот в истории европейской педагогики, и уйти от его воспитательных методов на практике Екатерина не могла, особенно, когда речь зашла о воспитании ее собственных внуков. Поэтому следует согласиться с П.Н. Берковым, отметившим близость идей «Эмиля» с педагогическими опытами самой Екатерины.

Можно спорить о степени глубины, с которой Екатерина усваивала просветительские идеи, но нельзя не заметить, что само ее мышление находилось в плену мифа Просвещения, было сформировано им и, в свою очередь, сформировало тот язык, на котором создавалась государственная идеология России второй половины XVIII в. Восприняв просветительские идеи о преимуществе домашнего образования над общественным, Екатерина, по сути дела, попыталась положить их в основу государственной политики воспитания, то есть придать государственному образованию домашний характер. Отсюда воплощаемая И.И. Бецким в жизнь система закрытых воспитательных домов. Изложение того, как это происходило и к каким результатам привело достаточно хорошо изучено и выходит за рамки настоящей работы³⁸. Отметим лишь, что если из идеи создать новую породу людей ничего не вышло, то в глазах Екатерины это лишний раз явилось подтверждением преимущества домашнего образования перед об-

³⁷ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1912. Т. I. С. 314.

³⁸ Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999. Там же см. литературу по данной теме.

щественным. И когда родился ее внук Александр, она с новой энергией взялась за воспитание, согласно просветительским идеям.

Екатерина забрала Александра к себе сразу по рождении, и сама непосредственно занималась его воспитанием до 1783 г. О том, как императрица воспитывала внука, можно судить по ее письмам-отчетам Ф.М. Гримму. Утверждать, что Екатерина свои воспитательные методы напрямую заимствовала у Руссо, нет достаточных оснований. Но она, несомненно, была в курсе той новейшей педагогической литературы, которая появилась после «Эмиля» и несла на себе следы его влияния. Поэтому неслучайно следы руссоистских идей обнаруживаются в ее педагогических приемах.

Прежде всего, Екатерина стремится воспитывать Александра как можно проще (*shlecht und recht*), исходя из вполне руссоистского принципа *was die Nature nicht thut, kann kein Lerner nicht thun*³⁹.

Руссо был принципиальным противником пеленания:

«Не допускайте, чтобы ребенка в тот момент, когда он впервые вздохнул, выйдя из своих оболочек, закутали в другие оболочки, в которых ему еще теснее. Прочь чепчики, прочь завязки и свивальники; достаточно просторных и широких пеленок, которые бы давали свободу всем его членам и не были бы настолько тяжелы, чтобы стеснять его движения, или настолько теплы, чтобы не давать ему возможности чувствовать влияний воздуха»⁴⁰.

Как бы следуя этому совету, Екатерина продолжает: «нынче заботятся о его теле, ничуть не стесняя его ни пеленанием, не кутая и не студя, без каких-либо излишеств... он чувствует себя прекрасно, силен, крепок и почти наг; он пытается ходить и говорить»⁴¹.

Как и Руссо, считавший, что «ручной труд больше всего приближает его [человека] к естественному состоянию», Екатерина прививала своему внуку навыки физического труда. При этом, как и Руссо, она, по-видимому, противопоставляла труд ремесленника и труд земледельца. Руссо писал:

«...Из всех званий самое независимое от судьбы и людей – это звание ремесленника. Ремесленник зависит только от своего труда; он свободен – настолько же свободен, насколько земледelec есть раб, ибо последний зависит от своего поля, сборами с которого может овладеть другой. Неприятель, государь, сильный сосед, проигранная тяжба могут лишить его этого поля; с помощью этого поля его можно притеснять на тысячу ладов; но как только захотят притеснить ремесленника, он сейчас же готов в путь-дорогу: руки при нем и он уходит».

³⁹ РИО. Т. XXIII. С. 130; 147. Чего не сделала природа, того не даст никакое ученье (*нем*).

⁴⁰ Руссо Ж-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 55.

⁴¹ РИО. Т. XXIII. С. 130.

Между тем именно земледелие, по Руссо, «есть первое ремесло человека: оно самое честное, самое полезное и, следовательно, самое благородное из всех, какими только может он заниматься»⁴². Эмиль до того, как овладеть различными ремеслами, учился обрабатывать землю. Так же и Александр, «копает землю, сеет горох, сажает капусту. Пашет плугом и управляется с бороной, затем, весь в поту, идет умываться к ручью»⁴³. Однако для Екатерины этого явно недостаточно. Необходимо, чтобы он, как и Эмиль, еще был и ремесленником.

Если бы Вы знали, – пишет она Гримму 2 апреля 1782 г., – Александра-лавочника, Александра-повара, Александра, опробовавшего самолично всевозможные ремесла, красящего, вышивающего, смешивающего и растирающего краски, рубящего дрова, чистящего мебель, заменяющего кучера и конюха, а также изображающего все математические фигуры, самостоятельно выучившегося грамоте, письму, рисованию, счету, изучающего все без разбора, знающего в тысячу раз больше, чем положено в его возрасте, поскольку не знания его ищут, а он их»⁴⁴.

Здесь по сути дела представлены основы руссоистской системы обучения, в основе которой лежит личный опыт обучаемого. Руссо считал, что не следует «учить детей тому, чему они гораздо лучше научились бы сами»⁴⁵. Чтение и письмо – это то, чему ребенок может вполне научиться самостоятельно. Поэтому не следует изобретать никаких методов обучения, достаточно просто заинтересовать ребенка, поставив его в такие условия, чтобы он сам почувствовал необходимость научиться читать. Тогда «всякая метода будет хороша для него»⁴⁶.

По-видимому, у Руссо Екатерина заимствовала метод борьбы с детскими страхами. Руссо считал, что лучший способ избавиться от страха – это включить предмет страха в круг обычных явлений. Подобно этому поступила и Екатерина, когда у Александра «явились разные страхи»:

«Его стыдили за страхи и робость, его пытались вразумить. Я часто просила перестать терзать его, и с тех пор страхи и робость отступили, кажется, не думая появляться вновь. В один прекрасный день господин Александр заспорил со своими товарищами и заявил им, что решил поближе узнать то, чего боится, и точно, всю неделю он как можно чаще соприкасался со всем к чему испытывал страх, и теперь он ничего не боится и весел как никогда»⁴⁷.

⁴² Руссо Ж-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 227.

⁴³ РИО. Т. XXIII. С. 279.

⁴⁴ Там же. С. 233.

⁴⁵ Руссо Ж-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 126.

⁴⁷ РИО. Т. XXIII. С. 288–289.

Особое значение, как и Руссо, Екатерина придавала воспитанию чувствительности. Сами слова «воспитание» и «чувствительность» в эпоху сентиментализма становятся ключевыми и в своих истоках восходят к произведениям Руссо. В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» была помещена статья княгини Е.Р. Дашковой «О смысле слова "воспитание"».

В статье выделяются три типа воспитания: *физическое*, «когда детям чрез простую пищу, чрез простое и покойное платье, чрез движение, привычку к воздуху и трудам подадут силы и сделают их тело крепким и здоровым», *нравственное*, «когда детей к терпению, к благосклонности и к благодарному повиновению приучишь, когда вверишь им то, что *правила чести есть закон*, коему подчиняются все степени и состояния» и *школьное* или *классическое воспитание*, которое «выполняется совершенным познанием природного языка, таже латинского и греческого»⁴⁸.

В следующем номере журнала появилась ответная статья в виде письма из Звенигорода от 12 июля 1783 г. За анонимным корреспондентом скрывалась Екатерина II⁴⁹. Соглашаясь в целом со статьей Дашковой, императрица внесла две поправки в руссоистском духе:

«Вы не довольно обстоятельно разделили воспитание полу женского и мужского... весьма желательно было, если бы при сем случае был изъяснен смысл слова *чувствительность*. ...Благородная или похвальная *чувствительность* есть не что иное, как внутренний в душе и совести нашей монитор (увещатель), который остерегает нас противу поступка или слов, кои могут кому-нибудь нанести зло или оскорбление; она осязательно и поспешно представляет воображению нашему, сколь бы таковой поступок или слово огорчило дух наш: почему и претит нам оное противу ближнего соделывать; одним словом: благородная *чувствительность* есть дочь чистой и недремлющей совести».

В подтексте этого определения присутствует противопоставление «чувствительность—предрассудок». Екатерина создает образ автора, человека, живущего «в маленьком городке в уединении», привыкшего «смотреть на все собственными глазами, слышать своими ушами и судить по собственному своему *чувствованию* (курсив мой – Т.Ш.), а не по моде или по заключению какого-либо боярина». Перед нами человек без предрассудков в руссоистском понимании. *Чувствительность* непосредственно связана с отлагольным существительным «чувствование», которое в данном контексте означает воспри-

⁴⁸ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения. Письма. Документы. СПб., 2001. С. 125–126.

⁴⁹ Кочеткова Е.Д. Дашкова и «Собеседник любителей российского слова» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 140–146.

ятие мира таким, каким он есть и должен быть на самом деле, а не таким, каким кажется испорченным предрассудками придворным.

Именно в такой связи чувствительность и чувствование находятся в «Эмиле»:

Так зарождается жалость, первое относительное чувствование, трогательное сердце человеческое, если человек следует порядку природы. Чтобы стать чувствительным и жалостливым, ребенок должен знать, что есть существа, подобные ему, которые страдают так же, как и он, и чувствуют те же горести, какие чувствует он, и, кроме того, другие горести, о которых он должен иметь понятие, потому что и сам может их испытывать⁵⁰.

Вместе с тем чувствительность напоминает людям, что они равны от природы. Руссоистские идеи эгалитаризма Екатерина также прививала внуку, используя при этом ту же аргументацию, что и Руссо. Для автора «Эмиля» лучшим доказательством природного равенства людей являлось то, что «все родились нагими»⁵¹. В письме к Гримму Екатерина делится своими педагогическими наставлениями Александру:

Началось с того, что ему откровенно сказали, что он родился младенцем таким же голым и беспомощным, каковой является рука; что все младенцы рождаются таковыми, что от рождения все люди равны⁵².

Насколько письма императрицы к Гримму отражали реальный процесс воспитания маленького Александра сказать трудно. Расхождение теории и практики для Екатерины всегда было нормой. Но, видимо, она совершенно искренне хотела воспитать Александра не просто хорошим наследником престола, но в первую очередь человеком в просветительском значении этого слова.

На шестом году жизни Александра Екатерина решила, что «время пришло, чтобы от них (Александра и Константина, которому шел пятый год — Т.Ш.) отнять женский присмотр»⁵³. Встал вопрос о новом наставнике, которому можно было бы доверить воспитание великих князей. Согласно просветительской педагогике, выбор воспитателя имеет решающее значение, и Екатерина это прекрасно понимала. Она не могла не видеть, что назначенный ею на эту должность генерал-адъютант Н.И. Салтыков явно не соответствовал даже минимальным требованиям. Малопривлекательный внешне, ловкий придворный интриган, он мог прельститься должностью наставника наследника престола, но вряд ли имел желание и способности воспитать

⁵⁰ Руссо Ж-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 260.

⁵¹ Там же. С. 259.

⁵² РИО. Т. XXIII. С. 176.

⁵³ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. I. С. 29.

вать детей. По свидетельству Шарля Массона, «его главной заботой было беречь их от сквозняков и не давать им переедать»⁵⁴. Как справедливо заключает Н.К. Шильдер, «Салтыкову предназначалась... только роль ширмы, за которой скрывалась венценосная бабушка»⁵⁵.

В марте 1784 г. Екатерина дала Салтыкову письменную инструкцию, которой следовало руководствоваться при воспитании великих князей. По скептическому замечанию Д.И. Рунича, «это был набор прописных истин, касающихся как физического, так и нравственного в философском смысле слова воспитания, написанных на плохом русском языке»⁵⁶. Что касается самой императрицы, то этот документ являлся предметом ее особой гордости и был рассчитан в первую очередь не на Салтыкова, а на европейскую общественность. Недаром в письме к Гримму от 28 марта 1784 г. она писала: «Я составила прекрасную инструкцию по воспитанию господ Александра и Константина, которую вышлю Вам как только будет готов приличный перевод»⁵⁷.

Пропагандистский характер этой инструкции, как и знаменитого екатерининского Наказа, уже для современников был вполне очевидным. Так Ш. Массон отмечал в своих «Секретных записках»:

«Екатерина составила план воспитания для своих внуков, подобно тому как ранее составила инструкцию к уложению законов для своих народов; план этот списан с Локка и Руссо так же, как инструкция – с Монтескье, Мабли и Беккария»⁵⁸.

Императрица в очередной раз демонстрировала Европе свою приверженность просветительским идеям. Хотя в Инструкции не идет речь о соотношении частного и общественного образования, Екатерина явно отдает предпочтение первому. «Всякое доброе воспитание, – пишет она, – учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается»⁵⁹. Исходя из этого принципа преимущества домашнего воспитания оказываются очевидными.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что нигде не сказано о том, что воспитание должно иметь сословный характер и что детям должно внушаться значение того положения, которое они занимают в социальной иерархии. Екатерина не устает повторять, «чтоб ни в каком случае питомцы с умыслом не обижали никого, не

⁵⁴ Masson Ch. Mémoires secrets sur la Russie. Т. II. P. 158.

⁵⁵ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 30.

⁵⁶ Цит по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. I. С. 226.

⁵⁷ РИО. Т. XXIII. С. 297.

⁵⁸ Masson Ch. Op. cit. Т. II. P. 157.

⁵⁹ Екатерина II. Сочинения. Т. I. СПб., 1849. С. 200–201.

показывали никому презрения и неучтивости; чтоб искали приобрести благоволение людей к себе ласковым и ловким обхождением»⁶⁰. Их воспитание не должно быть светским:

«поведение детей не должно быть основано на ничего не значащей тонкости. Поведение Их Высочеств да не будет притворное; учтивость же да будет аки природная и свойственная; и для того ни в каком случае от младенчества не отдаляться от предписанных правил, показывая вещи в их прямом виде, отдаляя ум Их Высочеств от лжи и тонкости, поаживая к откровенному поведению, почитать правду, повиноваться здравому рассудку, обходиться с людьми и в обществе вежливо»⁶¹.

Все воспитание и обучение основывается на принципе свободного развития. Игра должна предшествовать учению и само учение должно восприниматься детьми как продолжение игры. При этом «после семи лет буде захотят новых игрушек, то пускай сами сделают, или помогают делать»⁶². Много уделяется внимания здоровью, и физическому воспитанию отводится более важная роль, чем умственному. Все советы Екатерины сводятся к тому, чтобы ребенок медленно созревал, и наслаждался детством. Особо говорится о тех качествах, которыми должны обладать *приставники*, т.е. лица, которым поручен постоянный надзор над детьми. Главное в них – личный пример:

Если приставники будут сами наполнены любовью к ближнему, общим благоволением к роду человеческому, доброжелательством ко всем людям, будут ласково, снисходительно и учтиво обходиться между собою и со всяким, окажут добронравие непрерывное, воздержатся горячности сердца, опасения, подозрения и боязливости; тогда дети, видя добрые примеры, будут несомненно таковы, как желается⁶³.

Инструкция Екатерина нашла отклик у Фридриха-Цезаря Лагарпа, который в то время учил Александра французскому языку, но явно претендовал на то, чтобы играть при будущем наследнике более важную роль. 10 июня 1784 г. Лагарп подал Екатерине свою записку о воспитании. Как педагог Лагарп стоял на тех же принципах, которые пыталась сформулировать Екатерина на «плохом русском языке». Поэтому неудивительно, что записка Лагарпа встретила у императрицы восторженный прием. Против его скромного пожелания «быть полезным в чем-то еще, чем просто давать уроки французского языка», она написала: «Тот, кто составил подобную

⁶⁰ Там же. С. 218.

⁶¹ Там же. С. 221.

⁶² Там же. С. 244–245.

⁶³ Там же. С. 234.

записку, несомненно, способен обучать большему, нежели только французскому языку»⁶⁴.

Если Екатерине всячески хотела продемонстрировать, что она воспитывает человека⁶⁵, а не царя, то Лагарпу, безусловно, льстило то, что он назначен воспитателем будущего императора. Поэтому в его записке на первое место поставлено воспитание монарха-гражданина. Александр в будущем виделся Лагарпу как философ на троне, новейший Марк Аврелий.

В центре педагогической системы Лагарпа стоит ученик, рассматриваемый не как пассивный объект приложения воспитательной теории, а как субъект, способности которого должны раскрыться в процессе воспитания. С одной стороны, они должны направляться воспитателем, с другой – должны вносить коррективы в его педагогическую систему:

Для того, чтобы эти общие методы не приводили к ошибкам, их нужно менять, учитывая обстоятельства, дарования господина великого князя Александра, а также его характер, который будет плодом хорошо продуманного эксперимента, и о котором можно будет судить лишь после длительного наблюдения за юным князем; и все же его нельзя спроектировать какими-либо особыми способами, кои впоследствии могут оказаться ошибочными и будут нуждаться в серьезном исправлении⁶⁶.

Утверждая, что «опыт – лучший учитель», Лагарп весьма последовательно проводит этот принцип в жизнь. Так при обучении Александра французскому языку, он начинает не с изучения грамматики, а стремится поставить своего ученика в такое положение, когда знание языка для него станет жизненной потребностью. Для этого предлагается окружить Александра такими людьми, с которыми ему бы хотелось общаться, но с которыми он мог бы говорить только по-французски. И только после того, как воспитанник научится сначала говорить, а потом читать и писать по-французски, «можно будет ему предложить начальные правила орфографии и кое-какие общие представления о значении слов, их характеристиках, свойствах и т.д.»⁶⁷.

Пробуждая в ученике потребности учиться, воспитатель создает условия, когда процесс обучения получает характер самонау-

⁶⁴ Сухомлинов Н.М. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель, императора Александра I // ЖМНП. 1871. Ч. CLIII. Отд. 2. С. 257.

⁶⁵ В своих мемуарах Лагарп высоко оценивал именно эту черту екатеринского воспитания внуков: «Наконец-то провидению было угодно сжалиться над миллионами людей живущих в России; для этого потребовалась некая Екатерина II, пожелавшая воспитать из своих внуков Человека». – *La Harpe Frédéric-César. Mémoires. Paris et Genève, 1864. P. 74.*

⁶⁶ Там же. С. 242.

⁶⁷ Там же. С. 243.

чения. Заставить работать разум важнее, чем дать знания. На этом принципе строится изучение истории и философии.

Для просветителей в целом характерно отрицательное отношение к событийной стороне истории. В ней они видели лишь нагромождение предрассудков и преступлений. По Вольтеру, история «есть не что иное, как собрание людских заблуждений»⁶⁸. Примерно то же утверждал Руссо, когда писал: «все наши истории начинаются там, где они должны были бы оканчиваться»⁶⁹. Самое неубедительное в истории для просветителей – это факты. В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо полемично заявил: «Начнем же с того, что отбросим все факты»⁷⁰. И как бы развивая эту мысль, писал в «Эмиле»: «А на что мне нужны факты сами по себе, если смысл их остается для меня неизвестным»⁷¹. Однако из этого не следует, что просветителей история не интересовала. Напротив, она являлась для них постоянным объектом нападок, разоблачений, поучений и т.д.⁷².

Такое произвольное оперирование историческим материалом делало его весьма удобным в педагогическом отношении. История, препарируемая соответствующим образом, призвана была просветителями учить тому, как должно и как не должно поступать гражданину. Поэтому, как считал Лагарп, «каждый гражданин, который посвятил себя служению своей стране на поприще государственного управления, должен изучать историю»⁷³. Лагарп воспитывал Александра на примерах античных царей и героев. Собственно говоря, это была не история, а культурный миф, порожденный просветительским сознанием. В его основе лежали идеи исконной народной свободы, по отношению к которой исторические деятели делились на ее сторонников и противников.

Говоря об Александре Македонском и о Юлии Цезаре, Лагарп обращает внимание не только на их гениальность, но и на те преступления, которые они совершили против народов:

Никогда нельзя забывать, что Александр, наделенный врожденной гениальностью и самыми блестящими достоинствами, разрушил Азию и натворил столько бед, лишь желая походить на героев Гомера; что

⁶⁸ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 8.

⁶⁹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 280.

⁷⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. М., С. 46.

⁷¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 280.

⁷² Как писал Р.Дж. Коллингвуд «Просвещение не было подлинно историческим, главным в нем были полемичность и антиисторизм». См.: Коллингвуд Р.Дж. Идеи истории. Автобиография. М., 1980. С. 76.

⁷³ Сухомлинов Н.М. Указ. соч. С. 245.

Юлий Цезарь пошел на преступление, лишив свободы свою родину, лишь из соперничества с тем же Александром⁷⁴.

Будущему царю предлагается брать примеры не с древних обитателей дворцов, а с тех людей, «которые, родившись вдали от трона, засияли лишь благодаря блеску собственных дарований, добродетелей, великих деяний, тем самым они снискали почитание современников и справедливую похвалу потомков»⁷⁵. И далее перечисляются герои Плутарха: Ликург, Нума, Солон, Попликола, Камилл, Фабий Максим, Эмилий Павел, Тимoleon, Аристид, Марк Катон, Филопемен, Серторий, Фокион, Катон, Агид и Клеомен, Гракхи, Цицерон, Дион, Брут.

Путеводителем в истории должна служить философия, точнее истинная философия, та, которая учит человека здраво мыслить и рассуждать о всем том, что ведет к счастью. А счастье гражданина, по мнению Лагарпа, заключается в исполнении своего государственного долга. Настоящим философом, таким образом, является тот, кто поступает в соответствии со своим долгом.

Итак, каким, по Лагарпу, должен быть наследник престола? На этот вопрос Лагарп отвечает очень просто: «Он должен быть честным человеком и просвещенным гражданином»⁷⁶. При этом просвещенность заключается не в знании конкретных наук, а в осознании своего общественного долга перед государством. Теорию политического управления Лагарп внушал Александру по общественному договору, но не в радикально-руссоистском варианте, а ближе к гельвецианскому, согласному которому, личность, вступая в общество, не утрачивает свою природную свободу, а лишь сама ограничивает ее, руководствуясь при этом принципами разумного эгоизма⁷⁷.

Противопоставляя человека и гражданина, Руссо в соответствии с этим противопоставлял частное и общественное образование. Примером

⁷⁴ Там же. С. 245–246.

⁷⁵ Там же. С. 246.

⁷⁶ Там же. С. 257.

⁷⁷ В письме к Екатерине II от сентября 1791 г. Лагарп писал: «Я вовсе не демократ. Никто не ненавидит демократию более меня; поскольку я нахожу ее несовместной с принципами справедливости и свободы; поскольку воочию убедился, что не терплю ее правил. Благодаря древней истории, в восхваляемых афинских демократах я увидел безжалостных угнетателей своих подданных, а так как человеческие страсти неизменны, швейцарские демократы в наши дни и под другим названием разыгрывают перед нами тот же спектакль. Самыми беспощадными врагами свободы подданных Швейцарии являются демократы, среди которых эта свобода зародилась. Очевидность этого парадокса столь же проста, сколь и окончательна». Цит. по: Сухомлинов Н. М. Указ соч. С. 263.

настоящего общественного воспитания для него было то, которое описал Платон в «Государстве». По мнению Руссо, «это прекраснейший, какой только был когда составлен, трактат о воспитании»⁷⁸. Только таким образом можно воспитать *гражданина*. Идеалом же *человеческого* воспитания для него был тот тип, который он сам описал в «Эмиле».

Позиция Лагарпа была ближе к позиции самой Екатерины, которая не противопоставляла человека и гражданина, а считала, что развитие хороших наклонностей путем правильного воспитания способно сформировать и хорошего гражданина. Поэтому частное образование, позволяющее учитывать особенности конкретного ребенка, оказывалось предпочтительнее общественного. В политическом плане идеи таким образом понятого частного образования, смыкались с либеральными идеями. Лагарп внушал своему воспитаннику, что либеральная система управления, гарантирующая свободу и счастье каждого гражданина, ложится тяжелым бременем на плечи государя. Чем полнее его власть, тем сильнее ответственность перед теми, кем он управляет, и только частное существование способно сделать человека по-настоящему счастливым.

В Александровскую эпоху идеал частного существования, ограниченного рамками семьи и друзей, станет определяющим в русской культуре. Еще будучи наследником престола, Александр напишет Лагарпу:

Я очень счастлив с женой и с *невесткой* (*имеется в виду жена Константина Павловича Анна Федоровна – Т.Ш.*). Но что касается до мужа сей последней, он меня часто огорчает; он горяч более чем когда-либо, весьма своеволен и часто прихоти его не согласуются с разумом. Военное искусство ему вскружило голову, и он иногда груб с солдатами своей роты; он образовал роту и вы видели ее начало. Я же, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствия и охотно уступлю свое звание за ферму подле вашей или по крайней мере в окрестностях⁷⁹. Жена разделяет мои чувства и я восхищаюсь, что она держится моих правил⁸⁰.

В этом и в подобного рода заявлениях о возможном отречении от престола, желании жить уединенно с семьей и заниматься физическим трудом современники и потомки видели привычное для царя лукавство. Но с учетом воспитания Лагарпа можно сказать, что это не совсем так. Конечно, нет оснований утверждать, что Александр действительно был готов отречься от престола и сделаться частным человеком. Кроме его ни к чему не обязывающих заявлений на этот счет историк не располагает

⁷⁸ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 29.

⁷⁹ Эти слова звучат почти как цитата из хорошо знакомого Александру «Эмиля»: «Мне не нужно иного имущества, кроме небольшой мызы в каком-нибудь уголке мира». – Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 562.

⁸⁰ РИО. Т. V. С. 23–24.

ет никакими данными. Но видеть в этом лишь политическую игру тоже не следует. Более того, можно предположить, что Александр в этих случаях был искренен как никогда. Подобного рода признания обнаруживают его мечту об идеальном образе жизни, которая в различных видах свойственна всем людям. А мечта не может быть неискренней. Все дело в том, что не было никаких путей для воплощения этой мечты в жизнь. Та действительность, которая окружала Александра с детства, опровергала все наставления Лагарпа и диктовала Александру свои законы. Благодаря своему наставнику он очень хорошо научился видеть зло, но история – не та, которую преподавал ему Лагарп, а та, которая творилась на его глазах – показывала, что средства, предлагаемые философами в качестве лекарства от социальных болезней, нередко лишь обостряют эти болезни.

У воспитательной системы Лагарпа был один существенный недостаток, который он сам осознавал, и который ему постоянно ставили в упрек современники: Лагарп не знал ни России, ни русского языка. Будучи приставленным к юному Александру сначала в качестве учителя французского языка, он, следуя своей методе, считал нецелесообразным самому учить русский язык. А когда Александр освоил французский, у Лагарпа уже не было необходимости в изучении русского языка.

В этом смысле от обучения Лагарпом Александра отличается обучение П.А. Строганова Жильбером Роммом – при общем сходстве педагогических систем⁸¹. Будущий якобинец и автор революционного календаря Ж. Ромм в 1770-е гг. увлекался наукой и зарабатывал на жизнь частными уроками математики. В Париже на него обратил внимание русский богач и меценат граф А.С. Строганов и пригласил в Россию в качестве воспитателя своего сына Павла. Образованный, честный и честолюбивый Ромм отнесся с величайшей серьезностью к порученному ему делу. Отправляясь в Россию, он писал матери: «Я представлю моим друзьям ученика достойного их, поскольку я хочу сделать из него человека. И таким он выйдет из моих рук». И хотя должность воспитателя сына одного из богатейших людей России давала ему возможность хорошо заработать, он с суровой требовательностью к самому себе добавлял:

Если бы я имел несчастье узнать, что все мои старания окажутся безуспешными, я бы тотчас же от них отказался, разорвав все свои обязательства. Лучше потерпеть неудачу, чем мучиться от сознания плохо

⁸¹ О П.А. Строганове и Ж. Ромме существует обширная литература. Ее характеристику см.: Чудинов А.В. «Русский принц» и француз-«цареубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 88-121.

выполненного дела, дав обществу черствое сердце, отчаянного невежду или же деспотичного и расточительного вельможу⁸².

Воспитательная система Ромма была тщательно продумана и основывалась на новейших педагогических идеях, которые, как он сам указывал, были почерпнуты в работах Тиссо, Руссо и Локка. Он стремился стать вторым отцом (*un second père*) для своего воспитанника, и А.С. Строганов, полностью разделяя его метод, в письмах к нему называет Павла «наш сын». В духе просветительской мысли на первое место поставлено физическое воспитание, затем идет нравственное воспитание и только потом образование (*instruction*).

Не отделяя, как и Лагарп, воспитание *гражданина* от воспитания *человека*, Ромм в отличие от наставника великого князя был более свободным в выборе способов воспитания. Само стечение обстоятельств⁸³ подсказало ему мысль избрать путешествие в качестве оптимального средства воспитания. Семилетний Павел не только не знал своей страны, но и не умел говорить по-русски. Ромм же не только счел необходимым, чтобы его воспитанник узнал родную страну и родной язык, но и сам решил заняться тем же самым. В данном случае научные интересы Ромма совпали с его обязанностями воспитателя. Он мог близко узнать огромную и неизвестную ему страну и одновременно воспитывать в Павле чувство патриотизма.

Возможно, уже тогда его план включал две части: познакомить своего воспитанника с его родиной, заставить полюбить ее, потом завершить начатое образование в Европе для того, чтобы затем вернуться в Россию и начать с пользой служить. Позже в письме к троюродному брату Павла барону Г.А. Строганову Ромм напишет:

Мы вправе требовать многого от того, кто, имея возможность окружить себя лучшими источниками образования, покинул отчизну в надежде найти лучшее. Вам прощается это недоверие к Отечеству только потому, что сделанным выбором и глубиной образованности, а особенно чистотой ваших намерений и твердостью убеждений Вы доказали, что уехали из России лишь для того, чтобы познать как лучше ей служить⁸⁴.

Путешествие по огромной стране сопровождалось лишениями, которые укрепляли Павла физически. Ромм был доволен тем, как

⁸² Николай Михайлович вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. I. С. 43–44.

⁸³ Вскоре по приезде в Россию мать Павла Екатерина Петровна, урожденная кн. Трубецкая, полюбила екатерининского фаворита И.Н. Римского-Корсакова. Чувство оказалось взаимным, и узнав об этом Екатерина II в гневе выслала Корсакова в Москву, куда за ним последовала мать Павла. От ребенка это обстоятельство решено было скрыть.

⁸⁴ Там же. С. 339.

его юный воспитанник переносил утомительное путешествие. Он ел простую и грубую (*grossière*) пищу, был одет в дешевую и просторную одежду, спал на жестком ложе и т.д. Но скоро серьезную обеспокоенность воспитателя вызвал период полового созревания (*puberté*). Ромм пишет тревожные письма А.С. Строганову, из которых видна крайняя степень отчаяния, охватившая воспитателя, впервые, может быть, не знающего что ему делать. Одновременно эти письма свидетельствуют о той высокой степени ответственности, с которой французский педагог относился к своим обязанностям:

«Я замечаю в вашем сыне ощутимые физические и нравственные изменения, причины которых то ли в приближении половой зрелости, то ли в смене климата или несовершенстве моей методы, а может быть, также в переменах, которые я чувствую в самом себе, возможно, все эти обстоятельства действуют вместе. Меня огорчает теперешнее положение вещей, и я считаю своим долгом сказать вам об этом, чтобы вы нашли способ предотвратить то, что способно навредить достигнутому»⁸⁵.

Осознавая всю степень ответственности, лежащей на воспитателе ребенка, и преисполненный при этом чувством собственного достоинства, Ромм всячески стремился поднять престиж своей профессии. В российских условиях, где даже образованные люди привыкли видеть в учителях ученых лакеев, это было сопряжено с тяжелыми оскорблениями.

Конфликт, возникший на этой почве между Роммом и матерью Павла, достаточно красноречиво характеризует сложившуюся социокультурную ситуацию. Идея скрыть от Павла фактический развод родителей, видимо, принадлежала Ромму, который вместе с тем, считал, что для нравственности его воспитанника будет лучше, если его свидания с матерью будут максимально ограничены и будут проходить только в его присутствии. Е.П. Строганова в этом увидела непростительную дерзость и сочла нужным указать наставнику сына на его место. В ответ Ромм написал графине резкое письмо, в котором, изливая всю горечь оскорбленного самолюбия, писал о высоком призвании воспитателя, именуемого в России презрительным именем *outchitel*:

Не забыли ли Вы, что после матери обязанность гувернера самая трудная и достойная уважения, что человек подвергаемый презрению и унижению, сделает из вашего сына подлое и низкое существо»⁸⁶.

Ромм понимал, что его колоссальный педагогический опыт, который был обретен в сложных политических и географических условиях, по-настоящему может быть оценен только в Европе. К тому же наступил момент, когда образование Павла могло быть продолжено только

⁸⁵ Там же. С. 255.

⁸⁶ Там же. С. 284.

за границей. «Его воспитание не может быть окончено в России»⁸⁷, — писал Ромм А.С. Строганову из Киева в марте 1786 г., но только летом следующего года Ромм и Павел Строганов отправились за границу.

До начала революции оставалось меньше двух лет. Революционный период в истории взаимоотношений наставника и ученика вызывает, пожалуй, наибольшие споры. В нашу задачу не входит анализ того, что происходило с Павлом и Роммом во Франции. Отметим лишь, что превращение графа Строганова в гражданина Очера довершало воспитание, которое республиканец Ромм давал Павлу. Не только им в Париже, но и их сверстникам в Петербурге Лагарпу и Александру казалось, что самые благородные просветительские идеи о природном равенстве людей, о справедливом общественном договоре, свободном развитии человеческих способностей и т.д. начали воплощаться в жизнь, и что в мире не будет ни бастилий, ни князей, ни лакеев, а будут только свободные граждане, и тогда Разум одержит окончательную победу над Предрассудками.

Но очень скоро оказалось, что это далеко не так, и те, кто вчера покровительствовал Лагарпу и Ромму, поспешили от них отвернуться, щедро наградив, и забрав обратно их воспитанников. Изменилась эпоха, а вместе с ней, изменился и характер воспитательных идей.

⁸⁷ Там же. С. 267.

С.А. Экштут

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ И «БУНТ 14-ТИ»

...постепенно в Академии
воцарилась шайка передвижников.

*М.В. Нестеров. Из письма родным.
Москва. 22 января 1895 г.¹*

Тень есть не только у людей и неодушевленных предметов. Тень отбрасывают события, которым еще только предстоит совершиться и стать историческими, и эта тень предшествует событию. Она неотчетлива, плохо различима и предупреждает о появлении чего-то нового, но по ней нельзя судить ни об очертаниях, ни о размерах грядущего события. Эта тень, бегущая от дыма. Дыма костра, которому еще только предстоит возгореться. И пока нельзя понять, для какой цели он будет зажжен².

В 1859 г. в залах Императорской Академии художеств в Петербурге была открыта выставка, с посетителей которой впервые стала взиматься плата за вход. Для русской публики это было делом совершенно небывалым. Ранее все академические художественные выставки были бесплатными. Русская публика была приучена властью к тому, что государство заботилось о просвещении подданных и не пыталось извлечь выгоду из просветительской деятельности. Петр I отлично понимал психологию своих соотечественников, когда повелев создать Кунсткамеру, распорядился не только не брать с посетителей первого русского музея никакой платы за вход, но и бесплатно поить и угощать их за счет казны после окончания осмотра экспозиции. И хотя преемники Петра I отказались от практики привлечения обывателей северной столицы в российские музеи и перестали выдавать каждому приходящему выпивку и закуску за счет казны, однако деньги за посещение музеев по-прежнему не

¹ Нестеров М.В. Письма: Избранное. Л.: Искусство, 1986. С. 130.

² Павел Дмитриевич Корин рассказывал, «как он свои работы скигал в молодости. Накопится ящик – сожжет. Куда с ними таскаться! А то в голодное время буржуйку топил эподами». См.: Корин П.Д. Об искусстве. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. М.: Советский художник, 1988. С. 99.

брали. Даже художественные сокровища Императорского Эрмитажа были бесплатно открыты для прилично одетой публики.

Академия художеств содержалась за государственный счет и находилась в ведомстве Министерства Императорского двора, ее ежегодная выставка была своеобразным отчетом обществу о проделанной работе, вот почему русская публика находилась в недоумении, как можно брать деньги за знакомство с плодами деятельности государственного учреждения. Впрочем, недоумение посетителей не было продолжительным – и гривенники публики потекли в кассу. Доход от выставки поступил не в бюджет Академии, а был полностью перечислен в Министерство двора. Впервые в истории русской культуры знакомство с художественными произведениями осуществлялось за фиксированную плату, но авторы картин и скульптур не получили ничего. Будущее отбросило свою тень, однако ее очертания были неотчетливыми.

На фронтоне Императорской Академии художеств была выбита горделивая надпись: «Свободным художествам». Выпускники Академии освобождались от податей, не подлежали рекрутскому набору и были освобождены от многолетней солдатчины. Для большинства художников это имело принципиальное значение. Среди воспитанников Академии было крайне мало дворянских сыновей, зато в избытке наличествовали купеческие и мещанские отпрыски. Даже крепостные крестьяне допускались в ее стены: они свободно могли посещать занятия в классах, но для получения диплома им нужна была вольная, и нередко, если барин отказывался ее дать безвозмездно, любители живописи собирали деньги и выкупали художника из крепостной неволи. Именно так был выкуплен Тарас Шевченко. Воспитанниками Академии были и внебрачные дети, не знавшие о тайне своего происхождения. Для них Академия была едва ли не единственным в Российской империи местом, где незаконность происхождения не влияла на их дальнейшую судьбу. Будущие художники жили очень бедно, постоянно терпели нужду, перебиваясь кое-как с корочки на корочку, с гроша на копейку. На обед могли позволить себе только традиционное «академическое блюдо»³: «соус под бобами и бобы под соусом»⁴.

³ Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский: 1782–1836. М.: Искусство, 1988. С. 22.

⁴ На закате жизни Григорий Григорьевич Мясоедов, этот столп передвижничества и автор идеи передвижных художественных выставок, так вспоминал о годах своей учебы: Жил я, как большинство студентов Академии художеств, на Васильевском острове в бедной комнате. Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники, – я с товари-

Социальный статус русского живописца был чрезвычайно низок. Художник не принадлежал к хорошему обществу. Прохождение полного курса Академии художеств требовало много времени⁵. Выпускники Академии художеств получали великолепную профессиональную подготовку, одну из лучших в Европе, но их общий кругозор был крайне узок, а запас сведений – ограничен. Они не знали иностранных языков, не обладали знаниями истории даже в объемах гимназического курса и, как правило, не имели хороших манер.

Одновременно в стенах Академии училось несколько сот воспитанников. Наиболее талантливые из них удостоивались медалей разного достоинства: при переходе из одного класса в другой за рисунки, этюды и эскизы можно было получить две малые и две большие серебряные медали. С получением медалей были сопряжены разовые денежные награды и определенные преимущества, которые давали право их обладателю принять участие в конкурсе на получение золотой медали. Золотых медалей было две – большая и малая. Для получения малой золотой медали требовалось написать самостоятельное живописное произведение на заданную тему. Малая золотая медаль давала право на звание классного художника, что означало одновременное обретение чина по Табели о рангах и сопряженного с чином личного дворянства. Профессора Академии художеств постоянно твердили ее воспитанникам, что конкурс на эту медаль определяет всего лишь их знание ремесла и «способности к технической стороне искусства»⁶.

щем раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам – эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины. Зарабатывали на обед и ухаживали за булочницей, которая нам казалась не менее прекрасной, чем Форнарина Рафаэлю. Обедали на Неве, на барке, где давали за шесть копеек щи с кашей без масла и за восемь копеек с кашей на масле. Там же обедал и прославившийся уже, выходявший тогда на конкурс Е. Сорокин, к живописи которого мы относились с благоговением. Однажды мы не утерпели и обратились к Сорокину с вопросом: «Скажите, на каком масле вы пишете свои этюды так, что они у вас не тускнеют?» Сорокин, уплетая кашу, ответил: «На всех маслах». См.: *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. Изд. 6-е, испр. и доп. Л.: Художник РСФСР, 1980. С. 33–35.

⁵ «Из наблюдений, сделанных на огромном промежутке времени от основания Академии, средняя продолжительность академического курса равна 8 годам. Бывали случаи, когда наиболее талантливые оканчивали курс в 6 и как феноменальные явления, говорят, бывали примеры прохождения курса даже в 5 лет». См.: *Крамской И.Н.* Письма, статьи: В 2-х тт. Т. 2. М.: Искусство, 1966. С. 305.

⁶ *Крамской И.Н.* Письма, статьи. Т. 2. С. 478 (прим. 43).

Обладатели малых золотых медалей конкурировали между собой за вожделенную большую золотую медаль, определявшую уже способность живописца к самостоятельному творчеству и измерявшую художественные силы соискателя, масштаб его дарования. Именно этот конкурс должен был ответить на вопрос, есть у того или иного академика помимо ремесленной художественной грамотности и прилежания еще и дар, данная Богом способность, или нет. Большая золотая медаль давала право на шестилетнее пребывание в Италии в качестве пенсионера Академии художеств. Пенсионер находился на казенном обеспечении и получал триста золотых ежегодно. Каждые три года двенадцать пенсионеров покидали Россию и отправлялись за границу совершенствоваться в профессиональном мастерстве и работать над написанием большой картины, которая должна была стать и часто, действительно, становилась главным делом всей последующей жизни художника. На заграничных пенсионеров Академии художеств смотрели как на надежду отечественного искусства. Разумеется, что такие счастливцы были наперечет, а ведь каждый год стены Академии покидали около сотни выпускников – и их дальнейшая судьба никого не интересовала.

Мы ничего не знаем о том, каков был уровень притязаний среднестатистического выпускника Академии художеств и на что именно он мог реально рассчитывать в жизни. Кое-кому удавалось получить штатное место учителя рисования в кадетском корпусе, гимназии или уездном училище.

Доля учителя рисования всем известна. Стать им – это значит похоронить себя как художника. Оторванный от художественной среды, от восприятия художественных произведений, лишенный времени для самостоятельной творческой работы, учитель рисования обыкновенно бросал искусство, а если и пробовал когда писать, то, не видя в провинциальном городе ничего, кроме собственных работ, останавливался в своем развитии и затем быстро катился вниз. Исключения представляли только очень сильные натуры, не порывавшие с центрами, с общей художественной жизнью⁷.

Социальный статус учителя рисования был ощутимо ниже статуса учителя математики или латыни, но все равно это был чиновник, то есть человек 20-го числа, ежемесячно получавший жалование. Учителя рисования одновременно преподавали чистописание и черчение. Сколько таких учителей было по всей России, не знал никто. Для истории русской культуры эти фигуры мертвы – это пример утраты в истории, которую мы даже не замечаем. Ученики их не уважали, да и коллеги относились к ним без должного почтения:

⁷ Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. С. 305.

баллы по рисованию не влияли на получение аттестата. Парадоксально, но выпускники Академии не были подготовлены к педагогической деятельности и не обладали необходимыми дидактическими навыками: по авторитетному мнению министра народного просвещения они не умели преподавать⁸.

Академия художеств не готовила своих выпускников к трудностям реальной жизни. Лишь единицы из числа золотых медалистов могли после возвращения в Россию из пенсионерской поездки рассчитывать на карьеру профессионального живописца, на то чтобы со временем стать академиком, а если повезет, то и профессором Академии художеств. В наши дни даже специалисты не всегда хорошо представляют себе принципиальную разницу между академиком и профессором Императорской Академии художеств. Обладатели больших золотых медалей после возвращения из Италии в Россию получали звание академика. Академик был всего лишь обладателем почетного звания, которое указывало на его полноправную принадлежность к профессиональному сообществу. С этим званием не были сопряжены никакие должности, материальные блага и преимущества. Заветной мечтой любого академика было получить профессорскую должность. Реализации этой мечты приходилось ждать очень долго: лишь через шесть лет претендент обретал вождеденную должность и еще три года дожидался утверждения в ней. Мы не знаем, чем занимались академики все эти годы и можем лишь предполагать. Кто-то расписывал церкви, кто-то за небольшие деньги писал заказные портреты, кто-то давал частные уроки, кто-то, уже после изобретения светописи, ретушировал и раскрашивал фотографии, — все эти занятия позволяли вести лишь мещанский образ жизни и с трудом давали возможность сводить концы с концами.

Профессор избирался Советом Академии из числа наличных академиков, получал приличное жалованье и бесплатно пользовался хорошей казенной квартирой и прекрасной мастерской. Наличие казенной квартиры в столичном городе было не только ощутимым материальным подспорьем, но и знаковым элементом социального статуса. Профессора Академии художеств относились к своим ученикам с изрядным равнодушием, что имело свои несомненные плюсы: учителя не обременяли себя мыслями по поводу дальнейшей судьбы молодого поколения, но зато и не мешали творческим поискам учеников и не стремились сдерживать профессиональный рост

⁸ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 325, 479.

молодежи⁹. Учеников, подобно щенкам, бросали в воду: единицы выплывали, остальные тонули в жизненном водовороте. Такова была материальная сторона жизни.

Пенсионер Академии художеств постоянно отчитывался перед Советом о своих занятиях и должен был привести из Италии большую картину. Эти живописные произведения, как правило на мифологические и религиозные сюжеты, демонстрировались на выставках Академии художеств и затем поступали в ее музей. Хотя эти ежегодные выставки должны были свидетельствовать об успехах русского искусства, общество было к ним практически равнодушно. Ни в переписке, ни в мемуарах людей образованных нет сколько-нибудь значимых упоминаний об этих выставках. Грандиозный триумф «Последнего дня Помпеи» Карла Брюллова был едва ли ни единственным исключением, подтверждающим общее правило: образованная публика живо интересовалась литературными новинками и мгновенно на них реагировала, а отечественная школа живописи в течение десятилетий находилась на периферии русской культуры.

Итак, пенсионеры Академии художеств после возвращения в Россию сдавали свои картины в музей Академии. Картины попадали либо в основную экспозицию, либо в запасники музея. Разница была небольшая: и в том, и в другом случае им было суждено практически полное отсутствие интереса публики.

Внимание публики, ничем не поддерживаемое со стороны художников, стало ослабевать: к тому же, проснувшиеся новые потребности и вопросы, непосредственно касающиеся существенных сторон жизни, отвлекли совершенно общественное внимание от Академии, и она была легко забыта¹⁰.

Сам же художник влачил жалкое существование. Жалкое как в физическом, так и в нравственном смысле. Русская публика безучастно взирала на академическую живопись. Она не ощущала необходимости с умилением разглядывать

...ни сельских нимф, ни девственных мадонн,

Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,

Ни плясок, ни охот¹¹.

Академию художеств как консервативный социальный институт, живущий по своим собственным законам, это обстоятельство нисколько ни занимало. А отечественный живописец был отчужден

⁹ «Все они, за немногими исключениями, не были способны сознательно, во имя идеи, давать проявления молодой жизни (все это выросло уже впоследствии)». См.: Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 317.

¹⁰ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 284.

¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19-ти тт. Т. 3. Кн. 1. М., 1995. С. 378.

от читающей публики, которую уже живо интересовали проклятые русские вопросы «что делать» и «кто виноват», думал лишь о том, как снискать хлеб насущный, и зачастую просто погибал с голоду. Заказов было мало, а штатных мест еще меньше.

Наши лучшие художники действуют поодиночке, умирают рано или живо свихнут с пути задолго до смерти, потому что в нравственном и умственном мире у нас царствует хаос и отсутствие прочной и просвещенной критики¹².

В то же самое время действовала и иная тенденция. Начиная с петровского времени в русском обществе возникла и постепенно усилилась потребность в портретной живописи. Парадный портрет царствующего самодержца – обязательное украшение солидного присутственного места. Галерея предков – «портреты дедов на стенах»¹³ – неотъемлемая часть дворянской усадьбы. Казалось бы, это обстоятельство должно было обеспечить отечественного живописца постоянными заказами и создать условия для его безбедного существования. Однако состоятельные заказчики предпочитали обращаться к услугам иностранных мастеров, чей труд хорошо оплачивался, или использовали подневольный труд своих крепостных. Русский путешественник свое пребывание за границей нередко ознаменовывал заказом своего портрета модному живописцу. Рокотов, Левицкий, Боровиковский... Мы не можем себе представить историю русской культуры без этих художников и их блистательных портретов, но следует помнить, что труд первоклассных отечественных мастеров, в отличие от иностранных знаменитостей, оплачивался очень скудно. Рынок отечественной художественной продукции в XVIII – первой четверти XIX в. находился в зачаточном состоянии, господствовал диктат не только вкусов заказчика, но и предлагаемой им цены. Даже у состоятельной публики отсутствовала потребность украшать свои жилища историческими и жанровыми картинами русской школы, не говоря уже о желании их коллекционировать. В это время социальное положение русского живописца было таким же незавидным, как и положение его европейского собрата в эпоху Возрождения¹⁴. Прошли века, прежде чем социальный статус европейского художника достиг того уровня, который занимали в обществе прославленные литераторы.

¹² Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 285.

¹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1995. С. 557.

¹⁴ Художники до конца Возрождения так и не сравнялись с литераторами-гуманистами во многих важнейших социальных характеристиках. Еще покровитель гуманистов, библиоман и коллекционер папа Николай V оплачивал труд художников в тех же самых счетах, что и услуги конюхов и лакеев. См.: Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л.: Наука, 1982. С. 91.

Двор любого из просвещенных европейских монархов трудно представить без фигуры придворного живописца, гонорары которого были столь значительны, что их обладатель мог позволить себе множество дорогостоящих прихотей и вел образ жизни большого барина. В исследованиях по истории русской культуры никто не обратил ни малейшего внимания на весьма выразительное обстоятельство. Екатерина Великая даровала первый устав Академии художеств, «поражающий всякого внимательного читателя величиим плана и замечательной логикой»¹⁵, и положила начало Эрмитажу. Однако даже при изумлявшем современников своей роскошью дворе императрицы не было ни одного штатного придворного художника из числа отечественных живописцев. И при ее преемниках ситуация не изменилась. Писать с натуры оригинальные портреты царственных особ приглашали модных иностранцев из-за границы, а русским художникам позволяли лишь их копировать. Француз Форсиа де Пиль, посетивший Россию в 1792 г., отмечал:

Русские по какой-то губительной для их страны несправедливости, хотя и превозносят своих соотечественников и чернят иностранцев, тем не менее все-таки отдают предпочтение работе последних и оплачивают ее ценой золота, поддерживая тем самым, естественно, уныние и апатию в художниках русских¹⁶.

Осенью 1820 г. редактор-издатель журнала «Отечественные записки» Павел Петрович Свиньин, недовольный тем, что создание Военной галереи Зимнего дворца было поручено английскому портретисту Джорджу Доу, с нескрываемой горечью писал:

Главной препоной нашим артистам служит... остаток жалкого предубеждения нашего в пользу иностранцев, предубеждения столь сильного, что оно затмевает самое знание живописи. Достаточно быть иностранцем и приехать из Парижа, Вены, Берлина, чтобы обирать по произволу деньги... Он не имеет нужды в таланте, превосходящем таланты отечественных художников... Надобно, однако отдать справедливость, что иностранные артисты решительно берут вверх над русскими в особенной способности хорошо выставлять свой талант¹⁷.

В это время артистами называли не только актеров и музыкантов, но и живописцев. Артист – это тот, кто занимается изящными искусствами, художествами.

¹⁵ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 282.

¹⁶ Цит. по: Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский. С. 17 (прим. 11).

¹⁷ Цит. по: Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. 3-е изд.; доп. Л.: Искусство, 1981. С. 17. Дж. Доу написал 332 портрета военачальников русской армии, за каждый из которых ему было уплачено казной по 1000 рублей ассигнациями.

Прошло несколько десятилетий. И каких десятилетий! Восстание декабристов, тридцатилетнее царствование Николая I, несколько победоносных войн и поражение в Крымской войне... В стране готовилась отмена крепостного права, в лексиконе появились новые слова: *оттепель*, *перестройка*, *гласность*. А внутри Академии художеств, казалось, ничего не менялось. Размеренная жизнь по-прежнему шла своим, давно заведенным порядком. Но посетители ежегодных академических выставок уже изменились – и реакция публики стала иной.

В 1860 г. на очередной академической выставке была впервые показана огромная историческая картина К. Брюллова «Осада Пскова». Монументальное полотно не имело никакого успеха. Когда спустя четыре года художник К.А. Трутовский решил проиллюстрировать басню Крылова «Водопад и ручей», он изобразил именно эту академическую выставку: у величественной картины Брюллова нет никого, а перед небольшим жанровым полотном П.А. Федотова «Сватовство майора» – не протолкнуться. Это был не просто выбор публики, но выбор публики, заплатившей деньги. Зрители не желали созерцать, «внимая важному суждению знатоков», и их не интересовала соподчиненность исторической и жанровой живописи. С точки зрения академических канонов жанровая живопись была чем-то третьестепенным, не имеющим никакого отношения к высокому искусству. Русскую публику еще мало занимала судьба отечественного искусства, но ее уже нельзя было назвать равнодушной – она голосовала рублем.

Совет Академии не мог не считаться со вкусами публики – и одна уступка следовала за другой. Академическая живопись на мифологические и библейские сюжеты – в течение почти ста лет ободряемая, поощряемая и награждаемая – была ощутимо потеснена «третьестепенным» жанром. Медали разного достоинства стали присуждаться за «лапти да сермяги»¹⁸. В 1858 г. Якоби получил вторую (малую) серебряную медаль за картину «Разносчик», а в следующем году был награжден первой (большой) серебряной медалью за полотно «Татарин, продавец халатов». В 1860 г. уже малые золотые медали были даны Перову за «Первый чин», а Якоби за «Светлый праздник нищего». В 1861 г. аналогичную награду получили «Отдых на сенокосе» Морозова, «Пьяный отец семейства» Корзухина и «Поздравление молодых в доме помещика» Мясоедова. В этот же год заветная большая золотая медаль была присуждена сразу трем художникам, причем ее удостоились «Последняя

¹⁸ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 318.

весна» Клодта, «Привал арестантов» Якоби и «Проповедь в сельской церкви» Перова. В один год за жанровые картины из русской жизни сразу три человека получили право на шестилетнюю пенсионерскую поездку в Италию. Это был доселе небывалый случай, но ведь и год был необыкновенный – год отмены крепостного права¹⁹.

Был разрушен вековой уклад русской жизни. Идея прогресса, технического и социального, овладевала умами и год от года множила число своих сторонников. Могло показаться, что и Академия художеств не осталась в стороне от этих веяний: еще немного и «лапти да сермяги» вытеснят богов и героев. Наиболее талантливые воспитанники Академии просят разрешить им покинуть класс исторической живописи и решают посвятить себя жанру. Совет Академии дозволяет. Для Совета это была всего лишь разовая уступка вкусам публики: ни менять саму академическую систему, ни пересматривать устоявшуюся иерархию никто не собирался. Более того, Совет Академии решает, что всем послаблениям пора положить предел, и переходит в контрнаступление, желая вернуть утраченные позиции. Вводится новое правило, по которому выпускники только один раз имеют право конкурировать на получение большой золотой медали, и устанавливается ограничение на число присуждаемых медалей: отныне на всех соискателей выделяется только одна золотая медаль, а не несколько, как было раньше. Приближается столетний юбилей со дня дарования Екатериной академического устава, и все эти новации представляются вполне оправданными: необходимо повысить весомость большой золотой медали, сделать ее достойной предстоящего юбилея. Таким образом, впервые историческим и жанровым живописцам предстояло открыто конкурировать друг с другом. Это резко снижало шансы жанровых художников на получение награды: большинство членов Совета с плохо скрываемым неодобрением относились к картинам из народной жизни, мотивируя это борьбой за чистоту высокого стиля в искусстве.

Претендентов на получение вождеденной медали набралось довольно много – четырнадцать человек, и каждый из них был обладателем малой золотой медали. Конкурс в силу своей исключительной сложности предстоял серьезный. Это понимали не только конкурсанты, но и члены Совета. Все прекрасно сознавали, что при сложившихся условиях будет очень непросто определить победителя. Ситуация, как это водится в любой замкнутой группе, осложнялась не-

¹⁹ Поскольку жанровая живопись в стенах Академии считалась чем-то третьестепенным, то за большие золотые медали боролись в основном исторические живописцы, а жанровым живописцам медали давали крайне редко и неохотно.

простыми творческими и личными взаимоотношениями между профессорами. У всех преподавателей были свои подопечные. Предстоящий конкурс должен был стать не только конкурсом живописных полотен, но и конкурсом административных ресурсов, имевшихся в распоряжении того или иного члена Совета. Соискатели большой золотой медали были невольно вовлечены в водоворот интриг. Письмо одного из самых сильных претендентов колоритно передает академическую атмосферу козней и происков накануне конкурса:

...Бруни миновал меня 2 раза, обходя мастерские, а в последний раз говорил со мной так, что я в большом раздумье. И ни одного замечания! Кроме того, Тон против Бруни и Львова, а между тем хорош ко мне. Львов ненавидит Тона и льнет к Бруни (т.е., Бруни к нему), а между тем предложил мне учить на Бирже. Стало быть, хорош! Марков ничего с Львовым, хорош с Тоном и холоден к Бруни. Судите сами, в какую я попал, не думая не гадая, интригу. Потом у Бруни два протеже из программистов, у которых он часто бывает, да у Пименова один²⁰.

Это было время великих реформ, время перестройки и гласности, время надежд и иллюзий; и соискатели искренне хотели, чтобы медаль досталась *достойнейшему*. Они не желали пассивно ожидать подведения итогов конкурса, который должен был надолго определить судьбу каждого из них. Нет, они хотели принять участие в выработке условий его проведения и требовали от Совета гарантий, что большую золотую медаль и шестилетнюю заграничную поездку получит самый талантливый из соискателей. Конкурсанты алкали не *истины*, а *правды*. Они жарко спорили между собой и жаждали быть уверенными в том, что организация, ход и подведение итогов творческого конкурса – всё это будет соответствовать самым строгим морально-этическим нормам. Плотну победителя подобало отвечать взыскательным эстетическим критериям, а его выбор должен был быть оправдан сознанием справедливости.

Мы слишком насмотрелись на конкурсы, при которых бездарность проходит гораздо легче и скорее; мы слишком хорошо знали примеры, как самый талантливый проваливается на этом ристалище²¹.

Действительно, у «ристалища» были строгие правила. Конкурсантов на 24 часа запирали в изолированном помещении. В течение этого времени они должны были сочинить, исполнить и представить эскиз будущей картины на заданный сюжет. Эскиз официально утверждался, после чего конкурсант уже не имел права отступить от

²⁰ Крамской – М.Б. Тулинову. Петербург. 21 августа 1863 г. // Крамской И.Н. Письма, статьи: В 2-х тт. Т. 1. М.: Искусство, 1965. С. 8–9.

²¹ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 320.

него. Совет Академии состоял отнюдь не из чиновных бездарностей, а из первоклассных мастеров, каждый из которых немало сделал достойного на своем веку и искренне был озабочен судьбой русского искусства. Этим мастерам не нужно было объяснять, что законы творчества нельзя регламентировать параграфами уставов. Члены Совета прекрасно понимали, что правила проведения «ристаллица» устарели и нуждаются в изменениях. Именно Совет и сделал первый шаг по их изменению. 22 сентября 1862 г. было внесено существенное дополнение в правила для конкурсов на первую золотую медаль. Исторические живописцы не получили право свободного выбора сюжетов, которым издавна обладали живописцы жанровые, а был сделан лишь первый робкий шаг в этом направлении. Обязательный сюжет не был отменен, однако отныне соискателям предстояло вместо эскиза на архаичную мифологическую или библейскую тему изображать какое-либо чувство. В официальном документе была сделана довольно-таки неуклюжая попытка перечислить «выражения какого-либо чувства или общего действия, — как, например: война, грусть, тоска по отчизне, радость и проч.». Каждому участнику конкурса было предоставлено право «выразить заданную таким образом тему в том роде живописи, к которому он более чувствует влечение»²².

Фактически это был шаг по пути, приводящему к слиянию исторической и жанровой живописи. Новое правило не могло быть трактовано однозначно и допускало различные, диаметрально противоположные толкования. С одной стороны, оставался обязательный для всех исторических живописцев единый сюжет. С другой стороны, художники получили свободу интерпретации заданного сюжета в рамках модных в это время обличительных тенденций. Историческая личность могла быть изображена в сфере частной жизни, а герой мог быть представлен антигероем, заурядным человеком на незаурядном месте: «общая тенденция появления нового действующего лица, отнюдь не бывшего “героем добродетели”, — симптоматична для эпохи»²³. Не вполне ясно, делали ли члены Совета сознательную уступку модной стилистической тенденции или нет, но сделанный ими шаг не был должным образом оценен конкурсантами. Они настаивали на новых послаблениях, желая добиться свободы выбора сюжетов, и действовали не в одиночку, а сообща.

²² Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 1. С. 481 (прим. 1).

²³ Верецагина А.Г. Историческая картина в русском искусстве. Шестидесятые годы XIX века. М.: Искусство, 1990. С. 86.

8 октября 1863 г. в Совет Императорской Академии художеств было подано коллективное прошение четырнадцати конкурентов на золотую медаль.

Так как к предстоящему столетию Академии Совет заботится о богатстве будущей выставки, то, чтобы сделать ее еще более разнообразной и достойной юбилейного торжества, мы со своей стороны решились заявить наше задушевное желание об дозволении нам делать свободный выбор своих сюжетов тем из нас, кто, помимо заданной темы, пожелает этого; так как самим Советом признаваемо было в нужных случаях дать свободу личным наклонностям художника. На этом основании мы просим Совет распространить правило это на всех в случае, если тема или сюжет не будет совпадать с направлением конкурирующего²⁴.

Члены Совета прекрасно помнили суровое царствование Николая I, когда любое коллективное волеизъявление учащихся однозначно рассматривалось как неповиновение власти и бунт. Вот почему, несмотря на почтительные выражения этого документа, Совет расценил его как неслыханную дерзость и, даже не посчитав нужным отказать, просто не ответил. При этом один из профессоров язвительно заметил: «Ну, что ж! Рассуждают! Нужно пригласить их сюда и дать им кресла!»²⁵ Слух об этой саркастической реплике дошел до конкурсантов. В ехидной интонации произнесенных слов была не только злая насмешка над неоперившимися птенцами и желание их уколоть, но и явное предостережение. Предостережение, адресованное не столько участникам будущего конкурса, сколько профессорам Академии. Пора, дескать, перестать потворствовать молодежи: если мы немедленно не прекратим либеральничать, то очень скоро будем вынуждены пригласить авторов прошения на заседание Совета и предоставить им право голоса. В итоге Совет принял постановление: «Восстановить прежние правила и задать всем один сюжет!»²⁶ Однако об этом участникам конкурса не было официально объявлено.

Постановление имело обратную силу. Отныне даже жанристы, ранее получившие свои малые золотые медали за картины по свободно избранным сюжетам, фактически утратили свободу выбора сюжетов на предстоящем конкурсе. Робкий шаг вперед был отменен — было сделано два шага назад. Конкурсанты не образумились. Они были людьми новой эпохи, убежденными в том, что *закон не может*

²⁴ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 1. С. 480–481 (прим. 1); Т. 2. С. 477 (прим. 35). Прошение подписали: А. Морозов, Ф. Журавлев, А. Корзухин, Н. Шустов, М. Песков, И. Крамской, Н. Петров, К. Маковский, А. Григорьев, П. Заболотский, А. Литовченко, Б. Вениг, К. Лемох, Н. Дмитриев.

²⁵ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 320.

²⁶ Там же.

иметь обратного действия. Они решили бороться за свои права и предприняли целую серию совместных действий, отличавшихся твердостью и непоколебимостью. Было подано новое прошение ректору Академии. Одновременно конкурсанты написали коллективное письмо вице-президенту Академии художеств князю Гагарину (президентом была великая княгиня Мария Николаевна, любимая дочь покойного императора Николая I и сестра царствовавшего государя Александра II).

Мы, в настоящем нашем положении невольно принужденные заглянуть поглубже в самих себя отдельно и потом сравнив нас всех вместе, увидели всю громадную разницу наших художественных наклонностей. Для примера позвольте привести хотя две разности наклонностей: одни из нас люди спокойные, сочувствующие всему тихому, грустному, другие – люди живые и страстные, художественное творчество которых может достойно проявляться только в выражении сильных движений души человеческой; при теме грусть по родине способности людей такого характера еще могут высказаться в своей силе, зато вторые положительно пропадают при теме гнев, наоборот, первые пропадают, не будучи в силах представить то, к чему они не способны, а натуры живые и страстные выигрывают, попав на тему в ихнем роде. Поэтому одна какая бы то ни была тема, заданная всем безраздельно, вывозя людей, способности которых соответствуют теме, губит других, которые могли бы высказаться при свободном выборе сюжетов. Итак, экзамен теряет свой равно для всех оценочный характер и принимает характер лотерейный. Счастье тому, чьи художественные наклонности соответствуют заданной теме, – и несчастье остальных²⁷.

Не получив ответа ни от ректора, ни от вице-президента, конкурсанты не уgomонились и выбрали депутацию для личных объяснений с наиболее влиятельными членами Совета. Прошло уже два года после отмены крепостного права, наступила эпоха великих реформ – и никто из профессоров не решился уклониться от объяснений. Прежде всего отправились к ректору Академии по архитектуре Константину Андреевичу Тону, маститому архитектору, создателю русско-византийского стиля и автору проектов Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты Московского Кремля и Храма Христа Спасителя в Москве. Профессор Тон, имевший репутацию «звезды», был нездоров, но полубольной принял депутацию, лежа на огромной постели, и категорически отказал: «Если бы это случилось прежде, то вас бы всех в солдаты. Прощайте!» Профессор Басин,

²⁷ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 478 (прим. 43). Письмо подписали: А. Корзухин, Н. Шустов, М. Песков, К. Лемох, П. Заболотский, И. Крамской, Б. Вениг, Ф. Журавлев, А. Морозов, А. Григорьев, Н. Дмитриев, Н. Петров. Не стали его подписывать К. Маковский и А. Литовченко, чьи подписи были под первым коллективным прошением в Совет Академии художеств.

насмешливо предлагавший дать конкурсантам кресла в Совете, остался верен себе и решительно заявил: «Вы говорите глупости и ничего не понимаете, я и рассуждать с вами не хочу». Талантливый скульптор Пименов не счел для себя зазорным рассуждать с молодыми художниками и азартно произнес:

Нигде в Европе этого нет, во всех академиях конкурсы существуют, другого способа для экзаменов Европа не выработала. Да, наконец, и неудобно: как вы станете экзаменовать разнородные вещи. Нет, этого нельзя!» Депутатов это не убедило, и они отправились к ректору Академии художеств по живописи и ваянию Федору Антоновичу Бруни – самому важному и влиятельному члену Совета. Профессор Бруни было широко известен своими монументальными живописными полотнами («Медный змий» до сих пор самая большая картина в Русском музее) и грандиозными эскизами росписи Исаакиевского собора и Храма Христа Спасителя. Это была последняя попытка. Ректор депутатов принял, пригласил в кабинет и даже, неслыханное дело, пригласил есть! И потекла размеренная и неторопливая профессорская речь на тему о том, что «Академия призвана развивать искусство высшего порядка, что слишком много уже вторгается низменных элементов в искусство, что историческая живопись все больше и больше падает, что...»²⁸.

Ректор затронул исключительно болезненную проблему. Действительно, не только историческая, но и вся отечественная монументальная живопись переживала период жесточайшего кризиса, и этот затянувшийся кризис Академии художеств никак не удавалось преодолеть, несмотря на то, что никогда, ни раньше, ни позже, творческие способности монументалистов не были так сильно востребованы государством. Только в 1858 г. закончилось сооружение Исаакиевского собора в Петербурге, богато украшенного скульптурой, мозаикой, живописью, причем наиболее значительная часть росписей была выполнена Басиным и Бруни, а в скульптурной отделке принимал участие Пименов. В 1863 г. полным ходом шли работы над сооружением и внутренней отделкой Храма Христа Спасителя в Москве, автором проекта и главным архитектором которого был академик Тон, а эскизы части росписей вновь выполнили академики Басин и Бруни. Тот и другой были в годах и, естественно, не могли взбираться и лазить по строительным лесам. Басин исполнил в натуральную величину картоны важнейших фигур, но у него резко ухудшилось зрение, и было очевидно, что живописец уже не сможет сам расписать Храм. Напомню, что сооружение Храма началось в 1837 г., а завершилось только в 1883, и в 1863 г. работы по внешнему и внутреннему оформлению для художников и скульпторов было непочатый край. Корифеям нужны были талантливые помощники, вот почему члены Совета Акаде-

²⁸ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 321.

мии болезненно переживали равнодушие публики к главному делу всей их жизни и с нескрываемым раздражением наблюдали за тем, что самые способные академисты не желают заниматься монументальной живописью и, идя на поводу у сиюминутных вкусов публики, изменяют высокому искусству ради презренного жанра.

Академисты и их профессора жили в одно время, но существовали в разных регистрах. Конкурсанты хотели в своих будущих работах ответить на насущные вопросы, вставшие перед обществом. Их интересовало малое время истории. Профессора, абстрагируясь от животрепещущих проблем современности, мыслили иными временными категориями: они были озабочены проблемой создания «большого стиля» в монументальном искусстве и, хотя не были чужды творческих исканий, реализм считали делом преходящим. Они жили большим временем истории, ибо прекрасно понимали, что монументальное искусство создается десятилетиями и переживает свое время и своих творцов, а вот творцам, к сожалению, редко удается дожить до завершения своего замысла. Действительно, никто из них не дожил до окончательного завершения работ над Храмом: Пименов умер в 1864 г., Бруни – в 1875, Басин – в 1877, Тон – в 1881.

Коллизия была драматическая. И у конкурсантов, и у профессоров были свои резоны, в истинности которых они были убеждены, и была своя правда. С одной стороны, игнорирование художниками злободневных и назревших проблем современности отчуждало отечественное искусство от русского общества, превращая Академию художеств в досадный и весьма тягостный для общества анахронизм. Если художник не отвечает на волнующие зрителей вопросы, то зачем он им вообще нужен? Общество, например, сильно волновало, можно ли сечь розгами воспитанников средних учебных заведений и не будет ли это насилием над их личностью, нужны ли древние языки в реальной жизни или, может быть, вместо латыни и древнегреческого стоит изучать новые языки. Зрителей, прежде всего, интересовало, что изображено на полотне, а уже потом – как оно написано. Содержание картины превалировало над формой, поэтому любые творческие искания в области «большого стиля» и осознанное стремление Совета оградить высокое искусство от вторжения «низменных элементов» – все это не могло претендовать на зрительские симпатии. С другой стороны, распад связи времен между учителями и учениками лишал отечественную школу монументального искусства будущего, угрожал самому факту дальнейшего существования высокого искусства, адресованного не столько современникам, сколько потомкам. Ректор Императорской Академии художеств по архитектуре профессор Тон и ректор по живописи и

ваянию профессор Бруни прекрасно осознавали грядущую опасность подобной альтернативы. Им предстоял нелегкий выбор.

Конкурсанты свой выбор уже сделали. Они решили идти до крайнего предела и переступить через него. Это были молодые люди, запоем читавшие и глубоко почитавшие Чернышевского. Необходимо подчеркнуть очень важное обстоятельство места и времени. С марта по май 1863 года на страницах журнала «Современник» публиковался роман «Что делать?», в котором заключенный в Алексеевский равелин Петропавловской крепости властитель дум предсказывал неизбежную «смену декораций» и даже точно называл дату будущей революции – 1865 год.

Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, спавно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. <...> Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается – их не нужно... Попробуйте: – хорошо!²⁹

Романтическая тональность этой культовой книги своего времени была существенно скорректирована мыслью автора о том, что в будущем «новые люди» не раз и не два обречены «сойти со сцены»³⁰. Однако воспитанники Академии художеств не стали обращать внимание на кажущуюся несогласованность рассуждений писателя, и решили *попробовать*. Они сделали свой выбор в пользу будущего именно в духе знаменитого «Четвертого сна Веры Павловны»:

...будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, перенесите из него в настоящее, сколько сможете перенести: настолько будет света и добра, богата радостями и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего³¹.

Визит делегации конкурсанта к Федору Антоновичу Бруни закончился неудачей. Ректор не поддержал коллективную просьбу академистов и не сообщил им о решении Совета. Присущее молодежи обостренное чувство справедливости было демонстративно пограно. Последнее обстоятельство совершенно не было понято маститыми профессорами³². Через несколько дней после визита к ректору все обладатели малых золотых медалей получили официальные повест-

²⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 11. М., 1950. С. 228.

³⁰ Там же. С. 145.

³¹ Там же. С. 283–284.

³² «Одним словом, каждый, отдельно взятый, оказывался хорошим человеком, а сойдясь вместе, опять отказали и решили дать один сюжет историкам и сюжет жанристам, которые искони выбирали свои сюжеты». См.: Крамской – М.Б. Тулинову. С.-Петербург, 13 ноября 1863 г. // Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 1. С. 9.

ки: явиться к 10 часам утра 9 ноября 1863 г. в конференц-зал Академии на конкурс. Конкурсанты расценили это как унижение. Они не желали участвовать в конкурсе на заданную Советом тему и после продолжавшихся почти всю ночь прений приняли совместное решение отказаться от участия в нем, что для каждого из академистов было равносильно окончательному разрыву с Академией. Обладатели малых золотых медалей понимали, что подача *третьего* коллективного прошения, на сей раз – о выходе из Академии художеств, будет иметь для всех подписавших «весьма и весьма непредвиденные последствия». И тогда было решено заранее написать и в день конкурса подать индивидуальные прошения примерно одинакового содержания: «что по домашним, или там иным причинам, я, такой-то, не могу продолжать курс в Академии и прошу Совет выдать мне диплом, соответствующий тем медалям, которыми я награжден (подпись)»³³. Изменилась всего лишь форма, но не суть – это было решение о совместном выходе из Академии в знак протеста против академических постановлений и решения Совета. Лишь Петр Заболотский, сын художника-портретиста и автора известного портрета Лермонтова в лейб-гусарском мундире, отказался подать прошение и пожелал принять участие в конкурсе. Зато протест живописцев поддержал скульптор Василий Крейтан, сознательно решивший разделить их участь.

Наступил роковой день – суббота 9 ноября 1863 г.. В 10 часов утра академисты были допущены в конференц-зал Академии художеств, где вице-президент торжественно объявил тему будущего конкурса – «Пир в Валгалле». Это был сюжет из скандинавской мифологии, «где герои-рыцари вечно сражаются, где председательствует бог Один, у него на плечах сидят два ворона, а у ног – два волка, и, наконец, там, где-то в небесах, между колоннами месяц, гонимый чудовищем в виде волка, и много другой галиматши»³⁴. Да, несомненной галиматши с точки зрения российских реальностей 1863 г. Вся страна была приведена в брожение недавней отменой крепостного права. Было положено начало реформам, которые буквально на глазах меняли весь жизненный уклад русского общества. Еще свежо было в памяти поражение в недавней Крымской войне, а с конца января Царство Польское, Литва и частично Белоруссия и Правобережная Украина были охвачены восстанием, которое с февраля по август переживало период наивысшего подъема. Положение было настолько серьезным, что вся императорская гвардия,

³³ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 322.

³⁴ Крамской – М.Б. Тулинову. С.-Петербург, 13 ноября 1863 г. // Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 1. С. 9–10.

за исключением только Кирасирской дивизии, была отправлена в поход. Еще летом Российской империи угрожала весьма вероятная война с коалицией европейских держав, и только в конце сентября ситуация изменилась в лучшую сторону. Это было время ожесточенных политических споров, нередко заканчивавшихся разрывом личных отношений. Ответ на вопрос, поставленный Чернышевским, искали не только «новые люди», но и власть.

Однако профессора Императорской Академии художеств жили и творили в ином культурном контексте. Для них тема «Пир в Валгалле» была отнюдь не галиматьей. Во-первых, их интерес к германоскандинавской мифологии вырос не на пустом месте и находился в русле достаточно мощной европейской стилиевой тенденции того времени, начало которой положила драматическая трилогия «Герой севера» (1808–1810), созданная популярным немецким романтическим писателем Фридрихом де ля Мотт Фуке. Но именно на 1860-е гг. пришелся наиболее заметный и плодотворный для европейской культуры всплеск интереса к скандинавским сагам. В 1861 г. немецкий драматург К.Ф. Хеббель завершил драматическую трилогию «Нибелунги», а великий немецкий композитор Рихард Вагнер в 1854–1874 гг. работал над оперной тетралогией «Кольцо Нибелунгов», в основу которой был положен скандинавский эпос. Несколько романтических драм на сюжеты скандинавских саг написал знаменитый норвежский драматург Генрих Ибсен, наиболее известна среди них трагедия «Воины Хельгеланда»³⁵. Вот почему утвержденная Советом тема предстоящего конкурса, приуроченного к 100-летию Академии художеств, имела резон и прекрасно вписывалась в европейский культурный ландшафт. Во-вторых, существовала устойчивая академическая традиция, согласно которой важнейшие исторические и общественные события осмысливались при помощи мифологических образов. И никому не казалось странным, что на известных памятниках Минин и Пожарский изображены в античных одеждах, генералиссимус Суворов представлен богом войны Марсом, а историк Карамзин – римским сенатором. Валгалла (Вальхалла) – это расположенный на небе воинский рай для избранных, где бесконечно пируют павшие в бою храбрые воины: они пьют медовое козье молоко и едят мясо вепря, еда и питье никогда не иссякают, а само пиршество освещается отнюдь не огнем, но блеском мечей³⁶. Для России, которая вела беско-

³⁵ Гуревич А.Я. Нибелунги // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х тт. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 215.

³⁶ Мелетинский Е.М. Вальхалла // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х тт. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 212.

нечные войны и несла многочисленные людские потери, избранная Советом тема была в высшей степени актуальна. Вице-президент князь Гагарин полагал, что она «велика и богата» и «позволяет человеку с талантом выказать себя в ней»³⁷. Сформулирована эта тема была в тот самый момент, когда восстание в Польше еще не было подавлено, а бесконечная война на Кавказе все еще продолжалась.

Но демократическая молодежь мыслила уже иными образами. Молодым художникам не было никакого дела до героев чужих мифов. Конкурсанты отказались писать на предложенный им сюжет. Но этим дело не ограничилось. Совет Академии в полном составе был вынужден выслушать мнение академистов, хотя и не предложил им занять удобные кресла. Иван Крамской отделился от группы своих товарищей и, обращаясь к Совету, произнес:

Мы два раза подавали прошение, но Совет не нашел возможным исполнить нашу просьбу; то мы не считая себя вправе больше настаивать и, не смея думать об изменении академических постановлений, просим покорнейше освободить нас от участия в конкурсе и выдать нам дипломы на звание художников³⁸.

Это решение означало безусловный разрыв с Академией художеств, но полученные ранее малые золотые медали сохраняли за их обладателями право на получение звания классного художника. Порвав с Академией, они не собирались порывать с живописью. Для них разрыв с Академией означал утрату академических привилегий, а Академия теряла лучших своих воспитанников. Это было сильнейшее кровопускание, от которого она не скоро смогла оправиться.

И конкурсанты, и члены Совета сделали свой выбор, обусловленный их мыслями о будущем. Этот выбор стал поворотной точкой, на годы предопределившей судьбу русского искусства. И академики, и академисты думали о будущем и работали для него, но это будущее они представляли по-разному. И у тех, и у других были свои резоны, свое представление о справедливости и своя правда. И в этом была чисто российская безысходность конфликта. Между учителями и учениками пролегла пропасть. Разрыв связи поколений и утрата преемственности стали свершившимся фактом³⁹.

³⁷ Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 2. С. 323. Прошло сто лет, и работы А.Я. Гуревича блестяще доказали справедливость утверждения его сиятельства.

³⁸ Крамской – М.Б. Тулинову. С.-Петербург, 13 ноября 1863 г. // Крамской И.Н. Письма, статьи. Т. 1. С. 10.

³⁹ Так обстояло дело в России. В том же 1863 г. во Франции Эдуард Мане, переосмыслив образы и сюжеты старых мастеров в духе современной парижской жизни, написал свой скандально знаменитый «Завтрак на траве» и не менее скандальную «Олимпию». А в мае того же года в Париже открылся

Итак, конкурс не состоялся. Столетний юбилей со дня утверждения первого устава Императорской Академии художеств не мог быть ознаменован присуждением большой золотой медали будущей надежде русского искусства. В этом увидели дурное предзнаменование и, может быть, именно по этой причине предпочли отказаться от официальных торжеств, ограничившись всего лишь выпуском настольной памятной медали, выбитой по модели профессора И.И. Реймерса⁴⁰. Это было слабое утешение.

День 9 ноября 1863 г. стал вехой в истории русского искусства. Иван Николаевич Крамской считал этот день единственно честно прожитым днем всей своей жизни. «И так как мы крепко держались за руки до сих пор, то, чтобы нам не пропасть, решились держаться и дальше...»⁴¹. Вышедшие из Академии живописцы обрели свободу от административной опеки и организовали Санкт-Петербургскую Артель художников, ставшую первой в истории русского изобразительного искусства самостоятельной творческой организацией. Это был сильнейший укол, нанесенный самолюбию членов академического сообщества. Возникла и укоренилась мысль о том, что русский художник может жить и работать самостоятельно, не прибегая к помощи государства. С монополией Императорской Академии художеств было покончено.

Салон Отверженных художников, в том числе и импрессионистов, чьи работы, отклоненные официальным жюри, не были допущены в Салон – так называлась помпезная ежегодная выставка Французской Академии художеств. И здесь был налицо конфликт поколений, но его художественный уровень был совершенно иным.

⁴⁰ Крамской И.И. Письма, статьи. Т. 1. С. 482 (прим. 5).

⁴¹ Крамской – М.Б.Тулинову. С.-Петербург, 13 ноября 1863 г. // Крамской И.И. Письма, статьи. Т. 1. С. 10.

О.В. Бердова (Кострома)

ГОРОДСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМЫ)

Небольшой губернский город Кострома располагался в центральной части России, в 355-ти км от Москвы и в 742-х км от Петербурга. Население города (по переписи 1897 г.) составляло 33 012 человек, из которых: 1 875 дворян, 216 лиц духовного звания, 625 почетных граждан и купцов, 20 811 мещан, 7 560 крестьян, 1 480 военных лиц и 445 человек относились к иным социальным слоям¹. Город в своем составе насчитывал 49 улиц, 3 площади и 3 слободы. В 1887 г. была проведена ветка, которая связала Кострому с единой железнодорожной сетью России. Из Костромы пошли поезда до Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Вятки, Иваново-Вознесенска. В начале XX в. путь до Москвы по железной дороге занимал около 10-ти часов, до Петербурга – около 20-ти часов.

Городской житель начала XX в. имел различные источники для удовлетворения своих интеллектуальных потребностей: пользовался сетью частных и общественных библиотек, мог участвовать в деятельности местных научных сообществ, читать городскую прессу, выписывать столичные журналы. Из организаций, которые формировали городскую научно-информационную среду можно выделить: сеть научных обществ различной направленности, просветительские организации (такие как «Костромское общество образования» или ранее «Пушкинское общество»), Костромской отдел Императорского Православного братства (в основном он ведал организацией духовно-просветительных чтений), а также стоит отметить вклад в эту сферу городской жизни земской научно-просветительной работы. Немалую информативную нагрузку несли местные музеи, и даже репертуар городского кинематографа.

В источниках содержится множество фактов, свидетельствующих о популярности чтения среди костромичей конца XIX – начала XX в. Приходские священники отмечали, что в каждом доме простолюдина можно встретить девять-десять лубочных изданий, ко-

¹ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 31. С. 408–413.

торые охотно покупались крестьянами на ярмарках. Особенно велик был спрос среди крестьян на газеты во время русско-японской войны:

«За чтением газет и телеграмм с театра военных действий можно было видеть иногда таких старых людей, в которых никак бы нельзя было угадать умения читать. Читают уличные мальчуганы и даже девочки. Жажда чтения книг в народе проявлялась иногда в форме бессознательной, чуть не инстинктивной потребности. Что пишут в книгах, хотят знать не только грамотные, но и неграмотные»².

Сила печатного слова отмечалась прессой неоднократно. Имели своего читателя в губернии и книги, по мнению священников, «сомнительного» содержания. Костромской священник Н. Пермезский писал:

Мне довелось нынче видеть один экземпляр такой книги (Э. Ренан. «Жизнь Иисуса»), обращающейся в приходе, по её внешнему виду можно было сказать, что эта книга во многих руках побывала; несмотря на недавнее её издание, она представляет вид старой книги, бывшей долгое время в употреблении. На полях этой книги кое-где были поставлены читавшими вопросительные и восклицательные знаки, некоторые строки были подчеркнуты³.

В Костроме имелось несколько книжных магазинов, о смене ассортимента которых можно легко было узнать из рекламных объявлений в прессе. В 1909 г. в местных книжных лавках костромичи имели возможность купить издания А. Грибоедова «Горе от ума», М. Загоскина «Кузьма Рощин», «Слово о полку Игореве», стихотворения М.Ю. Лермонтова, произведения Н.В. Гоголя, пьесы В. Шекспира, избранные сочинения Ш. Бодлера, А. Франса, А. Гейне, Ф. Шиллера, Э. Верхарна, Г. Флобера, В. Гюго, М. Метерлинка, А. Рембо, а также «Историю искусств» К. Байе, биографический очерк о Рафаэле Е. Мюнца, записки и поэмы княгини Н.Б. Долгорукой, нотные записки произведений П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова и др.

Помимо магазинов и лавок, распространением книжных изданий, учебных пособий, канцелярских товаров занимался земский книжный склад «Костромич» и множество его уездных филиалов. Довольно бойко велась торговля книгами и на ярмарках⁴.

Ярмарка, проходившая регулярно два раза в год, являлась средоточием всей общественной жизни губернии, вся остальная город-

² Костромские епархиальные ведомости. 1904. № 13. Неоф.ч. С. 384.

³ Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 1. Неоф.ч. С. 20–21.

⁴ Еще в 1896 г. галичское уездное земство по докладу Н. Каратыгина постановило ходатайствовать перед губернским собранием об открытии книжного склада, поскольку к этому обязывала насущная потребность: «Тысячи грамотных имеют потребность в хорошем материале для чтения. Громадная часть населения вынуждена довольствоваться для саморазвития чтением лубочных произведений». См.: Костромской листок. 1899. № 131. С. 2. В 1906 г. продажа книг велась в двух балаганах и едва удовлетворяла спрос. См.: Поволяжский вестник. 1906. № 11. С. 4.

ская жизнь временно замирала в эти дни. Красные, желтые, синие, зеленые и прочие девицы, развалившись на каруселях, умильно сложивши руки на животиках, пощелкивали подсолнухи. Парни, как кавалеры вежливые, слегка поддерживали девиц за талию. Рядом можно было полюбоваться панорамой, где за 5 коп. предлагалось прогуляться по всему свету, причем с посещением Рима, где живет «тальянская папа». Словом – смотри и поучайся! Тут же мимоходом показывали как «Петр Иванович рыбку удит». Можно было отправиться осмотреть англо-американский музей, где взорам публики открывалась галерея восковых персонажей исторических деятелей, мифологических и сказочных персонажей, и даже, на злобу дня, демонстрировались бюсты Дрейфуса, Эстергази и Э. Золя. Как отмечали современники, исполнение фигур отличалось изяществом и положительно поражало зрителя красотой пластики и отделкой. Критику вызывал зал инквизиционных пыток, где демонстрировались образцы жертв.

Вот что об этом думал корреспондент: «Наша народная жизнь в общественной и семейной стороне отлилась далеко не в мягкую, гуманную форму, и сцены всякого насилия, жестокости ей очень привычны. Стоит ли их дополнительно демонстрировать, вызывая у чувствительных зрителей ненужную растрату эмоций и понижение настроения?»⁵

Здесь же имелся каталог экспозиции с подробным описанием фигур, с которым при желании можно было ознакомиться. Имелся в передвижном музее и анатомический отдел, куда публика пускалась отдельно женская и мужская. Цены этого зрелища были доступны самой широкой публике костромичей и гостей города.

Известно, что бичом всех русских народных городских гуляний было «пьянственное зло», относительно которого общество вело в начале XX в. активную профилактическую работу. По инициативе местного попечительства о народной трезвости в городе была предпринята попытка продажи книг в винных лавках, для этого были выработаны особые правила. Книги в винные лавки поступали через винные склады. Помимо этого при обществах трезвости имелись книжные склады с соответствующей литературой, которые состояли в ведении местного приходского священника. Организовывались «уличные библиотеки», приспособленные для витрин и состоявшие из односторонних «трезвенных листков». «Пьянственные листки с охотой читают в уличных витринах», – сообщал с торжеством местный епархиальный корреспондент⁶. Он утверждал, что деятельность трезвенных обществ заметно влияет на психику прихожан: некоторые делались более вежливыми в обращении, многие в дни народного веселья от соблазна

⁵ Там же. № 51. С. 3.

⁶ Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 9. Неоф.ч. С. 107.

уходили в ближайшие монастыри. Но стоит заметить, что такие случаи, пожалуй, были исключением.

Технические средства, медленно завоевывавшие пространство российской провинции, все же к началу XX в. уверенно занимали своё место в жизни костромичей. Еще в 1896 г. пресса с трепетом сообщила, что на городском бульваре местных обывателей потрясал эдисоновский фонограф, в программе которого насчитывалось около 60-ти разнообразных пьес и цыганских песен. В том же году с успехом демонстрировался биоскоп⁷. А уже в 1910-е гг. городской кинопроект представлял довольно доходное предприятие, и борьба за посетителей в Костроме развернулась жесткая. Она продолжалась вплоть до 1918 г. между владельцем постоянных дворов и лавок Саввой Бархатовым и подрядчиком Михаилом Трофимовым. Первым удалось реализовать проект М.С. Трофимову. К осени 1910 г. его «Современный театр» принимал первых зрителей⁸.

Репертуар нового заведения ориентировался «только на разумные и имеющие воспитательное значение картины». Пристойные мелодрамы чередовались с натурными лентами («Буря в Керчи», «Вниз по течению Амура», «Красота побережий Франции», «Новый Петергоф» и др.), а комедии с участием Макса Линдера (например, «Рыцарь без страха, но с упреком», «Макс на свидании» и др.) сменяли научные фильмы («В Античной Греции», «Изучение деятельности желудка при помощи ИКС-лучей», «Операция переливания крови»). Кроме того регулярно организовывались сеансы научно-просветительного содержания. Очевидно, что костромской кинематограф начала XX в. в образовательном смысле был нередко полезным предприятием.

Конкурирующая фирма С.К. Бархатова (без ложной скромности наименованная «Пале-театр») также была весьма оперативным предприятием. В новом учреждении ключевой стала текущая хроника. Когда умер Л. Толстой, газеты ежедневно публиковали информацию о событиях последних дней жизни великого писателя. Кинематограф быстро отреагировал на стремление публики соучаствовать в значительном событии. Уже через два дня после похорон в Костроме демонстрируются кадры кинохроники траурной процессии.

Костромской зритель начала XX в. был довольно требователен и нередко резок в оценках. Демонстрация продукции низкого качества или сомнительного содержания никогда не проходила бесследно.

⁷ Костромские губернские ведомости. 1896. № 3. С. 3.

⁸ Здание кинотеатра было спроектировано местным архитектором Н.И. Горлицыным в стиле модерн в соответствии с названием заведения. Постройка была сооружена из дерева, оштукатурена и выглядела солидно.

Обилие информации о текущей жизни в мире, стране, городе и губернии регулярно предоставляла своему читателю местная пресса. Городская система периодической печати в своем развитии пережила несколько этапов, и в самые лучшие ее годы в городе одновременно издавались три-четыре газеты (официального и неофициального характера). Периодические издания играли значительную просветительскую роль в жизни жителей губернии конца XIX – начала XX в. Газеты регулярно сообщали интересные новости из мира науки, о новых изобретениях и полезных открытиях, публиковали на своих страницах научные статьи и доклады членов местных научных обществ, извещали о новых поступлениях в книжные магазины, рекламировали новые периодические издания. Разнообразные газетные материалы удовлетворяли запросы самых разных категорий костромских читателей. Традиционными в прессе были заметки по истории отдельных костромских городов, селений и другие исторические сведения о крае. Информировав читателей о предстоявших юбилейных торжествах, пресса не забывала напоминать о вкладе юбиляра в отечественную культуру и сообщала о наиболее важных событиях его биографии, будь то Д.С. Бортнянский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и др. Выход в свет новых изданий собраний сочинений сопровождался в печати подробными описаниями внешнего вида книг, а также краткими сведениями об авторе, указанием мест, где эту книгу можно будет приобрести. Именно пресса играла заметную связующую роль между интеллектуальной элитой города (которая была объединена в разного рода научные общества) и городским обывателем.

Из всех городских научных обществ существенное место в интеллектуальной жизни Костромы конца XIX – начала XX в. занимала Костромская губернская учёная архивная комиссия (далее просто Комиссия), созданная в 1885 г. по типу других российских архивных комиссий конца XIX в. Известно, что инициатором создания этих научных обществ был отечественный историк Н.В. Калачев, брат которого в период организации Комиссии был костромским губернатором и также активно интересовался деятельностью нового учреждения.

Главной задачей Комиссии стало приведение «в известность и сохранность документов, которые находятся, но без того подлежат уничтожению в разных здешних архивах», что в значительной степени могло бы послужить «уяснению исторического прошлого Костромского края»⁹. Общество было довольно многочисленным и в 1905 г. объединяло в своих рядах 304 человека¹⁰. Основную часть его членов со-

⁹ Сизинцева Л.И. Жизнь и судьба Костромского музея // Памятники Отечества. 1991. № 1. С. 30.

¹⁰ Костромские губернские ведомости. 1905. № 72. Неоф.ч. С. 3.

ставляла костромская интеллигенция, главным образом учителя. В 1899 г., например, в члены Комиссии были приняты и стали её активными работниками инспектор народных училищ Кинешемского уезда А.А. Веселовский, преподаватель Костромского реального училища А.Н. Рождественский, преподаватель Костромской классической гимназии И.А. Смирнов. Но помимо учительской интеллигенции состав организации пополнялся другими членами. В том же году был принят механик кашинской костромской фабрики П.М. Москвин, в действительные члены входил ветлужский исправник Д.А. Ильинский. Членом Комиссии стал и бытописатель, собиратель и хранитель местных древностей, историк-самоучка, крестьянин глухого Ветлужского края Д.П. Дементьев. Удивительно, что он одним из первых оценил церковноприходские летописи как исторический источник. Практически все (383!) рукописи, которые он находил или приобретал, Д.П. Дементьев посылал в коллекцию Комиссии¹¹. Непременным членом Комиссии со дня её основания был ветеринарный инспектор Костромской губернии Н.М. Бекаревич. Он принимал активное участие в раскопках местных курганов, в создании музея древностей. Доклады его вызывали оживленный интерес на областных археологических съездах и на заседаниях Комиссии; он был автором многих газетных публикаций по истории края. Участником работы местной архивной комиссии также был кустарный староста с. Ковернина Макарьевского уезда М.М. Зимин.

Но особое место среди организаторов Комиссии занимал представитель древней дворянской фамилии, историк, археолог, археограф, архивист, автор ряда книг и исследований по истории Костромского края, неутомимый собиратель местных древностей, действительный статский советник Николай Николаевич Селифонтов. Будучи бессменным председателем Комиссии до своей смерти в 1900 г., он стал главным инициатором создания археологического музея, собрал, подготовил к печати ряд источников¹². Особенно много Николай Николаевич сделал для местного архива: в бытность сенатором в Петербурге сумел сохранить от уничтожения почти 10 тыс. дел сенатского архива, содержащих множество сведений из истории Костромского края¹³. Он был собирателем и владельцем уникальной по составу библиотеки, ныне хранящейся в Костромском историко-архитектурном музее, автором библиографического списка под названием «Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концеп-

¹¹ Войтюк Т. Летопись странника // Губернский дом. 1994. № 2. С. 35.

¹² Костромские губернские ведомости. 1901. № 1. Неоф.ч. С. 3; Сизинцева Л.И. Жизнь и судьба Костромского музея // Краеведческие записки. Вып. V. Кострома, 1993. С. 5.

¹³ Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 337.

ции их содержания» (в то время это был единственный систематический указатель по имевшейся литературе о Костромском крае).

Традиция коллекционирования на костромской земле существовала издавна, и предметы местной истории поступали от дарителей в музей целыми собраниями. От вдовы генерал-лейтенанта Е.Н. Корниловой в 1896 г. в дар были приняты 910 рукописей юридического содержания, в том же году директором народных училищ Костромской губ. в музей Комиссии переданы 78 ценных рукописей. В 1901 г. от солигаличского уездного предводителя дворянства получен целый фамильный архив с жалованными грамотами Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Екатерины II; в том же году получено в дар от Г.А. Набатова 78 художественных гравюр с изображением пейзажей и 45 гравюр с портретами и др. Один из самых крупных даров поступил в Комиссию в 1902 г. от действительного статского советника Н.Ф. Грамматина: в музей была передана библиотека из его имения в Светочевой Горе Нерехтского уезда, в составе 1 633-х книг на разных языках изданием от 1796 до 1870-х гг. В 1904 г. от В.И. Шаховой поступило более трехсот документов и т. д.¹⁴ Конечно, перечисление всех вкладов не входит в задачи нашей работы, но сами сообщения о цифрах и наименованиях переданных предметов убедительно раскрывают степень участия костромичей в создании местного музея. Важно, что даритель осознавал цельность имевшихся фамильных коллекций, их ценность для истории.

Первоначально по ходатайству Н.Н. Селифонтова Комиссии были предоставлены для нужд музейной коллекции две комнаты в здании Дворянского собрания на парадной Павловской улице, но уже изначально эти помещения не смогли вместить поступления растущей коллекции. Указанную библиотеку Н.Ф. Грамматина по этой причине пришлось стараниями губернского предводителя дворянства Н.Ф. Нелидова расположить в канцелярии при депутатском собрании¹⁵. Но, несмотря на стесненные условия, решением общего собрания Комиссии было постановлено открыть музей для посещения публики. Открытие музея состоялось 17 января 1899 г. Вход в музей был бесплатный, и в первый день работы его посетило 157 чел., а 7 февраля того же года музей привлек 207¹⁶.

Создателем и первым хранителем музея стал И.В. Миловидов, выпускник Петербургского университета, преподаватель истории и географии в Костромском реальном училище. После смерти Милови-

¹⁴ Костромские губернские ведомости. 1896. № 73. Неоф.ч. С. 3; 1901. № 74. Неоф.ч. С. 4; 1902. № 23. Неоф.ч. С. 4; 1904. № 12. Неоф.ч. С. 4 и др.

¹⁵ Костромские губернские ведомости. 1902. № 23. Неоф.ч. С. 4.

¹⁶ Костромские губернские ведомости. 1899. № 8, 9. Неоф.ч. С. 4.

дова в 1898 г. заботы о музее принял на себя его ученик И.Д. Преображенский. Он часто ездил по брошенным «дворянским гнездам», забирался в самые глухие деревни и вывозил оттуда постепенно исчезающие предметы и деревенского быта, и былой дворянской усадебной культуры¹⁷.

В газетах постоянно говорилось о желании горожан обрести своё музейное здание; эта мысль все чаще звучала на заседаниях Комиссии. Еще по предложению Н.Н. Селифонтова был бесплатно выделен участок земли, и начался сбор средств на постройку. Деньги стали поступать довольно активно. Уже в 1899 г. очередному заседанию городской думы от Николая Николаевича была направлена благодарственная телеграмма за вклад 1 тыс. руб. на строительство здания для музея архивной комиссии¹⁸. Его закладка состоялась в дни IV Областного историко-археологического съезда (20–29 июня 1909 г.). Местная печать особо активно откликнулась на его открытие в юбилейном 1913 г., когда музею было дано имя Романовского. По проекту городского архитектора Н.И. Горлицына здание было построено в стиле XVII в. рядом с помещением Дворянского собрания¹⁹. Известно, что первым посетил экспозицию Николай II, экскурсию вел И.А. Рязановский, «знарок народного быта, выросший в глухих раскольничьих варнавинских лесах, эстет, с которым советовались В.К. Лукомский, Б.М. Кустодиев, А.М. Ремизов, М.М. Пришвин. Он был еще и страстным коллекционером, знатоком истории вещей, полиглотом, человеком европейской культуры, с мнением которого считались столичные антиквары»²⁰.

Музей состоял из нескольких отделов, которые наметились уже в 1905 г.: церковного, романовского, исторического и нумизматического. Дело было поставлено образцово: составлены описи, желающие могли в определенное для того время увидеть коллекции, специалисты – получить необходимые сведения. Музей систематически пополнялся предметами, найденными в ходе многочисленных археологических раскопок (только за 1896 г. было раскрыто 217 курганов, за период с 1891 по 1905 г. было открыто около 1 500 курганов и городищ). Предметы нередко экспонировались на заседаниях Комиссии, обсуждались и постепенно изучались²¹.

¹⁷ См.: *Войтюк Т.В.* Живая старина в Костромской губернии // *Костромская старина.* 1991. № 2. С. 2.

¹⁸ *Костромские губернские ведомости.* 1899. № 13. Неоф.ч. С. 4.

¹⁹ Это было первое и, по иронии судьбы, единственное здание, предназначенное для музея в Костроме.

²⁰ *Сизинцева Л.И.* Жизнь и судьба Костромского музея // *Краеведческие записки.* Вып. V. Кострома, 1993. С. 6.

²¹ *Костромские губернские ведомости.* 1896. № 90. Неоф.ч. С. 4; 1905. № 83. Неоф.ч. С. 4.

Местные исследователи старины нередко выступали с докладами на российских и областных историко-археологических съездах; о времени и месте их проведения оповещала местная пресса, публикуя программы съездов и приглашая всех желающих принять участие. В работе III Областного историко-археологического съезда приняло участие 7 членов Комиссии, трое из них (В.А. Андроников, Н.И. Алмазов и П.А. Илинский) сделали доклады и позднее предоставили их прессе²².

Для публикации исследований и распространения сведений об их научных результатах среди общественности издавался журнал «Костромская старина», выходявший по мере накопления материала (с 1890 по 1912 г. всего было издано 7 выпусков). Целенаправленный интерес Комиссия проявляла к выходящим из употребления бытовым предметам, как тогда называли, «живой старине», к обычаям, нравам населения разных территорий Костромского края. Местный корреспондент, замечая важность этого направления, писал: «Это может остановить прогрессивно усиливающуюся тенденцию обезличивания русского народа»²³. В 1899 г. с целью изучения этнографии и обычного права в губернии Комиссией была разработана специальная анкета из 27-ми вопросов, ответы на которые позволяли собрать ценные этнографические сведения. Анкета была напечатана в 1900 г. без малого в тысяче экземплярах и разослана во все уголки губернии учителям земских и церковноприходских школ²⁴. В итоге был получен богатейший фактический материал. Была организована работа по разбору, описанию и систематизации материала; результатом этого объемного труда стал ряд научных сообщений и публикаций (первым из них был доклад В.А. Андроникова, опубликованный отдельной брошюрой²⁵). Интерес к народному быту был поддержан и в губернии. Например, в 1901 г. от торгового дома братьев Н.А. и А.А. Каликиных из Галича в распоряжение Комиссии был передан полный народный костюм галичанки²⁶, в 1911 г. крестьянин Денисов доставил в музей древнюю каменную стрелку, найденную в с. Мисково²⁷. Экспонаты музея подвергались изучению, а материалы этих исследований периодически издавались.

На заседаниях Комиссии нередко присутствовали костромской губернатор, предводитель местного дворянства, ректор духовной се-

²² Поволжский вестник. 1906. № 88. С. 2.

²³ Костромские епархиальные ведомости. 1900. № 23. Неоф.ч. С. 730–732.

²⁴ См.: *Войтюк Т.В.* Живая старина в Костромской губернии // *Костромская старина*. 1993. № 5. С. 2.

²⁵ *Андроников В.А.* О материалах по этнографии Костромского края, собранных КГУАК. Живая старина в Костромской губернии. Кострома, 1902.

²⁶ Костромские губернские ведомости. 1901. № 74. Неоф.ч. С. 3.

²⁷ Поволжский вестник. 1911. № 1503. С. 3.

минарии. Но особой торжественностью отличались итоговые годовые заседания, многие из которых привлекали внимание общественности и со временем стали открытыми, в том числе доступными для учащихся. Вход на них был бесплатным. На этих собраниях читались доклады членов Комиссии, заслушивались сообщения её членов о поездках на историко-археологические съезды, отчёты о работе за весь год с подробным описанием и именами благотворителей, а также экспонировались новые находки и поступления в музей. Заседания проходили оживленно и оставляли у посетителей приятные впечатления.

Члены Комиссии имели связи с профессорами столичных университетов и институтов. Хроника местной жизни за 1899 г. отмечала, что с 19 по 21 июля проездом на II Областной историко-археологический съезд в Киев в Костроме остановились директор Императорского археологического института Н.В. Покровский и профессор А.П. Воронов, они три раза посетили архив и музей древностей и в сопровождении Н.Н. Селифонтова осмотрели достопримечательности Костромы²⁸.

Настоящим триумфом деятельности Комиссии стал IV Областной историко-археологический съезд, проведенный в Костроме в 1909 г. Сообщения об этом знаменательном событии заняли главное место в местной хронике газет с 20 по 29 июля. Заседания съезда проходили в здании Дворянского собрания, где была размещена расширенная коллекция музейных экспонатов Комиссии, которую смогли осмотреть все желающие. В честь знаменательного события был совершен торжественный крестный ход. Программа съезда была насыщенной, и его материалы широко публиковались в прессе²⁹.

В значительной степени поддержало и продолжило дело изучения прошлого Костромского края другое научное общество Костромы. 6 декабря 1899 г. был основан Костромской кружок любителей естествознания, члены которого ставили задачей не только следить за новинками в мире науки, но и изучать Костромскую губернию в естественно-историческом и географическом отношениях, содействовать распространению этих знаний в местном обществе. Число членов общества в 1900 г. составляло 47 чел. Общность интересов кружка и Комиссии была закреплена в Уставе Костромского историко-естественного музея, опубликованном в 1904 г. В его историко-археологический отдел входили исторические, этнографические экспонаты, бюсты уроженцев Костромской губернии, прославившихся в разных сферах деятельности, и лиц, принесших особую пользу губернии и т.д. В естественно-научный отдел попали карты, диаграм-

²⁸ Костромские губернские ведомости. 1899. № 57. Неоф.ч. С. 3.

²⁹ Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 13. Неоф.ч. С. 441.

мы, схемы, описывавшие губернию в определенном ракурсе. Музей принимал посетителей бесплатно, хранитель давал нужные разъяснения. Первоначально экспонаты музея входили в состав коллекции самого кружка, состоявшей главным образом из даров частных лиц и постепенно расширявшейся. В фонды этого музея вошли: дар Н.Г. Вознесенского – коллекция рыб и беспозвоночных животных, выписанная из Крыма, и дар В.Г. Вигилянского – образцы сухой перегонки дерева со своего завода. Управление государственным имуществом Костромской губернии предоставило 18 образцов деревьев в продольном и поперечном сечениях, получено 400 экземпляров минералов от Г.А. Грунау и т. д. Все предметы музея при кружке было занято две комнаты. Содержательной была и библиотека общества, состоявшая из выписываемых кружком журналов.

Темы докладов членов общества были довольно разнообразны. Так в 1900 г. членами кружка было организовано девять лекций по естествознанию: в классической гимназии, реальном и промышленном училищах, духовной семинарии. В 1899 г. в промышленном училище им. Ф.В. Чижова в Костроме был прочитан доклад «Об оттошении техники к науке и жизни»³⁰.

Местный корреспондент в 1913 г. не без удовольствия информировал читателей о том, что в башне, устроенной на крыше здания губернской земской управы, была установлена астрономическая труба, и любители астрономии приступили к наблюдению небесных тел. Со слов корреспондента, в городе находились представители интеллигенции, хорошо знакомые с астрономией, от которых костромичи нередко получали интересные объяснения³¹.

В 1912 г. на основе упомянутых научных обществ было создано Костромское научное общество с более широким спектром интересов. Тот же год в жизни города и губернии был ознаменован открытием Костромского церковно-исторического общества. Торжество по случаю открытия Общества состоялось в актовом зале Костромского епархиального женского училища в присутствии 200 лиц³². Общество поставило своей целью изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии в её прошлом и настоящем, охрану памятников местной церковной древности и истории. В круг задач Общества входило: а) приведение в известность и описание архивов церквей, монастырей, а также епархиальных обрядов; б) исследование и изучение общественных памятников церковной старины, а также памятников живой старины и местных народных обычаев,

³⁰ Костромской листок. 1899. № 131. С. 2–3.

³¹ Костромская жизнь. 1913. № 33. С. 2.

³² Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Неоф.ч. С. 312.

имеющих отношение к религиозной жизни; в) историческое исследование внешнего и внутреннего развития местной церковно-религиозной жизни, изучение возникновения раскола и сектантства; г) распространение в обществе, преимущественно среди духовенства, церковных историко-археологических сведений, устройство церковно-археологических выставок и публичных чтений церковно-исторического и церковно-археологического характера; д) печатание материалов и научных исследований по церковно-исторической и церковно-археологической истории Костромского края в местных епархиальных ведомостях и отдельными изданиями. Предусматривалась тесная связь Общества с другими историческими и археологическими учреждениями епархии, обмен с ними изданиями и пр.³³

Местные научные объединения вели активную работу по распространению знаний в городском сообществе. С этой целью они не только делали открытыми свои заседания и публиковали свои научные труды, но и активно участвовали в организации общедоступных народных просветительных чтений. Своеобразным центром просветительной деятельности в Костромской губернии конца XIX – начала XX в. была Костромская городская народная библиотека-читальня имени А.Н. Островского.

Публичные народные чтения в Костроме вели своё начало еще с 1883 г. Первые костромские чтения проходили в доме земства или в зале съезда мировых судей, где собравшимся было тесно, а лекторам неудобно. За неимением средств в городском бюджете губернатор А.Р. Шидловский отклонил просьбу ходатаев о строительстве специального здания для народных чтений в 1890 г., но дело спасли энтузиасты. Архитектор И.В. Брюханов безвозмездно предложил выполненный им проект будущего здания. 25 апреля 1895 г. по инициативе костромской интеллигенции в московском Малом театре был дан благотворительный спектакль с целью сбора средств на задуманную постройку в Костроме. Ставили, конечно же, А.Н. Островского: «Таланты и поклонники», «Лес», «Волки и овцы». Выручка от спектакля составила 1 597 руб. На эти деньги и пожертвования местных благотворителей (фабрикант А.А. Зотов пожертвовал 3 тыс. руб.) было начато строительство³⁴.

По просьбе костромича А.А. Потехина и при активной поддержке актрисы М.Г. Савиной, 26 ноября 1895 г. в Александринском Императорском театре также был устроен спектакль в пользу строительства читальни им. А.Н. Островского в Костроме, ставили «Волки и овцы». Наконец, к сентябрю 1896 г. строительство здания было завершено.

³³ Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 6. Офиц.ч. С. 77.

³⁴ Читальня с туманными картинками // Костромская старина. 1992. № 3. С. 31.

Оно состояло из изящно отделанной и довольно большой аудитории, окруженной с двух сторон широкими хорами, а с третьей стороны аудитория освещалась большими окнами, в глубине зала возвышалась эстрада с экраном для демонстрации световых картин. Со стороны входа к залу примыкали просторный вестибюль, комната для продажи книг и картин, кабинет для лиц, участвовавших в чтениях. Все окна зала были снабжены глухими шторами, в зале была замечательная акустика; по-видимому, спланирован он был весьма удачно.

22 сентября 1896 г. пресса на своих страницах подробно осветила торжественное открытие нового просветительного центра для народа. Первое чтение было посвящено жизненному пути и творчеству А.Н. Островского, вдова которого присутствовала тут же. Чтение велось преподавателем классической гимназии Н.И. Корибицыным, в перерывах играл оркестр военной музыки, демонстрировались портреты царственных особ, А.Н. Островского, фотография памятника на его могиле, сцены из спектаклей по его пьесам.

Научно-просветительные чтения в Костроме привлекали аудиторию около 400 чел., примерно 15 чел. из состоятельных слушателей за чтения в кассу читальни вносили плату в 20 коп. Содержание чтений было разнообразным. Например, 3 ноября 1896 г. А.Е. Грузинцевым было сообщено о черногорцах, их местожительстве, образе жизни; 10 ноября состоялась лекция И. Вознесенского о земной жизни преподобной Богородицы; 17 ноября И.В. Миловидовым для 425 чел. прочитана лекция о татарском погроме и о св. Александре Невском, были показаны виды древнего Киева.

Как правило, члены обществ четко придерживались своей тематики. Обществом трезвости читалось о вреде пьянства. Например, велись трезвенные чтения и собеседования на темы: «Земля и водка», «Мирское зло», «Дурацкие деньги», «Статистика смертей от последствий пьянки», «Школа и алкоголизм», «Трезвые всходы» и т. д. Члены Общества естествознания сообщали о новых открытиях в области естественных дисциплин и о пользе технических изобретений; члены Костромской губернской ученой архивной комиссии общедоступно информировали о своих исследованиях и т. д.

По приглашениям частных лиц в Костроме проводились чтения иногородних лекторов. В июне 1901 г. врачом Морского ведомства, командированным Главным управлением общества спасения на водах, была прочитана бесплатная лекция о способах спасения на водах и о подаче первой необходимой помощи «мнимо умершим»³⁵. В марте

³⁵ На этой лекции, по сведениям корреспондента, присутствовали, кроме чиновников полиции, команда спасательной станции и члены судовых команд.

1899 г. состоялась публичная лекция члена Петербургского общества охраны народного здоровья и Общества содействия воспитанию детей И.М. Радецкого «О причинах вырождения, неврастении, худосочии и о том, чего не достаёт нашим детям» с демонстрацией чертежей детских садов, снимков гимнастических арен и пр.³⁶ 25 марта 1901 г. профессор Ярославского Демидовского лицея М.П. Чубинский прочитал лекцию «Помощь бесприютным детям и борьба с детской преступностью»; собранные от лекции средства были отданы в пользу местного общества «Помощь детям»³⁷. В том же году попечитель Московского учебного округа В.С. Ключарев-Новосельский прочитал три разных варианта лекции по искусству выразительного чтения³⁸.

В перерывах играл оркестр, показывали световые картины. Чтения привлекали большое число детей, и организаторам пришлось задуматься над беседами специально для юных слушателей. Отдельные чтения рассказов для школьников проводились уже с начала 1900 г. В ноябре 1901 г. была создана специальная комиссия по выработке программы чтений для юной аудитории. На заседание комиссии, которое состоялось в самой читальне, приглашались все желающие и интересующиеся делом организации чтений: учителя и другие лица.

В 1896 г. местной комиссии народных чтений по отделу комитета грамотности на Всероссийской выставке сельского хозяйства была присуждена большая серебряная медаль за устройство аудитории народных чтений и бесплатной библиотеки-читальни им. А.Н. Островского и плодотворную деятельность по организации народных чтений в Костроме. 17 декабря 1898 г. Костромской городской думой было принято постановление о принятии читальни в своё ведение и об ассигновании на её содержание по 500 руб. в год; тогда же ей официально присвоили звание «народной» и заключили договор об аренде помещения. И уже тогда местный корреспондент призывал задуматься об успехе нового заведения и принять решение об организации второй народной библиотеки, которая, действительно, была вскоре открыта при Народном доме, расположенном в фабричном районе города; ей было дано имя А.С. Пушкина³⁹. Дополнительно общедоступные чтения велись в здании Дворянского собрания и в помещении Городской думы. Чтения нравственно-религиозного содержания от Палестинского общества читались в зале Костромской духовной семинарии. Иногда это был целый цикл чтений о Палестине.

было довольно много и «посторонней публики». См.: Костромские губернские ведомости. 1901. № 89. Неоф.ч. С. 3.

³⁶ Костромские губернские ведомости. 1899. № 23, 25, 27. Неоф.ч.

³⁷ Костромские губернские ведомости. 1901. № 29. Неоф.ч. С. 3.

³⁸ Костромские губернские ведомости. 1901. № 43. Неоф.ч. С. 3.

³⁹ Костромские губернские ведомости. 1901. № 23. Неоф.ч. С. 3.

В интеллектуальную элиту Костромы входили местные врачи, которые также внесли свой вклад в дело народного просвещения. Значительную роль в становлении здравоохранения в губернии сыграло Костромское общество врачей, которое было основано в 1879 г. В нем врачи посредством взаимного общения совершенствовали свой профессиональный уровень, способствовали народному санитарному просвещению. Учредителями Общества выступили костромской врачебный инспектор А.И. Резвяков, городской врач И.С. Иванов, старший уездный земский врач И.Н. Персианцев. Наиболее яркой личностью и председателем Общества был И.С. Иванов, более полувека проработавший в Костромской губернии (в 1860–74 гг. в уездах, с 1874 г. – в Костроме). В состав Общества вошли земские вольно практиковавшие и военные врачи, провизоры, ветеринарные врачи. Заседания Общества по своей форме представляли беседы коллег на профессиональные темы. Врачи делились своими наблюдениями и сомнениями, обсуждали приемы лечения, ухода за больными и профилактику заболеваний. Выступления отличались эрудицией и использованием практического опыта, полученного в клиниках Европы и России. Наиболее интересные случаи из медицинской практики публиковались на страницах отечественных и зарубежных научно-медицинских изданий, особенно когда в Костромской губ. работали такие крупные ученые, как хирурги П.И. Тихов и его преемник на посту старшего врача губернской земской больницы М.М. Крюков. Общество обменивалось со всеми медицинскими и естественнонаучными обществами протоколами и трудами, имело библиотеку медицинских изданий и газет, включавшую пять отделов: собрание медицинских журналов, издания врачебных обществ и учреждений России, издания университетов, академий и неврачебных обществ и заведений, издания городских и земских учреждений, 127 томов (в 1895 г.) докторских диссертаций, которые ежегодно присылались из Медицинской академии.

Костромское Общество врачей вело учёт движения населения и смертности по Костроме и губернии, проводило медико-статистические исследования, для чего была разработана форма единого бланка, распечатанная в Костроме и разосланная по губернии. Большинство заседаний этого Общества начинались с обзора медицинской статистики. В 1870–80 гг. постоянным предметом внимания членов Общества стала проблема борьбы с эпидемиями и профилактики заболеваний. В 1879 г. по просьбе городской думы Общество выработало специальную программу исследований санитарного состояния Костромы и ряда мероприятий, препятствовавших распространению инфекционных заболеваний. Городскому самоуправлению предлагалось разделить весь город на 13 санитарных участков, устроить для бедных горожан купальню, а уже имеющиеся освободить от налогов. Общест-

вом была создана специальная комиссия, которая составила инструкции санитарным попечителям на случай эпидемии. Члены Общества частично сами принимали участие в реализации программы.

Большая роль в борьбе с заразными заболеваниями отводилась просветительной деятельности. Врачи нередко принимали участие в мероприятиях земства по чтению лекций в народных училищах с целью ознакомления учеников и крестьян с элементарными понятиями по анатомии, физиологии и гигиене. Члены Общества неоднократно организовывали общедоступные чтения в читальне им. А.Н. Островского.

Так, например, 14 ноября 1899 г. Ф.А. Усольцевым была прочитана лекция о заразных болезнях⁴⁰. Обществом, кроме того, производились микроскопические анализы почвы и воды, по итогам которых их состояние чаще всего признавалось неудовлетворительным. Результаты анализов доводились до сведения городской администрации и всего населения. По инициативе Общества в 1900 г. при губернской земской управе было создано санитарное бюро, к которому перешли вопросы санитарии и профилактики. В октябре 1903 г. Обществом было принято решение о ночном дежурстве врачей, при этом для вызова горожанам давалось право бесплатного пользования телефоном. Помещение для скорой ночной помощи было предоставлено Фёдоровской общиной сестер милосердия. Это Общество чутко отзывалось на городские проблемы. Доктор И.С. Иванов еще в 1896 г. вынес на обсуждение членов Общества вопрос о необходимости устройства яслей, «особенно в фабричных районах, где дети часто оставались чуть ли не на произвол судьбы и гибли в большинстве от недостаточного и неправильного питания и недостаточного присмотра»⁴¹. Сеть таких учреждений в губернии была вскоре организована.

Поскольку основу экономического благосостояния большей части костромичей составляло сельское хозяйство, то этому вопросу в городе и губернии уделялось особое внимание. В начале XX в. в Костроме проводило свою работу отделение императорского Общества сельского хозяйства, а в уездах действовали его филиалы. Идеей использования современного научного потенциала для блага общества была пропитана и вся деятельность местного земства, которое предпринимало немало усилий по внедрению новых полезных знаний и распространению передового сельскохозяйственного

⁴⁰ Костромской листок. 1899. № 127. С. 1.

⁴¹ Цит по : *Соболева О.Ю.* Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914 гг.): (На материалах Костромской и Ярославской губерний): Дисс. к.и.н. Иваново, 1993. С. 67.

опыта. Земством систематически издавались сельскохозяйственные обзоры по Костромской губ. Например, обзор за 1895 г. был сделан по материалам 4 010 хозяйств с картограммами и диаграммами. Земством же выпускалось несколько сельскохозяйственных изданий, таких как «Ежегодник Костромского губернского земства», издававшийся с 1910 г. Журнал печатал материалы о новых способах, формах и приемах ведения различных отраслей сельского хозяйства, об образцовых костромских хозяйствах, о местных и российских выставках в этой области и др.

Ярким энтузиастом сельского хозяйства среди местных земских деятелей был Г.А. Кузьмин. «Костромские епархиальные ведомости» оповещали о выходе в свет (с 1902 г.) иллюстрированного журнала «Обозрение пчеловодства» под редакцией губернского пчеловода Г.А. Кузьмина (он издавался один раз в год и состоял из 2-х печатных листов каждый). Этому изданию предшествовали и сопутствовали «Известия Костромского общества пчеловодства». Они издавались по мере накопления материала и распространялись среди пчеловодов Костромской губернии бесплатно⁴².

Местной прессой неоднократно поднимался актуальный вопрос о состоянии российского и особенно костромского сельского хозяйства. Корреспондент в 1906 г. писал: «По нашему мнению, главной причиной упадка нашего сельского хозяйства или, точнее, земледелия следует поставить малое знакомство русского крестьянина с рациональной или разумной его постановкой, в неумении усилить производительность обрабатываемой почвы»⁴³. Для восполнения этого пробела в знаниях

⁴² Пчеловодов в губернии, по данным печати, было около 6 тыс. чел. Большая часть их вошла в Общество пчеловодства, также организованное и возглавляемое Г.А. Кузьминым. Об успешности этого дела в губернии сообщал в «Записке о желательности учреждения в Костроме пчеловодной комиссии» сам Г.А. Кузьмин. Помимо Костромского общества пчеловодства для большего удобства было учреждено несколько уездных пчеловодческих обществ. Для более активного расширения пчеловодческих хозяйств в губернии Г.А. Кузьмин нередко присылал в издательства различных местных газет статьи о пользе этой отрасли хозяйства. Одна такая статья носила название «О пользе пчеловодства и возможности ведения его глухонемыми» (см.: Костромские губернские ведомости. 1903. № 10. Неоф.ч. С. 3) и была предложена читателям. Но и этим губернский пчеловод не ограничился. Уже в 1901 г. посредством печати он оповестил местных пчеловодов о желании составить книгу, посвященную всестороннему рассмотрению пчеловодных предрассудков и предложил желающим прислать ему для рассмотрения интересные материалы. См.: Костромские губернские ведомости. 1901. № 22. Неоф.ч. С. 3.

⁴³ Поволжский вестник. 1906. № 7. С. 3.

местного крестьянства губернское земство предлагало систематическую организацию сельскохозяйственных курсов⁴⁴.

Земством были предприняты попытки создания специального губернского земского музея с целью содействия развитию в губернии образования и экономической производительности. Судьба этого музея не была столь благополучной, как у других земских начинаний, однако важность его была подчеркнута корреспондентом в «Историческом очерке губернского земского музея». Он вновь привлек внимание к вопросу о необходимости создания музея. Как указал автор, мысль об организации музея возникла еще в 1868 г. Тогда губернский гласный Н. Поливанов указывал в своём заявлении, что подобного рода полезные заведения уже имелись в ряде земств и преследовали похвальные цели. В 1869 г. губернская управа выразила сочувствие устройству музея. Тогда же стали поступать первые взносы и дары в адрес нового начинания, но дело затянулось. Вопрос вновь обсуждался в 1891 г. на губернском собрании. Разработку концепции музейной коллекции взял на себя Н.М. Бекаревич, который и стал заведующим музеем. Ежегодно из средств земства на содержание данного музея выделялось по 100 руб. Но после 1892 г. деятельность музея, так и не обретшего своего помещения, замирает⁴⁵.

Детищем земства в Костроме был кустарный музей, который неоднократно посещали учащиеся костромских учебных заведений. Выставки изделий местных кустарей, практиковались в с. Красном. Венцом усилий земства в нач. XX века в Костромской губ. стала Юбилейная губернская земская выставка в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых, показавшая достижения в хозяйстве губернии во всех отношениях.

В 1901 г. в Костромской губ. был учрежден отдел императорского Российского общества садоводства, имевшего свою специальную библиотеку⁴⁶. Не оставлено без внимания было и ветеринарное

⁴⁴ Например, слушателями курсов по агрономии, проходивших в здании Народного дома в Костроме с 11 по 23 марта в 1913 г., могли быть все желающие и интересующиеся сельским хозяйством. Известно, что лекции сопровождались демонстрацией световых картин. Прослушавшим полный курс были бесплатно выданы комплекты сельскохозяйственной библиотеки. См.: Костромские губернские ведомости. 1913. № 11. Неоф.ч. С. 6.

⁴⁵ С возмущением писал корреспондент в 1899 г., что музейные коллекции находятся без присмотра и покрыты толстым слоем пыли. «Можно надеяться, что музей займет отдельное помещение и принесет обществу известную пользу», – с надеждой заключает автор статьи. См.: Костромской листок. 1899. № 124. С. 2.

⁴⁶ Костромские губернские ведомости. 1901. № 74. Неоф.ч. С. 3; Поволжский вестник. 1911. № 1500. С. 1.

просвещение. Газеты печатали информацию о многочисленных съездах губернских ветеринарных врачей; планировалось в 1899 г. создать в Костроме Северное общество ветеринарных врачей⁴⁷.

Привычное мнение о «темноте» российского провинциального города отступает под давлением множества фактов. Например, известно, что в провинции женское образование в начале XX в. находилось еще в весьма затруднительном положении, но, между тем, интеллектуальный уровень костромских учениц (даже по современным меркам) иной раз приводит в изумление. Ученицы Костромского епархиального женского училища (а это среднее учебное заведение было рассчитано в основном на дочерей священнослужителей) хорошо справлялись, например, с такими темами письменных сочинений: «Как переехать из Одессы в Австралию?» (в I классе)⁴⁸, «Переезд через Сахару» или «Бой быков в Испании (Из характеристики общественной жизни в Испании)» (в III кл.), «Дума крестьянина при наступлении весны» (в IV кл.), «Характеристика ахейских героев из «Илиады»» (в V кл.), «Следы древнерусского языческого культа в современных народных верованиях» (в VI кл.) и, наконец, в VII кл. задавалась тема: «Постепенное развитие юмора в произведениях Н.В. Гоголя». Сочинения оставили благоприятное впечатление у зрителей своей систематичностью и литературностью⁴⁹. Епархиалки ездили на экскурсии в ювелирные мастерские, присутствовали на открытых заседаниях губернской ученой архивной комиссии и церковно-исторического общества, посещали выставки, лекции (например, по психологии детского творчества)⁵⁰. Систематически членами местных научных обществ в училище читались дополнительные лекции, например, о биографии Фултона, по прядению льна и хлопка⁵¹. При училище имелась библиотека (в учительском отделе 179 томов, в ученическом – 522), располагавшая периодическими изданиями: «Церковный вестник», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Вестник воспитания», «Русские ведомости» и др.⁵². Несмотря на это, в костромской прессе⁵³ звучала критика в адрес попе-

⁴⁷ Костромской листок. 1899. № 125. С. 2.

⁴⁸ Согласно Уставу 1868 г., прием в училище устанавливался с девяти лет. К этому возрасту от поступающих требовалось владеть знаниями в объеме полного курса одноклассных церковноприходских школ.

⁴⁹ Костромские епархиальные ведомости. 1907. № 1. Офиц.ч. С. 24–25.

⁵⁰ Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 2. Офиц.ч. С. 41–46, 56.

⁵¹ Костромские епархиальные ведомости. 1907. № 1. Офиц.ч. С. 25.

⁵² Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 6. Приложение к Офиц.ч. С. 7.

⁵³ Костромские епархиальные ведомости. 1907. № 1. Офиц.ч. С. 24.

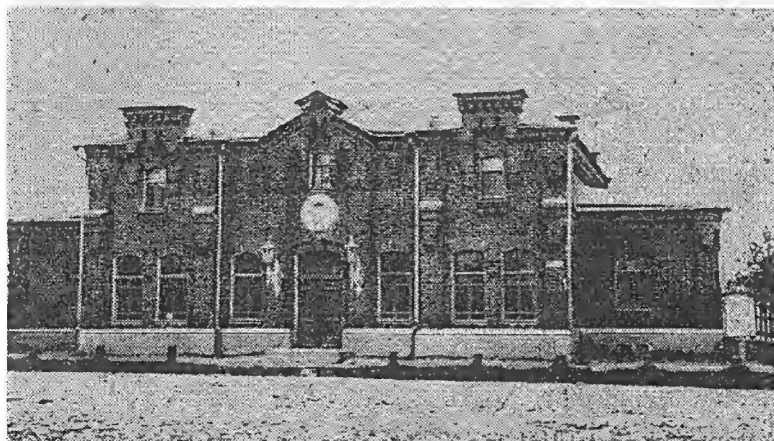
читателей училища, отмечалась недостаточность имевшегося набора преподаваемых предметов, «едва способствовавших и отвечавших умственному развитию учениц».

В целом, интеллектуальная атмосфера Костромы была для своего времени довольно насыщенной. Костромская интеллигентная публика имела стойкую склонность к познанию в различных научных областях, более активная ее часть составила основу местных научных обществ, чья деятельность была открыта для костромской общественности. Город располагал широкими возможностями распространения имеющихся знаний теоретического и практического характера.

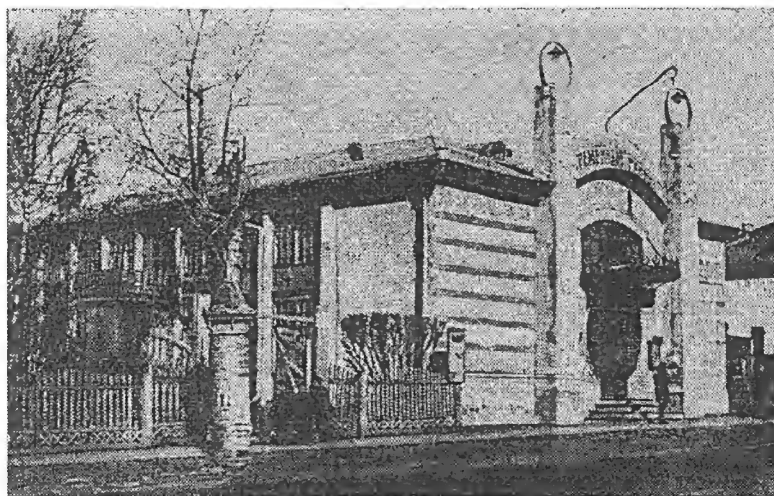

Строительство Романовского музея в Костроме.

Фото Д.И. Пряничкова. Начало XX века

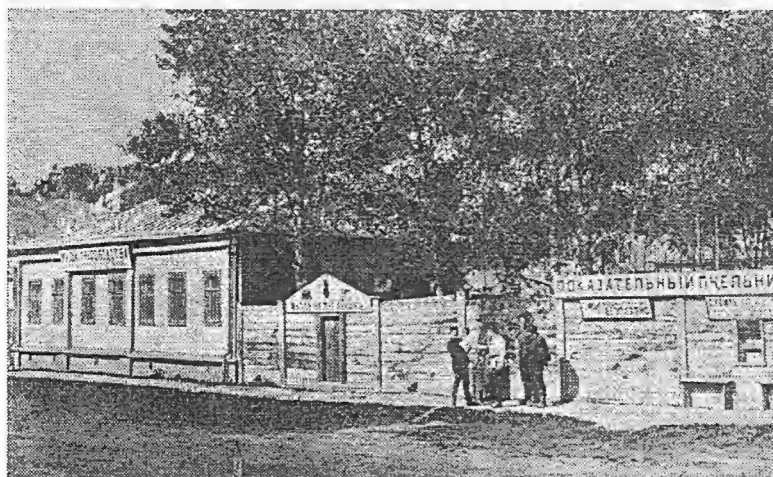
Народная читальня им. А.Н. Островского в Костроме
Фото Д.И. Пряничникова. 1910-е гг.

«Современный театр» М.С. Трофимова в Костроме
Фото Д.И. Пряничникова. 1914 г.

Народный дом в Костроме
Фото Д.И. Пряничникова 1900-е гг.

Пчеловодный музей костромского губернского земства
Фото Д.И. Пряничникова. 1912 г.

А.И. Аверус (Саратов)

ВЛАСТЬ И УНИВЕРСИТЕТЫ В РОССИИ

Почти 280 лет прошло с того времени, как в России начал свое существование первый университет, открытый по указу Петра I вместе с Академией наук. И все эти годы проблема взаимоотношения университетов и властных структур остается острой, между ними часто возникали и продолжают возникать конфликтные ситуации, ибо всегда власть стремилась интегрировать университеты в систему государственных учреждений, а университеты боролись за расширение и сохранение своей автономии.

Следует отметить, что в научной литературе указанной выше проблеме уделялось недостаточно внимания, а специальных исследований по данному вопросу фактически нет в отечественной историографии, за исключением нескольких небольших статей¹, которые посвящены отдельным этапам взаимоотношений университетов с властными структурами. Не ставя перед собой задачу полного и всестороннего освещения всего почти трехсотлетнего взаимодействия власти и университетов в нашей стране, хотелось бы в настоящей статье обратить внимание на основные этапы пройденного на этом направлении пути, сформулировать некоторые задачи для дальнейшего исследования, высказать свои соображения по поводу современного состояния изучаемой проблемы. Предметом разговора будут классические университеты, ибо лишь в последние 10–15 лет появился в стране другой тип университетов, заслуживающий особого внимания и отдельного разбора.

В отличие от университетов Запада, где учредителями выступали не только государственные органы, но и конфессиональные учре-

¹ См.: Джанишев Г.А. Университетская автономия // Джанишев Г.А. Из эпохи великих реформ. М., 1893; Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905–1907 годов // Отечественная история. 1995. № 6; Соскин В. Высшая школа – конец автономии (1921–1922 гг.) // Alma mater. 1998. № 1–2; Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999. № 2; Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910 гг.) // Вестник ЛГУ, история, язык, литература. 1969. Вып. 1.

ждения, и муниципалитеты, и частные лица, в Российской империи все университеты создавались исключительно государством по царскому указу, назывались императорскими, находились на государственном бюджете, что не исключало частные пожертвования. Так как государственный бюджет России чаще всего был дефицитным, то деньги на университеты выделялись в большинстве случаев по остаточному принципу, их почти всегда не доставало, зарплату преподаватели университетов нередко получали с опозданием и в размерах меньших, чем в других государствах. Кроме того, все российские университеты (исключение представлял Дерптский) носили чисто светский характер, что фактически исключало вмешательство церковных органов в их внутренние дела, а, следовательно, лишало возможности получения материальной поддержки от церкви.

Российские университеты с самого возникновения не вписывались в государственную систему страны, являлись своеобразным инородным телом. Это было связано, прежде всего, с двумя отличительными признаками университетов: внутренней автономией и всеобщностью студенчества. Вокруг этих особенностей университетов шла борьба и существовало постоянное противостояние с властными структурами. В самодержавной России, где все учреждения беспрекословно выполняли волю императора и руководствовались его распоряжениями, появился в XVIII в. университет, претендовавший, по примеру западных собратьев, на внутреннюю автономию, на невмешательство в его повседневную жизнь представителей государственного аппарата. Это было непривычно, не уместилось в чиновничьем сознании, вызывало желание уничтожить или, по крайней мере, сократить до минимума университетское самоуправление. Что касается всеобщности при приеме в число студентов университета, то это была, в известной степени, вынужденная мера. В отличие от европейских стран, где дворянство и буржуазия достаточно рано осознали важность и необходимость получения университетского образования, в России дворянство и купечество, во всяком случае до середины XIX в., относились пренебрежительно к учебе своих детей в университетах (достаточно почитать «Недоросль» Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, пьесы Островского и т. д.), считая, что дворянину подходит только военная служба, в худшем варианте – чиновничья карьера, а купец может быть и вовсе неграмотным. Поэтому дворяне не желали отдавать детей в университеты, часто забирали их оттуда уже после первого курса (можно привести в качестве примера судьбу Г.А. Потемкина и Н.И. Новикова), считая, что пора заняться более серьезным делом, что полученных за год знаний вполне достаточно. В результате проблема заполнения

год знаний вполне достаточно. В результате проблема заполнения студентами университетских аудиторий долгое время была для российских университетов очень острой: туда чуть ли не насильственно направляли на учебу учащихся духовных семинарий, привлекали выходцев из низших сословий (могли учиться даже дети крепостных крестьян при условии получения вольной от своего помещика). Но это тревожило органы государственного управления, стремившиеся ограничить доступ в университеты представителям малоимущих слоев населения, ибо они, как отмечалось в одном официальном документе середины XIX в., получив университетское образование, начинают слишком высоко о себе думать и, не имея соответствующей материальной базы для удовлетворения своих претензий, становятся в ряды недовольных существующим строем². Поэтому постоянно правительство принимало меры, чтобы ограничить прием из малоимущих категорий населения в университеты: тут и повышение платы за обучение, и обязательные экзамены по латинскому и греческому языкам за курс гимназии (а в гимназиях почти до конца XIX в. основной контингент составляли дети дворян и чиновников), и сокращение приема на все факультеты, кроме медицинских, и многое другое.

Конечно, не надо рассматривать всю историю российских университетов через призму их противостояния с властью, так как были периоды их достаточно тесного сотрудничества, особенно когда во главе органов образования стояли люди, понимавшие значение университетов для России (С.С. Уваров, С.С. Норов, И.И. Толстой и др.).

Первый в России Академический университет не имел собственного устава, его права не были фактически определены, он находился в полной зависимости от руководства Академии наук, а попытка М.В. Ломоносова изменить такое положение не была доведена до конца. Со времени создания Московского университета вопрос об университетских правах, об автономии университета встал на повестку дня. Поскольку в первом уставе Московского университета, утвержденном в 1755 г., многие вопросы университетской автономии не были прописаны, профессура вскоре же подняла вопросы о выборности университетского руководства, о передаче формирования кадрового состава в введение профессорской коллегии, о создании университетского суда, о праве университета присваивать ученые степени и т. д. Однако в XVIII в. эти вопросы не были решены.

² См.: Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб., 1915. С. 56.

Только в начале XIX в. в ходе проведения серии реформ Александром I был разработан новый университетский устав 1804 года (первоначально он предназначался только для Московского университета, а затем его действие было распространено на Казанский, Харьковский и Санкт-Петербургский). Согласно этому уставу, во многом сходному с уставами немецких университетов, российские университеты получили невиданные ранее права: выборность ректоров, деканов, профессоров и преподавателей, осуществление правосудия над студентами, преподавателями и служащими университетов внутри самих университетов, коллегиальность в решении важных вопросов университетской жизни, систематическая отчетность руководителей университета и факультетов перед избравшей их коллегией и т. д. Через некоторое время университеты получили право присвоения ученых степеней. Таким образом, устав 1804 года позволял университетам занять совершенно особое место в системе государственных учреждений России. Можно считать, что пользование такими правами давало возможность университетам делать определенные шаги по превращению в ячейки гражданского общества, по воспитанию гражданских качеств у членов университетского сообщества. Не случайно из университетов вышли и участники декабристского движения, и многие либерально настроенные деятели первой половины XIX в., и будущие сторонники реформ Александра II.

Однако, несмотря на то, что университетский устав был подписан лично императором, он фактически никогда полностью не осуществлялся: чиновничество и в столице, и на местах стремилось обойти не вмещавшиеся в его сознании положения устава, а в последние годы царствования Александра I даже пытались ликвидировать университеты. Всем известны усилия Магницкого, Струдзы, Рунича и др. по наведению порядка в Казанском, Санкт-Петербургском, Харьковском университетах, когда ставился вопрос об их закрытии, когда, не считаясь с положениями устава 1804 года, ликвидировали всякую выборность, коллегиальность, изгоняли из университетов неугодных попечителям учебных округов профессоров, вводили казарменный режим для студентов. Это была одна из первых попыток властных структур России покончить с университетами, но довести ее до конца не удалось. Университеты сохранились, хотя, кроме Московского, находились в жалком состоянии.

В эпоху Николая I противостояние власти и университетов продолжалось, но, понимая невозможность их уничтожения, государственные органы приняли ряд мер для поднятия уровня университет-

ского образования: создание профессорского института при Дерптском университете для подготовки выпускников других российских университетов к занятию профессорских должностей, посылка с этой же целью нескольких десятков окончивших Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский университеты в зарубежные университеты (в основном в немецкие и французские), приглашение профессуры из-за границы и т. п. Все это позволило поднять уровень подготовки студентов в российских университетах, способствовало тому, что российские профессора стали преобладать в университетах, преподавание большинства предметов начало вестись на русском языке, формировались первые отечественные научные школы. Но одновременно власть стремилась поставить университеты под свой полный контроль³. Этому способствовал новый университетский устав, подписанный в 1835 г. Николаем I. Авторство устава принадлежало С.С. Уварову (назначен в 1833 г. министром народного просвещения), который понимал важную роль университетов для просвещения России, но считал, что университеты должны находиться под строгим контролем государства и воспитывать своих питомцев в духе формулы «Самодержавие, православие, народность».

По уставу 1835 года университеты лишились многих своих прав, другие были ограничены, решающую роль во внутриуниверситетской жизни стали играть попечители учебных округов, люди часто для университетов случайные (крупные чиновники, генералы скалозубовского типа), но облеченные доверием императора. Новый устав подробнейшим образом расписывал обязанности профессоров и студентов, предусматривал целую шкалу наказаний за их нарушение, стремился ограничить поступление в университеты лиц из низших сословий.

Ко времени введения в действие нового устава в университеты начали возвращаться молодые профессора, получившие подготовку в зарубежных университетах и видевшие, какими широкими правами пользуются университеты в других странах. Это не могло не вызвать нового конфликта властных структур и университетского сообщества. Правительство принимало разные меры для обуздания стремления университетских кругов добиваться восстановления хотя бы тех прав, которые имели университеты по уставу 1804 года. Воспользовавшись событиями в Киевском и Харьковском университетах (в которых были обнаружены нелегальные сообщества поляков и украинцев), а затем начавшимися в 1848 г. революциями в ряде европейских стран, Нико-

³ Известный исследователь истории русских университетов И.М. Соловьев писал: «...Николаевская эра взяла их (университеты – А.А.) властно под свою полицейскую опеку...». – Соловьев И.М. Указ. соч. С. 13.

лай I и его окружение перешли в новое наступление на университеты, вновь стали раздаваться голоса среди власть имущих, что надо прикрыть все университеты. Уваров, попытавшийся противостоять этому, по его мнению, пагубному желанию, вынужден был уйти в отставку, и на университеты обрушилась новая волна карательных и ограничительных мер. Так, резко сокращен был прием в университеты на все факультеты, кроме медицинских, запрещена посылка выпускников на учебу за границу, прекращены связи с зарубежными университетами, усилен контроль чиновников за университетами, полностью ликвидирована выборность, впервые введено военное обучение, преподавание философских дисциплин поставлено под контроль духовенства, некоторые университеты подчинены непосредственно генерал-губернаторам и т.д. За несколько последних лет царствования Николая I число студентов в российских университетах сократилось почти вдвое. Но университеты оказались живучи.

Новый этап борьбы университетов за свою автономию развернулся в эпоху буржуазных реформ 1860–70-х гг.⁴ Активное участие университетской общественности в подготовке и обсуждении реформ, студенческие сходки начала 1860-х гг. вызвали новую попытку властей приструнить университеты: назначение министром народного просвещения адмирала Путятина, введение новых правил поведения для студентов, закрытие и чистка Санкт-Петербургского университета и ряд других мер должны были, по мнению властей, помочь преодолеть стремление университетского сообщества к расширению прав университетов. Однако оказалось не так просто подчинить университеты. На волне общественного подъема, охватившего Россию, профессора и студенты Санкт-Петербургского университета ответили на репрессивные меры открытием невиданного в стране Вольного университета, правда, просуществовавшего всего два месяца.

Правительство вынуждено было пойти на уступки, началось обсуждение проекта нового университетского устава, в которое включились не только члены университетского сообщества, но и широкие круги общественности, представлявшие различные политические течения – от революционных демократов до консерваторов. И хотя многие предложения общественности, особенно студенчества, не были учтены в университетском уставе 1863 года, он значительно расширил права университетов, их автономию. Полностью была восстановлена выборность, вновь стал функционировать университетский суд,

⁴ См.: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; Ее же. Русские университеты на путях реформы. М., 1993.

уменьшилась власть попечителей учебных округов, расширились права университетских советов и факультетских собраний, повышена была зарплата профессорско-преподавательского состава и т.д.

Устав 1863 года означал, что университетам вновь удалось отстоять в какой-то степени свою автономию, но поскольку устав носил компромиссный характер, он вызвал желание и чиновничества, и университетов, особенно студенчества, внести в него изменения. Студенты были недовольны тем, что не имели своего самоуправления и не могли собираться в стенах университетов во внеучебное время, что было одной из причин (конечно не основной), толкавших их в ряды нелегальных организаций, к участию в народническом движении. В ответ на это в правительственных кругах усиливалось стремление изменить устав 1863 года, вновь ограничить университетскую автономию, поставить университеты полностью под чиновничий контроль. Так, Особое совещание отмечало в 1874 г., что профессорские коллегии «...не обнаруживают должного сознания своих отношений к правительственной власти и не имеют того охранительного такта, который необходим для поддержания внутреннего дисциплинарного строя заведений; они пренебрегают нравственными способами влияния на учащихся и даже нередко способствуют сознательно или бессознательно водворению в среде своих слушателей неправильных понятий об их положении в заведении и их отношениях к начальству»⁵. Уже с середины 1870-х гг. эти идеи достаточно широко распространялись в консервативной, проправительственной прессе, но практически их осуществить стало возможным только после убийства Александра II, при новом императоре.

Разработка нового университетского устава проходила, в отличие от устава 1863 года, в узком кругу и, несмотря на несогласие многих участников обсуждений с рядом предложений наиболее консервативных лиц (И. Делянова, Д. Толстого и др.), последним удалось настоять, чтобы Александр III подписал их вариант устава⁶.

Устав 1884 года существенно сократил внутриуниверситетскую автономию: возросла власть над университетами попечителей учебных округов, выборность была заменена назначениями, университетский суд ликвидирован, ректор из первого среди равных профессоров превратился в начальника, усилился надзор инспекторов и их подчиненных за поведением студентов и т.д. Устав, введя новую систему сдачи государственных экзаменов, при которой профессора фактически были устранены от их приема, а дело было передано в руки чи-

⁵ Цит. по: Ушакин С.А. Указ. соч. С. 56.

⁶ См.: Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 г. М., 1976.

новников министерства народного просвещения, еще более подчинил университеты властным структурам. Поэтому уже с середины 1880-х гг. и до 1917 г. университеты ведут борьбу за отмену устава 1884 года, за восстановление и расширение своей автономии.

За 30 лет в условиях нараставшего общественного движения и революции 1905–07 гг. университетам удавалось добиваться некоторых успехов: приостановки действия отдельных положений устава 1884 г., введения Временных правил, возвращавших университетам выборность, разрешения студентам элементов самоуправления в общежитиях и на курсах, но правительство каждый раз при изменении внутрисполитической обстановки стремилось забрать вынужденные уступки. Многократно создавались комиссии и созывались совещания по выработке проекта нового университетского устава. Особенно знаменательным было совещание профессоров по университетской реформе в январе 1906 г., созванное министром народного просвещения И.И. Толстым в Санкт-Петербурге⁷. Высказанные на нем предложения, вошедшие в принятый на совещании проект устава, могли бы намного расширить права университетов, но министр был вскоре отправлен в отставку, а его преемники взяли курс на лишение университетов тех прав, которые они получили под давлением на правительство общественности. Следует отметить, что большинство либеральных и социалистических партий России в начале XX в. поддерживали борьбу университетов за свою автономию, за расширение прав университетского сообщества, осуждали политику царского правительства в университетском вопросе.

Новый (к сожалению, кратковременный) этап в жизни российских университетов наступил с приходом к власти Временного правительства, принявшего ряд мер для того, чтобы российские университеты получили достаточно широкую автономию. Была восстановлена выборность всех должностных лиц и профессорско-преподавательского состава, расширены права университетских коллегиальных органов (ученых советов, факультетских собраний), сняты ограничения для принятия в университет по имущественному, конфессиональному и половому признакам, студенты получили возможность создавать органы самоуправления, проводить в стенах университетов собрания, совещания и т.п. Вмешательство правительственных структур во внутреннюю жизнь университетов было ограничено.

⁷ См.: Труды совещания по университетской реформе, образованном при Министерстве народного образования. СПб., 1906; Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997.

Но уже вскоре после захвата власти большевиками в жизни университетов начинают происходить изменения, приведшие в конце концов к полной потере автономии, к включению университетов в формировавшуюся административно-бюрократическую систему. В первые годы профессура и студенчество пытались отстаивать свои права, выражали недоверие новой власти, продолжали действовать, опираясь на возможности университетской автономии.

Пока шла гражданская война и основные усилия большевиков были направлены на обеспечение своей победы в этой войне и удержании власти, университетам удавалось сохранять в определенной степени свою автономию. Но как только победа была одержана, положение большевистской диктатуры укрепилось, университеты подверглись нажиму, чистке, репрессиям, что позволило сломить сопротивление старой профессуры и части студенчества, изгнать неугодных власти из университетских стен, коренным образом изменить социальный состав студенчества и профессорско-преподавательских коллективов. Процесс этот в значительной степени был осуществлен в первые годы нэпа⁸. Большевики, которые до 1917 г. поддерживали борьбу университетов за автономию, придя к власти, заявили устами Ленина, Луначарского, Покровского, что университетская автономия – это буржуазная идея, что при диктатуре пролетариата никакой автономии быть не может, а всех, призывающих к сохранению университетской автономии, надо изолировать от университетов. Так, в Докладной записке ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) в 1922 г. борьба профессуры и студенчества за автономию высшей школы рассматривалась как антисоветская, преследующая исключительно политические цели, направленные против влияния в вузах коммунистической партии и классового принципа⁹.

В университеты были посланы большевистские комиссары, имевшие право наложить вето на любое решение ректора, университетского совета, правления. Постепенно в университетах возникали ячейки коммунистической партии, состоявшие первоначально в основном из студентов рабочих факультетов, которые получили большие права в решении многих университетских вопросов. А в дальнейшем без санкции партийных ячеек, бюро, комитетов фактически не решались никакие проблемы университетской жизни.

В первые 15 лет нахождения у власти большевиков достаточно сильна была в их рядах тенденция к полной ликвидации университетов, называвшихся пережитками феодального общества. Универ-

⁸ См.: Соскин В. Указ. соч.

⁹ См.: Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 76.

ситеты разбавляли совершенно неписывавшимися в их структуру факультетами (например, в Саратовском университете был создан факультеты гидротехнический и путей сообщения), из их состава выводили многие факультеты, связанные с фундаментальными науками (химические, биологические, исторические, филологические и т. д.), университеты лишали медицинских и юридических факультетов, составлявших основу университетской системы, в ряде университетов сохранилось по два факультета: педагогический и рабочий, совершенно прекращалась научная работа, а на Украине все университеты были преобразованы в институты народного образования. Таким образом, к началу 1930-х гг. университетская система в Советском Союзе находилась на краю гибели.

Вполне возможно, что, доведя университеты до такого жалкого состояния, власти решили, что теперь университеты не будут помышлять ни о какой автономии, полностью интегрируются в тоталитарную систему, и поэтому можно позволить им возрождаться, но без всяких претензий на самостоятельность.

Несомненно, изменение отношения властных структур к университетам связано и с теми потребностями развития страны, которые выявились во вторую пятилетку: недостаток научных кадров, отсутствие нужного количества квалифицированных преподавателей для сотен вновь созданных узко специализированных вузов и т. п. Поэтому начинается процесс возрождения университетского образования, но уже полностью интегрированного в систему. Показательно, что в эти годы меняется название руководителя университета: выборный ректор заменяется назначаемым директором. Университеты теперь полностью подчинены государственным органам (наркомат просвещения, Комитет по делам высшей школы и т. д.), местным советским органам и партийным структурам. Даже введенная в университетах конкурсная система на практике превращалась в простую формальность, ибо был один претендент на должность, обязательно отобранный и одобренный партийными структурами. А после таких выборов по конкурсу претендент еще и утверждался в соответствующих отделах партийных комитетов, становясь таким образом номенклатурным лицом. Даже все аспиранты отбирались с участием партийных органов и после вступительных экзаменов утверждались партийными комитетами¹⁰.

¹⁰ Любопытно отметить, что решения, например Саратовского обкома КПСС, о рекомендации или зачислении в аспирантуру хранились в архиве под грифом «совершенно секретно».

В годы после Великой Отечественной войны полная зависимость университетов от государственных и партийных структур сохранилась, выборность ректоров, деканов на должности по конкурсу носила чисто формальный характер, отстранить от работы административное лицо или преподавателя можно было только по решению партийного органа, в противном случае человек занимал должность сколько угодно лет, вне зависимости от его деловых, моральных качеств. Главное, чтобы поддерживали партийные и государственные органы. Мы знаем огромное количество случаев, когда прекрасные педагоги, крупные ученые отчислялись из университетов только по идеологическим мотивам, объявлялись при этом вейсманистами-морганистами, космополитами, сионистами и т.п. Существовал постоянный партийный контроль за содержанием лекций и семинарских занятий, особенно по общественным и гуманитарным дисциплинам, где малейшее отступление от догматов марксизма-ленинизма могло дорого обойтись не только отдельному преподавателю, но и всему коллективу кафедры, факультета и университета. И хотя с конца 1930-х гг. университеты получили право принимать свои уставы, но все они кроились по общему шаблону и никакой автономии университетам не предоставляли.

Фактически никакой независимости не получили отечественные университеты и в годы перестройки, хотя к началу 1990-х гг. контроль со стороны партийных структур, безусловно, ослаб. Преподаватели почувствовали себя более свободными, стало возможным читать авторские курсы даже по общественным дисциплинам. Впервые за долгие десятилетия провинциальные университеты получили возможность наладить контакты с зарубежными университетами не только стран социалистического лагеря, но и развитых капиталистических государств. Мы могли сравнивать условия существования наших и зарубежных университетов, завидовать не столько материальному уровню жизни их университетского сообщества, сколько тем правам, которыми пользуются коллективы университетов за рубежом. Конечно, эта автономия не абсолютна: зарубежные университеты зависят от государственных органов и спонсоров, но все-таки многие проблемы внутренней жизни они решают достаточно самостоятельно, значительную автономию внутри университетов имеют факультеты, департаменты и другие подразделения. А главное, гораздо большая свобода предоставлена студентам в выборе специальности, слушаемых и сдаваемых предметов, лектора и научного руководителя.

С распадом Советского Союза началось формирование университетской системы Российской Федерации, быстро выросло число классических университетов¹¹, создалась как будто благоприятная ситуация для расширения университетской автономии. Ректор Московского университета В. Садовничий отметил, что МГУ получил теперь достаточные автономные права для решения своих проблем¹². Но такое положение сложилось пока только в нескольких ведущих университетах, основная масса их по-прежнему находится в сильной зависимости от государственных структур, а некоторые партии хотели бы создать свои организации в университетах, чтобы установить контроль за содержанием преподавания, за деятельностью отдельных преподавателей и должностных лиц.

Для дальнейшего успешного развития университетского образования, по нашему мнению, университеты должны получить полную свободу в решении своих внутренних проблем, кадровых вопросов. Широкую автономию следовало бы предоставить студенческим организациям. Мы вступили в XXI век, когда неизмеримо возрастает роль образования, особенно его гуманитарной составляющей. Такое образование в полной мере могут предоставить классические университеты. Но одного, даже самого лучшего образования недостаточно, чтобы человек мог реализовать свой потенциал. Ему надо научиться быть гражданином, способным участвовать в решении муниципальных, национальных, государственных и глобальных проблем. И к этому нужно готовить в стенах университета. Но для такой подготовки сами университеты должны стать автономными ячейками гражданского общества, превратиться в полигоны где можно будет обучать гражданственности молодежь.

Подводя итоги, хочу обратить внимание историков, политологов, социологов, культурологов на необходимость глубокой разработки многих проблем истории и функционирования российских университетов, сопоставления отечественного и зарубежного опыта, выработки рекомендаций для дальнейшего развития и совершенствования университетского образования, для построения наиболее приемлемых взаимоотношений между властными структурами и университетами. И начать, по-моему, следует с написания много-томной истории российских университетов.

¹¹ Среди новых университетов многие по своему научно-преподавательскому потенциалу еще не дотягивают до настоящих классических университетов.

¹² См.: Российская газета. 1996. 31 декабря.

Е.А. Вишленкова (Казань)

ФЕНОМЕН НАДЕЛЕНИЯ В «ИСТОРИЯХ» КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

История – наука о людях во времени, но именно человек как персонаж дается ей труднее всего. При создании исторических нарративов ученый сталкивается со множеством искусств, один из них «феномен наделения». Этим понятием психологи определяют характерную для человеческого сознания тенденцию наделять различные реалии действительности свойствами, которые им не присущи. При этом граница между возможным и действительным легко поддается коммуникативному воздействию. Оно осуществляется посредством особых технологий и знания особенностей массового сознания, таких как: доверчивость к маловероятным сведениям, уложенным в стройную непротиворечивую версию; вера печатному слову; легкая восприимчивость концепции, нарисованной в черных и светлых красках; значимость, которая придаётся намерениям героя, в противовес его поступкам; оценка результатов в зависимости от ранее сложившегося отношения к личности и т.д.

Казалось бы, речь идёт об элементарной лжи. В отличие от добросовестного заблуждения, ложь – это осознанный продукт речевой деятельности, имеющий целью ввести участников общения в заблуждение. Но не так всё просто. Есть, по крайней мере, два «но». Первый – ложь применительно к жизни и деятельности выдающихся исторических лиц, которые уже самой силой общественного мнения обратились в символы достоинства человечества (или его части, например университетской корпорации), не несет в себе безнравственного начала. Второй аспект – ложь и идеология. Идеология дает оценки, образно говоря «наклеивает этикетки», но это тот случай, когда этикетка на товаре обманывает и самого продавца. Изучение юбилейных «Историй» Казанского университета показывает, что историк, как правило, сам верит в созданного «героя данного исследования».

Университет, его история, мир университетского человека являются постоянным предметом осознанных или произвольных размышлений университетских ученых. Эта подспудная работа проявляет себя в оценках и признании коллег друг другом, в отношении к студентам, в результатах административных выборов и распреде-

лении наград, в спорах на Ученом совете, в публикациях. В высказываниях формулируется современный идеал и признаваемая норма профессии, определяются границы маргинального. Это естественный процесс саморегуляции университетского организма. Но в определенные моменты он может особенно актуализироваться, например, накануне юбилея. В истории мирового просвещения и науки юбилеи университетов воспринимаются как потребность подведения итогов развития и результатов саморегуляции.

Казанский университет пережил 100-летний юбилей в 1904 г. Тогда вышли в свет несколько изданий по истории университета. Для нынешних исследователей – это положительный и негативный опыт. Историю Казанского университета к юбилею писали юрист Н.П. Загоскин¹, филолог Н.Н. Булич², медиевист Д.И. Нагуевский³ – признанные специалисты, хорошо знавшие и любившие университет. Они ввели в науку и сохранили для потомков уникальные архивные документы, создали цельную, внутренне непротиворечивую картину становления и развития университета в XIX столетии.

Впрочем не только юбилей стимулировал исследования по истории университета. То обстоятельство, что рубеж веков ознаменовался выходом целой серии монографий, справочных изданий, указателей по истории высшего образования в России говорит о возникшей потребности университетариев (а именно они были авторами этих трудов) в систематическом осмыслении профессии – ее истории, смысла, общественного назначения.

Первый летописец Казанского университета Н. Булич вполне осознавал трудности исторической реконструкции университетской жизни, понимал риск пристрастности в изложении прошлого. Залогом избавления от нее он считал свою неангажированность:

«Этот рассказ наш, – писал он в предисловии, – будет походить больше на простую хронику, чем на официальную историю; характер его очень далек от того, какой получает подобное сочинение в виду, например, приближающегося юбилея заведения»⁴.

Прочтение его «Из истории первых лет Казанского университета» свидетельствует, что инициативный (не заказной) характер принятого исследования от пристрастности автора не спас. Испове-

¹ Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые 100 лет существования. 1804–1904. Казань, 1902–1904. Т. 1–4.

² Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Казань, 1887–1891. Ч. 1–2.

³ Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка 1785–1859. Казань, 1902.

⁴ Булич Н. Из первых лет Казанского университета... Ч. 1. С. 7.

дуемый Буличем идеал науки, университета, этические нормы профессии оказались «опрокинуты» в прошлое, стали шаблоном для измерения описываемых персонажей. И в этом отношении Булич не избежал «груза собственной личности», как не избежали идеологической ангажированности официальные историки университета.

Исследователям Казанского университета повезло. В архивных фондах (сейчас это – Российский государственный исторический архив, Национальный архив Республики Татарстан, Отдел рукописей и редких книг) сохранились многочисленные документы, содержащие сведения о повседневной жизни казанских профессоров, внутриуниверситетских отношениях. Особый интерес представляют подробные письма директора Яковкина к попечителю Румовскому, а также письма к последнему отдельных членов университетского совета.

Личная жизнь профессоров описываемого времени довольно часто становилась предметом публичного обсуждения в совете. При этом в делопроизводственной документации фиксировались, как правило, негативные случаи из частной и общественной жизни университетариев. Сама фиксация таких эпизодов, а также высказанная или продемонстрированная в ходе обсуждения реакция коллег позволяют судить о «норме» и «не-норме» в жизни университетской корпорации того времени. Стоит только задать источникам соответствующие вопросы, и перед нами откроется непростой мир казанского профессора времени становления университета.

Но то ли виной господствовавший в науке второй половины XIX – начала XX века интерес к политической истории, то ли то, что никто из названных исследователей Казанского университета не был специалистом по российской истории, однако эти вопросы так и не прозвучали. Более того, сегодня при чтении «историй» Булича, Загоскина, Нагуевского обращает на себя внимание одна особенность – в оценках и суждениях, в попытках идентифицировать университетскую корпорацию Александровской эпохи исследователи исходили из современных им представлений об идеальном типе университетского человека, наделяли её свойствами ей не присущими. Сегодня, накануне второго столетнего юбилея имеет смысл сопоставить идентичность старого казанского профессора с той, которая ему приписывалась в исследованиях рубежа XIX – начала XX веков⁵.

В целом, исследователям начала XX в. был свойственен взгляд на предшественников свысока. В образе старых профессоров алек-

⁵ Опыт такого анализа по отношению к профессорам Московского университета представлен в исследовании: Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху / Ред. В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова. М., 2001.

сандровской эпохи отпугивала униженность в глазах общественного мнения, «недостаточная» ученость, их очевидная «отсталость» от европейских коллег – то есть отсутствие тех ценностей и стремлений, которые утвердились в университетской среде к рубежу XIX–XX вв. Среди них – противопоставление материального духовному; героизация оппозиционности властям; узкая научная специализация; приоритет публичной жизни перед частной и многих других. Реальный облик старого профессора не совпадал с тем образом властителя дум, который сложился в общественной мифологии пореформенной России.

Противопоставление материального духовному как низменного возвышенному утвердилось в сознании российской интеллигенции второй половины XIX века, стремившейся так приподняться над повседневностью, ведь полученное образование не подкреплялось адекватным социальным статусом, не оборачивалось материальной обеспеченностью. Между тем, люди александровской эпохи ценили и любили быт, полагали, что он неотъемлемая часть развития души и вкуса. Большое значение они придавали устройству частной жизни, тем более, что при пансионной форме обучения семья сама становилась частью воспитательного процесса. Студенты ежедневно наблюдали личную жизнь педагогов, принимали в ней деятельное участие – столовались в доме профессора, конфликтовали или напротив, дружили с профессорскими детьми и прислугой, обсуждали жен и бытовое поведение своих наставников.

В упрек старым казанским профессорам ставилась «недостаточная» ученость. Но вся российская наука того времени находилась в стадии становления, была представлена именами отдельных ученых (многие из которых были иностранного происхождения), трудившихся в Петербургской Академии наук. Университетские уставы предписывали профессорам проводить научные изыскания и вовлекать в них студентов. Но не имеющий экспериментальной базы, приборов, клиник, лабораторий и научных традиций Казанский университет не мог одним росчерком пера стать подлинным научным центром.

В период развития научной специализации многопрофильность занятий старых профессоров воспринималась как средневековый архаизм. Булич пишет:

«Рассматривая формулярный список Солнцева, мы невольно приходим в изумление от возможности со стороны профессора университета нести так много самых разнообразных обязанностей, почти ничего общего с предметом кафедры его не составляющих... Всё это изобилие совершенно посторонних дел должно было естественно отвлекать Солнцева от профессуры, не позволяло ему обрабатывать как следует хотя бы один

курс из того разнообразия предметов, которые он преподавал и не давало возможности напечатать хотя бы одно сочинение научного содержания»⁶.

Подобная ситуация характерна для многих коллег Г. Солнцева, например для П. Кондырёва, К. Фукса, Н. Лобачевского. И дело не в том что, по словам исследователя, «это был тип профессора-дельца». Александровский век в российской культуре продолжал энциклопедические традиции предшествовавшего столетия. Университетским сообществом ценился не узкий специалист, а широко образованный, энергичный педагог-энциклопедист. И это поддерживалось законодательством. По уставу в функции университетского профессора входило: проведение учебных занятий; проверка знаний студентов; ревизия учебных заведений округа; издание учебной литературы; забота о библиотеке и учебных кабинетах; цензура издаваемой в университете литературы; контроль за внеучебной жизнью студентов; хозяйственные дела (заготовка дров и продуктов, форма студентов, строительные работы); экзамены для чиновников и многое другое. В таком положении профессор, в лучшем случае, мог быть просветителем. Его облик как ученого, конечно, сильно отличался от поколения профессоров второй половины XIX века, освобожденных от груза хозяйственно-финансовых, административных и большей части воспитательных обязанностей.

Профессоров александровской эпохи их потомки порицали за излишнюю религиозность. Во второй половине XIX и в XX в. в массовом сознании прогресс устойчиво ассоциировался с секуляризированной культурой. Увлечение старых профессоров масонством, участие в Библейских обществах, ссылки на тексты Священного Писания спустя столетие казались свидетельством отсталости, а то и «мракобесия». В признанных ученых исследователи отыскивали «признаки безбожия». Между тем, в отличие от более позднего времени, наука в александровскую пору воспринималась в тесной связи с воспитанием человеческой нравственности. Многие просвещенные люди того времени разделяли убеждение Фрэнсиса Бэкона, согласно которому любого человека можно научить мыслить «правильно» с помощью науки. Предполагалось, что наука развивает мышление, направляет помыслы молодых (а потому «необузданных» мудростью) умов в благожелательное русло. Потому и заявления А.С. Стурдзы, министра просвещения А.Н. Голицына, и попечителя Казанского университета и учебного округа М.Л. Магницкого о симфонии религии и ведения не воспринимались как проявление обскурантизма, по крайней мере до тех пор, пока они не перешли границу умеренности.

⁶ Булич Н. Из первых лет Казанского университета... Ч. 2. С. 717.

Современники не видели противоречия в том, что ученый был верующим человеком. Важной частью жизни Казанского университета были церковные праздники, чтение духовной литературы, христианская благотворительность, апелляция к религиозным ценностям. Причем всё это было до попечительства Магницкого. Так, борясь со студенческой вольницей, ректор И. Браун еще в 1814 г., а после него проф. Городчанинов в 1818 г. предлагали ввести в учебный курс изучение Закона Божия для повышения нравственности воспитанников.

В 1820 г. в Казанском университете было открыто отделение Библейского общества. Взносы в него сдавали и такие светила отечественной науки как И.М. Симонов и Н.И. Лобачевский⁷. Профессор П.С. Кондырёв стал членом-корреспондентом Московского комитета Библейского общества. Казанский университет и подведомственная ему гимназия устраивали трапезы для нищих Казани. Студенты и гимназисты, независимо от сословного происхождения, прислуживали обедающим⁸. Свидетельства критического отношения современников к религиозной жизни старых казанских профессоров относятся к более позднему времени, содержатся в мемуарах 1850–60-х годов. Но это была уже другая культурная эпоха.

С точки зрения университетского человека XX века естественно, что для профессора важнее социальная, служебная жизнь, чем семейная, частная. Естественной являлась и дистанция, некая оппозиционность учащихся и учащихся. В александровскую эпоху эти отношения выстраивались иначе: проблема «отцов и детей» еще не стояла, и студенческий бунт против преподавателя или администрации был в принципе невозможен. Университетская система обучения и воспитания опиралась на традиционные, патриархальные ценности, а сама корпорация легко сопоставима с большой семьей.

Родственные связи буквально пронизывали университетскую среду: студенты женились на сестрах однокурсников (жена П.С. Кондырёва – родная сестра Э.А. Грубера), вдовы и сироты профессоров становились женами и детьми их коллег (вдова Кондырёва вышла замуж за проф. П.И. Вагнера; вдова И.О. Брауна за проф. К.К. Фойгта, а после его смерти за проф. Ф.И. Эрдмана). В университетском совете заседали близкие и дальние родственники – зять и тесть (Яковкин и Е.В. Врангель), братья (А.И. и Н.И. Лобачевские), крестники (Кондырёв и Н. Лобачевский); свояки (Ф.И. Эрдман и К.К. Фойгт).

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 39, ед. хр. 260 «Материалы Комиссии по ревизии Казанского университета. Часть 1: Документы денежной и материальной отчетности» 1819–1822, л. 519.

⁸ Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 481.

Патриархальность внутриуниверситетских отношений основывалась не только на родственных связях. Она санкционировалась и свыше. Для рассматриваемого времени понятие «отеческая забота» было живым. Оно звучало в торжественных речах, в заседаниях университетского совета, было прописано в университетском уставе. Видимо, отеческая забота компенсировала отсутствие правовых гарантий личности, слабость общественной жизни, была следствием общей материальной скудости. Но в ней имелась и привлекательная сторона – забота о человеке.

Не следует, конечно, идеализировать отношения внутри университетской корпорации. Острых ситуаций, скандалов, обид хватало и тогда. Да и противоречия между профессорами и студентами были довольно острыми, но другими, чем в более позднее время. Дневники студенческих инспекторов И.Ф. Яковкина, П.С. Коңдырёва, П.К. Броннера, Ф.Л. Брайтенбаха, В.Я. Булыгина – уникальный источник изучения повседневной жизни и поведения казанских студентов тех лет. Им были присущи лень, пьянство, они дрались, конфликтовали между собой и со служителями университета, приводили в комнаты женщин. Но не доносили, не устраивали сходов, не освистывали педагогов.

В свою очередь, казанские профессора ощущали себя больше воспитателями, чем учеными. В идеале перед ними ставилась задача заменить оторванным от семьи юношам их родителей. Воспитанию в университете придавалось тогда большое значение. На это был нацелен институт студенческих инспекторов, камерных студентов, система поощрений (жалованье, шпага, золотая и серебряные медали) и наказаний (черная доска, карцер). Речи на торжественных актах, собиравшие воспитанников и членов их семей, публику; подбор текстов для изучения на занятиях – всё это имело нравоучительный характер.

Как в любой семье, в университете были умные и талантливые (Н.И. Лобачевский, П.С. Коңдырёв, И.М. Симонов, М.Ф. Бартельс, К.Ф. Броннер, К.Ф. Фукс, Х.Д. Френ) – ими гордились⁹. Были пьяницы (С.Л. Левицкий, П.Ф. Цеплин) и даже наркоманы (директор Т.Е. Любомиров)¹⁰. Таких порицали и, вместе с тем, жалели. Были в университетской корпорации глупые, над которыми смеялись.

⁹ Спустя годы воспитанник Казанского университета Н.В. Веригин писал: «С истинным уважением вспоминаю теперь, в мои с лишком 60 лет, о лекторе Брауне и инспекторе, знаменитом идеалисте Броннере, которые заставляли меня, ленивца, учиться». – Записки Николая Викторовича Веригина. 1796–1872 // Русская старина. Т. 76. 1892. С. 50.

¹⁰ О трагической судьбе профессора хирургии Любомирова написал в своих воспоминаниях директор Казанской гимназии И.И. Лажечников – Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого. С. 490.

«Профессор поэзии, – писал И.И. Лажечников, – добрый старичок, в иссохшей голове и сердце которого не было и чутья поэзии, почитатель не только Хераскова, но и графа Хвостова (признак безвкусицы – Е.В.)... На лекциях его разбирали одни переложения псалмов. Только с увольнением Магницкого он дерзнул написать и напечатать в «Казанском Вестнике» пасторальное стихотворение в подражание идиллии И.И. Дмитриева, кончавшееся стихом: «Ты рвешь цветы с ее могилы». С каким восторгом подал он мне номер журнала, в колыбели которого почивало это новорожденное дитя, и, потирая себе руки, сказал: «Вот-ста каковы мы теперь», как будто посягнул на отчаянный подвиг»¹¹.

Были в университете свои пройдохи (Яковкин, Врангель), от которых либо молча страдали, либо пытались с ними бороться. Были больные, о которых заботились (парализованный Петровский). Все эти люди составляли университет, были приняты и терпимы. Увольнялись (изгонялись) те, кто способствовал распаду университетской семьи (П. Цеплин, Г. Карташевский, А. Жобар). С точки зрения современного исследователя, эти увольнения нелогичны. Г.И. Карташевского любили и ценили студенты, впоследствии он сделал прекрасную карьеру в Петербурге. Цеплин в первые годы существования университета спиртным еще не злоупотреблял и был ученым высокого европейского уровня. Да и за А. Жобаром признавали «светлую голову». Но речь идет не о профессиональной пригодности. Причиной отторжения стало то, что их слова и действия были направлены против университетской семейности.

Впервые увольнения за некомпетентность (И.Г. Томас, студент М.Ф. Отсолич, Ф.Л. Брейтенбах), несоответствие этическим нормам (И.Ф. Яковкин, А.И. Ангольдт, Е.В. Врангель), игнорирование обязанностей службы (П.А. Цеплин), по состоянию здоровья (престарелые М.И. Герман и И. Эрих, парализованный С.С. Петровский), по идейным соображениям (И.Е. Срезневский) были осуществлены в 1819 г. по результатам ревизии Магницкого. Действия ревизора вызвали возмущение и непонимание у современников. В известной мере, Магницкий опередил свое время. Практика политических увольнений, квалификационных экспертиз утвердилась в России позже.

Исследователи начала XX в. описывают преподавательскую корпорацию Казанского университета александровской эпохи как социально однородную, особенно в сюжетах, раскрывающих отношения профессоров и местного образованного общества. Но в отличие от более позднего времени, общности сословно-корпоративного воспитания, интересов и идеалов среди профессуры еще не было, причем в Казани это ощущалось сильнее, чем в Москве. Работы

¹¹ Там же. С. 491.

В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой, А.Ю. Андреева свидетельствуют: в Москве «дворянин по происхождению, исправляя должность профессора или подобную ей, не воспринимался окружающими как дворянин – они видели в нем чуть ли не челядь»¹². Казанская элита подобным снобизмом не отличалась. Дворянин был признан местным обществом, даже если он входил в университетскую корпорацию. С одной стороны, это позволяло профессорам-дворянам (П. Кондырёв, Е. Врангель) поддерживать связи университета с казанскими домами, популяризировать в местном обществе ценность университетского образования, побуждать обывателей к покровительству школе. С другой, сословная поддержка одних и отторжение других порождали напряжение и конфликты внутри университетской среды.

Ощущение собственной ущербности, подневольности рождало презрительно-негативное отношение к университетским разночинцам местного дворянского общества.

«Провинциальная аристократия, казалось, оградилась себя каменной стеной от ученых плебеев, из которых большая часть и сама, по образу своей жизни, избегала проникнуть через нее»¹³.

Но и само местное общество, по словам мемуариста, не блистало яркими личностями, было чопорным и слабо образованным. «Редко, редко когда, бывало, услышишь слово о литературе, и то робко, как о запрещенном плоде». Впрочем, Лажечников пробыл в Казани лишь полгода и, по его признанию, «посещал только два-три дома, не великосветских, но радушных, приятных». Возможно, дело в том, что сам 32-летний Иван Иванович не был дворянином (сын богатого купца, торговавшего солью). Да, он получил прекрасное домашнее образование под руководством гувернера Болье, в войне 1812 года и заграничных походах проявил себя героем и патриотом, имел опыт директорства училищами Пензенской губернии, но... ведь не дворянин. И потому за время своего кратковременного пребывания в Казани (лето 1824 – зима 1825) не был приглашен на маскарадные вечера в Дворянское собрание или в частный театр П.П. Есипова, где любили бывать местные и приезжие дворяне.

Но вот другое свидетельство. 19-летний Ф.Ф. Вигель прибыл в Казань в 1805 г. в составе китайского посольства князя Головина. Эскорт состоял из множества обозов, и молодой дворянин вынужден был пробыть в городе почти три недели. Его-то, в отличие от

¹² Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Человек александровской эпохи: взгляд с Моховой // Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001. С. 85; Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000.

¹³ Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого. С. 494.

Лажечникова, принимали местные дворяне, ему покровительствовал сам губернатор Б.А. Мансуров. Но впечатление гостя от интеллектуального уровня хозяев осталось весьма скептическим.

«Не знаю, что мне сказать об обществе, в котором я жил... ни одного порока, ни одной доблести... А между тем собирались, разговаривали без умолку, толковали, а о чем? Бог весть, хотя бы о собаках или об урожае. Ан нет! Ни пересудов и злословия, ни политики, ни литературы, а так; какой-нибудь вздор взбредет; не на ум, который тут не вмешивался, а на язык, и как на жернове начнет перемалываться»¹⁴. Всё это Вигель назвал «казанским пустословием».

Позднее сословные противоречия нивелируются за счет безусловного доминирования в Казанском университете разночинной психологии и субкультуры. Но это произойдет позже.

Трудно также согласиться с концепцией исследователей начала XX века, фиксировавших внимание читателя на противостоянии немецкой и русской партий в Казанском университете. Описываемая эпоха знаменовала собой торжество индивидуального, частного; принадлежность к «партиям» и «направлениям» еще не стала средством социализации личности.

Конечно, все немецкие профессора испытывали сложности адаптации в условиях инокультуры. Но это обстоятельство не породило организационной общности. Каждый преодолевал (или не преодолевал) возникающие трудности индивидуально. Одни (Сторль, Эрих, Герман, Врангель, каждый по своим мотивам) делали ставку на лояльность и поддержку администрации в лице директора. Другие (Цеплин, Браун, Броннер, Фойгт) пытались опереться на верховную власть или найти поддержку у коллег. Третьи (Эрдман, Френ) заняли позицию научного эзотеризма. Фуксу удалось достаточно успешно адаптироваться в городской и университетской среде.

Большинство прибывших в Казань немецких ученых нуждались материально и зависели от жалования. Броннер же помышлял о приобретении недвижимости в Казанской губернии. Благодаря обширной медицинской практике, довольно прочным было материальное положение Фукса. Личные отношения между немецкими профессорами складывались не всегда дружелюбно. Столь же противоречивыми были жизненные ценности и установки, социальное и финансовое положение русских профессоров.

Непонимание исследователями текстов, созданных казанскими профессорами александровской эпохи, обнаруживает себя в интерпретации характера отношений университетариев с властью. Столетняя история развития университетов в России обернулась на рубеже XIX–

¹⁴ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Ч. 2. М., 1864. С. 131.

XX вв. политической конфронтацией университетских людей и бюрократии. В это время в университетской среде формируется своеобразный культ месточтимых мучеников, пострадавших от произвола тоталитарной власти. Взгляд из этой культурно-психологической ситуации на мир старой профессуры, взывающей к благодетельной власти, был, как минимум, снисходительным. Такого рода свидетельства исследователи комментировали как проявления беспомощности, низкой самооценки, униженности своих предшественников. Их извиняли общественной обструкцией, уровнем самосознания.

Между тем, вектора политических отношений в александровскую эпоху были направлены иначе. Люди, составлявшие близкий круг императора, а также вошедшие в состав министерства просвещения – в большинстве, вельможи, покровительствующие наукам и просвещению. Нормой было патерналистское отношение к школе.

Первый казанский попечитель имел звание академика в области математики и астрономии. Казанским профессорам представлялось естественным в решении внутренних и внешних проблем обращаться к нему. С.Я. Румовский был для них не бюрократом, а покровителем, арбитром в спорах. Аналогичную позицию по отношению к университету занимал второй попечитель – М.А. Салтыков. А вот Магницкий вошел в историю Казанского университета как контролер, разоблачитель, представитель власти. И это было знамение нового времени, новых отношений.

Что занимало преподавателей Казанского университета в начале XIX века, так это выработка критериев принадлежности к своей среде и исключения из нее. Это был болезненный процесс, но необходимый для становления профессии. В последующем выработанные критерии стали основой для формирования корпорации, определяли дух университета. Многочисленные протоколы заседаний университетского совета, письма профессоров и директора к попечителю, дневники и воспоминания раскрывают перипетии и конфликты, сопровождавшие этот процесс.

С точки зрения Булича, данные проблемы не были значимыми. Он считал, что университетский совет занимался непроизводительной тратой времени. «Источником продолжительных прений и разного рода пререканий преимущественно были личные вопросы, большею частью совершенно формального свойства». Сопоставляя их с жаркими дебатами в совете во времена его службы, Булич заверял, что последние носили производительный характер: на них речь шла о замещении вакантных должностей, а значит о пригодности кандидата к профессорской кафедре, и «совершенно понятны были опасения за судьбу науки на 25 или 30 лет в преподавании, понятна и боязнь вве-

речь на продолжительный срок молодых людей человеку, в котором нельзя быть уверену»¹⁵. Но критерии, параметры, по которым «измеряли» кандидата во второй половине XIX века закладывались в спорах, рождались в конфликтах александровской поры.

Совет с подробностями вникал в личную жизнь своих членов (разбор дела Фукса и Френа), так как частная жизнь преподавателя не должна «служить соблазном для его учеников». Разбирались долговые обязательства преподавателей, так как воспитатель должен быть чист перед законом. Многие заседания совета, письма посвящены вопросам профессиональной этики внутри университетской корпорации – форме обращения друг к другу, процедуре разрешения конфликтов и других.

Вряд ли история университета может быть иной, чем историей людей, его составлявших. И нам еще предстоит познакомиться с миром старого казанского профессора. Прежде чем приступить к анализу, неплохо бы осмыслить опыт предшественников. Дело не просто в конъюнктурной или идеологизированной истории. Есть опасности и более глубинные, подсознательные. Мы наполняем прошлое современными нам смыслами, разделяемыми профессиональными ценностями. В результате исторический труд превращается в моралистическое повествование, в «текст-оправдание» или «изобличение», историческое пространство заселяется носителями качеств и исполнителями функций. Как и любое другое благоприятное стечение обстоятельств, близкое знакомство с предметом благодаря личному участию в соответствующей деятельности (как в случае с созданием истории родной *alma mater*) – тоже риск.

Наверное, стоит воспользоваться советом французского историка Антуана Про: исследователю нужна осознанная отстраненность по отношению к самому себе и своим проблемам, а также профессионализм, в смысле глубины овладения методами анализа источников¹⁶. Мы не можем создать объективный портрет профессора первых лет существования Казанского университета, но можем и должны стремиться к беспристрастности (в буквальном значении слова) и профессионализму.

¹⁵ Булич Н. Из первых лет Казанского университета. (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Казань, 1891 Ч. 2. С. 335.

¹⁶ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 99.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

С.Ю. Малышева (Казань)

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРАЗДНЕСТВ» 1917–1920 ГОДОВ*

В культурной революции в России первой четверти XX в., в ментальной революции первых постреволюционных десятилетий весьма важную роль сыграли так называемые «революционные празднества» 1917–1920 гг., наиболее яркими из которых стали массовые инсценировки и постановки (часто – под открытым небом)¹. В присущих этому жанру формах происходила интерпретация и реинтерпретация истории и отдельных исторических событий.

Историко-культурный и социально-психологический смысл празднеств был намного сложнее, чем просто иллюстрация основных положений теории классовой борьбы примерами из прошлого. В эти годы закладывалась советская «масс-культура». В силу неграмотности и малограмотности тех слоев, которым предстояло стать ее носителями, эта культура (как и любая культура в ее первоначальных формах, согласно Й. Хейзинге) вначале «игралась». «Игры» были основаны на непосредственном участии в происходящем широких масс, чаще всего на примитивных и схематичных сценариях, иногда текст как таковой отсутствовал. Большие пространства, на которых ставились массовые празднества, требовали, по мнению

* Благодарю проф. Д. Байрау (Тюбингенский ун-т) за идею этой статьи, родившуюся в беседах с ним. Моя признательность – научным фондам, стипендии которых (разных лет и по разным проектам) сделали возможным знакомство с новейшей литературой по теме: Институту «Открытое Общество» (Фонд Содействия), Немецкой службе академических обменов (DAAD), Фонду Фрица Тиссена.

¹ В последние годы ранние советские празднества и праздничная культура привлекли пристальное внимание многих отечественных и зарубежных ученых, в основном в рамках культурных исследований. См. об этом: *Малышева С.Ю. Праздничная культура российской революции в современной зарубежной историографии: советские «революционные празднества» 1917–1920-х гг. // Clio moderna: Зарубежная история и историография. Вып. 3. Казань, 2002. С. 120–138.*

организаторов, большей импровизации, условности. Условный характер постановок проявлялся в их приемах и сюжетах. В ходе таких массовых действий эмоциональный настрой и упрощенные представления «толпы» оказывали мощное воздействие на психологию и сознание отдельной личности². В сознании масс конструировалась и закреплялась «другая реальность», создавались основы новой исторической мифологии, нашедшие вскоре применение не только в сфере культуры, но и в профессиональной историографии.

Не вполне соглашаясь с утверждением Карла Шлегеля о том, что театрализация жизни в ходе подобных празднеств, инсценировок – характерная черта эпох, близящихся к своему закату³, можно уточнить: скорее, это – черта рубежа эпох, их смены. Именно эти периоды рождают острую потребность в новой исторической мифологии и символике, как способе осознания себя и окружающего мира, адаптации к новой реальности человека, отдельных социальных групп, общества, нации. Массовые празднества – один из важнейших полигонов создания и апробации новых исторических мифологий, значение которого в первые годы советской власти возрастало еще и потому, что вскоре было отменено преподавание истории в школах, и историческое сознание широких масс формировали празднества, песни, фольклор – вкупе с популярной литературой.

В исторической мифологии, создававшейся в ходе советских «революционных празднеств» 1917–1920 гг., можно условно выделить несколько уровней осмысления и истолкования исторических событий: «глобальный» (представление об истории, ее ходе, об историческом времени); мифология конкретных исторических событий; мифология личности. Данная статья посвящена рассмотрению лишь двух из вышеназванных аспектов, мифология личности в празднествах станет предметом отдельного исследования.

Время и пространство истории

«Революционным празднествам» было присуще особое восприятие исторического процесса. Образ истории в них дискретен, размыт. Красноречиво характеризует это видение истории аллегорическая фигура «Фантома-Призрака истории» в инсценировке «Сон

² Как писал один из организаторов празднеств, в ходе импровизации «жизненно-реальное переживание актеров, основанное на психологизме, будет заменено переживанием толпы». См.: Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К 10-й годовщине Октябрьской революции. М., 1927. С. 35.

³ Schlegel K. Jenseits des Großen Oktober. Das Laboratorium der Moderne Petersburg, 1909–1921. Berlin, 1988. S. 355.

и явь (Памяти «кровавого января»)), рекомендованной для постановки в 1925 г.: это «фигура, задрапированная в широкое бесформенное одеяние, должна производить впечатление громадной серой глыбы. Лицо полузакрыто»⁴. Достойны упоминания и инсценирования оказывались лишь отдельные события мировой истории и ее персонажи. Из этих дискретных, не связанных между собою событий конструировалась преимуществом исторического процесса. Набор событий был весьма ограничен, хотя вариантов их компоновки в ходе постановок предлагалось немало. Рядом авторов уже отмечено наличие двух «генеалогических линий» русской революции, выстраиваемых революционными празднествами и создававшимся ими мифом: «русская линия» (крестьянские восстания, интеллигентский радикализм, народничество, русская революция 1905 г., мировая война, революция 1917 г.) и «европейская линия» (восстания эксплуатируемых, Великая Французская революция, Парижская Коммуна, три поколения «социалистической семьи» – деды (утопический социализм), отцы (Маркс и Энгельс) и дети (большевики – они присутствовали в обеих линиях))⁵. Сценарии постановок часто включали сюжеты и «русской», и «европейской» линии.

Событие с его реальным содержанием и обстоятельствами не имело значения само по себе, а лишь как знак, этап «шестивия мирового духа» – идеи революции и ее носителя-пролетария. Показательна аллегорическая фигура Времени, комментировавшая действие одной из массовых клубных постановок «Историческое развитие Спартака» в Ленинграде в октябре 1925 г., – «Время» выступало задрапированным в красные революционные одеяния⁶. Как верно подметил А.И. Мазаев, действие инсценировок «опиралось на представление о едином растущем и борющемся пролетариате и обычно не связывалось единством времени. Поэтому для самих событий, инсценируемых здесь, было характерным начинаться в дни Парижской Коммуны, продолжаться в годы первой русской революции и заканчиваться в Октябрьские дни или даже в дни Коммуны мировой»⁷. Забегая вперед, заметим, что будущее все же фигурировало чрезвычайно редко.

⁴ Революционные инсценировки. М., 1925. С. 77.

⁵ Например: *Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life on the Russian Revolution.* N.Y., Oxford, 1989. P.97.

⁶ *Лежоева О.М. Восьмая годовщина в клубах // Массовые празднества.* Сб. Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 185.

⁷ *Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования.* М., 1978. С. 312.

Очередность событий вполне могла быть принесена в жертву логике создаваемого мифа. Один из организаторов празднеств А.И. Пиотровский писал: «Никакого временного правдоподобия: события сменяются через произвольные, никакими антрактами не заполненные сроки, или же последовательно изображаются события одновременные»⁸. Хронологией оперировали свободно, нарушая подчас очередность событий. Так, в Октябрьской постановке 1927 г. в Ленинграде сцена приезда в Петроград Ленина (апрель 1917 г.) давалась после сюжета об Июльских днях⁹. Во время массового зрелища в рамках антирелигиозной кампании – инсценирования сожжения инквизицией Джордано Бруно (Ленинград, май 1929 г.) неожиданно появлялись пионеры и пожарные, которые разгоняли инквизиторов и тушили костер¹⁰. В ленинградской постановке «Парижская Коммуна» (1921–24 гг.) коммунары пели «Интернационал»¹¹, текст которого хотя и был написан в 1871 г., но музыка создана лишь в 1888 г., тогда же «Интернационал» был исполнен впервые. И таких анахронизмов было немало.

Искусственная конструкция избранных исторических сюжетов и произвольное размещение их во времени и пространстве приводили к тому, что действия часто протекали вообще вне времени и вне конкретного пространства. Разбитое на искусственно соединенные «кусочки» событий время казалось почти неподвижным¹². Какова же была логика размещения сюжетов? В каком направлении «двигалось» историческое время в празднествах? Казалось, ответ лежит на поверхности: «беспрерывность времени при общем эпизодическом строении сценария»¹³ означала простую прогрессивную линейность – многовековая борьба «униженных и угнетенных» за свое освобождение увенчива-

⁸ Пиотровский А.И. теории самодеятельного театра // Проблемы социологии искусства. Сборник Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 126.

⁹ Цехновицер О. Празднества революции. 2-е изд. 1931. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Парижская Коммуна. Инсценировка Адр.Пиотровского. Л., 1924. С. 7.

¹² Многие авторы отмечали условность времени в празднествах революции, их «вневременность» – «Понятие исторического времени доведено здесь до совершенной абстракции, столетия сведены к полутора часам непрерывного действия при остающихся неизменными действующих силах. См.: Мазаев А.И. Указ. соч. С. 336–337, 258. Игнорирование временного континуума было, вероятно, характерной чертой советской культуры первых десятилетий. М. Вайскопф отметил «хронофобию» Сталина, а также синхронизацию разновременных явлений в культурной и политической практике российских социалистических партий. См.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2000. С. 117, 47.

¹³ Массовые празднества. Сборник Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 64.

лась их победой в России в 1917 г. Идея прогрессивного развития, воплощенная в празднествах, хронологическая линейность (и ее нарушение) были замечены Катериной Кларк¹⁴, но Джеймс фон Гельдерн, напротив, подчеркивал, что в мифологии празднеств история представлялась цикличной – эпизоды подбирались и компоновались по принципу подобия, хотя кульминацией была русская революция¹⁵. Вероятно, следует говорить о смешанной хронологической модели: общая модель истории в празднествах, согласно марксистскому учению о формациях, мыслилась линейно-прогрессивной, но каждый сюжет внутри сценария строился по одной схеме – страдания угнетенных; их борьба, поражение, – пока этот замкнутый круг, набор схожих циклов, не был разорван событиями октября 1917 г. в России. Здесь цикличность нарушалась и идея прогресса торжествовала. В.В. Глебкин убедительно показал причины использования циклической модели: необходимо было выработать язык перевода теоретических понятий, являвшихся для масс «китайской грамотой», на понятный им язык¹⁶. В рамках циклической модели при инсценировании сюжетов, относящихся к разным эпохам и к разным странам, воспроизводился один и тот же бой «мирового пролетариата» с «мировой буржуазией», своеобразная вселенская битва Добра со Злом. Любой из эпизодов легко укладывался в эту донельзя упрощенную схему.

Дискретный образ истории проявлялся и в игнорировании целостности исторического процесса, исторического события, проглядывавшем в грандиозных постановках с цельным сценарием, отдельные части которого разыгрывались в разных концах города (постановка 1921 г. в Пскове), или в инсценировании постановки на такой громадной площади, что отдельный зритель не мог видеть ее целиком (постановка 1920 г. в Петрограде у Фондовой Биржи «К мировой Коммуне», воспринять которую в целом «мог лишь зритель, поместившийся на шпигеле Петропавловской крепости»¹⁷). Инсцени-

¹⁴ Clark K. Petersburg, *Cruisible of Cultural Revolution*. Cambridge, 1995. P. 129, 246.

¹⁵ Geldern, von J. *Festivals of the Revolution. 1917–1920: Art and Theater in the Formation of Soviet Culture*. PhD Diss. Ann Arbor, 1987. P. 123.

¹⁶ «Категории, воплощавшие линейно-прогрессивную модель времени и требующие для своего освоения развернутого теоретического дискурса, переводились в понятия, соответствующие циклической модели, соответствующие находящемуся на расстоянии вытянутой руки «сегодня». См.: Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 102.

¹⁷ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 52–53. Автор критиковал указанные опыты, но тут же предлагал при массовой постановке «Десяти Октябрей» – о послеоктябрьской жизни страны, – разбить действие на 6 эпизодов – по числу городских районов, и в каждом районе инсценировать один из сюжетов (С. 50).

ровки исторических событий ставились вовсе не для отдельного зрителя, и не для зрителей вообще. «Толпа», «масса» участвовала в этих постановках в роли себя собой – с одной стороны, как коллективный исторический персонаж уже отдаленных по времени событий, с другой – как реальный творец современного ей мифа об этом событии и его интерпретатор (хотя бы в процессе пересказа друг другу, о том, что происходило в разных местах единого действия). Кроме того, разбросанность, дискретность частей-событий единой постановки как бы подтверждала и символизировала невозможность постичь, охватить историю целиком во всем ее многообразии и противоречивости: достаточно было четко представлять себе линейную схему развития мировой истории (такие социологические схемы «по Марксу» и вводились для преподавания в школах).

Важная черта «глобальной» мифологии празднеств – отсутствие традиционной триады «прошлое – настоящее – будущее». Как было отмечено историками, «будущее» в ней отсутствовало, основное содержание «истории» в «революционных празднествах» – противопоставление «прошлого»: («покоренного и низвергнутого»¹⁸) и «настоящего». «Разрушительное» начало истории преобладало в инсценировках, они «идеологически и психологически доделывали то, что физически свершила сама революция – разрушение старого мира»¹⁹. (Вероятно, потому и были столь популярны инсценировки судебных процессов, в ходе которых, в конечном счете, судили прошлое и его носителей; а также обряды сжигания атрибутов «старого мира» или, например, «сжигание Бастилии» в ходе празднования Октября на Балтфлоте в 1918 г.). Попутно стигматизация прошлого формировала упрощенную, лишенную полутонов, черно-белую картину мира.

Особенность восприятия исторического процесса в мифологии празднеств напрямую отражалась и в использовании пространства. Как отмечал А.И. Мазаев, создавалось «ощущение особого пространства, в котором “масштаб” России как бы перекрывается “масштабом” земного шара. Этот праздник по сути дела не знает пространственных границ. Его территория – Вселенная, загоревшаяся пламенем мировой революции». Символично, что главное место в пространстве одной из первых петроградских инсценировок под открытым небом («Третий Интернационал», 1 мая 1919 г. на площади перед Народным домом) занимала громадная и ярко раскрашенная модель земного шара²⁰.

¹⁸ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 119.

¹⁹ Мазаев А.И. Указ. соч. С. 329–331.

²⁰ Там же. С. 259, 316.

Так же произвольно, как со временем, обращались и с местом действия: «...очень часто пользуются своеобразной симультанной декорацией, на сцене одновременно Париж и Версаль, между ними разыгрывается сражение»²¹. Искусственное «столкновение пространств», на которых локализовались противоборствующие силы, выразилось также в расчленении условной сцены празднества на две или три части, на которых попеременно или одновременно шло действие. Праздничное пространство массовых действий отличалось от театра с его единой нейтральной сценической площадкой, с рампой, коробкой сцены. Пространство революционного празднества – это открытая со всех сторон площадка, расчлененная на две или три части. Третья часть – так называемый «мостик» или «дорога манифестаций» – неширокий, но длинный проход между двумя сценическими пространствами. Ее происхождение авторы 1920-х гг. объясняли то опосредованным заимствованием «мостика» японского театра²², то заимствованием «дороги шествий» из массовых представлений в Швейцарии²³. Две площадки – «красная» и «белая» (независимо от содержания инсценировки и локализации описываемых событий во времени и пространстве – даже если речь шла, скажем, о противостоянии «Парижа» и «Версаля»), как правило, изображали противоборствующие силы: например, «зона красных войск» и «зона белых войск» в ноябрьской 1927 г. инсценировке на Семеновском плацу Московско-Нарвского района Ленинграда, или «капиталистическая площадка» и «площадка СССР» – в инсценировке в августе того же года на площади Урицкого²⁴.

Один из первых случаев использования двух площадок и мостика произошел в инсценировке на тему свержения самодержавия в Железном зале Народного дома в Петрограде в марте 1919 г.: одна из площадок была «самодержавной» – здесь попеременно находились Зимний дворец, полицейский участок, Ставка, вторая площадка – «революционная» – завод, фронтовой комитет, революционный штаб. На мостике происходили шествия, манифестации, «классовые столкновения»²⁵. Площадки и мостик воспроизводились во всех последующих многочисленных постановках этого празднества под открытым небом – «Свержение самодержавия», «Красный год», включая и самую знаменитую петроградскую инсценировку 1920 г. – «Взятие Зимнего дворца» 7 ноября. В ней еще четче была обозначена главная функция «мости-

²¹ Пиотровский А.И. К теории "самодельного театра". С. 126.

²² Массовые празднества. Сборник... С. 60.

²³ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 172.

²⁴ Там же. С. 26, 31.

²⁵ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 41.

ка»: «мост между двумя мирами – арена их столкновений. Здесь сражаются и убивают, здесь побеждают и отсюда отступают»²⁶. Расчлененное таким образом праздничное пространство становилось реальным, не похожим на условное пространство театральной сцены.

Восприятие пространства революции как «всей Вселенной» обусловило и пространственную грандиозность многочасовых массовых празднеств – они ставились часто на огромных территориях, на суше и на воде²⁷. Так, «великие петроградские празднества» 1920 г. постепенно охватывали все большую площадь (и, разумеется, все большее число участников и зрителей): 1 мая постановка «Мистерия освобожденного труда» занимала ступени и портал Фондовой Биржи (2 тыс. участников, 35 тыс. зрителей), 19 июля празднество «К мировой коммуне» развернулось на портале Биржи, на боковых парапетах, ростральных маяках, сходах к Неве, на Биржевом и Дворцовом мостах (4 тыс. участников, 45 тыс. зрителей), 7 ноября «Взятие Зимнего дворца» охватило всю Дворцовую площадь, сам Зимний дворец, Александровскую колонну и арку Генерального Штаба (по разным оценкам, от 6 до 10 тыс. участников, от 45 до 150 тыс. зрителей). Еще более грандиозны по размаху были революционные празднества второй половины 1920-х гг., приобретавшие черты «индустриальных зрелищ»: постановка к 10-летию Октября, разыгранная в ноябре 1927 г. в Ленинграде, задействовала территорию в несколько квадратных километров воды и суши, в том числе Петропавловскую крепость, две набережные, пространство Невы между мостами Республиканским и Равенства²⁸.

В других городах для постановки празднеств также использовались огромные пространства. Празднество «Три Интернационала», поставленное в 1920 г. в Москве, охватывало не только город, но и загородные районы: действие начиналось с 17-ти застав, продолжалось в центре, а заканчивалось за городом на «поле Интернационала», где и разыгрывалась кульминация²⁹. Одной из грандиознейших провинциальных массовых постановок стало общегородское празднество 1923 г. в Иванове в память 8-ой годовщины Иваново-Вознесенской забастовки 10(23) августа 1915 г.: празднество охвати-

²⁶ Шубский Н. На площади Урицкого // Вестник театра. 30.11.1920. № 75. С. 4–5.

²⁷ В конце 1910-х гг. празднества «вышли» на улицы и площади из закрытых помещений; в середине 20-х они, с одной стороны, «вернулись» туда – в связи с бурным развитием клубной самодеятельности, а с другой – дали жизнь «индустриальным зрелищам» – масштабным постановкам с широким применением технических средств и минимальным участием живых действующих лиц.

²⁸ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 22.

²⁹ Мазаев А.И. Указ. соч. С. 294–295.

ло весь город и всех рабочих местных заводов (ок. 20 тыс. чел.)³⁰. Огромные территории использовались в казанских летних празднествах 1924 г. – в инсценировке на тему гражданской войны «Гибель шестнадцати» (15 и 25 июня) на берегу озера Дальний Кабан и на самом озере (в действе участвовало ок. 1000 человек, не считая зрителей), и в общегородской многочасовой (с 11 час. утра до 18.10 вечера) инсценировке Империалистической войны, охватившей 3 августа 1924 г. весь городской центр – Театральную площадь, центральные улицы – Чернышевскую, Карла Маркса, Жуковскую, Покровскую, Лобачевскую и др. (вместе с 2 тыс. актеров в празднестве приняли участие 10 тыс. чел., т.е. примерно каждый двенадцатый-пятнадцатый горожанин)³¹. 8 ноября 1927 г. в Воронеже было поставлено действо «Октябрьский переворот в Воронеже» (с участием 4 тыс. чел.), которое разворачивалось у Дома народных организаций, у Митрофановского монастыря, в театре, на площади. Значительную часть города охватила инсценировка 1927 г. Октябрьского переворота в Вязьме, событий гражданской войны в Курске и пр.³²

Сама локализация постановок, привязка их к определенной местности, – имела большой смысловой подтекст. Исследователями подмечено, что массовые празднества, митинги и демонстрации первых лет советской власти чаще всего использовали уже сакрализованные предыдущей историей, мифологизированные пространства и объекты³³. Проведение празднеств на этих пространствах закрепляли их роль как сакральных «мест памяти». Однако эти места в результате проведения в них массовых действий не только обретали почетный статус в иерархии городского пространства и тем самым способствовали его реорганизации. Площади, улицы, дворцы, прочие архитектурные объекты, целые города становились действующими лицами, персонажами массовых празднеств, творя общий и свой собственный миф. Так, в знаменитом петроградском «Взятии Зимнего дворца» 1920 г. Зимний дворец «играл» свою вымышленную роль оплота реакции, он мигал огнями в окнах, в них мелькали силуэты, дворец «реагировал»

³⁰ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 44.

³¹ Сценарий инсценировки империалистической войны. Казань, 3 августа 1924 г. Казань, 1924; см. также: Малышева С.Ю. Казанские «игры» 1924 г. // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 2001. № 3/4. С. 274–281.

³² Цехновицер О. Празднества Революции. С. 27–30.

³³ Street Art of the Revolution: Festivals and Celebrations in Russia. 1918–1932. L., 1990. P. 12; Schloegel K. Jenseits des Grossen Oktober. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin, 1988. S. 366.

на происходившее на площади³⁴. В ленинградской ноябрьской постановке 1927 г. полноправным действующим лицом выступала Петропавловская крепость, ее и описывали как живое действующее лицо: «Крепость обнаруживает свое лицо гигантской торьмы... Завод (его "играл" Монетный двор. — С.М.) вступает в состязание с крепостью»³⁵. Крепость «реагирует» на происходящее — меняется ее освещение, звучащая из нее музыка. 8 ноября 1927 г. в инсценировке восстания арсенальцев в Киеве самого себя «играл» Арсенал³⁶. «Играло» само себя периода 1915 г. и пространство города Иваново в процессе инсценировки в августе 1923 г. своей знаменитой стачки — на домах вновь появились вывески, которые еще помнили многие жители — «полицейский участок», «городская управа» и др.³⁷

Однако при инсценировании на местах не региональных, а центральных, в частности, петроградских сюжетов, привязка к уже сакрализованному, освященному революционной историей месту отсутствовала. В таком случае часто производился «перенос» ауры сакрализованного пространства Петрограда на местные объекты, наделение их на время праздника священными значениями. Таким образом, «социальные маски» в процессе празднеств надевали не только люди, но и здания, улицы, города. Поскольку в различных городах страны в 1920-е гг. многократно инсценировался «кульминационный пункт» Октября — «штурм Зимнего дворца», то во многих городах на время появлялись свои «Зимние дворцы» (интересно, что в самом Ленинграде в ходе ноябрьской постановки 1927 г. роль Зимнего дворца — резиденции враждебных сил, которая была взята штурмом, — играла Петропавловская крепость!). В ноябре 1927 г. в Армавире Зимний дворец изображала Первая советская гостиница, в г. Николаеве — музей Верещагина³⁸. В Казани в 1924 г. роль Зимнего дворца «играло» здание бывшего Дворянского собрания, а роль Таврического дворца — «сгоревший театр»³⁹. Таким образом петроградский миф о «штурме Зимнего» закреплялся и на региональном уровне.

Некоторые объекты в ходе инсценировок могли символизировать намного более глобальные пространства. Например, во время петроградского зрелища «Блокады России» в 1920 г. островок, на котором разворачивалась часть действия, означал осажденную Рос-

³⁴ См.: Шубский Н. Указ. соч.

³⁵ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 22–23.

³⁶ Там же. С. 27.

³⁷ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 44.

³⁸ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 28–29.

³⁹ Сценарий инсценировки империалистической войны. С. 5.

сию; ее же символизировало небольшое пространство перед Фондовой Биржей в празднестве «К мировой коммуне» в июле 1920 г.⁴⁰

Итак, мифология празднеств воплощала смешанную модель исторического развития: общее его течение представлялось линейно-прогрессивным (в соответствии с марксовым учением об общественно-экономических формациях), в то время как каждый сюжет строился по циклической схеме, в рамках которой вновь и вновь воспроизводилась идея борьбы Добра и Зла («вечных» мирового пролетариата и мировой буржуазии). Образ истории в этой мифологии дискретен, время почти что неподвижно. Время празднеств – то самое «Время-1» – статичное, дискретное, гомогенное и каузально-нейтральное (в отличие от «Времени-2» – динамичного, континуального, гетерогенного и каузально-эффективного)⁴¹. Пространство, в котором совершается исторический процесс, для мифологии раннесоветских празднеств – это пространство революции – «вся Вселенная» (эта установка расширяла праздничное пространство до масштабов целых городов). Пространство в этой мифологии нестабильно и неконкретно (практиковались «столкновения пространств», перенос сакральных объектов и т.д.).

Произвольное обращение с временем и пространством в интeресах творимых мифов – характерная черта постановок 1917–20 гг. Власть над временем и пространством была одной из самых распространённых утопий советской культуры, выраженной во вдохновлявших многие поколения советских людей строках: «Мы покоряем пространство и время...».

Мифология события

Мифологизация конкретных исторических событий касалась прежде всего истории российской революции, гражданской войны, и их отдельных сюжетов (т. е. событий недавних) – по словам Ф. Броделя, «еще обжигающей руки истории»⁴². Но очень часто инсценировавшиеся вариации на эти темы были весьма абстрактны и обобщены до уровня вечной борьбы Добра со Злом: например, пулярные постановки «Борьба за власть Советов» с набором штампов классовой борьбы – зверства белых, борьба подполья и митинги рабочих, наступление красных, бегство белых, торжество красных и суд над тиранами. Обобщивший в 1927 г. опыт организации массовых постановок

⁴⁰ Массовые празднества. Сборник... С. 64; Массовые праздники и зрелища. М., 1961. С. 8–9.

⁴¹ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 73–89.

⁴² Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 124.

М. Данилевский предлагал в своем методическом пособии «рыбу» сценариев двух постановок на тему «Борьба за власть Советов», первый из которых представлял собой именно такой штамп (второй предполагал использование для инсценирования реальных местных событий, поэтому характеризовался автором, как более сложный и дорогостоящий)⁴³. Одна из реальных постановок 1920-х гг. («Среди пламени») также написана на весьма абстрактный сюжет классовой борьбы, происходящий «где-то на Западе». Как писал автор сценария П.М. Керженцев, «основную линию пьесы можно охарактеризовать двумя фразами – от хаоса к организованности, от стихийного бунта к классовой революции, от распыленности сил к их мощному сплочению ради победного удара... главное действующее лицо – масса в ее общественных выступлениях»⁴⁴. Такой примитивный, абстрактный сюжет вполне соответствовал уровню политической культуры широких народных масс, он прекрасно иллюстрировал необходимый минимум понимания теории классовой борьбы. Жанр сказки-были был близок политической культуре масс, ее младенческому состоянию.

Но и сценарии инсценировок конкретных исторических событий часто были столь же абстрактными. М. Данилевский обмолвился в своей «методичке»: «сюжетная сторона... очень упрощена... Действующие... и само действие частично носит символический характер... Иногда сюда *звертываются* (курсив мной – С.М.) эпизоды или отдельные лица революционно-исторического порядка: Спартак, Стенька Разин, эпизоды из времени французской революции, которыми вносятся определенная красочность в общий колорит постановки»⁴⁵.

Как отмечалось выше, в тематике театрализованных празднеств прослеживались две «генеалогические» линии – российская и «европейская». И в той, и в другой востребованы были сюжеты классовой борьбы, весьма далекие друг от друга по времени и локализации. Некоторые авторы отмечают, что празднествами слабо востребовались многие сюжеты российского революционного движения – история декабристов, народничества, петрашевцев⁴⁶. Однако следует сказать, что при всем кажущемся «интернационализме» постановок историческая мифология празднеств в целом была россияцентрична. И дело не только в численном преобладании инсценировок на российские темы.

⁴³ Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни. Сценарий массовых действий и методика их проведения. М.-Л., 1927. С. 38–42.

⁴⁴ Керженцев П.М. Среди пламени. Театральное представление в 3-х действиях и интермедиями. Пг., 1921. С. 43.

⁴⁵ Данилевский М. Улица и площадь... С. 31.

⁴⁶ Stites R. Revolutionary Dreams... P. 94–95.

В сценариях, составленных из сюжетов борьбы униженных и угнетенных разных стран и времен, кульминацией непременно была победа пролетариата России. Даже при инсценировании глобального мирового или европейского события акцент делался именно на их внутренней значимости для России. Скажем, широкомасштабная общегородская инсценировка «Империалистическая война» в Казани в 1924 г., поставленная к 10-летию начала мировой войны, представляла исключительно российские события, причем, в основном петроградские, даже как бы – петроградские события глазами питерских рабочих. Война здесь обозначена косвенно – сценами оглашения манифеста о ее объявлении, мобилизации и обучения солдат, парадов и смотров войскам, прибытия раненых, выступления патриотических ораторов и пр. Характерно, что инсценировка заканчивалась Октябрьским вооруженным восстанием 1917 г., а события 1918 г. и окончание мировой войны из сценария вообще «выпали»: они не представляли интерес с точки зрения общего замысла – показа того «перерастания империалистической войны в гражданскую», о котором писали большевики.

В методических рекомендациях 1927 г. по программе октябрьского вечера в клубе отчасти отражены сюжеты и темы, ставшие к этому времени объектами инсценирования. В рекомендациях предлагалось пять тем – «ступеней борьбы, приведших к Октябрю», – Парижская Коммуна, русское революционное подполье, 1905 г., Февральская революция, Октябрь 1917 г.⁴⁷ В празднествах 1917–20 гг. использовались ряд сюжетов зарубежной истории разных времен. Так, в 1917 г. на многих открытых площадках в Петрограде были разыграны действия «Марсельеза», «Спартак – бунт рабов», «Восстание немецких крестьян под знаком “Башмака”», «Французская революция», «Гарibaldi». Эти инсценировки 1917 г. носили большей частью лубочный, иллюстративный характер⁴⁸. В плане петроградских революционных торжеств на лето 1920 г. (он, правда, не был осуществлен) фигурировало массовое действие «Взятие Бастилии», которое предполагалось развернуть в Летнем саду⁴⁹. «Взятие Бастилии» ставилось в эти годы в России неоднократно. В его инсценировке на Балтийском флоте при активном участии и под руководством Льва Никулина (1918 г.) приняли

⁴⁷ Материалы по проведению X годовщины Октября в рабочем клубе, красном уголке и библиотеке. 2-е изд. М., 1927. С. 26–29.

⁴⁸ Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971. С. 45–46.

⁴⁹ История советского театра. Т. 1. Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма. 1917–1921 / Гл. ред. В.Е. Рафалович, ред. Е.М. Кузнецов. Л., 1933. С. 271.

участие до 1000 чел.⁵⁰. В сознании читающей России, а также в сознании «продвинутых масс» этих лет Бастилия была, может быть, не меньшим символом старого режима, чем для французов периода Великой французской революции. Как справедливо заметила Катерина Кларк, именно взятие Бастилии стало матрицей для создания образа «Штурма Зимнего дворца»⁵¹. Действительно, «штурм», «взятие» – это в значительной степени образы, мифы, рожденные именно массовыми празднествами, кинофильмом С. Эйзенштейна, воплощенные затем в художественный и научный нарратив. Ведь судя по ранним воспоминаниям зарубежных авторов (Дж. Рид, Л. Брайант, А.Р. Вильямс) и российских участников и свидетелей событий вокруг Зимнего дворца (В. Набоков), «штурм» как такового и не было: «штурмующие» практически беспрепятственно проникали через многочисленные входы-выходы дворца, к которым просто невозможно было поставить охрану.

Одним из наиболее распространенных «зарубежных» сюжетов была история Парижской Коммуны. «День Парижской Коммуны» – 18 марта – стал официальным праздником первого советского праздничного календаря. Если рассмотреть два сценария действия на тему Парижской Коммуны – поставленную в Ленинграде инсценировку Адриана Пиотровского⁵² и изданный в Харькове сценарий инсценировки В. Жемчужного «Дневник Коммуны»⁵³, то станет очевидно, что реальные исторические события, факты, персонажи даны весьма скупо, в общем. Эти события – лишь «декорации» для вневременной борьбы угнетенных и угнетателей, бедных и богатых. Сами смыслы событий и действующих лиц узнаваемы зрителями: национальная измена правящих в то время, как враг стоит у ворот столицы, создание революционных органов восставшими, бои на баррикадах, митинги и речи, уличные перестрелки – все это было реалиями недавнего прошлого для тех, кто ставил, участвовал, сопереживал в постановках.

Инсценировка этих моментов в «декорациях» исторических событий позволяла переосмысливать историю только в одном ключе – как непрерывной битвы мирового «пролетариата» с мировой «буржуазией». В одной из знаменитых петроградских постановок 1920 года «К мировой Коммуне» эпизоды некоторых исторических событий и исторические периоды (Парижская Коммуна, II Интернационал, мировая война, российская революция, гражданская война) были

⁵⁰ История советского театра. Т. 1. С. 227.

⁵¹ Clark K. Petersburg, Cruisible of Cultural Revolution. P. 134.

⁵² Парижская Коммуна. Инсценировка Адр. Пиотровского.

⁵³ Краткое описание в: Юренев В., Иркутов А. Составление сценария и текста (В помощь самодеятельности). М.-Л., 1927. С. 40–41.

представлены как этапы борьбы «рабов» и «господ», «труда» и «капитала», вневременных групп «пролетариата» и «буржуазии».

Показательно, что организаторы постановок не обременяли себя и зрителей обилием исторических персонажей. В инсценировке Пиотровского из реальных персонажей – только Тьер и Делеклюз, в инсценировке Жемчужного отсутствуют и они. Инсценировки вполне обходятся анонимными «рабочими», «прохожими», «женщинами», «газетчиками» и прочими представителями «толпы», «народа». В инсценировке «К мировой Коммуне» чуть ли не единственный исторический персонаж – Жорес: он обращается к народу накануне мировой войны с призывом к борьбе и тут же падает, сраженный пулей врагов.

Показательна и грубая, плохо мотивированная привязка отдаленных по времени исторических событий к российским событиям и реалиям (или, скорее, наоборот). Так, в конце сценария Пиотровского парижские рабочие – наследники Парижской Коммуны, – выходят в 1924 г. на демонстрацию почтить память Ленина. В этой же инсценировке Делеклюз, призывая на помощь сражающейся Парижской Коммуне французские города, выкрикивает: «Петербург!»⁵⁴. А в «Дневнике Коммуны» в специальном эпизоде «Мы и Коммуна» рассуждалось об ошибках «первой пролетарской Коммуны» и она непосредственно сравнивалась с Октябрьской революцией⁵⁵.

Но все же абсолютное большинство празднеств использовали сюжеты российской революционной истории. Так, в 1919 г. в Петрограде под руководством Д.А. Щеглова были поставлены действия «Ленский расстрел», «Восстание в селе Бездна», «Из мрака к свету»⁵⁶. В постановках на российские темы самым «ранним» событием было восстание Степана Разина⁵⁷. Событию местной революционной истории была посвящена уже упоминавшаяся общегородская инсценировка забастовки 1915 г. в Иваново-Вознесенске в 1923 г. Исключительно российские события изображались в инсценировке «Три дня», многократно ставившейся в начале 20-х гг. в Петрограде и уездах: восстание декабристов 14 декабря 1825 г., 9 января 1905 г., 25 октября 1917 г. «Кровавое воскресенье» официально вошло в советский революционный календарь, поэтому в 20-е гг. инсценировалось весьма часто⁵⁸. Однако абсолютное большинство инсцениро-

⁵⁴ Парижская Коммуна. Инсценировка Адр. Пиотровского. С. 10.

⁵⁵ Юренив В., Иркутов А. Указ. соч. С. 41.

⁵⁶ История советского театра. Т. 1. С. 252.

⁵⁷ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 46.

⁵⁸ Массовые празднества. Сб. комитета... С. 58–59.

вок представляло и закрепляло «правильный» образ событий недавних – революции 1917 г. и гражданской войны, которые начинали отсчет нового времени и были наиболее важными объектами мифологизации. Именно мифологизация этих недавних событий должна была легитимизировать новую власть и создать идейную мотивацию для принятия этой власти большинством населения.

1917 год и его события заняли центральное место в сотворении мифа. Один из исследователей революционных празднеств Джеймс фон Гельдерн считал наиболее показательным и важным событием процесса мифологизации революции инсценировку «Взятие Зимнего дворца», поставленную в ноябре 1920 г. в Петрограде к третьей годовщине Октября. Именно она, по его мнению, была важна для создания мифа о происхождении власти большевиков: это был момент перехода, с которого начиналась история и с которого разворачивалось будущее, это массовое празднество должно было «очистить» историческое событие от всего «ненужного», «улучшить» его⁵⁹.

Историческая мифология событий 1917 года, нашедшая своеобразную кульминацию во «Взятии Зимнего дворца», формировалась на протяжении двух лет. 12 марта 1919 г. к годовщине Февральской революции Театрально-драматургическая мастерская Красной Армии (создана за месяц до этого) поставила в Петрограде, в зале Рождественского Совета свою первую инсценировку «Свержение самодержавия». В ней присутствовали лишь две конкретные даты: 9 января 1905 г. (расстрел мирной рабочей демонстрации) и 2 марта 1917 г. (отречение царя от престола). Между двумя событиями – двенадцатилетняя хронологическая «дыра», безвременье, заполненное «битвами» рабочих, солдат, революционеров-подпольщиков с самодержавием. Никаких «третьих» сил, партий, Государственной Думы, Временного правительства – нет. Они просто «выключены» из истории. На сцене – борьба труда и капитала, власти и народа, Добра и Зла – в чистом виде. Этот взгляд на события февраля-марта 1917 г. был запечатлен многократно: до конца 1919 г. празднество «Свержение самодержавия» инсценировалось в казармах и митинговых залах, на ступенях зданий, на площади перед Зимним дворцом, на фронте – 250 раз! Причем, вначале в том же самом виде, что и 12 марта, а после годовщины Октябрьской революции – в расширенном виде под названием «Красный год». В видеоизмененном варианте инсценировка включала три части: 1

⁵⁹ Geldern, von J. Festivals of the Revolution. P. 160; Geldern, von J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, Los Angeles, L., 1993. P. 199, 201, 203, 206.

– Февральская революция (прежнее «Свержение самодержавия»), 2 – Керенщина (в виде буффонадной пантомимы), 3 – Октябрь⁶⁰.

«Взятие Зимнего дворца», инсценированное 7 ноября 1920 г. на площади перед Зимним дворцом, стало кульминацией петроградских празднеств 1920 г., оно представляло собой усовершенствованный «итоговый» вариант «Свержения самодержавия» и «Красного года». Всего в действе играли – по разным сведениям – от 6 до 10 тыс. профессиональных и непрофессиональных (членов театральных кружков и просто красноармейцев и краснофлотцев) актеров для (опять-таки по разным сведениям) от 45 до 150 тыс. зрителей.

Действо разворачивалось на трех больших соединенных сценических площадках. События на красной сцене (с декорациями в виде фабрик и заводов, рабочих кварталов) подавались в героико-драматическом тоне, а главное действующее лицо было «безлично», носило «коллективный характер» (культу вождя здесь пока нет) – в этом качестве выступали в основном рабочие и красноармейцы (как писал очевидец, сначала «там царствовала масса серая, тупая, неорганизованная, потом все более активная, стройная, мощная... превратилась в красную гвардию»). События на белой сцене изображались комедийно, в стиле оперы-буфф, цирка, кукольного театра, здесь действующие лица персонифицированы: это, по описанию очевидца, «Керенский, Временное правительство, старорежимные сановники и вельможи, женский батальон, юнкеры, банкиры и купцы, фронтовики, калеки и инвалиды, восторженные дамы и господа соглашательского типа». Мост-сцена, соединявший красную и белую площадки, представлял «мост между двумя мирами, арену их столкновений. Здесь сражаются и убивают, здесь побеждают и отсюда отступают»; события разыгрывались «в тонах батального зрелища». Полтора часовое действо начиналось победой «белых» и их окарикатуренным торжеством под звуки «Марсельезы» (имелась в виду Февральская революция). Керенский занимал вершину пирамиды (использована идея социальной пирамиды из петроградских празднеств 1920 г. «Мистерия освобожденного труда» и «К мировой Коммуне»), ниже располагалось правительство, банкиры и прочие «господа». Действо происходило не только на площадках, но и на земле (в конце герои белой сцены бежали в сторону Зимнего дворца, а за ними неслись атакующие), а также в воздухе – над дворцом гудели аэропланы. Все это сопровождалось залпами «Авроры», треском ружей и пулеметов, звучанием колоколов, гудками заводов, сиренами, фейерверками, в небо взлетали ракеты.

⁶⁰ История советского театра. Т. 1. С. 246.

Дворец тоже выступал в роли действующего лица: все действие каждое из 50-ти окон второго этажа мигало в такт событий. Как справедливо заметил очевидец, в 1917 г. пуль и шума было намного меньше⁶¹.

Картина исторических событий, которая вырисовывалась из этих театрализованных действий, отчасти претендовала на хроникальность и формировала представление о них широких масс, стирая собственный опыт и воспоминания отдельного человека. «Театрализация жизни» немало способствовала мифологизации и героизации событий революции, и очень скоро штампы, созданные на подмостках, проникнут и в историческую литературу. В постановке штурма Зимнего мы видим упрощение событий, четкое разделение мира 1917 г. на два лагеря – две сцены; мостик, на котором встречаются действующие лица, имеет лишь одну функцию – это место для сражений, а не встреч, переговоров или компромиссов. Это то, что вскоре отразит и советская историография – полное вычеркивание из истории революции и истории власти «третьей силы», демократического периода, и полное отрицание какой-либо конструктивной роли за социалистами, демократами, либералами, Временным правительством, отрицание роли коалиции. Здесь Февраль – «не наша» революция, это победа «белых»! Все персонажи вне большевистского лагеря изображаются карикатурно, в части, которая касается отрицательных персонажей, действие переходит в клоунаду. Ярчайший пример влияния празднеств на изображение событий в литературе и на историческую память широких слоев народа – это нарочитая феминизация личности А.Ф. Керенского, легитимация в ходе этих празднеств слухов 1917 года о его бегстве из Зимнего дворца в платье сестры милосердия (именно это происходило в ходе действия 1920 года) – штамп настолько устойчивый, что он нашел позже отражение и в популярной литературе, и даже в живописи (картина Григория Сегала в Третьяковской галерее). Обратная сторона этой стигматизации, принижения противника – героизация и увенчание нимбами собственных вождей, – тоже имеет корни в празднествах. И она также нашла воплощение в исторической литературе.

Многочратно инсценировавшиеся затем события 1917 года, в том числе отдельные эпизоды, воспроизводили, дополняли, «улучшали» мифы, рожденные на подмостках в 1919–20-х годах. Так, в 1922 г. в Петрограде впервые были поставлены зрелища «Июльские дни». Они инсценировались в основном клубами, существовало около десятка

⁶¹ Шубский Н. На площади Урицкого. С. 4–5; Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств / Ред. В.П. Толстой, и др.. Сер. «Советское декоративное искусство. Материалы и документы. 1917–1922». М., 1984. С. 26–27, 114–117.

вариантов инсценировок, но содержание их было примерно одинаково⁶². Это была упрощенная трактовка той версии событий, что присутствовала с 1917 г. в большевистской публицистике, а затем и в советской историографии 20-х годов: партийное руководство яростно отвергало утверждения о том, что июльские события были ничем иным, как неудачной попыткой захвата власти большевиками, которые спровоцировали выступление и июльскую трагедию. В указанной инсценировке инициатива выступления всецело принадлежит рабочим-крестьянам-солдатам, а большевик недаром появляется только в конце, в процессе подавления восстания, и пророчит об отмщении.

Инсценировки петроградских событий 1917 г. тиражировались по всей стране на протяжении 20-х гг. В ноябре 1927 г. «Взятие Зимнего дворца» было инсценировано в Армавире, брали «Зимний» – Музей Верещагина, – и в Николаеве⁶³, в 1924 г. в ходе общегородской многочасовой инсценировки «Империалистическая война» в Казани фактически была представлена версия истории России накануне и в 1917 г.

Таким образом миф о штурме тиражировался по всей стране. Десятки и сотни тысяч людей, участвовавших в его инсценировке или бывшие наблюдателями и зрителями, испытывали незабываемое эмоциональное состояние, подчас – потрясение. Они прочувствовали творимый при их участии миф всеми органами чувств, запоминали его «памятью тела», синяками и шишками, полученными в «классовых битвах» с «полицией» на импровизированных баррикадах, чуть не лопавшимися от грохота канонад и выстрелов барабанными перепонками (шумовой эффект постановок, как правило, намного превосходил шум реальных событий). Инсценированный миф накладывал неизгладимый отпечаток на живую человеческую память, память о реальных событиях бледнела перед этой «ожившей историей».

Инсценировки местных «октябрьских переворотов», как правило, экстраполировали петроградский миф о штурме на местные события октября 1917 года. «Штурм», вооруженная схватка с «буржуазией» – неперемный атрибут этих празднеств (там, где власть перешла в руки большевиков мирно, такие сюжеты редко пользовались успехом у организаторов) – в массовой инсценировке «Октябрьский переворот в Воронеже» (Воронеж, ноябрь 1927 г.), в действе «Октябрьский переворот в Вязьме» в эти же дни 1927 года, в других городах⁶⁴.

⁶² Массовые празднества. Сб. комитета... С. 79.

⁶³ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 28–29.

⁶⁴ Там же. С. 28.

Весьма популярными сюжетами для инсценировок были события гражданской войны и интервенции. Все постановки на темы гражданской войны можно условно разбить на несколько групп: 1) инсценировки борьбы «белых» и «красных» с абстрактным сюжетом, 2) инсценировки реальных местных событий периода гражданской войны, 3) инсценировки известных реальных сюжетов истории гражданской войны, не имевших отношения к данной местности.

Инсценировки, которые можно отнести к первой группе, например – «Массовка на тему из гражданской войны», поставленная к 10-летию Октябрьской революции в Курске⁶⁵, двукратная инсценировка «Гибель шестнадцати» (о событиях гражданской войны «на Юге», судя по всему, авторы сценария вдохновлялись историей 26-ти бакинских комиссаров, тем не менее сюжет довольно абстрактен) и в июне 1924 г. в Казани. К разряду таких инсценировок абстрактных битв «белых» и «красных» можно отнести и сугубо «батальные» постановки 1927 года в Нахичевани («Бой красных с белогвардейцами Каледина в 1917 году») или постановку с местным, «национальным» колоритом в Самарканде – «Бой с басмачами и дашнаками» (!), в которой помимо четырехсот участников «сражения» в бой радостно вязались многочисленные толпы зрителей⁶⁶.

Иногда и инсценировки реальных событий носили весьма абстрактный, аллегорический характер. Например, постановка 23 февраля 1920 г. в цирке Чинизелли в Петрограде инсценировки «Меч мира», посвященной второй годовщине Красной Армии (изображалось создание Красной Армии и ряд исторических событий – заключение Брестского мира, организация Красной гвардии и Красной Армии, защита Петрограда), изобиловала аллегориями. А «Блокада России», поставленная в июне 1920 г. в Петрограде на Каменном острове, хотя и включала изображение двух реальных исторических событий – интервенцию Антанты, нашествие Польши, – но представляла их в цирковой, буффонадной манере⁶⁷.

Ко второй группе сюжетов можно отнести впечатляющую инсценировку восстания арсенальцев в Киеве и борьбы за власть Советов в 1917/1918 г., в которой для 50 тыс. активно участвовавших в действе зрителей играли и те, кто был участником тех событий⁶⁸.

⁶⁵ Там же. С. 29.

⁶⁶ Там же. С. 30.

⁶⁷ Цит. по: Мазаев А.И. Указ. соч. С. 308–309.

⁶⁸ Цехновицер О. Празднества Революции. С. 27.

Наконец, к третьей группе инсценировок можно отнести, например, инсценирование взятия Перекопа, поставленное гарнизоном города Тирасполь (ноябрь 1927 г.)⁶⁹.

В ходе революционных празднеств предпринимались и попытки представить всю недолгую тогда советскую историю, дать ее своеобразную периодизацию. Так, 7 ноября 1922 г. в действие к Празднику Конституции на площади Урицкого в Петрограде (праздник был связан также с торжественными проходами делегатов IV конгресса Коминтерна) каждый год советской власти обозначался взлетом ракет – по количеству лет, – и комментарием в рупор: «В первый год нашей власти мы освободили землю от собственников и заводы от подневольного труда. Да здравствуют свободные наши дети!», «Год второй. Мы призывали народы всего мира к восстанию. Мы сказали им: вместе зажжем революции всемирный костер», «Год третий. Тогда враги окружили кольцом блокады Республику нашу. Мы взяли в руки оружие и победили. Да здравствует Красная Армия!»⁷⁰.

Мифологизация отдельных событий осуществлялась в ходе весьма разнообразных по масштабу постановок. Наиболее впечатляющим по воздействию следует считать распространенный в первой половине 20-х гг. прием создания атмосферы «коллективного переживания» и «эмоциональной заразительности», который можно обозначить, как «погружение» целых городов на несколько часов и даже на сутки в прошлые события и эпохи (ряд петроградских постановок; «Империалистическая война» – в Казани в 1924 г.; общегородская инсценировка местных событий периода Октября в Воронеже и Вязьме; «Забастовка иваново-вознесенских рабочих 1915 г.» – в 1923 г. в Иваново-Вознесенске; и многие другие). В этих «играх» активно участвовали тысячи горожан, многие тысячи пассивных зрителей невольно вовлекались по ходу событий. Постановки дышали реализмом, пугавшим неосведомленного обывателя или случайно забредшего в город крестьянина: на улицах города появлялись городовые и околоточные, гарцевали казаки, раздавалось «Боже, Царя храни!», толпы сражались с полицией и били фонари. Разумеется, такие «игры» оставляли неизгладимый след в исторической памяти, сценарий постановки и ее воплощение рождали миф, порой основательно стиравший собственные воспоминания о реальном событии или его прежние интерпретации.

Одной из существенных черт инсценирования реальных событий было весьма произвольное обращение с фактами в угоду логике соз-

⁶⁹ Там же. С. 29.

⁷⁰ Массовые празднества. Сб. комитета... С. 80.

дававшегося мифа. Фон Гельдерн, описывая «Взятие Зимнего дворца» в ноябре 1920 г. в Петрограде отметил ряд несоответствий постановки фактам. Среди них были, в частности, упрощения – например, «слияние» всех реальных фигур руководителей восстания в одной фигуре Ленина, – и преувеличения: так, реальное число участников событий 25 октября 1917 г. было намного меньше тех 8 тыс. (согласно Гельдерну, по другим оценкам, от 6 до 10 тыс.) человек, «штурмовавших» Зимний в 1920 г.⁷¹ Такое происходило во многих инсценировках. В 1927 г. в ходе инсценирования событий Октября на огромном пространстве Невы, ее набережных и мостов в Ленинграде «брали» вообще не Зимний дворец, а Петропавловскую крепость, как своеобразный аналог Бастилии, к тому же РСФСР в инсценировке возникла ранее наступления «Октября»⁷²! Другой еще более показательный пример грубого искажения фактов в ходе революционных празднеств – сюжет из казанской инсценировки «Империалистическая война» в августе 1924 г. В сцене августовского 1917 года Московского Государственного совещания после речи А. Керенского Л. Корнилов и Н. Чхеидзе подают друг другу руки и целуются⁷³! Каждому, кто знаком с историей революции 1917 года, взаимоотношениями основных фигур российской политики этого периода, ясна принципиальная невозможность этой сцены. Тем не менее, эта фантастическая сцена объятий Корнилова и Чхеидзе – перифраз известного реального факта – публичного рукопожатия представителя торгово-промышленных кругов А.А. Бубликова и одного из лидеров и идеологов революционной демократии И.Г. Церетели, символизировавшего готовность предпринимателей к сотрудничеству с революционной демократией. Вряд ли авторы сценария перепутали действующих лиц. Просто объятия Главковерха Л.Г. Корнилова и председателя ВЦИК Советов Н.С. Чхеидзе накануне корниловского выступления должно было означать в инсценировке объединение всего спектра контрреволюции – от «мелкобуржуазных» партий и советов до крайне правых сил.

Как видим, произвольное обращение с историческими фактами, «подправление» истории в угоду логике создаваемого мифа было характерной чертой революционных празднеств. В целом же мифология события характеризовалась условностью, абстрактностью (борьба Добра и Зла), но при этом ярко выраженной россиецентричностью.

⁷¹ Geldern, von J. Festivals of the Revolution. P. 158, 163.

⁷² Цехновицер О. Празднества Революции. С. 23.

⁷³ Сценарий инсценировки империалистической войны. С. 9.

К концу 20-х годов (в Ленинграде даже к середине 20-х) инсценировка с историко-революционной тематикой практически исчезает из массовых празднеств – это отразилось и в праздничном декоре: в октябре 1924 г. при анализе художественного оформления ленинградских демонстраций и празднеств выяснилось, что лишь 9,5% его было посвящено историко-революционной теме (остальные – современной проблематике)⁷⁴. На смену историко-революционному празднеству приходят «индустриальные зрелища» и «политкарнавалы» (просуществовали до начала-середины 30-х гг.).

В индустриальных зрелищах изображались «все важнейшие события того времени (съезды партии, провозглашение новой Конституции, пятилетки, начало и окончание важнейших строек, события в Испании, эпопея "Челюскина", полярные экспедиции, перелеты советских летчиков и др.)»⁷⁵, политкарнавал чаще обращался к сюжетам мировой политики, высмеивал отдельных зарубежных политических деятелей. Широкое распространение индустриальных зрелищ вызвало к жизни идею строительства специальных стадионов (одним из воплощений которой стал проект стадиона в Измайлове в Москве⁷⁶) – «стадионов массовых постановок для участия десятка тысяч зрителей, где они *рассядутся по местам*, где выверенная, точная, раз навсегда испытанная радиоустановка донесет до них каждое слово оратора, где гигантское кино будет сменяться игрою разноцветных теней на экране, в то время как по проложенным на площадке рельсам будут проноситься трамваи и паровозы, а по каналу, *отделяющему зрителей от места действия*, шнырять лодки гребцов (выделено мной – С.М.)»⁷⁷. Место историко-революционных инсценировок должен был занять эдакий «пролетарский Дисней-Ленд», с его здоровым потребительским (хлеба и зрелищ!) оптимизмом, пониманием условности и правил игры.

Историко-революционные героические действия отличались неистовой серьезностью в осмыслении прошлого и настоящего, нешуточным свирепым реализмом, которого пугались подчас сами организаторы празднеств. Например, в августе 1924 г. в Казани организаторы инсценировки отменили ее кульминацию – сцену Октябрьской революции – штурма Зимнего! Сделано это было, как было сказано в мест-

⁷⁴ Массовые празднества. Сб. комитета... С. 98.

⁷⁵ Мазаев А.И. Указ. соч. С. 375.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Он же. Празднества Революции. С. 54.

ной прессе «из боязни эксцессов»⁷⁸. В этой фразе – простодушное признание не только причины «отмены Октябрьской революции» в Казани, но и сворачивания в дальнейшем практики таких масштабных исторических инсценировок с участием широких масс. Политика советской власти тех лет вызывала, как известно, весьма неоднозначные и далеко не всегда восторженные оценки населения страны. Благоразумные политические руководители хорошо понимали непредсказуемость психологии толпы даже при наличии четкого сценария, учитывали эффект эмоциональной заразительности, который был широко использован в агитационно-массовой работе в первые годы революции, и не хотели рисковать, вводя толпу в соблазн эксцессов или, тем более, в соблазн по-своему «подправить» историю.

Причина исчезновения историко-революционных инсценировок, разумеется, заключалась не только в боязни эксцессов. Времена, когда большевистской власти был нужен народ, как ее со-творитель и, следовательно, как соавтор и союзник в создании новой исторической мифологии, – прошли. Стабильной власти, как и всякой другой нормальной власти, требовался обыватель, мещанин, средний слой – спокойный, надежный, предсказуемый. К началу 1930-х гг. историческая мифология революционных празднеств выполнила свою функцию. «Визуальное» и через личное участие познание истории уже не было единственно возможным для вчерашних неграмотных масс, в результате овладения грамотой получивших доступ к популярной литературе. Сюжеты мифологии революционных празднеств воплотились и закрепились в общеисторическом нарративе советской историографии. В ней к началу 1930-х годов завершался процесс формирования единого мифа о революции и власти, который будет вскоре закреплён официально в «Истории гражданской войны» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Историческая мифология революционных празднеств выполнила свою задачу, создав общепонятное семантическое поле, в рамках и в понятиях которого мыслил исторический процесс рядовой советский гражданин, и которое в значительной степени творило его самого. Эта мифология надежно связывала его с властью, гарантируя стабильность режима.

⁷⁸ Симкин Б. Современная форма агитации // Красная Татария. 1924. 5 августа.

А.С. Туманова (Тамбов)

ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЫСШЕЙ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Двухвековая история Российской империи – это в первую очередь история государственности. Государственное начало доминировало: государство регулировало социальное и культурное развитие страны, определяло направление экономического роста, превалировало в иерархии ценностей. Гипертрофированная роль государства обуславливала слабость и неразвитость общества в начале XX века и во многом объясняла серьезное отставание России в развитии политической и гражданской жизни, сохранение сословных отношений и самодержавного правления. Неразвитость общественной сферы обусловила и сравнительно позднюю в сравнении со странами Европы постановку в России проблемы гражданских свобод.

Теоретическое обсуждение содержания и принципов гражданских свобод являлось важным направлением либерального общественного движения накануне первой русской революции. Эта тема получила свое освещение на страницах подцензурного либерального журнала «Освобождение», издаваемого П.Б. Струве. Приветствуя нового министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского, объявившего «эру доверия» власти к обществу, «Освобождение» писало, что «ближайшей задачей министра, понимающего потребности государства и государственной власти, должно быть установление свободы слова, свободы печати и свободы союзов!»¹. Требование превращения страны в конституционную монархию с введением в конституцию декларации прав человека стало программным лозунгом объединившейся вокруг журнала либеральной оппозиции, входившей в состав «Союза освобождения» – предтечи кадетской партии, и было сформулировано в выработанном его лидерами П.Н. Милюковым, П.Д. Долгоруковым и др. в октябре 1904 г. проекте конституции².

¹ Ближайшая задача // Освобождение. 1904. № 59. 10 ноября (28 октября). С. 150.

² Основной закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905. С. 50–51.

Об установлении и последовательном проведении в жизнь демократических свобод шла речь на положившем начало широкому обсуждению вопросов конституционного устройства в общественных кругах ноябрьском земском съезде 1904 г.³

«С единодушием, поразительным для представителей дворянства и крупной земельной собственности, члены съезда наметили программу, в которой фигурируют все необходимые права: свобода печати, собраний, союзов, требование национальных прав, одним словом конституции, — писала о съезде иностранная печать и добавляла: что бы теперь ни сделали царь и князь Святополк-Мирский с этими реформами или с их мужественными инициаторами, один колоссальный шаг сделан: великая русская нация, в ожидании своей "Декларации прав" и своего Bill of Rights имеет уже свою "Петицию о правах"»⁴.

Вопросы о конституции и гражданских правах поднимались на проходившей осенью 1904 г. серии банкетов, приуроченных к 40-летию судебной реформы 1864 г. Даже состоявшаяся в конце января 1905 г. сессия московского дворянства, в состав которой входила почти вся служилая знать и губернаторы доброй половины России, и на «отрезвляющий голос» которого возлагали надежды правые, не решилась признать «бессмысленным и вредным» высказываемое российской общественностью стремление к преобразованию государственного строя на демократических началах, настаивая лишь на его «несвоевременности» во время «небывалой по упорству войны».

«Так, — резюмировал либеральный деятель В.А. Маклаков, — к 1905 г. образовался один общий фронт, от революционеров до консервативных слоев нашего общества. Единомыслия в этом лагере быть не могло. Но в одном все были согласны: что продолжать по-прежнему невозможно. Против этого оппозиционного фронта стояло Самодержавие со своим еще сильным государственным аппаратом, но смущенное проявленной к нему общей враждебностью»⁵.

Между тем идея гражданских свобод начинает приобретать сторонников и в лагере высшей власти. Остроту проблемы взаимоотношений государства и общества сознавали многие представители правящей элиты страны. В необходимости выработки нового стиля управления страной, предполагавшего уважение к обществу и использование его здорового потенциала, убеждали Николая II его ми-

³ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 240.

⁴ Перепечатка из французской газеты «Le Temps» в журнале «Освобождение». См.: Из иностранной печати о русских делах // Освобождение. 1904. № 61. 30 ноября (13 декабря). С. 194.

⁵ См.: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1928. Ч. 2. С. 344–346, 350, 352–353.

нистры Н.В. Муравьев, С.Ю. Витте, А.С. Ермолов. Побуждало сановников пойти на проведение конституционных реформ и состояние современной им социально-политической и правовой мысли: идея гражданских свобод являлась базисным принципом европейских конституций и получила существенную разработку в отечественных и зарубежных правовых трудах. Факторами конституционного воспитания власти являлись нарождавшиеся в России институты гражданского общества – пресса, общественные организации, общественные съезды и др. Самим фактом своего существования они оспаривали у государства роль единственного выразителя интересов подданных, ограничивали традиционно принадлежавшую ему монополию на общественную жизнь. Получив де-факто возможность самостоятельно решать многие вопросы повседневной жизни населения, общественность требовала теперь признания своих прав де-юре, т.е. в законе.

Действенным средством политического воспитания власти в русле конституционных идей явилась первая русская революция. Требование введения гражданских свобод стало одним из ключевых программных лозунгов либерального и радикального лагерей участников революционного процесса. Содержалось оно и в петиции, которую готовились предъявить царю 9 января 1905 г. петербургские рабочие. Анализируя правительственное сообщение о событиях 9 января, основанное на противопоставлении предъявленных рабочими общеполитических требований (гражданские свободы, созыв Учредительного собрания), именованных в сообщении «дерзкими требованиями политического свойства», чисто рабочим (8-часовой рабочий день, свобода борьбы труда с капиталом), и указывая на существующий в официальных сферах страх перед лозунгами общеполитического характера, Р.Ш. Ганелин справедливо расценивает его как свидетельство неготовности сановной бюрократии к реализации гражданских реформ⁶.

Между тем дальнейшее развитие революционных событий в 1905 г., кульминацией которых явилась октябрьская политическая стачка, окончательно убедили правительственных сановников в том, что коренные гражданские реформы в стране назрели, и от скорого их проведения напрямую зависит судьба монархии. Находившимся у власти становилось очевидным, что выход из тупика возможен только путем достижения разумного компромисса с общественно-

⁶ Ганелин Р.Ш. От попыток реформ без введения представительства (указ 12 декабря 1904 г.) к идее совещательной думы // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 477.

стью, с той ее умеренной частью, которая в меньшей степени была заражена революционными настроениями. Для этого требовалось удовлетворить наиболее насущные и часто повторявшиеся ее требования, каковыми являлись провозглашение народного представительства и предоставление населению гражданских свобод. По замечанию Р.Ш. Ганелина, реализация этих мер, предполагавших допущение участия во власти «общественников», представлялась меньшим злом в сравнении с революционной опасностью⁷.

Именно тогда, в условиях чрезвычайных, правительство прибегло к поспешному и относительно радикальному реформаторству в области гражданских прав. Первыми его шагами явились указы 18 февраля 1905 г. о допущении политических петиций, 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости, 12 октября 1905 г. об установлении временных правил о собраниях, 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной думы. Издание Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласившего намерение императора «даровать населению страны незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»⁸, свидетельствовало о готовности правительства вплотную заняться выработкой юридических актов, воплощавших в себе принципы гражданских свобод.

Время после провозглашения Манифеста стало периодом, когда власть как никогда была полна решимости провести в жизнь его основные положения, наметившие перспективы движения страны к конституционному строю. «Стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, гражданских свобод» провозглашалось первостепенной задачей образовавшегося под председательством С.Ю. Витте объединенного правительства⁹. По воспоминаниям современников, С.Ю. Витте, возглавивший реформированный Совет министров, являлся залогом того, что в стране «в виде нормального порядка будет постепенно введен правовой строй, а за населением упрочены возведенные гражданские свободы»¹⁰. Декларируя свою приверженность идеям Манифеста 17 октября 1905 г., он требовал от правительства выра-

⁷ Там же.

⁸ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 150–151.

⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 4–7.

¹⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 526.

ботки юридических гарантий провозглашенных гражданских свобод, и желал, чтобы соответствующие законопроекты были подготовлены в кратчайшие сроки, до созыва Государственной думы.

В представлении либеральной общественности Витте являлся тогда самым горячим сторонником общественной самодеятельности, поборником «свободной, на праве основанной, защищенной законом инициативы и деятельности личности и общества».

В.А. Маклаков писал о Витте: «он с горечью клеймил власть, которая борется с обществом, боится его вместо того, чтобы привлекать лучшие силы его на служение государству. Власть, по мнению Витте, должна как можно меньше посягать на свободу общественной деятельности. Чем власть сильнее, тем больше свободы она может дозволить; а так как Самодержавная власть самая сильная власть, то именно она наиболее полно должна обеспечить свободу»¹¹.

Важнейшей конституционной свободой, законодательной разработкой которой занималось в то время правительство, являлась свобода союзов. Анализ принципов, которыми руководствовалась высшая бюрократия, характеризует ее представление о содержании и допустимых границах гражданских свобод на этапе преобразования государственного строя из самодержавного в конституционно-монархический. Основные тенденции, обнаружившиеся в официальных сферах во время обсуждения законопроекта о свободе союзов – столкновение взглядов и позиций сановной бюрократии, выявившее наличие в ее стане двух лагерей (традиционалистов-консерваторов и сановников-реформаторов), последовательное выхолащивание демократического содержания принципа свободы союзов по мере его рассмотрения в Совете министров и Государственном совете – были в целом характерны для подготовки и конституционных реформ, направленных на осуществление свободы собраний, совести и др.

Составлением законопроекта о союзах занималось Министерство юстиции (разработка общей части законопроекта), а также Министерство торговли и промышленности, готовившее раздел о профессиональных обществах. Выработанный в этих министерствах законопроект о союзах был составлен в русле идей Манифеста 17 октября 1905 г. и с учетом передовых принципов правовой регламентации союзов, заимствованных из трудов европейских правоведов и законодательных актов западных стран¹². Восприняв имев-

¹¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России... Ч. 2. С. 255–256.

¹² При составлении законопроекта использовались законодательства о союзах Англии, Германии, Франции, США и Австрии, сочинения известных

шийся в данной сфере правовой задел, законопроект устанавливал новый порядок образования союзов. Они должны были создаваться без предварительного разрешения правительства, за органами правительственной власти оставалось лишь право надзора за их образованием и деятельностью. Образование и прекращение действий союзов должно было осуществляться в судебном порядке.

Создавая правовую основу для расширения свободы общественных объединений, власть, в то же время, продолжала подозрительно относиться к подобным проявлениям самодеятельности населения, опасаясь, что в определенных условиях она может выйти за рамки дозволенного и стать источником формирования оппозиционных настроений. Страх перед развитием общественной самодеятельности усиливался тем обстоятельством, что многие общества накануне и в период событий 1905 г. чрезмерно политизировались, открыто обсуждая вопросы о необходимости переустройства страны на конституционно-демократических основах, а местные власти не всегда способны были дать отпор их действиям.

Значительные изменения в первоначальный законопроект о союзах были внесены в период его рассмотрения в Совете министров в ноябре 1905 – январе 1906 г.¹³, по предложению управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново, исходившего здесь в первую очередь из интересов охраны общественного порядка и государственной безопасности. Будучи главной инстанцией, регулировавшей жизнедеятельность общественных организаций, и считая вопросы общественной самодеятельности своей компетенцией, МВД внесло в законопроект Министерства юстиции существенные поправки¹⁴.

Различие позиций Министерства юстиции и МВД объяснялось также существенными различиями во взглядах их руководителей на вопрос о гражданских свободах. Так, если министр юстиции С.С. Манухин слыл в правительственных сферах неуклонным поборником законности и последовательным сторонником реализации провозглашенных в Манифесте 17 октября правовых принципов, то

европейских юристов немцев Георга Мейера («Учебник немецкого государственного права» (изд. 1905)) и Лоренца фон Штейна («Исполнительная власть» (ч. III, изд. 1869 г.)), а также швейцарского правоведа И.К. Блюнчли («Общая часть государственного права» (6-е изд. 1885 г.)).

¹³ Законопроект о союзах поступил в Совет министров 8 ноября 1905 г., который закончил его рассмотрение 10 января 1906 г.

¹⁴ Проект временных правил об обществах и союзах. Предложенные управляющим Министерством внутренних дел изменения // Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1276. Оп. 1. Д. 79. Л. 65–68 об.

П.Н. Дурново, наблюдая за развитием революционных событий после обнародования Манифеста 17 октября, считал исполнение правительством данных в нем обещаний «опасной авантюрой»¹⁵. В Совете министров Дурново являлся одним из наиболее убежденных приверженцев жесткого курса, полагая, что в условиях охватившего общество революционного психоза любые послабления общественной со стороны власти могут способствовать лишь дальнейшему его развитию, а отнюдь не успокоению. Симпатизировавший П.Н. Дурново В.И. Гурко утверждал, что последний отнюдь не являлся ретроградом и вполне отдавал себе отчет в том, что решительные реформы государственного строя в России назрели.

«Мы живем как в осажденном лагере, — приводил Гурко высказывание Дурново, — мы перестаем быть национальной властью и превращаемся в каких-то порабитителей-татар. Но идти сейчас в порядке полного осуществления провозглашенных свобод — это значит заменить одну тиранию другой, безмерно худшей, от которой неминуемо погибнет государство»¹⁶.

Существенные замечания, внесенные П.Н. Дурново в проект о союзах, касались расширения полномочий административной власти в регулировании создания и деятельности общественных организаций. По замыслу Дурново, без ее участия не могла образоваться теперь ни одна организация вне зависимости от способа ее создания и объема получаемых прав. Глава местной администрации наделялся также правом приостанавливать действия обществ. Подобное расширение прерогатив административной власти противоречило содержанию принципа свободы союзов в том его понимании, которое давалось в работах ведущих теоретиков государственного права¹⁷.

Двойкий подход к законопроекту о союзах правительства С.Ю. Витте проявился, с одной стороны, в стремлении разработать закон, соответствующий букве и духу октябрьского Манифеста, а с другой стороны, в желании сохранить традиционные для России

¹⁵ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 162, 179.

¹⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. С. 485.

¹⁷ Так, немецкий правовед Л. Штейн признавал единственно правильным и законным такой порядок, при котором «правительственные учреждения не касаются вообще образования союзов», и «утверждение того или другого союза... может не последовать лишь в силу закона или в виду представляемой союзом общественной опасности», но никак не на основании «субъективных соображений правительственного установления». См.: Извлечение из сочинения Лоренца Штейна «Исполнительная власть», ч. III, изд. 1869 г. // РГИА Ф. 1276. Оп. 1. Д. 79. Л. 148–149.

прерогативы административной власти в области контроля над общественной самодеятельностью. При его обсуждении на заседании Совета министров 16 декабря 1905 г. мнения членов правительства, по сведениям достаточно информированного журналиста Л.М. Клячко (Львова), разделились. Группа так называемых «советских левых» – либерально настроенных членов Совета, в число которых входили министр народного просвещения граф И.И. Толстой, министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, государственный контролер Д.А. Философов, главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер, утверждала, что представленный к рассмотрению вопрос о свободе союзов следует решить «в более широком виде». В частности И.И. Толстой, формулируя в своих воспоминаниях, составленных по живым следам его деятельности на посту министра народного просвещения, собственный план неотложных преобразований государственного и общественного строя, провозглашал в качестве одной из принципиальных основ назревших реформ свободу частной инициативы:

«Деятельность государства начинается там, где сил отдельных лиц или общественных организаций не хватает для осуществления справедливых и законных желаний граждан для удовлетворения их неотложных потребностей. Поэтому все, что может быть осуществлено без явного вреда и опасности для других, при помощи частной инициативы, должно быть предоставляемо ей»¹⁸.

Приводимые сановниками-реформаторами аргументы свидетельствовали, что при решении вопроса о свободе союзов они учитывали интересы общественности. Они говорили, что общество и так скептически относится к законам, которые вырабатываются Советом министров ввиду их крайней неопределенности и двойственности, что свобода союзов в стране уже осуществлена, и общество теперь вряд ли откажется от того, чего оно фактически добилось. Предлагаемое же П.Н. Дурново ограничение свободы союзов не принесет положительных результатов, поскольку явится для общества ничем иным, как актом лишения свободы. Это вызовет лишь большие нарекания и усилит скептическое отношение и к без того дискредитированному кабинету, однако на деле осуществления не получит, ибо население, несомненно, с подобными ограничениями считаться не будет¹⁹.

Однако все эти рассуждения, как утверждал Л.М. Клячко, успеха не имели, поскольку встретили сильную оппозицию в лице министра внутренних дел П.Н. Дурново, который, по словам журналиста, заявил

¹⁸ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 241.

¹⁹ В бюрократических сферах // Народное хозяйство. № 4. 18 (31) декабря 1905 г.

следующее: «Вы хотите лишить меня возможности арестовать союз даже в том случае, когда я узнаю, что там делаются бомбы».

«Выработанная окончательно свобода, – заканчивал Клячко свое сообщение о заседании правительственного кабинета 16 декабря, – столь неудовлетворительна, что некоторые члены после рассмотрения вопроса выразили, было, свой протест, но их успокоили тем, что “это пока”, и что как только “пройдет смутное время”, приступят к выработке широкой свободы»²⁰.

Тогда как так называемые «советские левые» оставались в данном вопросе на позициях законопроекта министра юстиции С.С. Манухина, большинство членов Совета министров поддержали предложения П.Н. Дурново. Разногласия между левой и правой «министерскими партиями» выразились в столь категорической форме, что примирить позиции министров и выработать единую линию в данном вопросе не удалось даже премьер-министру С.Ю. Витте, стремившемуся, чтобы внутренние споры в его кабинете не выходили наружу. В итоге Совет министров представил в Государственный совет по целому ряду вопросов законопроекта два мнения – меньшинства и большинства.

Важно отметить, что сам глава правительства С.Ю. Витте, автор и главный вдохновитель октябрьского Манифеста 1905 г., занял в вопросе свободы союзов консервативную позицию, солидаризовавшись с П.Н. Дурново, принципиально не одобрявшим конституционную затею. Витте высоко ценил административный опыт Дурново, к тому же предложенные последним замечания на законопроект С.С. Манухина были созвучны его умонастроению в то время²¹.

Изменение позиции Витте в вопросе гражданских свобод, произошедшее в конце ноября – декабре 1905 г., отмечал и И.И. Толстой. Так, провозгласив главным руководящим принципом своего правительства «прямоту и искренность в утверждении на всех поприщах благ гражданской свободы... и установлении гарантий свободы» в октябре 1905 г., к декабрю 1905 г. он заметно поправил в этом вопросе и возлагал уже свои надежды «на выработку ряда мер, имевших целью воспрепятствовать грубому злоупотреблению свободой, хотя и

²⁰ Там же.

²¹ В.И. Гурко утверждал, что отношение премьер-министра к выработке гражданских свобод было далеко неоднозначным: «Витте стремился, с одной стороны, закрепить, а с другой, ограничить определенными рамками признанные в принципе за населением гражданские свободы. В соответствии с этим при нем были изданы правила о союзах». – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. С. 527.

старался облечь их в законную форму». По утверждению Толстого, Витте стал демонстрировать свою приверженность консервативному принципу в силу остро переживаемого им недоверия к нему со стороны общества и недооценки последним его реформаторских усилий²².

Возникшие в правительстве разногласия по ключевым вопросам законопроекта об обществах и союзах не получили окончательного разрешения и в Государственном совете. Четырехчасовая дискуссия на этот счет в заседании Государственного совета 18 января 1906 г. объяснялась желанием членов высшего законосовещательного учреждения империи совместить несовместимое – «удовлетворить современным потребностям, сохранив при этом старые устои»²³.

Приверженцы административных мер доказывали, что нынешнее положение обязывает осторожнее относиться к общественным объединениям и что лишение администрации возможности закрывать их может сыграть на руку революционному движению²⁴. Сторонники судебного закрытия обществ, напротив, настаивали на том, что Манифест 17 октября, с одной стороны, и требования общества, с другой, диктуют необходимость освобождения общественных организаций от широкого административного вмешательства. Они ссылались на накопившийся в последние месяцы в правящих сферах опыт издания разнообразных Временных правил, не имевших успеха в обществе именно по причине преобладавшего в них бюрократического интереса над интересом общественным, пугая возможностью наступления своеобразного правового вакуума, когда и назревшие требования времени перестанут удовлетворяться, и общество, игнорируя Временные правила, предпочтет обходиться вовсе без законов²⁵.

Между тем поддержку императора получила самая консервативная из высказанных в Государственном совете точек зрения, предполагавшая передачу полномочий по регистрации и прекращению обществ административно-судебным учреждениям на местах – губернским (городским) по делам об обществах присутствиям, руководимым губернаторами (градоначальниками). Именно она и опре-

²² «Когда он увидал, что никто не желает понимать его усилий и что всякая уступка духу времени толкуется исключительно как показатель слабости... Витте стал заметно склоняться к старым испытанным средствам административного... воздействия». – Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 153, 159.

²³ В Государственном совете // Народное хозяйство. № 29. 19 января (1 февраля) 1906 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

делила главное содержание Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 г.

Таким образом, в результате обсуждения законопроекта об обществах и союзах в Государственном совете был составлен наиболее консервативный вариант Временных правил, который, в сравнении с другими редакциями законопроекта, существенно расширил полномочия администрации в вопросах контроля над общественной самостоятельностью. Провозглашенная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода союзов в правовом отношении была реализована в урезанном виде, что вызвало мощный общественный резонанс.

Либеральная печать сразу уловила двойственность позиции правительственных сановников, занимавшихся разработкой законопроекта. «С одной стороны, нельзя не признать, что обещания, данные 17 октября, все же обещания, к чему-нибудь да обязывающие, — утверждала близкая к левому крылу кадетской партии газета «Наша жизнь», — с другой стороны, — нельзя перестать быть самими собой, т.е. русскими бюрократами, ненавистниками всякой свободы, всякой общественной организации, выходящей за пределы охранного отделения»²⁶. Как утверждал А.И. Каминка в еженедельнике «Право», основная идея нового законодательного акта заключалась в том, чтобы «дать по форме свободу союзов, сохранив по существу в полной мере ту систему опеки и бесконтрольного правительственного надзора, которая царила у нас до сих пор»²⁷. «Таким образом, — резюмировала «Наша жизнь», — у нас будет конституция в пределах самодержавия, и гражданская свобода процветает под сенью полицейского всенаблюдения»²⁸. «Временные правила издаются вопреки Манифесту»²⁹, они «делают свободу союзов такой же фикцией, как и все другие «временные» российские свободы»³⁰, — вторила ей «Речь».

Консервативный характер Временных правил о союзах, как и законов о свободах собраний, совести и др., был вызван желанием власти обеспечить приемлемое сочетание гражданских свобод с государственным контролем над их осуществлением, что теоретически было сделать достаточно сложно. В итоге законы о гражданских свободах не удовлетворили ни власть, ни общественность. Общество видело их недостатки в том, что они сковывали его ини-

²⁶ Профессиональные союзы // Наша жизнь. № 392. 12 (25) марта 1906 г.

²⁷ Каминка А.И. Правила 4-го марта об обществах, союзах и собраниях // Право. 10 (12) марта 1906 г. Стлб. 867.

²⁸ Наша жизнь. № 390. 10 (23) марта 1906 г.

²⁹ «Свобода союзов» // Речь. № 16. 10 (23) марта 1906 г.

³⁰ Новый закон о союзах // Речь. № 18. 12 (25) марта 1906 г.

циативу, тогда как власть усматривала их в том, что они ограничивали возможности контроля над обществом.

В то же время нельзя не признать, что принятие законов о свободах было значительным шагом на пути легитимного конституционного преобразования государственного строя страны. Деятельность российской общественности по созданию обществ и союзов, устройству собраний получила с их изданием четкую правовую основу, оформленную в едином юридическом акте. Очертив правовое поле гражданских свобод, они способствовали расширению сферы гражданского общества и повышению активности населения страны. Декларированные Манифестом 17 октября 1905 г. свободы были закреплены в утвержденной императором 23 апреля 1906 г. новой редакции «Основных законов Российской империи». Гарантируя субъективные публичные, или политические, права граждан, они, по справедливому утверждению Б.Н. Миронова, «с одной стороны, обеспечивали участие народа во власти, и с другой – ставили пределы вмешательству государственной власти в личную и общественную жизнь»³¹.

³¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 156.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

М.В. Мелихов (Сыктывкар)

ПАМЯТНИКИ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Русские воинские историко-беллетристические повести пользовались большой популярностью в широких слоях русского общества на протяжении многих столетий: их не только читали и переписывали, но и переделывали. Особенно популярно было «Сказание о Мамаевом побоище» (далее – СМП): хотя оно издавалось в XVII–XVIII вв., но сохранилось и во множестве рукописных копий различных редакций в составе сборников конца XVII–XIX вв.¹ В настоящее время собран богатый материал об истории текста «Сказания»: оно, как и «Слово о полку Игореве», всегда было в центре внимания медиевистов; библиография, посвященная произведениям Куликовского цикла, насчитывает сотни наименований и постоянно пополняется². Тем не менее, говорить о том, что СМП полностью изучено, рано. В частности, еще мало известно о бытовании в демократической литературе произведений с историческими сюжетами, и проблема отражения их в народном сознании исследована недостаточно.

Известно, что наряду с письменными памятниками Куликовского цикла существовали их устные переработки. Примером является так называемая сказка «Про Мамаю безбожного» (далее – МБ), записанная в первой половине XIX в. А. Харитоновым в Архангельской губернии и изданная в собрании «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьевым³. Л.А. Дмитриев и Б.Н. Путилов считают, что она

¹ Дмитриев Л.А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959. С. 481–509.

² См., например: Куликовская битва в литературе и искусстве / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1980; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Под. ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983 и др.

³ Первое издание выходило с 1855 по 1863 г. Последнее издание: «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков.

принадлежит к позднему фольклорному творчеству; источником ее следует считать СМП и создана она как «устный рассказ («историческая сказка») тем лицом, от которого вел свою запись А. Харитонов»⁴. По мнению С.Н. Азбелева, близость МБ к СМП относительна, и она является переделкой Распространенной редакции этого произведения⁵.

В 1982 г. в коллекции рукописных и старопечатных книг НБ СГУ был обнаружен рукописный сборник, в состав которого входил текст, представляющий собой оригинальную письменную переделку СМП – «Сказание о Мамаеве воинстве» (далее – СМВ)⁶. Отличительной особенностью СМВ является множественность его источников и соединение отдельных книжных мотивов, встречающихся в памятниках Куликовского цикла, с фольклорными – песенными и былинными, с мотивами, восходящими, по-видимому, к устным преданиям о событиях конца XV–XVII вв., с переосмысленными элементами обрядовой народной магии. Текст интересен и тем, что все эти элементы претерпели существенную трансформацию, и практически ни один эпизод СМВ не имеет прямых аналогов ни в памятниках древнерусской литературы, ни в произведениях устного народного творчества.

Изучение текста СМВ привело нас к следующим выводам. СМВ является произведением, появившимся на скрещении двух традиций: книжной, идущей от распространенной редакции СМП, и фольклорной – былин, исторических песен и устных (а возможно, и не известных нам в настоящее время письменных) исторических преданий, не связанных с Куликовской битвой. Оно содержит ряд общих для памятников Куликовского цикла моментов (тема – татарское нашествие; мотивировка причин нашествия – из-за грехов русских людей; совпадают имена героев – духовных лиц и воинов: «игумена Сергия», иноков Пересвета и Осляби (Осляпи), великого князя Дмитрия Ивановича,

М., 1985. Т. 2. С. 377–382. Далее текст цитируется по этому изданию, страницы указаны в скобках после цитаты.

⁴ *Путилов Б.Н.* «Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция // ТОДРЛ. Л. 1969. Т. 24. С. 288.

⁵ *Азбелев С.Н.* Куликовская битва в славянском фольклоре // Русский фольклор. М.; Л. 1968. Т. 2. С. 91.

⁶ Публикацию текста см.: *Мелихов М.В.* «Сказание о Мамаеве воинстве» // ТОДРЛ. Л. 1989. Т. 42. С. 389–403. Далее текст СМВ цитируется по этому изданию, страницы указаны в скобках после цитаты. Анализ художественного своеобразия этого произведения см.: *Мелихов М.В.* Вновь найденный список «Сказания о Мамаеве воинстве» (сыктывкарский список конца XVIII в.) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л. 1987. С. 26–38.

Захарии Тютчева (в СМВ – Тютнева), и др. В самых общих чертах совпадает с произведениями Куликовского цикла и ряд эпизодов, хотя их сюжетное решение в сыктывкарском списке оригинально: это рассказ о благословении великого князя Дмитрия Ивановича Сергием Радонежским; сообщение о факте измены рязанского князя Олега и о желании Олега и великого литовского князя Ольгерда присоединиться к Мамаю; описание бегства татар с Куликова поля; сообщение о помощи русским свыше; рассказ о бегстве Мамаю и его смерти в городе «Гафе» (Кафе); рассказ о возвращении русского войска.

Можно выделить и отдельные черты, сближающие сыктывкарский текст с МБ. Напомним, что МБ записана на несколько десятилетий позже времени фиксации СМВ и фабульный материал ее в своей основе соотносится с СМП, а обработка ближе к поэтике фольклора (с преобладанием былинных элементов).

Сближают СМВ и МБ несколько моментов: стилистическая система, соединяющая в себе сказочные, былинные и трансформированные книжные элементы, элементы деловой письменности; наличие в обоих произведениях достаточно большого количества исторических реалий, в частности – общего с СМП «набора» имен героев: и в МБ, и в СМВ героями являются Захарий Тютчев (вариант – Тютрин), Семен Тупик, Иван Квашнин, братья Белозерские. Тот факт, что эти имена не забылись за время бытования МБ в устной форме, свидетельствует о достаточной устойчивости народной памяти: даже сюжеты, имевшие хождение в устной форме, надежно фиксировали и сохраняли многочисленные подробности о событии почти пятивековой давности. СМВ и МБ имели общий источник: об этом свидетельствует совпадение ряда сюжетных мотивов, присутствующих только в СМВ и МБ и отсутствующих в СМП: это сообщения об отъезде Захарии Тютчева по собственной инициативе для сбора казаков на помощь великому князю; о времени прихода Мамаю (используется одна и та же «временная» формула: «когда будет на Русе овес кудряв да баран мохнат»); об обмене конями Дмитрия Ивановича с воином-поединщиком (в СМВ – с Пересветом, в МБ поединщиков два, и оба безымянны); о похвальбе могучего татарского богатыря, грозящего разгромить русское войско и пленить самого великого князя и др.

Сначала рассмотрим сообщение СМВ и МБ о намерении Дмитрия Ивановича «здать» «Московское государство». В обоих текстах Дмитрий Иванович, получив известие о приближении татарского войска, собирает дружину и предлагает ей построить суда и бежать на Соловки. Эта формула призыва к бегству в обоих произведениях по-

вторяется неоднократно: в СМВ – трижды (в речи Дмитрия Ивановича к дружине, к матери, великой старице Марфе, к игумену Сергию Радонежскому); в МБ – дважды: в речи великого князя к дружине (как и в СМВ) и в ответной речи дружины.

Тема строительства судов и бегства на Соловки – общая для МБ и СМВ, совпадает и ее функция в сюжете произведений (указать на трусость великого князя, причем в СМВ во всех трех речах князя внимание акцентируется именно на его намерении «здать» «государство»). Но есть и некоторое расхождение: МБ вводит мотив воинской отваги дружины, которая не отказывается от постройки стругов, но предлагает не бежать от Мамаю, а сразиться с ним.

Таким образом, выступление Дмитрия Ивановича против Мамаю в МБ – заслуга русского воинства, великий князь выступает в поход, только подчиняясь дружине. В СМВ о дружине вообще не упоминается, и принять князю правильное решение (объявить сбор войска и выступить навстречу татарам) помогают его посол Захария Тютчев, мать, «великая старица Марфа», и игумен Троице-Сергиева монастыря Сергей Радонежский.

Совпадает в СМВ и МБ и принцип построение сюжета, который создается с помощью однотипных повторяющихся формул, ситуативных и лексических. Как показали наши наблюдения над текстом СМВ, отдельные сюжетные ситуации являются общими для МБ, былин и рыцарских романов – и передаются они с помощью одной и той же формулы. Практически идентичные формулы используются в МБ и СМВ и для описания поединков. Расхождения между ними незначительны, но стиливое решение отлично от СМВ:

Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаются. Палицами ударились – палицы по чивья поломались; копьями соткнулись – колья извернулись; саблями махнулись – сабли исцербились; скакали они со добрых коней, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый день оба тут и успокоились (С. 381).

Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаются. Впервые палицами они ударились – палицы по чивья поломались, копьями кололись – колья извернулись; острыми саблями рубились – сабли исцербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, бились не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и успокоились (С. 382).

И объем данных фрагментов, и сами батальные формулы иные, чем в приведенных выше отрывках СМВ: эпизод с поединком СМВ

намного ближе к былине, например, к былине «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», чем к МБ:

СМВ

И тот старец Ослепа ис Сергиева мана-
стыря дратца пояхал против татарина.
И оне в поле, аки две сильныя горы,
вместе скатилися, тако збегалися два
силные могучие багатыря. И оне ударя-
лись саблями булатными - и сабли у
них переломились. Оне почали копиями
колотца - копыя у них поломались. И
оне почали битца палицами железны-
ми боевными и палицы у них в калинку
разгорелись. И оне схватились за ре-
менья подпружное и почали оне борот-
ся румарным битием. Оне здернули
друг друга с коней, упали на сырую
землю, и от них земля подрожала, и оба
ушиблися о сырую землю (С. 400)

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Да не две же горы сдвигалося, — // Ай
соезжались богатыри на коничках, — //
Они то друг друга да не ранили; Уда-
рили друг друга да палицьми, // Тяж-
лыми палицьми, сорока пудов, — // Они
друг друга да тем не ранили; // Сотык-
нулись богатыри да ведь копыями, — //
Уж копыца по насадочкам свернулися;
Ай секлись они саблями вострыми — //
Только сабельки да пощербалися, Они
друг друга да все не ранили. // Ай ска-
кали богатыри да со добрых коней // Да
схватились плотным боем, рукопаш-
кою⁷.

Вне всякого сомнения, что источником данного эпизода СМВ стал эпизод какой-либо былины. Совпадений в этих описаниях доста-точно много: изменена лишь последовательность использования ви-дов оружия (в былине — вначале палицы, затем копыя и в последнюю очередь сабли; в СМВ — сабли, копыя, палицы). Завершаются оба эпи-зода описанием рукопашной схватки. Отметим, что совпадает и срав-нение столкнувшихся богатырей со столкновением гор.

СМВ сохранилось в поздней, плохо прочитанной переписчиком копии, смысл ряда эпизодов искажен. Некоторые «темные места» СМВ проясняются при сопоставлении с аналогичными эпизодами МБ. Примером может послужить буквально понятый переписчиком СМВ поэтический образ: сравнение воинов-богатырей с косарями. В описа-нии сражения СМВ сообщается, что русские воины были вооружены в битве не копыями и мечами, а косами; в МБ это сравнение вполне уместно употреблено в рассказе о воинских подвигах великого князя Дмитрия Ивановича. Очевидно, за основу в данном случае взята бы-линная формула, например, из былины «Илья Муромец и Калин-царь», где Илья Муромец «...силу бьет, будто траву косит»⁸:

⁷ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Былины (Библиотека русского фольк-лора). С. 101. См. там же былину «Застава богатырская». С. 171 и др.

⁸ Илья Муромец и Калин-царь // Былины. М., 1988. С. 130. Можно допус-тить, что косами действительно были вооружены воины-пехотинцы из вспо-могательных отрядов, но все-таки чаще это «оружие» фигурирует в поэти-ческих сравнениях.

Одним из самых оригинальных мотивов СМВ и МБ (в СМП он отсутствует), является мотив, сообщающий о намерении великого князя Дмитрия Ивановича бежать «на Соловецкие острова». Можно предположить, что отправной точкой при создании этой сюжетной линии в СМВ (в МБ о бегстве Дмитрия Ивановича упоминается только один раз – в его первой речи к воинам) стала одна строка из письма Олега Рязанского к Мамаю в Распространенной редакции СМП. Давая характеристику великому московскому князю, он пишет: «а князь великий Дмитрий – человек христиан. Егда услышит имя ярости твоеа, то, царю, отбежит князь великий Дмитрей московский в дальныя острова⁹, любо въ Великий Новгород, или на Двину»¹⁰.

Мотив этот часто встречается в песнях, в том числе и в исторических, записанных в XVIII в. Например, в сборнике Кирши Данилова в тексте «На Бузане-острове», который является промежуточным по своим художественным особенностям между исторической песней и прозаическим рассказом, герои садились «Во свои струги легкия... Легки струги повыдергивали», и т.п.¹¹

Общим для СМВ и МБ было и оригинальное, не встречающееся ни в одном из произведений древнерусской литературы описание подсчетов русского войска (воины забрасывают камешками дубы). Расхождения между этими эпизодами несущественны: если в СМВ воины забрасывают «шесть дубов доверху», то в МБ «семь дубов»:

СМВ	МБ
И оне военным великим воинством имали всякий человек по камешку, и оне закинули ровно шесть дубов доверху (С. 397).	«собирают по чисту полю» «по камушку, по злаченой луговке... замечывают... семь дубов: с комля и до вершины дубов не видно (С. 380).

Не исключено, что в основе данного описания лежат древние воинские обычаи, не сохранившиеся ни в русском воинском повествовании, ни в записях произведений фольклора. Сведения о том, что подсчеты войска велись с помощью разных предметов (монет, стрел, камней), сохранились в древнейших исторических сочинениях разных народов, но точное количество воинов приводилось крайне редко.

⁹ В данном случае произошло, вероятно, «наложение» фактов из биографий Ивана Грозного или Бориса Годунова на великого князя Дмитрия Ивановича; в плане сюжетном данный мотив был дополнен мотивом из песни. См. ниже.

¹⁰ Распространенная редакция СМП // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959. С. 113.

¹¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М. 1977. С.65.

В целом типологически сходные детали сюжета СМП, СМВ и МБ разрабатываются в каждом из этих произведений по-своему, но их генетическая связь очевидна.

Несмотря на то, что в основе сюжета СМВ – Распространенная редакция СМП, что в нем имеются многочисленные заимствования из фольклорных произведений и устных преданий о реальных исторических событиях или личностях, в этом тексте есть и такой художественный материал, который не находит соответствия ни в одном из известных памятников Куликовского цикла, ни в МБ, ни в фольклоре, и который, по-видимому, является оригинальным, присущим только данному памятнику. Для СМВ характерен народный, неофициальный взгляд на события, который обусловил наличие в произведении двух пластов материала: традиционного, имеющего соответствия в воинском повествовании, и оригинального, аналогов которому нет в произведениях официальной письменности.

Круг источников, которыми издавна было принято пользоваться авторам воинских повестей, изменился: автор СМВ уже не использует мотивов и формул из древнейших воинских повестей. Он целенаправленно убирает все книжные воинские формулы и если не находит соответствующих формул в былинах, исторических песнях, рыцарских романах, то или пересказывает их, или заменяет функционально родственными деталями христианских и языческих обрядов.

СМВ – произведение, в котором нашли отражение представления демократического, массового читателя о выдающихся событиях и героях отечественной истории. Очевидно, что сведения, донесенные произведениями официальной книжности (в данном случае – СМП), не соответствовали народным взглядам на ход исторического процесса и поэтому переделывались, скорее всего, жителями посада. Факт появления СМВ свидетельствует о том, что минимум сведений по истории был доступен достаточно широкому кругу читателей, что эти читатели могли иметь и собственное мнение как о качестве современных им и древних исторических сочинений, так и о точности отражения в них исторической реальности. В том случае, если мнение читателя не совпадало с концепцией автора, он мог переработать его и «переписать» заново сюжет даже классического произведения, как на протяжении многих столетий считалось СМП.

Теоретически можно представить процесс переработки текста историко-беллетристического произведения с «воинским» сюжетом как «собрание» этикетных – лексических и ситуативных (батальных и агиографических) – формул из всевозможных историко-беллетристических произведений, летописей и документов, устных преданий раз-

ных эпох, христианских и языческих обрядов и т.п. материалов, которые только дополняют исходный сюжет. Общим для СМВ и МБ было и оригинальное, не встречающееся ни в одном из произведений древнерусской литературы описание подсчетов численности русского войска (воины забрасывают камешками дубы). Расхождения между этими эпизодами несущественны: если в СМВ воины забрасывают «шесть дубов доверху», то в МБ «семь дубов»:

СМВ	МБ
И оне военным великим воинством имали всякий человек по камешку, и оне закинули ровно шесть дубов до- верху (С. 397).	«собирают по чисту полю» «по камуш- ку, по злаченной пуговке... замечыва- ют... семь дубов: с комля и до верши- ны дубов не видно (С. 380).

Не исключено, что в основе данного описания лежат древние воинские обычаи, не сохранившиеся ни в русском воинском повествовании, ни в записях произведений фольклора. Сведения о том, что подсчеты войска велись с помощью разных предметов (монет, стрел, камней и т.п.), сохранились в древнейших исторических сочинениях разных народов, но точное количество воинов приводилось крайне редко. Прокопий Кесарийский, византийский историк VI в., сохранивший информацию о быте и нравах персов, рассказывает, что никто не знал, сколько воинов выступает в поход в персидском войске, и что подсчитывалось только число погибших. Каждый перед битвой бросал в особую корзину стрелу, эти корзины запечатывались царской печатью и потери определялись после сражения по количеству оставшихся в корзинах стрел¹². В средневековой Европе купцы и ростовщики могли использовать для подсчета товаров и денег особые камешки¹³. В арабском народном романе «Жизнеописание Сайфа сына царя Зу Язана» (XVII в.) перед походом на врагов воинов пересчитывают и вносят в списки¹⁴. Потери русского войска в сражении также определялись, по свидетельству европейских путешественников и историков Де Ту и Гваньини (XVI в.), по числу монет, оставшихся не разобранными воинами по возвращении войска¹⁵. Но учета воинов как такового русские великие князья, по всей вероятности, не вели.

¹² Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья и коммент. А.А. Чекаловой. М. 1993. С. 60.

¹³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы. М. 1989. С. 202.

¹⁴ Жизнеописание Сайфа сына царя Зу Язана / Пер. с араб. И.М. Фильштинского и Б.Я. Шидфар. М. 1987. С. 42.

¹⁵ См. об этом: Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVI веках. Л. 1978. С. 222.

СМВ и МБ сохранили и отголоски событий «смутного времени». Возможно, что в основе их лежат устные исторические предания о «панах» – поляках и шведах, которые в начале XVII в. совершали свои грабительские походы. Они известны на Севере России, особенно в Архангельской области, в десятках вариантов¹⁶. Сохранившиеся в позднейших записях, эти предания кратки, повествование в них не развернуто, чаще всего не прикреплено к конкретному году или к какому-либо известному деятелю русской истории, но каждое из них могло бы стать и самостоятельной новеллой, и эпизодом в воинском сюжете.

Обратимся к тексту СМВ. Один из эпизодических героев Сказания Фома Качеберов приходит к великому князю Дмитрию Ивановичу из «Александровой слободы» и приводит к нему в помощь «силы... шездесят-тысяч» (С. 397). Мотив помощи, присланной из Александровой слободы, не случаен: он связывает СМВ с размещением там именно в «смутное время» русских войск во главе с М.В. Скопин-Шуйским. Из Александровой слободы М.В. Скопин-Шуйский вел военные действия против «тушинцев» и выступил на освобождение Москвы от польских интервентов¹⁷. В МБ материалов, связывающих произведение со «смутным временем», больше, чем в СМВ. Например, в МБ упоминается о прибытии на Куликово поле одновременно с русскими и татарскими войсками войск шведского и турецкого королей. Подробностей об их участии в сражении нет, но характеры этих «участников» Куликовской битвы в общих чертах обозначены: король шведский – хитер, он приказывает своему войску вступить в сражение на той стороне, которая будет побеждать, а король турецкий – «прост», и он «по виноватой силе велел приставать» (С. 380).

Не исключено, что источником этого мотива МБ послужила сюжетная ситуация Основной редакции СМП, в которой ни Олег Рязанский, ни Ольгерд Литовский не торопятся присоединяться к Мамаю: оба союзника татарского хана испугались силы и мощи русского войска, и в произведении подробно анализируется их душевное состояние, когда они внезапно осознали всю опрометчивость своего намерения встать на сторону врагов Руси. Но в МБ упоминание о шведском и турецком королях появилось, очевидно, под влиянием событий XVII в., и автор просто не смог сделать их органичной частью своего

¹⁶ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С.79-82.

¹⁷ См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. СПб. 1899. С. 412 и далее; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1960. Кн. 4. С. 551, 552, 563.

произведения, потому они и сохранились в тексте как курьезные частные факты, никак не связанные с основным действием.

О том, что в основе сюжета СМВ лежит именно Распространенная редакция СМП, свидетельствует также небольшой рассказ о посольстве в Орду Захарии Тютчева. Л.А.Дмитриев считает этот рассказ вполне самостоятельной повестью, в основе которой — «устный по происхождению легендарно-сказочный рассказ о хитроумном после. Сказочно-эпическое происхождение этой повести отчетливо проявляется и в мелких частных эпизодах ее, и в самом характере рассказа о том, как русский посол обманул грозного повелителя Орды»¹⁸. Иного мнения придерживался Б.Н. Путилов, который считал, что СМП здесь опирается на какой-то реальный жизненный факт, и это «не есть книжное изложение былины. В «Сказании» (в СМП — М. М.) как бы соединились в одном цельном сюжете эпические мотивы, которые в известных нам былинах встречаются в различном сюжетном контексте. К тому же, повествование здесь ведется с установкой на полное правдоподобие. В нем есть значительная доля эпической условности, но нет вовсе фантастики и гиперболизации. Сам Захария — не богатырь и не совершает воинских подвигов. Весь рассказ надо рассматривать не как изложение имевшегося в фольклоре произведения, а как вполне литературный сюжет, созданный на основе былинных образцов и разработанный в духе идеологии и стилистики «Сказания»¹⁹.

Далее, «снижение» образа Дмитрия Ивановича в СМВ производится не только с помощью введения компрометирующих эпизодов (его трусливое поведение при получении известия о нашествии врага), но и фактическим исключением из числа действующих лиц при описании сражения, в котором он до самого последнего этапа не принимает никакого действенного участия. Напомним, что для русского воинского повествования участие в сражении главного героя произведения — князя — было этикетным, описанию его вплоть до конца XV в. придавалось большое значение. Кроме того, во всех редакциях СМП именно князь сражается с врагом в первых рядах русского войска (правда, переодевшись в одежду своего дружинника Михаила Бренка). Напомним, что, например, в скандинавских сагах самому предводителю войска биться в сражении было не обязательно, и отказ от

¹⁸ Дмитриев Л.А. История памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982. С. 336.

¹⁹ Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л. 1960. С. 135.

поединка не воспринимался как нарушение княжеской чести. В некоторых случаях предводитель войска часто считал позором для себя принять вызов врага. Примером может послужить один из известнейших скандинавских полководцев, герой «королевской» «Саги о Сверрире» (XIII в.). Сверрир отказывает епископу Николасу, вызвавшему его на поединок: «Если я буду сражаться с Николасом один на один, то скажут, что это собачья драка и что у нас обоих нет мужества»²⁰. Отказом он отвечает и на вызов конунга Магнуса²¹. Но в общих сражениях, судя по материалам саги, Сверрир участвовал часто, и в произведении постоянно вводятся запоминающиеся детали, свидетельствующие о его мужестве и силе. Например, после одной из схваток с врагами его бердыш был по рукоять в крови²².

По иным законам создавался образ главного героя в средневековой беллетристике, где герой не мог отказаться от поединка без ущерба для воинской чести. СМВ и СМП – произведения промежуточного характера, в которых соединены элементы и исторического, и беллетристического повествования.

Но при этом в СМВ, как уже упоминалось выше, на князя возлагается новая функция – «предсказателя». Перед началом второго, третьего и четвертого (завершающего) этапа битвы он выпускает из лука в сторону врага по «перемене» стрел. Дважды они возвращаются обратно, что истолковывается как предвестие неудачи, и тогда великий князь «падает на сырую землю, терзает у себя черные кудри» и т.д. На третий раз стрелы летят в цель – и только после этого Дмитрий Иванович «входит в свое сердце богатырское», вступает в сражение, и русские войска побеждают татар²³.

Не исключено, что на явно тенденциозную трактовку образа одного из известнейших полководцев Древней Руси могли повлиять не только какие-либо устные предания о самом Дмитрие Донском (известно, что он в 1382 г. покинул Москву перед нашествием хана Тохтамыша, и этот факт мог получить негативную оценку в глазах простого народа). Автор СМВ мог отталкиваться и от реальных событий более позднего времени, от фактов биографий других великих русских князей и царей: например, Ивана III, в 1480 г. бежавшего из Москвы

²⁰ Сага о Сверрире / Изд. подгот. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988. С. 128.

²¹ Сага о Сверрире. С. 65.

²² Сага о Сверрире. С. 144, 165 и др.

²³ Наши наблюдения над данным мотивом изложены в статье: Мелихов М.В. Гадание на стрелах об исходе сражения: историко-литературный комментарий // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 56–66.

перед нашествием татарского хана Ахмата и отправившего к Белому морю жену с государственной казной²⁴, Бориса Годунова, который, намереваясь бежать в Англию в 1585 г., также перевозил свою казну в Соловецкий монастырь²⁵. Наконец, можно предположить, что данный эпизод является развитием традиционного былинного мотива страха князя перед угрозой вражеского нашествия²⁶. Все эти версии, как нам кажется, имеют право на существование.

Одна из сцен СМВ, где сообщается, что перед выступлением на Мамай великий князь обратился за «думой» (советом) к матери, по своей сюжетной функции и отчасти по содержанию находит соответствие в «Казанской истории», в которой также за «думой» к казанской царице обращаются воеводы:

СМВ «Казанская история»

<p>И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Государыня моя матушка, великая старица! Что мне думы дашь, что мне благословения дашь?» (С.395).</p>	<p>Речь татарских воевод на военном совете к царице: «Что имамы говорити, царице, и что дума твоя с нами еже о нас, и когда утѣшимся от скорби и печалей, нашедших на ны?»²⁷</p>
--	---

Отдельные эпизоды провиденциального сюжета, фольклорные по происхождению, в СМВ разработаны оригинально, не так, как в СМП или в других воинских повестях. К ним прежде всего относятся и эпизоды с приметами на поле боя перед сражением. Некоторые из этих примет упоминаются в СМП, но в ином контексте. Так, в СМП сообщается о том, что засадный полк не вступал в сражение, пока не переменилось направление ветра: в начале битвы ветер дул в сторону русского войска, затем – в сторону татар. Возможно, имеет место связь с СМВ, где рассказывается, что стрелы, выпущенные Дмитрием Ивановичем, дважды возвращались и только на третий раз не вернулись. О том, что перемена направления ветра перед сражением счи-

²⁴ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 234; ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 199; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 94. Возможно, о колебаниях Ивана III – выступить или нет на татар – было известно не только из «Послания на Угру» Вассиана Рыло, но и из каких-либо других источников.

²⁵ О намерениях Ивана Грозного и Бориса Годунова бежать в Англию через Соловки пишет в своих «Воспоминаниях» Джером Горсей. Он упрекает приближенных «правителя» (Бориса Годунова) в том, что они не смогли сохранить его планы в тайне от подданных (Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Вступит. ст., пер. и коммент. А.А. Севастьяновой. М. 1990. С. 59, 109). См. также: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного» времени. М., 1985. С. 32.

²⁶ См., например, былинку «Илья Муромец и Калин-царь» // Былины. С. 123.

²⁷ Казанская история / Подгот. и пер. Т.Ф. Волковой, коммент. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси. М. 1986. 7. С. 406.

талась важной приметой, предвещающей его исход, сообщается в книге Прокопия Кесарийского (VI в.) «Война с персами»: знамена антихийцев, обращенные на запад, внезапно повернулись на восток, затем снова на запад. Один из свидетелей истолковывает знамение: Антиохии суждено перейти от западного царя к восточному²⁸.

Элементом провиденциальной сюжетной линии можно считать и угрозу Мамаю, которую пред тем, как отправиться на битву, произнес эпизодический герой СМВ Иван Квашнин: она сбывается в конце произведения, и татары действительно терпят поражение. Но если в былинне «Василий Буслаев молиться ездил» с помощью этой формулы герой пытается доказать свою абсолютную независимость от Судьбы, то в СМВ темы независимости героев от воли Божьей нет: напротив, всё повествование строится в полном соответствии с провиденциальной моделью сюжета воинских повестей, но на ином, нежели в них, сюжетном материале.

Анализ художественных особенностей СМВ подводит к выводу о том, что оно является вполне оригинальным произведением, возникшим на скрещении двух традиций: литературной, идущей от Распространенной редакции СМГ, и фольклорной. Особого внимания заслуживает то, что почти весь художественный материал СМВ вполне самостоятелен и не зависит ни от СМГ, ни от фольклорных произведений. Отличительной особенностью СМВ является множественность его источников и соединение отдельных книжных мотивов, встречающихся в разных памятниках Куликовского цикла, с фольклорными – песенными и былинными, а также с мотивами, восходящими к устным преданиям или письменным произведениям (связанным не только с событиями XV–XVII вв., но и, по всей вероятности, с событиями более древними, с переосмысленными элементами обрядовой народной магии). Очевидно, что это произведение характеризуется совершенно иным, чем в текстах Куликовского цикла или в фольклоре, отношением к художественному материалу. Автор менее зависим от нормативной поэтики фольклора и древнерусской литературы, чем его предшественники и даже современники, смело вводит в свое произведение вымысел, организуя в единый сюжет весьма разнородный материал. Сложность выявления и изучения источников каждого из сюжетных мотивов в том, что автор по-своему их интерпретирует. Кроме того, он, в отличие от своих предшественников, больше внимания уделяет образам главных героев и робко пытается «переделать» их так, чтобы они не были копиями героев древнерусских воинских по-

²⁸ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья и коммент. А.А. Чекаловой. М. 1993. С. 111.

вестей или былин. Герои СМВ больше похожи на героев литературы XVII–XVIII вв., так называемых псевдоисторических повестей, также связанных с реальными историческими событиями и лицами (например, «Сказание о царе Василии Константиновиче», повести и предания о казанской царице Сююн-Бике, предания о царьградских богатырях и т.д.). Но необходимо указать на большую, чем в перечисленных произведениях, близость СМВ к своему письменному источнику.

Для СМВ характерен народный, неофициальный взгляд на события, который обусловил наличие в произведении двух пластов материала: традиционного, имеющего соответствия в воинском повествовании, и оригинального, аналогов которому нет. Круг источников, которыми издавна было принято пользоваться авторам воинских повестей, изменился: автор СМВ уже не использует мотивов и формул из древнейших воинских повестей, из Библии и т.п. – и если не находит соответствующих формул в былинах, исторических песнях, рыцарских романах, то или пересказывает их, или заменяет функционально родственными деталями христианских и языческих обрядов. Меняются и принципы работы автора с этим материалом: как показало сопоставление сюжетного материала СМВ и МБ, составители этих произведений (учитывая, что МБ «младше» СМВ как минимум на 100 лет) вовсе не стремились точно передать исходный текст (для автора МБ это был текст произведения, близкого к СМВ), а свободно импровизировали на заданные в источнике темы (такие как поединок с врагом, посольство к врагу, предсказание победы и т.п.). Эти импровизации могли сохранить сходство с источником (на стилевом или сюжетном уровнях), а могли и не сохранять его.

СМВ – произведение, в котором нашли отражение представления демократического, массового читателя о выдающихся событиях и героях отечественной истории. Очевидно, что сведения, предоставляемые произведениями официальной книжности (в данном случае – СМП), не соответствовали народным взглядам на ход исторического процесса и поэтому переделывались (скорее всего, жителями посада). Факт появления СМВ свидетельствует о том, что минимум сведений по истории России был доступен достаточно широкому кругу читателей, что эти читатели могли иметь и собственное мнение как о качестве современных им и древних исторических сочинений, так и о точности отражения в них исторической реальности. В том случае, если мнение читателя не совпадало с концепцией исходного произведения, он мог «переписать» заново сюжет даже классического произведения, каким на протяжении многих столетий считалось СМП.

Как литературный факт СМВ свидетельствует о том, что существовали не только редакции исторических воинских повестей, но, вероятно, бытовали и оригинальные переделки известных произведений русской средневековой литературы. Их изучение позволит прикоснуться к практически не освещенной проблеме отношения народа как к выдающимся событиям в истории государства, так и к историческим личностям, прославившимся победами над врагами отечества.

Сам факт существования наряду с многочисленными рукописями СМП двух позднейших переработок этого произведения – СМВ и МБ – свидетельствует о том, что и в народной памяти (и в фольклоре, и в письменности) сохранялись фактические сведения о событиях далекого прошлого.

Меняются и принципы работы автора с этим материалом: как показало сопоставление сюжетного материала СМВ и МБ, составители этих произведений (учитывая, что МБ «младше» СМВ как минимум на 100 лет) вовсе не стремились точно передать исходный текст (для автора МБ это был текст произведения, близкого к СМВ), а свободно импровизировали на заданные в источнике темы. Эти импровизации могли сохранить сходство с источником (на стилизовом или сюжетном уровнях), а могли и не сохранять его.

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ «НАУКА И ВЛАСТЬ...»

И.В. Ястер (Саратов)

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРУ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930 гг.¹

События октября 1917 г. привели к коренной ломке всех сфер жизнедеятельности государства. Власть не оставила без внимания и систему национальных ценностей обучения, кардинально изменив его структуру и содержание. Исторический анализ показывает, что уже первые шаги Советской власти в области образования были направлены против фундаментальных принципов функционирования всей системы. Согласно новым документам («Примерные программы по обществоведению и культуроведению») осуществлялся полный отказ от прежнего существования истории как самостоятельного предмета, вводилось обществоведение, которое было своеобразным синтезом политэкономии, социологии и права.

Но на упразднении истории как предмета эксперименты Советской власти в области школьного образования не были закончены. Программы, разработанные Государственным ученым советом (ГУС) в 1923 г. были жестко идеологизированы и заменяли предметную систему преподавания на так называемую «комплексную»². Это означало новый подход и к преподаванию общественных дисциплин. В содержание программ включались не основы наук, а жизненные комплексы (труд, природа, общество), изложение материала осуществлялось не в логической последовательности, а группировалось вокруг какой-либо комплексной темы: «Город», «Красный Октябрь» и т.д.

Данные программы требовали (поскольку история была исключена из учебных планов) положить в основу курса общественных дисциплин историю борьбы труда и капитала, наполнить их идейно-

¹ В настоящей рубрике мы публикуем тексты ряда докладов, сделанных на Всероссийской научной конференции «Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении» (Саратов, октябрь 2002 г.). Подробную информацию о конференции см. в: Вестник РОИИ. 2003. № 6.

² Программы для I и II ступени единой трудовой школы. М.: ГИЗ, 1921. С. 156.

политическим содержанием, дать обзор основных этапов общественного развития человека³.

Проблема преподавания истории в школе в 20-х гг. оказалась чрезвычайно сложной и деликатной, так как, с одной стороны, предмет был исключен из школьных программ, а самые революционно настроенные методисты были склонны мечтать о ее полном упразднении, с другой – власть понимала, что история важна, как средство идеологического воспитания молодого поколения. Поэтому история как простой рассказ о последовательном ходе событий прошлого и как наука, имеющая своим объектом индивидуальные, неповторимые явления прошлого была подвергнута запрету. История понималась как наука о смене обществ, формаций, ставящая своей целью выявить закономерность этой смены. В угоду этой концепции, все исторические сочинения, ее не удовлетворявшие, подвергались запрету, и для любого преподавателя обществоведения в школе, который пробовал оживить сухой социологический материал живыми примерами прошлого, возникала опасность власть в немилость. Таким образом, преподавание истории стало сложным и опасным делом. Учебников по истории не было вообще, за исключением, пожалуй, учебника под редакцией М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Так как старые учебники «монархического содержания» (Иловайский, Рождественский) были изъяты, то ученикам и учителям предлагались рабочие тетради по отдельным темам. А с целью оказания методической помощи в 1928 г. Наркомпросом были учреждены журнал «Обществоведение в школе» под общей редакцией М.Н. Покровского, который сразу же объявил о ликвидации истории как особого предмета в школе, превратив его в главу курса обществоведения. Так, например, в программах по обществоведению были следующие комплексы: «Развитие сельского хозяйства в России (помещик и крепостной крестьянин)» – 5 класс, «Советский строй как переходный от капитализма к коммунизму» – 7 класс. Таким образом, о целостной системе исторического образования в школе не могло быть и речи.

Властные структуры внимательно следили за содержанием обществоведческих курсов. Так в «Правде» 8 апреля 1930 г. была опубликована статья «Чему учат стандартные учебники Наркомпроса?», где был дан политический анализ четырех рабочих книг по обществоведению. С точки зрения автора (П. Ионов), все они «демонстрируют вопиющую безграмотность, перерастающую во вредную оппортунистическую путаницу», «низкий уровень научности» и прочие недостат-

³ Новые программы единой трудовой школы. М.: ГИЗ, 1924. С. 54.

ки. И вывод, которым заканчивалась статья: «к новому году учащиеся должны получить идеологически выдержанный учебник»⁴.

Следующим шагом, демонстрировавшим внимание власти к изучению исторических дисциплин, стало письмо И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в журнале «Пролетарская революция»⁵. В нем предлагалось: «поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы». Это обращение положило начало особо пристальному отношению со стороны органов власти к преподаванию обществоведческих дисциплин, разоблачению «имевших место извращений в учебниках обществоведения»⁶.

Эксперименты с отменой учебных предметов и классно-урочной системы закончились с выходом постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» в сентябре 1931 г. Этот документ можно считать началом восстановления преподавания систематического курса истории СССР и всеобщей истории в школе, так как в нем был взят курс на введение в школах «новых устойчивых предметных программ, определяющих систематический объем знаний и наличие по всем предметам стабильных учебников»⁷. Интересен тот факт, что еще за год до этого в циркулярном письме (30 июня 1930 г.) Наркомпроса было написано, что «учебник ни в коем случае не должен быть стабильен»⁸. О «значительном усилении элементов историзма» в школьных программах свидетельствует и постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г.⁹

Новым этапом в возрождении самостоятельного предмета истории можно считать постановление «Об учебниках для начальной и средней школы» (февраль 1933 г.), которое требовало прекратить издание рабочих книг и главным условием перехода на новые программы считало наличие стабильного учебника¹⁰. И это при отсутствии самостоятельного предмета «Отечественная история». Однако учебники все-таки успели подготовить и издать в сжатые сроки:

⁴ Ионов П. Чему учат стандартные учебники Наркомпроса // Правда. 1930, 8 апреля. С. 8.

⁵ Сталин И. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931 г. № 6. С. 3.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Постановления партии и правительства о школе за 1931–1939 гг. М., 1939. С. 12.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ «1 сентября 1933 года дети должны были сесть за парты, имея новый учебник истории», – было записано в постановлении. – Там же. С. 16.

Н.М. Никольского – по истории Древнего мира, А.Н. Чуковского, О.В. Трахтенберга – по истории Средних веков, А. Ефимова, Н. Фрейберга – по истории эпохи промышленного капитализма. Однако преподавание исторических дисциплин отличалось большой политизацией, идеологизацией, формализмом, что отмечалось в постановлении Наркомпроса «О перегрузке школьников общественно-политическими заданиями», опубликованном в апреле 1934 г. В нем требовалось прекратить проработку съездов партии и вопросов ленинской теории в начальной школе, где обучались дети 7-10 лет¹¹.

Издание новых программ и учебников по истории подготовило восстановление истории как самостоятельной дисциплины постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. В этом постановлении констатировалось неудовлетворительное преподавание истории в школах СССР. Совнарком и ЦК указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат¹². В соответствии с этим было предложено подготовить к июню 1935 г. новые учебники по истории Древнего мира, истории Средних веков, новой истории, истории СССР. Если проанализировать все постановления за 1930–34 гг. по поводу преподавания общественных дисциплин в средней школе, то напрашивается вопрос – почему органы власти так часто обращались к этой проблеме, но кардинально ее не решали? Что послужило толчком к ее решению? На этот счет есть интересные сведения в воспоминаниях Д.П. Кончаловского, историка-античника, он пишет: «В Москве в начале 30-х гг. ходил совершенно определенный рассказ о том, что Сталину как-то пришлось в голову задать своему старшему сыну, обучавшемуся в старшем классе несколько вопросов по истории. Полученные ответы не только не удовлетворили вождя, но и возмутили. (Германский император Генрих Птицелов был назван чуть ли не представителем зарождавшегося торгового капитализма). Тогда то и произошел коренной поворот»¹³. Конечно, с доводом Д. Кончаловского можно поспорить. Но несомненно одно, что знания по истории практически отсутствовали у школьников 1930-х гг.

¹¹ Постановление партии и правительства о школе... С. 17.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Кончаловский Д.П. Воспоминания о переводе в Москве в конце 30-х гг. «Римской истории» Т. Моммзена // Источник. 2002. № 4. С. 61-64.

В обстановке относительной стабильности, сложившейся в середине 1930-х гг., партийное и государственное руководство начало постепенно возвращаться к восстановлению старых традиций во многих сферах жизни общества, в том числе и в образовании.

В результате постановлением от 16 мая 1934 г. в школьные программы был введен обязательный предмет «Гражданская история». Откуда взялся этот термин? Его ввел Сталин. В духовной семинарии, где он учился, присутствовал термин «Гражданская история», наряду с церковной историей. Под этим термином понималось то, что входило в область всеобщей истории, за исключением фактов, относящихся к истории церкви. Ни в преподавании истории, ни в исторической науке этот термин ранее не употреблялся. Тем не менее, он, с легкой руки Сталина, вошел в жизнь.

Таким образом, постановление окончательно ликвидировало путаницу в понимании учебного предмета истории, которую в 1920-е гг. пытались свести к истории культуры, истории классовой борьбы или к курсу обществоведения, утвердило авторские коллективы новых учебников по истории, обозначило характер и структуру исторических курсов в школе. Система и содержание исторического обучения в младших и средних классах были четко определены в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР»¹⁴ и выглядела она следующим образом: 3, 4 классы (80 час.) – краткий курс истории СССР и всеобщей истории; 5 классы (80 час.) – история Древнего Востока и Греции; 6 классы (80 час.) – История Древнего Рима, история Средних веков.

С целью поднятия методического и «партийного» уровня учительского состава с 1934 г. начал выходить журнал «История в средней школе», где печатались А.М. Панкратова, Е.А. Косминский и др. В журнале обменивались опытом учителя истории, очень часто публиковались конспекты уроков, имевшие ярко выраженную идеологическую окраску¹⁵. Были организованы группы по составлению элементарных учебников по истории СССР (Ванаг, Минц и др.). Вероятно, подготовленные проекты учебников заинтересовали Сталина, и уже в августе 1934 г. ЦК одобрил представленные Сталиным, Ждановым, Кировым «Замечания по поводу новых учебников по истории СССР и

¹⁴ Постановление партии и правительства о школе... С. 23.

¹⁵ Так, учитель К. Новопашенная рекомендовала изучать отдельные главы «Капитала» К. Маркса в 7 классе при прохождении темы «Англия в XVI в.». – *Новопашенная К. Опыт использования произведений классиков марксизма-ленинизма на уроках истории // История в средней школе. 1935 г. № 6. С. 36.*

новой истории». Эти замечания носили критический характер. Первый документ начинался словами «группа Ванана (Б.Д. Греков, А.М. Панкратова) не выполнила задания и даже не поняла его... в конспекте не подчеркнута аннексионистско-колониальная роль русского царизма, его контрреволюционная роль во внешней политике, не учтены корни первой империалистической войны» и т.д.¹⁶ Эти замечания и должны были лечь в основу написания новых учебников, построенных на принципах марксистской методологии исторической науки, в противовес «исторической школе Покровского». Интересно, что «замечания» были одобрены в 1934 г., а опубликованы лишь в 1936 г. Видимо, это сделали потому, что в марте 1936 г. был объявлен конкурс на лучший учебник по истории для начальной школы и в связи с этим было решено ознакомить широкие круги общественности с рекомендациями вождя народов. Победителю конкурса присуждалась премия в 100 тыс. руб. В жюри конкурса входили А. Жданов, А. Бубнов, Н. Бухарин. В конкурсе приняло участие 46 учебников.

Сталин читал все макеты, представленные специальной комиссией. Его особое внимание и одобрение получили два пробных издания: элементарный курс «Истории СССР для начальной школы в 2-х частях» (И.И. Минц, М.В. Нечкина и др.) и «Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории». Последний редактировался группой историков под руководством проф. А.В. Шестакова. Он и получил вторую премию, а первая не досталась никому. В этих книгах была представлена история становления великой державы с ее великими полководцами и общественными деятелями – Александром Невским, Иваном Грозным, Петром I, Суворовым и Кутузовым. Жюри конкурса опубликовало развернутое решение, содержащее оценки важнейших событий истории СССР. Доработка и подготовка учебника к печати проводилась под непосредственным руководством Правительственной комиссии, с грифом которой он и был издан в 1937 г. Методически учебник не отвечал условиям работы в 3-4 классах, а его очень часто использовали даже в 6-7 классах. Написанный относительно простым языком и богато иллюстрированный, он был конспективен, перегружен фактами и именами и порой больше напоминал проспект вузовского курса, чем учебник для школьников 10-11 лет.

Судьба же главного учебника по истории 20-х годов под редакцией М.Н. Покровского была плачевной – его просто изъяли из школ и библиотек, а сам автор, считавшийся основателем советской ис-

¹⁶ *Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника истории СССР. К изучению истории. Партиздат. ЦК ВКП(б). 1937. С. 22.

торической школы, был обвинен в «антиленинизме и вульгарном социологизме».

В 1940 г. были изданы учебники истории для старших классов школы «История СССР» (ред. А.М. Панкратова), «История Древнего мира» (ред. А.В. Мишулин), «История Средних веков» (ред. Е.А. Косминский), «Новая история» (ред. А.В. Ефимов). Не вдаваясь в детальный анализ этих учебников, можно сказать, что все они находились под влиянием тенденциозных подходов, идеологических стереотипов и опирались на положения вышедшего в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». Однако, это были первые стабильные советские учебники по истории, что явилось шагом вперед по сравнению с учебно-методической литературой 20–30-х гг. Эти учебники переиздавались много раз, и ими пользовалось ни одно поколение советских школьников.

Таким образом, структура исторического образования сложилась полностью к концу 30-х гг. и выглядела следующим образом:

- 4 класс – Краткий курс истории СССР;
- 5 класс – История Древнего мира;
- 6 класс – История Древнего мира и Средних веков;
- 7 класс – История Средних веков;
- 8 класс – Новая история, ч. 1; История СССР до конца XVII в.;
- 9 класс – Новая история ч. 2; История СССР XVIII – XIX вв.;
- 10 класс – История СССР XX в.¹⁷

В таком виде она и просуществовала до конца 50-х гг. Содержание всех исторических курсов, отраженных в учебно-методической литературе полностью соответствовало марксистско-ленинской идеологии и задачам, которые ставила и решала советская власть.

В заключение необходимо отметить, что сегодня среди историков-ученых и историков-педагогов школы ведутся дискуссии о целях и содержании школьного исторического образования. Одним из принципов его обновления является деидеологизация, освобождение от политической конъюнктуры. Но, история не может быть отделена от идеологии и политики, которые пропитывают все жизненные реалии. История, изучаемая в школе, всегда идеологизирована, ибо она выполняет социальный заказ, как в нашей стране, так и во всех других странах мира. И поэтому упования отдельных историков на беспристрастное ее изложение всегда будут оставаться утопиями. Нужно только соблюдать границы и не впадать в крайности так, как это было в 1920–1930 гг. в нашей стране.

¹⁷ Постановления партии и правительства о школе... С. 23.

А.Н. Галямичев (Саратов)

**ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ:
ВОСПИТАННИКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ/ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ
В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Медиевистика принадлежит к числу тех отраслей исторической науки, в развитии которых особую роль играют устоявшиеся исследовательские традиции. Профессиональная научная работа в области изучения истории средних веков предполагает разностороннюю филологическую подготовку, глубокие знания по ряду вспомогательных исторических дисциплин, применение богатого арсенала методов источниковедческого анализа, самостоятельное овладение секретами которых крайне затруднительно, если вообще возможно.

Одним из немногих научных центров в нашей стране, обладающих общепризнанной традицией профессиональной подготовки историков-медиевистов, является Санкт-Петербургский университет. Становление петербургской школы медиевистов неразрывно связано с именем профессора Ивана Михайловича Гревса (1860–1941), из семинара которого вышла целая плеяда выдающихся исследователей, талант которых заблистал яркими гранями в первые десятилетия XX века – О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Е.Ч. Скржинская и др. Научно-педагогическая деятельность учеников И.М. Гревса упрочила заложенные Учителем традиции, которые поддерживались и поддерживаются самоотверженным трудом петербургских медиевистов последующих поколений.

Жизненные судьбы ряда ярких представителей петербургской (ленинградской) школы медиевистов привели их в разное время в Саратовский университет. Само начало систематических научных исследований и подготовки специалистов-историков в Саратовском университете было отмечено активным участием питомцев Петроградского университета: большинство профессоров открытого в сентябре 1917 г. историко-филологического факультета во главе с его первым деканом, одним из виднейших представителей российской философской мысли XX столетия С.Л. Франком, прибыло в Саратов из Петрограда. Приток профессоров, приват-доцентов и выпускников Петроградского университета продолжался и в последующие годы. Недавно опубликованные воспоминания выдающегося русского антиковеда М.Е. Сергеенко, которая принадлежала к первой волне прибывших в Саратов посланцев

Петроградского университета, дают представление о том понимании смысла своего приезда в Поволжский край, с которым они в то тревожное время покидали столицу России:

Всех этих людей, разных по возрасту, характеру, мировоззрению, объединяло одно: рвение о деле. Саратовский университет стал для этих «петербуржцев рассеяния» родным домом, который любили, которым гордились; сюда несли богатый запас молодой энергии, преданности работе, исследовательского и преподавательского энтузиазма. Факультет надо было строить, сделать его научным центром края, придать его научному облику своё особое выражение¹.

В числе петроградских учёных, приехавших в Саратовский университет в годы гражданской войны, был и уроженец Саратова Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – один из величайших русских религиозных философов XX века, истоки мировоззренческих исканий которого были связаны с его исследованиями по истории духовной культуры западноевропейского средневековья².

Питомец семинара И.М. Гревса³, Г.П. Федотов с осени 1914 г. являлся приват-доцентом Петербургского университета по кафедре

¹ Сергеев М.Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2001. Вып. 2. С. 295. Другим ярким свидетельством этого духа подвижнического служения делу просвещения, который наполнял жизнь историко-филологического факультета, являются заключительные строки из официального отчёта о его работе в 1917–1919 гг.: «Не личными побуждениями руководствуются члены факультета, когда поднимают свой голос в его защиту. Специалисты в разных областях знания, они всегда найдут приложение своим силам в университетских городах России и за границей; они руководствуются интересами науки, желанием расширения культуры в России и интересами местного края. Членам факультета больно думать, что Саратов, уже начавший жить жизнью университетского города, уже становящийся умственным центром Юго-Востока, уже изучающий свой край, снова по закрытии университета обратится в глухой провинциальный город, жаждающий культурных людей и не имеющий их». – Отчёт о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Т. I. Вып. 1. Саратов, 2001. С. 29.

² Следует отметить, что научное наследие Г.П. Федотова как историка-медиевиста до сих пор не стало предметом специального исследования. Наиболее обстоятельным откликом на ранние культурно-исторические исследования Г.П. Федотова остаётся рецензия О.А. Добиаш-Рождественской на его книгу об Абелияре. См.: *Добиаш-Рождественская О.А. Образы человечества. Серия очерков по всеобщей истории // Анналы. № 4. Л., 1924. С. 288–291* (книга Г.П. Федотова «Абелияр» (Пг., 1924) вышла в рамках указанной серии).

³ Его студенческая работа «Исповедь» св. Августина как исторический источник было в 1910 г. удостоено золотой медали. См.: *Галахтин М. Г.П. Федотов // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 538.*

истории средних веков, а с 1917 г. – одновременно сотрудником отдела искусств Публичной библиотеки. В 1920 г., после перенесённого тифа, он переехал из голодного и опустевшего Петрограда в родной Саратов, получив приглашение занять должность ординарного профессора по кафедре всеобщей истории⁴. Пребывание Г.П. Федотова в Саратове оставило интересный след – размноженную на гектографе рукопись одного из классических памятников агиографической литературы каролингской эпохи⁵. Это своеобразное учебное издание свидетельствует о стремлении Г.П. Федотова поставить преподавание средневековой истории на соответствующий самым высоким требованиям уровень: по-видимому, оно служило в качестве пособия для ведения семинария – проверенной временем и мировым опытом формы освоения начинающими историками искусства перевода памятников латинского средневековья и их источниковедческого анализа. Работа Г.П. Федотова в Саратовском университете оказалась, однако, непродолжительной. В начале 1923 г. он навсегда покинул родной город⁶, вернулся в Петроград, а в 1925 г. выехал из Советской России и уже находясь в эмиграции создал свои философские и культурно-исторические труды, которые принесли ему признание современников и благодарную память потомков.

После отъезда Г.П. Федотова преподавание средневековой истории в Саратовском университете осуществлялось педагогами, не имевшими специальной подготовки. Это вполне соответствовало как общей тенденции развития гуманитарного университетского образования в 20-е годы, когда в результате кадровых чисток и постоянных организационных перестроек «исчезал классический университет с присущим ему набором факультетов, с сочетанием широкой образо-

⁴ Галахтин М. Г.П. Федотов // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 648.

⁵ Gesta abbatum Fontanellensium. Изд. Факультета общественных наук Саратовского университета. Саратов, 1921. С. 1–116.

⁶ По мнению М. Галактина, решение Г.П. Федотова об отъезде из Саратова было обусловлено рядом обстоятельств: «Студентов, желавших посвятить себя медиевистике, было немного, а профессорская среда не способствовала глубокому религиозному и философскому общению, несмотря на интересные новые знакомства с философами В. Сеземаном и С. Франком, встречи со старыми друзьями по университету. Свою роль сыграло нежелание идти на идеологические компромиссы, характерные для советской высшей школы, всё более испытывавшей давление новой власти». – Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 647–648. Об отсутствии в профессорской среде близких по духу людей как причине отъезда из Саратова пишет Ю. Борисов. См.: Борисов Ю. Вступит. ст. к публикации: Федотов Г.П. Историческая публицистика // Новый мир. 1989. № 4. С. 208.

вательной и научной подготовки»⁷, так и судьбам исторического образования в Саратовском университете: в 1919 г. историко-филологический факультет был преобразован в факультет общественных наук, который в 1922 г. вошел в состав педагогического факультета. После того, как в 1931 г. последний выделился из структуры университета в качестве самостоятельного педагогического института, Саратовский университет оказался вне системы исторического образования⁸.

Возобновление преподавания и изучения истории средних веков в Саратовском университете было связано с открытием исторического факультета (третьего в стране после истфаков Московского и Ленинградского университетов) в сентябре 1935 г. Одним из наиболее ярких учёных и педагогов саратовского истфака конца 30-х гг. являлся выпускник аспирантуры Ленинградского университета, ученик О.А. Добиаш-Рожественской Алексей Сергеевич Бартенев (1906–1942), который прибыл в Саратов в августе 1937 г. по направлению Наркомпроса РСФСР и возглавил кафедру истории средних веков, формально существовавшую с момента образования факультета, но только под его руководством начавшую полноценную научно-педагогическую работу: наряду с преподаванием общего курса истории средних веков было развернуто преподавание дисциплин специализации⁹, а в 1940 г. при кафедре был открыт приём в аспирантуру.

А.С. Бартенев был талантливым исследователем¹⁰. Наиболее значимой частью его научного наследия является защищённая в 1937 г. в Ленинградском университете кандидатская диссертация «Генезис средневековой Нормандии» (две ее главы были опубликованы в виде статей¹¹). Взыскательный анализ диссертации А.С. Бартенева содержится в тексте выступления О.А. Добиаш-

⁷ См.: *Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 121.

⁸ См.: *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 10.

⁹ Приказ № 309-а по СГУ от 19 сентября 1940 г. утверждал в качестве учебных поручений работников кафедры истории средних веков чтение специальных и факультативных курсов, преподавание курса источниковедения, ведение спецсеминаров. См.: Архив СГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 61.

¹⁰ О вкладе А.С. Бартенева в разработку проблем медиевистики см.: *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 117; *Москаленко А.Е.* Из истории медиевистики в Саратовском университете второй половины 30–40-х годов XX столетия // *Историографический сборник.* Саратов, 1987. Вып. 13. С. 138–142.

¹¹ *Бартенев А.С.* Образование герцогства Нормандского // *Учен. зап. Сарат. ун-та.* 1939. Т. 1 (14). Сер. Ист. Фак-та. Т. 1. С. 167–202; он же. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века // *Учен. зап. ЛГПИ им. М.Н. Покровского.* 1940. Т. 5. Вып. 1. С. 117–128.

Рождественской на ее защите, опубликованном в 1987 г.¹². Подводя итог своему выступлению, выдающаяся представительница отечественной медиевистики отметила, что большинство разделов диссертационного исследования «производят самое благоприятное впечатление, они оригинальны, свежи, убедительны, они убедительны и хорошо изложены. Изложены в словах кратких, четких, часто красивых внутренне, т.е. без так называемых "красот" в кавычках»¹³. Работа А.С. Бартенева, построенная на тонком анализе многообразных источников, и сегодня остается наиболее обстоятельным исследованием начальных страниц истории средневековой Нормандии в российской медиевистике.

Во время работы в Саратове А.С. Бартенов продолжал активную исследовательскую деятельность. К сожалению, ни одна из готовившихся им в эти годы работ не была опубликована, хотя, по меньшей мере, две из них были вполне подготовлены к публикации. В собственноручно составленном А.С. Бартеновым списке его научных работ наряду с диссертацией называется рукопись «Нормандия в начале Столетней войны» (ее местонахождение неизвестно)¹⁴. В архиве Института истории АН СССР А.Е. Москаленко удалось обнаружить¹⁵ рукопись А.С. Бартенева «Западно-Франкское королевство в IX–X вв.», подготовленную для многотомного издания «Всемирная история»¹⁶.

Приглашение А.С. Бартенева к участию в подготовке академического многотомника говорит о признании ведущими медиевистами страны его широкого научного кругозора, исследовательского мастерства, литературного дарования. В вышеупомянутом выступлении на защите диссертации О.А. Добиаш-Рождественская отметила, что этот первый исследовательский опыт молодого историка «открывает естественную перспективу к степени высшей», и выразила уве-

¹² Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М. 1987. С. 226–231.

¹³ Там же. С. 229.

¹⁴ Архив СГУ. Личное дело А.С. Бартенева. Л. 4.

¹⁵ По мнению А.Е. Москаленко, эта рукопись представляет собой оригинальное, написанное прекрасным языком исследование, которое заслуживает опубликования. См.: Москаленко А.Е. Указ. соч. С. 141–142. Материалы архива СГУ свидетельствуют о том, что А.С. Бартенову было поручено также написание главы «Скандинавия в V–XI вв.» для того же издания. См.: Архив СГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 62. В монографии В.М. Ершовой упоминается об участии А.С. Бартенева в работе над коллективным трудом по истории западноевропейской техники в эпоху средневековья, который, к сожалению, не был завершен. См.: Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988. С. 97.

¹⁶ В связи с началом Великой Отечественной войны работа над «Всемирной историей» была остановлена и издание не состоялось.

ренность в написании А.С. Бартевым в самом ближайшем будущем докторской диссертации¹⁷. Работа над ней была начата уже в 1938 г.¹⁸. Однако подготовка диссертации вдали от главных библиотек страны, была осложнена из-за недоступности необходимых для её написания материалов. Поэтому, отработав в Саратове три года и выполнив, таким образом, обязательство перед Наркомпросом, А.С. Бартев в конце 1939/1940 учебного года подал заявление с просьбой об увольнении из СГУ, желая вернуться в Ленинград¹⁹. Руководство Саратовского университета пыталось воспрепятствовать отъезду одного из ведущих преподавателей исторического факультета, превосходного лектора, вдумчивого руководителя кафедры, наконец, интеллигентного, остроумного, обаятельного человека, пользовавшегося всеобщим уважением и любовью. А.С. Бартеву пришлось к началу 1940/1941 учебного года вернуться в Саратов, однако в январе 1941 г. ему удалось добиться освобождения от работы в СГУ и возвращения в Ленинград, где он стал преподавать в педагогическом институте им. М.Н. Покровского. Здесь, в родном городе, в страшную первую блокадную зиму, оборвалась жизнь А.С. Бартева: 16 января 1942 г. он скончался от голода.

После отъезда А.С. Бартева из Саратова заведование кафедрой истории средних веков СГУ было поручено Сергею Матвеевичу Пумпянскому (1903—?) — единственному из работавших здесь в тот момент медиевистов, имевшему учёную степень кандидата наук.

¹⁷ *Добиши-Рождественская* О.А. Культура западноевропейского средневековья. С. 231.

¹⁸ Приказ № 118 по СГУ от 20 мая 1938 г. называл в качестве цели командировки А.С. Бартева в Ленинград «продолжение работы над докторской диссертацией». См.: Архив СГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 249. Относительно темы задуманной диссертации можно высказать лишь одно предположение, основанное на свидетельстве Л.А. Дербова, одного из прошедших столичную школу молодых историков, направленных в предвоенные годы в Саратовский университет, который до конца своих дней работал в Саратове и посвятил судьбам исторической науки в СГУ специальную книгу. На её страницах он отмечает, что во время работы на саратовском истфаке А.С. Бартев «приступил к работе над задуманной им большой монографией об исторических взглядах Вольтера». См.: *Дербов Л.А.* Указ. соч. С. 102.

¹⁹ В строках заявления А.С. Бартева выражена его страстная привязанность к родному городу, насыщенной интеллектуальной жизни Северной столицы, её библиотечным собраниям: «Я хочу — и имею на это полное право — заняться вплотную работой над докторской диссертацией, что не осуществимо в условиях Саратова. Наконец, я также имею полное право вернуться в тот город, где я родился, учился и где живут все мои родные». — Архив СГУ. Личное дело А.С. Бартева. Л. 25.

С.М. Пумпянский приехал в Саратов в сентябре 1938 г., после защиты диссертации в Ленинградском университете, аспирантом которого он являлся в 1934–37 гг. (под руководством О.Л. Вайнштейна).

Подготовленная С.М. Пумпянским диссертация «Восстание Этьена Марселя» представляла собой интересное исследование, обстоятельный анализ которого содержится в опубликованном ныне тексте оппонентского выступления О.А. Добиаш-Рождественской на её защите²⁰. Наряду с исследовательскими промахами и удачами²¹, Добиаш-Рождественская отметила литературно-драматические достоинства диссертации, выразив пожелание, чтобы автор написал на её основе «увлекательную книжку»²².

К сожалению, это пожелание не было реализовано, да и весь дальнейший жизненный путь С.М. Пумпянского не оставил заметного следа в истории отечественной медиевистики²³. Работая в Саратовском университете, он продолжал исследовательскую деятельность, не оставляя научных занятий в суровые годы войны. 28 декабря 1944 г., в преддверии Победы и перехода к мирной жизни, приказом ректора СГУ была утверждена тема докторской диссертации С.М. Пумпянского – «Источниковедение западноевропейского средневековья»²⁴ – и был установлен срок завершения работы над ней – октябрь 1946 г.

Работа С.М. Пумпянского над докторской диссертацией нашла отражение лишь в одной из его публикаций²⁵ и не была завершена. Более того, названная статья стала последней публикацией историка

²⁰ Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. С. 231–238.

²¹ Наиболее оригинальный фрагмент диссертации С.М. Пумпянского, построенный на анализе обнаруженной им в собрании Публичной библиотеки рукописи «Нормандской хроники», которая осталась неизвестной её издателем, был опубликован в виде статьи: Пумпянский С.М. Восстание Этьена Марселя по данным Нормандской хроники XIV в. // Учен. зап. Саратов. ун-та. Т. 17. Вып. Ист. С. 233–246. О научном значении кандидатской диссертации С.М. Пумпянского см. также: Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С. 118; Москаленко А.Е. Указ. соч. С. 143–145.

²² Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. С. 237.

²³ С.М. Пумпянский работал в разные годы в вузах Саратова, Курска, Махачкалы, Петропавловска-Камчатского, во второй половине 60-х гг. вышел на пенсию, поселился под Ленинградом, где вскоре умер. См.: Москаленко А.Е. Указ. соч. С. 146.

²⁴ Приказ № 453 по СГУ от 28 декабря 1944 г. // Архив СГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 476.

²⁵ Пумпянский С.М. К истории развития источниковедения истории средних веков (Мавристы и болландисты XVII в.) // Научная конференция 1946 г. Саратовский университет. Саратов, 1947. С. 22–32.

вообще. Возможно, плодотворной научной работе этого необычайно эрудированного, разносторонне образованного учёного и педагога²⁶ помешали какие-то обстоятельства, нам неизвестные. В последние годы работы в СГУ у него разладились отношения с руководством университета и факультета. По окончании 1947/1948 учебного года он был освобождён от должности заведующего кафедрой, сама кафедра истории средних веков была упразднена, а её работники объединены с коллективом кафедры истории нового времени. В самом начале 1949/1950 учебного года С.М. Пумпянский уволился из Саратовского университета и переехал в Курск, где стал заведовать кафедрой всеобщей истории местного педагогического института.

В те же сентябрьские дни 1949 г. в Саратов прибыл выпускник аспирантуры МГУ, ученик С.Д. Сказкина, кандидат исторических наук Соломон Моисеевич Стам (род. в 1913 г.), назначенный заведующим восстановленной кафедры истории средних веков. С его многолетней научно-педагогической деятельностью связан новый этап развития медиевистики в Саратовском университете, в течение которого здесь сложилась получившая всероссийское признание школа исследователей истории средневекового города. В деле её становления исключительно велика была роль лидера, сыгранная С.М. Стамом, который, в отличие от многих питомцев столичных научных школ, направленных на работу в провинциальные вузы, сумел освободиться от чувства вынужденности пребывания в отдалении от основных академических и библиотечных центров страны, поверить в возможность плодотворной научной работы в Саратове, полюбить природу Саратовского края и своеобразную красоту старинного волжского города²⁷. Уже в 1950-е годы С.М. Стаму удалось сформировать исключительно работоспособный, спаянный прочными узами взаимного уважения и подлинного товарищества коллектив, в состав которого вошли два медиевиста, в разной мере причастные к ленинградской школе и в то же время неразрывно связанные жизненными судьбами с саратовской землёй.

Одним из них был Всеволод Александрович Ермолаев (1910–2000), уроженец Саратова, выпускник факультета хозяйства и права

²⁶ По воспоминаниям слушателей, лекции С.М. Пумпянского отличались насыщенностью материалом источников, которые лектор нередко цитировал по памяти на языке оригинала, умением воссоздать живую картину исторических событий, мастерством исторического портрета.

²⁷ О научно-педагогической деятельности С.М. Стама в Саратовском университете см.: *Девятайкина Н.И., Негуляева Т.М.* Видный советский медиевист (к 70-летию С.М. Стама) // *Средневековый город*. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 5–26; *Девятайкина Н.И.* Новое десятилетие в научном творчестве профессора С.М. Стама // *Средневековый город*. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 5–18.

Саратовского университета и исторического факультета Саратовского педагогического института (1939 г.). Именно он стал первым аспирантом кафедры истории средних веков СГУ в 1940 г., начав под руководством А.С. Бартенева работу над кандидатской диссертацией «Развитие феодальных отношений в Южной Италии»²⁸. Тема диссертационного исследования Ермолаева была теснейшим образом связана с трудами Бартенева о генезисе средневековой Нормандии, и научный руководитель щедро делился знаниями и опытом с начинающим медиевистом. Благодарную память о нем Ермолаев пронёс через всю свою жизнь²⁹.

Трагические события июня 1941 г. прервали работу В.А. Ермолаева над диссертацией³⁰. Возможность вернуться к научной работе он получил лишь после демобилизации в 1950 г. Продолжив обучение в аспирантуре при кафедре истории средних веков СГУ, он начал работать над новой проблематикой: под руководством виднейшего специалиста по истории германской Реформации М.М. Смирин В.А. Ермолаев подготовил и в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Немецкий город в Крестьянской войне 1525 года (по франконским материалам)»³¹. Последующие его публикации, центральное место среди которых занимают две монографии³² и объёмный сборник документов³³ отличаются, по признанию специалистов, высочайшей исследовательской культурой, представляя собой значительное явление в российской историографии германской Реформации³⁴.

Весомый вклад в становление саратовской школы историков средневекового города был внесён Марией Моисеевной Ябровой (род. в 1923 г.), на жизненном пути которой волею драматических су-

²⁸ Архив СГУ. Личное дело В.А. Ермолаева. Л. 19.

²⁹ См. воспоминания В.А. Ермолаева о А.С. Бартенева из его письма к А.Е. Москаленко. *Москаленко А.Е.* Указ. соч. С. 142.

³⁰ Уже 26 июня 1941 года он был призван в ряды РККА. – Архив СГУ. Личное дело В.А. Ермолаева. Л. 27.

³¹ Смена проблематики научных исследований В.А. Ермолаева была во многом предопределена его работой (1945–49 гг.) в должности старшего референта Управления информации Советской военной администрации в Германии (Архив СГУ. Личное дело В.А. Ермолаева. Л. 25), во время которой он поддерживал постоянные контакты с религиозными деятелями Восточной Германии и начал собирать материал по истории немецкой церкви в средние века и в эпоху Реформации.

³² *Ермолаев В.А.* Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966; *он же.* Гейльброннская программа. Саратов, 1986.

³³ Крестьянское движение в Германии перед Реформацией. Сборник документов / Пер., сост., коммент. В.А. Ермолаева. Саратов, 1961.

³⁴ О научном значении трудов В.А. Ермолаева см. подробнее: *Солодкова Л.И.* Проблемы германской истории в трудах В.А. Ермолаева // *Средневековый город.* Саратов, 2000. Вып. 14. С. 5-12.

деб военного времени соединились Саратовский край и Ленинградский университет. Волна эвакуации лета 1941 г. занесла её, выпускницу средней школы, вместе с родителями из Гомеля в Саратов³⁵, куда в феврале 1942 г. был эвакуирован Ленинградский университет³⁶. М.М. Яброва стала студенткой ЛГУ в тяжелейшие дни лета 1942 г., когда разгорался грандиозный пожар Сталинградской битвы, и Ленинградский университет, находившийся в прифронтовом Саратове, сумел осуществить лишь ограниченный приём студентов.

В мае-июне 1944 г. коллектив Ленинградского университета вернулся в родной город, и завершать обучение на историческом факультете, а также работать над кандидатской диссертацией в годы аспирантуры М.М. Ябровой довелось в Северной столице. Ее научным руководителем стал талантливый представитель ленинградской медиэвистики профессор О.Л. Вайнштейн, выразивший в выпускной характеристике своей ученицы уверенность в успешном продолжении её научно-педагогической деятельности³⁷. М.М. Яброва в полной мере оправдала надежды учителя, внимательно следившего за её научным ростом³⁸. Защищённая ею в 1951 г. в Ленинградском университете кандидатская диссертация «Начало колониальной экспансии Англии. 70–80-е гг. XVI века» и цикл опубликованных в 50–60-е гг. работ³⁹ позволили по-новому взглянуть на многие страницы ранней английской колониальной экспансии, расширить её хронологические рамки, обогатить понимание содержания этого явления (сводимое прежде к территориальным захватам), положили начало научной разработке вопроса о пропаганде колониальной экспансии, который почти не затрагивался ранее ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

С начала 1970-х гг. М.М. Яброва обратилась к исследовательской разработке истории английского позднесредневекового города и зарождения раннего капитализма в Англии⁴⁰. Ее работы высветили новые грани явления, казавшегося достаточно изученным в историче-

³⁵ Архив СГУ. Личное дело М.М. Ябровой. Л. 4.

³⁶ Подробнее об этом см.: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969. С. 376–383.

³⁷ «Зная тов. Яброву как весьма добросовестного, постоянно работающего над повышением своей квалификации и быстро растущего молодого научного работника, я не сомневаюсь в том, что она будет вести с успехом самостоятельную научно-педагогическую работу в любом университете» – Архив СГУ. Личное дело М.М. Ябровой. Л. 7.

³⁸ См.: Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С. 143–144, 319, 321.

³⁹ Важнейшей из них была монография «Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления» (Саратов, 1966).

⁴⁰ Основные итоги работы были подведены в монографии «Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV начала XVI века)» (Саратов, 1983), в том же году защищённой в качестве докторской диссертации.

ской литературе. Глубокий анализ многообразных, подчас необычайно трудных для прочтения источников позволил убедительно обосновать вывод о том, что корни процесса зарождения капиталистических отношений в Англии уводят к малоизвестным страницам истории её городов и позволяют обнаружить себя уже в то время, которое традиционно исключалось из сферы исследовательского интереса историков английского капитализма – в XIV веке⁴¹. Включившись в разработку проблематики истории средневекового города, ставшей основным направлением научных исследований кафедры истории средних веков Саратовского университета, М.М. Яброва обогатила российскую урбанистическую литературу работами, вобравшими в себя лучшие черты творческого почерка ленинградской школы медиевистов.

Вернувшись по окончании аспирантуры в 1949 г. в ставший для неё родным Саратов⁴², М.М. Яброва работала на кафедре истории средних веков СГУ до 1993 г., ориентируясь в своей преподавательской работе на те образцы, с которыми она могла познакомиться в годы студенческой юности. С особым блеском она читала курс источниковедения истории средних веков, строившийся в духе академических традиций ленинградской школы. Руководимые М.М. Ябровой спецсеминары были прекрасной школой исследовательского мастерства, из которой вышло немало интересных исследователей, как медиевистов, так и специалистов в других областях гуманитарного знания.

Таким образом, с Саратовским университетом связаны важные страницы творческих биографий целого ряда представителей петербургской школы медиевистов, научно-педагогическая деятельность которых внесла заметный вклад в становление в Саратове одного из центров изучения истории средних веков в нашей стране.

⁴¹ См. подробнее: *Галямичев А.Н., Мосолкина Т.В.* М.М. Яброва – видный историк-медиевист // *Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 7–11.*

⁴² Родители М.М. Ябровой остались на постоянное место жительства в гостеприимном городе на Волге.

В.Б. Шепелева (Омск)

«НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

«Группы», «школы», «направления» в той или иной сфере научного знания – сам факт их появления, видимо, даёт основания говорить о движении-развитии, движении-росте, скажем, в первоначально однородной или, напротив, – в достаточно диверсифицированной среде. Даже если какая-либо «группа» обнаружила в итоге тупиковость своего вектора поисков, – отрицательный результат – это тоже результат, приращение знаний, если речь шла о добросовестных научных изысканиях. В любом случае, появление научной «школы» вряд ли возможно отделить от феномена «нового» в науке.

Но что значит «новое», если «научная революция», «революционные перевороты в науке» – понятия вполне устоявшиеся? И при этом «революция» – качественный скачок, *прерыв постепенности*, ибо иначе речь должна идти вовсе не о качественно новом, не о появлении, скажем, новой «группы», «школы», «направления», но об эволюционных подвижках «в пределах сплошной среды». Однако, как отмечал А. Тойнби, «принцип непрерывности представляет собой сущность движения роста»¹, и это суждение едва ли не более всего приложимо к логике научного типа познания. Любопытно, но как раз менее прочих закованная в панцирь «рацио» – свободная от греха рациональной рассечённости (как показывают разработки Н.Ф. Фёдорова, Н.А. Бердяева) глубинная отечественная познавательная традиция внутренне покоилась на убеждении (во всяком случае, близка была убеждению): «мы познаём» и не иначе².

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 448.

² Не случайно автор «философии общего дела» долго противился публикации своих мыслей. Слишком глубоко было у Н.Ф. Фёдорова это ощущение: «не я, но мы мыслим», не обособленный индивид, но целое – народ и все люди в единстве. Знак того же, как представляется, несёт в себе и феномен «народничества» (не партийно-политического, а в широком духовном смысле) российской интеллигенции, а ещё ранее – практика и принципы такой формы познания и творчества, как иконописание – «изобразительный элос», с его опорой на так называемый «иконописный подлинник», формировавшийся поколениями и поколениями духовных подвижников и мастеров.

А «мы» – это прежде всего связь по вертикали поколений, предшественников, по линии «сыновства», если воспользоваться определениями русского религиозного философа. И при этом, если ещё раз прибегнуть к разработкам Н.Ф. Фёдорова, «нет чуждых в роде человеческом» (видимо, можно добавить: нет чуждых в семействе «профессионально познающих»)³. Правда, относительно интуиции «мы познаём» необходимо признать, что давно и многими замеченный отечественный максимализм мировосприятия (и, быть может, особенно среди интеллигенции) чреват практикой катастрофических обрывов предшествующей традиции. Здесь, безусловно, есть предмет для серьёзных изысканий. Пока же зафиксируем несомненное противоречие имманентно присущей русско-православному типу мышления интуиции («мы познаём») и вполне очевидной, лежащей на поверхности прерывности в истории философской, обществоведческой, гуманитарной отечественной мысли.

Быть может, слишком неблагоприятные, экстремальные условия существования; выживания российского социума диктовали подобный алгоритм познавательной деятельности, обеспечивая экзистенциально необходимое движение вперёд прорывными бросками, спрессовывая, сжимая, сокращая по необходимости «классический», спокойный, эволюционный путь познания. Но при подобном раскладе, если воспользоваться словами Ленина относительно исторических судеб России, рывок, прорыв, обеспечивая главное, неизбежно сопровождаются «всяческими минусами и поражениями»⁴.

Мысли, концепции, – если они появились, они *есть*. Всё-таки разрывы и «сбросы» в интеллектуальном пространстве – это, видимо, вторично и относительно, тогда как добытое познавательными практиками и тем более целые познавательные направления в самом глубоком смысле – неуничтожимы. Они могут быть по видимости отодвинуты в сторону, перечёркнуты, «закрыты», но реально, скорее, в таких случаях как бы уходят на глубину интеллектуального бытия, «работая» уже самим фактом своего в нём пребывания, чтобы явно «всплыть» в подходящий момент.

Пожалуй, можно сказать, что инновационные события в сфере научного познания составляют вместе с эволюционными процессами единый континуум жизни научной мысли. И, видимо, чем мощнее

³ См.: Шепелева В.Б. Историческая наука и русская религиозно-философская мысль второй половины XIX – первой половины XX века // Диалог со временем. 2001. Вып. 4 С. 232–236, 240, 244.

⁴ См.: Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138.

и глубже новая концептуальная конструкция, тем большее число предшествующих позиций, точек зрения, направлений она объемлет, с уважением находя каждой и каждому свое место и роль, уровень полезности в общем деле постижения реальности⁵.

Так называемое «новое направление» в советской социально-экономической историографии, по определению, должно быть сопряжено с серьезной инновационностью: «новое» относится не к «группе» или «школе», но к «направлению», которое обычно рассматривается как более значительное образование. Но насколько применимы к «новому направлению» высказанные соображения о соотношении «нового» и «бывшего», о непрерывности научной мысли?

Если брать внешнюю, организационную и внутреннюю – содержательную сторону, то трудно не видеть в качестве предшественника «нового направления» «группу», а затем «школу» А.Л. Сидорова (конец 40-х – рубеж 50–60-х гг.)⁶. Но Аркадий Лаврович – это выход на 1920-е годы, на «второй этап в истории советской исторической науки», по определению академических советских историографов⁷. Таким образом, «учитель», лидер, организатор мощного исследовательского проекта личностью своей являл связь «досталинской», «сталинской» и «послесталинской» эпох в истории советского обществоведения, как, и «соучитель» «новонаправленцев» (по словам П.В. Волобуева), коллега (с определенного времени) и единомышленник А.Л. Сидорова по проблемам российского империализма – И.Ф. Гиндин. И как писал много позднее К.Н. Тарновский об Иосифе Фроловиче (а это годится в определенной степени и для «внутреннего» Аркадия Лавровича):

«Поражает четкая преемственность идей в Ваших работах... Вам не пришлось отказываться от своих принципов и взглядов, с которых Вы начали в двадцатых годах»⁸.

Нельзя не учитывать, говоря о И.Ф. Гиндине, его «альма-матер» – Экономическое отделение Петроградского политехнического института, «первую в России высшую экономическую школу». К ее созданию и деятельности причастны: В.И. Ковалевский (первый де-факто министр торговли и промышленности России, а до этого – чуть ли не «нечаевец») с его планом форсированного – особого пути

⁵ В этом смысле ценные наработки предложены И. Пригожиным и И. Стенгерс в монографии «Время, хаос, квант». М., 2001. С. 216–224.

⁶ См. подробнее: *Осадченко Б.* // Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 200–218.

⁷ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV.* М., 1966. С. 3.

⁸ Юбилей И.Ф. Гиндина // История СССР. 1970. № 5. С. 231–232.

экономического развития страны, дополненным позднее интересными разработками относительно кооперативной компоненты народного хозяйства; основатели «русской экономической школы» М.И. Туган-Барановский, А.С. Посников, А.А. Чупров, В.Э. Ден. Здесь читали лекции М.М. Ко-валевский и П.Б. Струве. Заметными фигурами в экономической науке были непосредственные учителя И.Ф. Гиндина – А.И. Буковецкий, В.М. Штейн, будущий академик А.В. Венедиктов, В.Н. Твердохлебов, В.В. Новожилов, которого сегодняшние академики (историки и экономисты) признают «человеком гениальным»⁹. Прочные связи и со сторонниками нелинейного подхода к проблемам социально-экономических перспектив России (В.И. Ковалевский, М.И. Туган-Барановский, А.С. Посников), и вместе с тем – с «западниками» разного толка¹⁰, с неортодоксальным марксизмом и государственнической линией в отечественной науке «первая в стране высшая экономическая школа» гарантировала¹¹.

С учетом этих соображений логично выглядит, скажем, что факт появления к началу 1925 г. первой исследовательской работы дипломника (!) этой школы И.Ф. Гиндина (о взаимоотношениях банков и промышленности, т.е. о финансовом капитале в дореволюционной России) был сразу замечен специалистами. Исследование это может рассматриваться (по словам С.И. Гиндина) как продолжение разрабо-

⁹ См.: Гиндин С.И. Первый круг судьбы Иосифа Фроловича Гиндина // Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). М., 1996. С. 16–27; Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М., 1995. С. 3–14. Кстати, профессорам В.М. Штейну и И.А. Трахтенбергу приносит благодарность И.Ф. Гиндин в предисловии к первой своей монографии. См.: Гиндин И. Банки и промышленность в России до 1917 г. М.–Л., 1927. С. 1.

¹⁰ См. прежде всего П.Б. Струве, М.М.Ковалевского, в определённом смысле – М.И. Туган-Барановского.

¹¹ Отметим, что буржуазно-либеральная российская профессура (отец и сын Чупровы, А.С. Посников и др.) держалась, как ни парадоксально, ставки на общину. И не случайно в конце 20-х – 30-е гг. «историки-марксисты» вычленили так называемую «русскую школу» в «буржуазной историографии» как раз по признаку приверженности общине. Всё-таки очень удивителен, своеобразен был круг русских «буржуазных либералов»... И что говорить о беспартийных, когда члены ЦК кадетской партии были причастны к организации и деятельности структур, вроде «Союза эволюционного социализма», когда кадеты трактовали социализм как «надысторический идеал человечества», а «право частной собственности на средства производства» – как начало, «не совместимое с правом человека на свободу», когда среди отцов-зачинателей российского политического либерализма были проповедники и последователи такой тоталитарно воспринятой соборности (см. Д.И. Шаховского), что мало кому из социалистов была доступна.

ток отечественной «объективистской» «науки о банках», итоги которой к 1914 г. подвёл признанный специалист Л.Н. Яснопольский (с кем, кстати, оказался лично знаком студент И.Ф. Гиндин).

Знаменательно, что ещё на предзащите (январь 1925 г.) Предметная комиссия по экономическим и статистическим наукам под председательством самого проф. В.Э. Дена постановила «войти в соответствующие инстанции с ходатайством о напечатании работы» дипломника И.Ф. Гиндина в полном виде... Но профессор Ден – хранитель, носитель идей, традиций дореволюционной науки, один из отцов-основателей Экономического отделения Петроградского «политехникума», один из разработчиков самих принципов деятельности «первой в России высшей экономической школы», в частности, едва ли не уникальнейшего для высшей школы вообще принципа издания серии: «Труды студентов...». Здесь обеспечивался (помимо подготовки классных специалистов, воспитанных в духе высокого товарищества по линии ученик–ученик и, особенно, ученик–учитель) заботливый вывод питомцев на орбиту профессиональной научной деятельности. Однако всё это – свойства и параметры, наилучшим образом гарантирующие саму возможность существования науки, преемственность в её развитии.

И не случайно в рамках острой дискуссии «денационализаторов» и сторонников концепции национального происхождения российского «капиталистического империализма»¹² (1927–1929 г.) у И.Ф. Гиндина оказалась достаточно автономная от ангажированности перипетиями политической борьбы позиция. Позиция, на наш взгляд, как раз последовательно «национализаторская» – возможно, более последовательная, чем, скажем, у несомненного «национализатора» А.Л. Сидорова, тогда же заявившего о себе среди исследователей социально-экономической истории дореволюционной России, хотя, оговоримся, первое «солидное» выступление И.Ф. Гиндина поначалу «не поделили» между собой дискутирующие стороны, а по ряду сюжетов между ним и Сидоровым – «свой своя не познаша». Дело в том, что речь в монографии шла о поисках *истинного*, а не о присоединении к какой-либо из исследовательских «партий»¹³. К тому

¹² Кстати, в конце 1920-х гг. «работали» определения «национальная школа», «школа» Ванага – «денационализаторов». В первом случае – без явного учителя, во втором – «учитель» был слишком уж не почтенных лет. В обоих случаях главным основанием самоопределения выступало конкретное концепционное начало, притом, что значительная часть и первых, и вторых проходила по ведомству «школы М.Н. Покровского».

¹³ В частности, автор не принимал прямолинейного разведения и противопоставления как бы «хороших» «национальных – русских домонополисти-

же моменты совпадений между оппонентами и конфронтации внутри каждой из «партий» не были чем-то из ряда вон выходящим в дискуссиях второй половины 20-х гг. и самого начала 30-х. Не потому ли так много (с обеих сторон) было высказано ценных соображений, догадок, намёток, развёрнутых много позже – уже силами «нового направления»? На ряд подобных догадок уже в 60-е гг. обратил внимание К.Н. Тарновский, однако их гораздо больше, включая такие существенные, как соображения о госкапитализме и абсолютизме, о царизме и двух империализмах и целях России в войнах начала XX в., о борьбе двух путей капиталистической эволюции в стране до Первой мировой войны, об «органической» московской буржуазии, о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» и т.д.

Между тем А.Л. Сидоров, как и другой «национализатор» Е.Л. Грановский и «денационализаторы» Н.Н. Ваняг, С.Л. Ронин – всё это, во-первых, линия становящейся «марксистской» высшей школы, «советско-марксистской» историко-экономической мысли, историографии, обществоведения¹⁴. И, естественно, это (далеко не гомогенное) течение обществоведческой мысли выводило на прямую связь с дореволюционными марксистскими (социал-демократического оттенка) разработками социально-экономических и политических проблем истории России и мира конца XIX – начала XX в. По меньшей мере, речь идет о ленинской позиции (срыв столыпинской реформы, Россия отстает всё больше, впереди события, оселок которых – аграрно-крестьянская революция) и об, условно говоря, о «меньшевистской» концепции¹⁵. Кроме того, имелся и ряд подвариантов в рамках обозначенных подходов: на

ческих предпринимателей» – базы для «здорового национального предпринимательства», с одной стороны, и, как негатива, с другой, капитала монополистического – якобы базы исключительно иностранного капитала. События периода первой мировой войны, как показал И.Ф. Гиндин, обнаружили, что «дофинансово-капиталистические предприниматели Москвы» с успехом превращались в представителей финансового капитала. Кроме того, совершенно необоснованно, по словам начинающего исследователя, «в вину иностранным капиталам» вменяли то, «что есть органическое свойство природы финансово-капиталистических отношений вообще» (см.: Гиндин И. Банки и промышленность России до 1917 г. С. 189-190). Кстати, вот ещё определение: «исследовательская партия». Может быть, есть смысл в определённых условиях и для этой дефиниции? Скажем, если речь о жёстком идеологическом, политическом противостоянии разных групп.

¹⁴ Кстати, а какие обозначения приемлемы в данном случае? «Советско-марксистская историография» – направление, линия, школа?

¹⁵ См. оптимистические оценки столыпинской аграрной реформы П.П. Масловым, Н.А. Рожковым, соображения В.И. Засулич.

стыке их, на стыке между ними и «недоктринальным» марксизмом, между ними и народническими-неонародническими течениями. А, во-вторых, речь в данном случае идет и о сформировавшихся особенностях научно-исторических дискуссий, туго вплетенных в ткань политической, в том числе – внутрипартийной борьбы.

Тем не менее, несмотря на стиль изъяснений оппонентов в дискуссиях второй половины 20-х (а отчасти и начала 30-х) гг., это были чаще все-таки не организованные по внеученым приметам «бои с врагами», а (как отмечали позднее и А.Л. Сидоров, и К.Н. Тарновский) очень заинтересованные поиски объективных оценок и образов прошлого при активном использовании наработок предшественников – «буржуазных» и «мелкобуржуазных» историков, экономистов, государственных и политических деятелей. Правда, в отличие от «Экономического отделения» питерского «политеха» «Свердловка» и Институт красной профессуры гораздо менее склонны были к преемственности с «народническими» традициями в отечественной гуманитаристике. Тем не менее с известным определением Л.Д. Троцкого «школы Н.И. Бухарина» как «неонароднической», разрабатывавшей «теорию аграрно-кооперативного социализма», с самим процессом глубокой нэповской эволюции Бухарина, несомненно, необходимо считаться, оценивая и ИКП, и Комакадемию. Здесь есть основания для поиска и уточнений.

Вообще надо как следует вдуматься: важнейшее начало ленинской нэповской концепции – неонародническая по существу ставка на некапиталистическую модернизационную эволюцию крестьянского хозяйства посредством кооперации, т.е. факт – смыкание с «организационно-производственниками», неонародниками, на практике, причём в её стратегических пластах, и одновременно (как отмечено выше) жёсткое антинеонародничество в становящейся советской историографии. Ситуация эта, кажется, не только не осмыслена надлежащим образом в отечественной гуманитаристике, но и не зафиксирована до последнего времени. Между тем – это проблема силы и слабости НЭПа и проблема отечественной интеллектуальной истории.

Впрочем, дискуссия «национализаторов» и их оппонентов главным образом была обращена к проблемам промышленной и банковской сферы. Что же касается аграрного вопроса – несомненной вотчины «народническо-неонароднической» линии в отечественном обществоведении, – ни А.Л. Сидоров, ни И.Ф. Гиндин специально его

не рассматривали¹⁶. Упоминания же мимоходом последствий столыпинской аграрной реформы у А.Л. Сидорова (пожалуй, на протяжении всего «до-оттепелевского» периода) в общем укладываются в линейно-прогрессистскую схему с подчёркиванием усиления «второй социальной войны» в российской деревне. Здесь можно усмотреть определённую переключку между советскими исследователями (начиная с 20-х гг.) и классической «западной» линией в так называемой «буржуазной» – позитивистской дореволюционной историографии и экономической науке.

Специально аграрно-крестьянской проблематикой России конца XIX – начала XX вв. занимались коллеги Аркадия Лавровича (С.М. Дубровский, А.В. Шестаков, Г.С. Гордеев и др.). Ситуация в этой сфере требует отдельного обстоятельного разговора. Пока же отметим: даже в 60-е годы, причем сам К.Н. Тарновский писал о «сухановщине» и «неонародниках» («организационно-производственники»), в отличие от так называемых «буржуазных» экономистов, в однозначно негативном плане, в общем поддерживая коллег А.Л. Сидорова. Классическая двухвариантная политэкономическая схема модернизирующейся деревни («прусский» и «американский» путь аграрно-капиталистической эволюции) рассматривалась очень долго как безусловная. И вместе с тем подчеркнём: немало из наработанного в «нэповскую» эпоху по вопросам социально-экономических и социально-политических предпосылок событий 1917 г. оказалось позднее развёрнуто усилиями выходцев из 20-х гг. и их последователями уже в рамках «нового направления».

Речь и о сюжетах, углубление которых должно было поставить вопрос о правомерности линейного «антинеонародничества». Несомненный интерес в этой связи представляет дискуссия, развернувшаяся на заседаниях научно-исследовательской группы Института Ленина с декабря 1928 по январь 1929 г. Особенно соображения о революционно-демократической диктатуре, об аграрно-крестьянской революции, о том, что Октябрь – это слияние двух революций: «завершающейся буржуазно-демократической... и развивающейся социалистической». Плодотворным представляется, в частности, замечание Юдовского (несомненного «волюнтариста-левака», но человека очень противоречивого), подчеркнувшего: «Нельзя ставить вопрос так, что, чем глубже дифференциация в де-

¹⁶ Хотя, как отмечает, например, Б.А. Осадченко, «тема первых публикаций» А.Л. Сидорова – «отечественная историография и аграрная история». Пока просто зафиксируем это примечательное обстоятельство. См.: Осадченко Б.А. Указ. соч.. С. 203.

ревне, тем успешнее будет протекать перерастание [революции буржуазно-демократической в социалистическую]. Существует определенный предел, степень дифференциации крестьянства, за которым уже никакого перерастания не получится»¹⁷. Позднее, в 60-е гг., на это же обстоятельство обратит внимание В.П. Данилов, а А.Л. Сидоров и К.Н. Тарновский – в общем, «новонаправленцы» – его поддержат.

Кроме того, заслуживают внимания соображения Юдовского о середняке, среднем крестьянстве:

«При правильной политике со стороны пролетариата и его партии оно может быть втянуто в процесс пролетарской революции даже в том случае, если слой бедноты в деревне очень слаб, – по словам докладчика. Основная проблема сводится к тому, чтобы подойти к среднему крестьянству, не только как к экономической категории (мелкие собственники), а как к определенному социальному образованию, унаследованному от феодального мира, которое в капиталистическом обществе занимает совершенно своеобразное положение, положение в известной степени “инородного тела”».

На наш взгляд, в такой постановке вопроса явно предупреждена оказалась дискуссия 60-х гг. среди советских историков-аграрников, в том числе «новонаправленцев», о существовании российского *крестьянства* в конце XIX – начале XX в. и содержании понятия и феномена «мелкая буржуазия». Но уяснение, что российский середняк – это очень специфический «мелкий буржуа», это «не вполне мелкая буржуазия», помогает скорректировать представление и о социально-экономической природе России, и о содержании революционного процесса 1917 года.

А.Л. Сидоров тогда же (в рамках дискуссии 1928–29 гг.) отметил: «Если можно говорить о втором ленинском плане перерастания (буржуазно-демократической революции в социалистическую – В.Ш.), то следует искать его в тезисах 1915 г.». Тем самым, как представляется, осторожно, но была обозначена, во-первых, проблема изменения большевистских оценок ситуации в стране после Первой русской революции, а во-вторых, соображения Ленина на данном этапе – это и постановка вопроса о возможных вариантах исторического развития России. Смысл этих альтернатив достаточно очевиден в ленинском изложении:

«А когда мы выполним это (буржуазно-демократическую, аграрно-крестьянскую революцию – В.Ш.), мы посмотрим, каковы будут дальнейшие

¹⁷ Доклады в институте Ленина: к вопросу о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Отчет о заседаниях научно-исследовательской группы Института Ленина // Пролетарская революция. 1929. № 5. С. 197.

перспективы; мы посмотрим, окажется ли такой переворот *лишь* основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, *или же* (вторая российская буржуазно-демократическая революция – В.Ш.)... станет прологом социалистической революции на Западе»¹⁸.

Таким образом, проблема альтернативности исторического развития, пусть и не очень явно, в неотрефлексированной форме, скорее – потенциально, но присутствовала в поисках второй половины 20-х гг. Несомненно вариативное видение путей исторического развития России свойственно было ленинским разработкам. Однако возрождение подобного представления об историческом процессе, об отечественной истории интересующего нас периода начнется только в рамках самоопределявшегося «нового направления» уже в конце 60-х – начале 70-х гг. Да и вывод об изменении большевистских оценок российской деревни, исходя из опыта первой русской революции, есть также один из параметров «нового направления».

Кроме того, и Аркадий Лаврович, и Константин Андреевич Попов (основной докладчик) фиксировали внимание на «ленинской постановке вопроса о буржуазно-демократической революции в связи с конкретной обстановкой, вызванной империалистической войной»¹⁹. Между тем «революционный процесс 1917 г. и Первая мировая война» – с конца 1980-х гг. это один из наиболее востребованных сюжетов среди специалистов, в том числе «новонаправленцев»²⁰.

В целом, из нашего «сегодня» представляется: не решительные разрывы с предшествовавшими наработками, но внимательное прочтение их гарантировало последовательное продвижение вперед и могло бы обеспечить оптимальный вариант познавательной динамики без серьезных потрясений-провалов, без необходимости затем «изобретать велосипеды» и воскрешать некогда отброшенное.

И конкретное соображение: большая или меньшая степень адекватности оценок российской реальности обреталась отечественными «модернизаторами» – сначала Лениным и его сторонниками (после уроков первой русской революции, особенно – после гражданской войны), а много позднее – в рамках советской историографии – при наличии способности учесть всю совокупность глубинных внутренних тенденций развития российского социума, а не только «общезивилизационные прогрессивные закономерности». При этом серьезные качественные подвижки по преодолению линейности познавательных

¹⁸ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 172.

¹⁹ См.: Доклады в институте Ленина... С. 170, 175.

²⁰ Например, см. соображения П.В. Волобуева.

подходов многократно оказывались следствием обращения Ленина и большевиков к отечественной аграрной сфере.

Между тем «народническая»—«неонародническая» линия развития российской гуманитаристики прежде всего сосредоточивалась именно на специфике (главным образом – на деревне), оказывалась склонной к «идиографическому», а не «социологическому» описанию и анализу отечественной действительности. Кроме того, сами теоретико-методологические основания неонародничества – акцентация внимания на личности – предуготовляли исследовательские поиски историко-антропологического толка.

Следует подчеркнуть, что и «новое направление» стало реальностью, когда после линейно-оптимистической переоценки социально-экономического уровня дореволюционной России (по материалам промышленности и финансов) углубилось в изучение проблем отечественного сельского хозяйства. А.Л. Сидоров как бы вернулся, но теперь уже с учениками, посредством учеников, к той теме, с которой начиналась его исследовательская карьера. Вообще можно усмотреть некую закономерность, повторяющуюся логику осмысления российской действительности у отечественных исследователей: сначала оптимистическая, завышенная оценка процесса капиталистической трансформации страны (исходя из состояния промышленности, торговли, финансов), затем серьезная «пессимизация» (прежде всего благодаря незашоренному анализу состояния аграрной сферы), наконец выход к проблемам кооперации как оптимальному средству модернизационной эволюции крестьянского хозяйства. Таков ход постижения российской реальности конца XIX – начала XX в. у В.И. Ковалевского, в определенном смысле – у М.И. Туган-Барановского, А.С. Посникова, А.И. Чупрова, несомненно – у В.И. Ленина и, видимо, у «нэповцев-партийцев», наконец – у представителей «нового направления».

Н.В. Ростиславлева

ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ ГЕРМАНИИ XIX в. ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАЯ ШКОЛА

Для изучения феномена исторической школы необходимо выяснить коммуникативную природу школы, особенности ее философско-методологических и политических установок и характерные черты конкретно-исторических исследований¹. В коммуникативных характеристиках школы, на наш взгляд, ярче всего проявляются отличительные свойства ее формирования и функционирования. Коммуникация включает в себя различные компоненты и представляет собой синтез формальных и неформальных процессов, устных и письменных элементов, непосредственных и опосредованных связей и т.д.². Состав ее компонентов в различных профессиональных сообществах Германии в разные исторические периоды выглядит неодинаково.

XIX век был временем бурного и плодотворного творчества немецких историков. Консолидация ученых в раздробленной Германии привела к созданию исторических школ, которые имели свои историко-философские пристрастия, политические предпочтения, группировались вокруг определенных лидеров или университетов. Наибольшее влияние обрели Берлинская школа Л. фон Ранке и Гейдельбергская школа Ф.К. Шлоссера.

Гейдельбергская историческая школа была создана Ф.К. Шлоссером (1776–1861), который с 1817 г. являлся ординарным профессором в университете Гейдельберга. В отечественной историографии Шлоссер был назван основателем школы в опубликованной в 1861 г. работе М.Н. Петрова. Правда, он обозначил ее как школу субъективного прагматизма, но уточнил, что Гейдельберг был главным местом деятельности школы Шлоссера³. В советской историографии термин «гейдельбергская школа историков» воспринимался

¹ Мяжков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. С. 152-153.

² См.: Коммуникация в современной науке. М., 1976.

³ Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии, Франции. Харьков, 1861. С. 86, 89.

как синоним «субъективной» школы Шлоссера, которая обычно в политическом и методологическом плане противопоставлялась школе Ранке⁴. Немецкая историография обозначила Шлоссера как лидера школы уже в 1830-е гг. Его ученик Г. Гервинус в 1826 г. писал: «Я решил окончательно примкнуть к Шлоссеру», и называл кружок, сложившийся вокруг него «открытой для всех лабораторией»⁵.

К этому сообществу историков принадлежали Г. Гервинус, Л. Гейссер, В. Циммерман, к нему тяготели Л. Лебель, Ф.К. Дальман, И.Г. Дройзен, хотя они и не были непосредственными учениками Шлоссера⁶. Все они в той или иной степени были причастны к политике. Политикой не занимался Шлоссер, но она проявлялась в соответствующей публицистичности его работ. Неслучайно в словаре Брокгауза он назван «представителем публицистического историописания в духе либерализма»⁷. М.Н. Петров видел в Шлоссере Макколя Германии и считал его творцом политических и социальных взглядов современного ему немецкого общества⁸. Поэтому принадлежность к кругу научного общения Шлоссера воспринималась и как проявление либеральных политических устремлений. Этих ученых связывало многое, в том числе и определенная модель общения, в которой аккумулируются присущие ей типы коммуникации.

Формальный тип коммуникации – это публикации исторических сочинений. В тематическом плане историки Гейдельбергской школы создавали «Всеобщие истории», однако это не является специфической чертой данного сообщества. Обращает на себя внимание интерес историков к периодам, хронологически близким или совпадающим со временем Французской революции конца XVIII в., к эпохе Реформации в Германии и иным революциям Нового времени. Шлоссер, который написал восемнадцатитомную «Всемирную историю», – автор восьмитомной «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи»⁹, Гервинус – «Истории девятнадцатого века от времени Венского конгресса».

⁴ Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 4. М., 1963. С. 174; Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 93.

⁵ Гервинус Г. Автобиография. М., 1893. С. 102, 130. См. также Гервинус Г. Некролог Шлоссера.

⁶ См.: Петров М.Н. Указ. соч. С. 86–101.

⁷ Der Grosse Brockhaus. Leipzig, 1932. Bd. 16. S. 657.

⁸ Петров М.Н. Указ. соч. С. 89.

⁹ Шлоссер Ф.К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы. В 8 т. СПб., 1868.

написанной как продолжение труда Шлоссера¹⁰, Гейссер и Дальман также опубликовали сочинения по истории Французской революции, а последний написал книгу об Английской революции¹¹. Гейссер под влиянием Шлоссера и Гервинуса создал «Историю Германии от смерти Фридриха Великого до образования Германского союза», а также «Историю Реформации»¹². Причем он включает в это сочинение и события революции и Республики в Англии, которые он рассматривает как следствие английской реформации. В. Циммерман написал «Историю крестьянской войны в Германии» и сочинение, посвященное германской революции 1848–49 гг.¹³, а И.Г. Дройзен «Лекции о времени освободительных войн»¹⁴. Хотя есть работы, которые тематически не вписываются в предпочтения Гейдельбергской школы. Так, «История Дании» Ф.К. Дальмана или подготовленное им «Источниковедение немецкой истории» стоят особняком¹⁵.

Но, если признать, что исключения лишь подтверждают правила, то все-таки можно признать существование тематических предпочтений у Гейдельбергской школы историков. Интерес к обозначенным выше сюжетам является отражением как либеральных устремлений авторов, так и их склонности к этическим суждениям в истории, указывает как на намерения историков с помощью прошлого объяснить настоящее, так и на их верность традициям философии истории Просвещения, предполагавшей изучение хронологически близких сюжетов, которые можно объяснить с позиции разума. Г. Гервинус формулировал высшее требование науки следующим образом: «...подвинуть историю настоящего времени вдаль прошедшего, быть не только судьей прошедшего, но и настоящего, принять и обсудить с безошибочною верностью, неоконченные еще политические отношения, которые еще существуют и действуют в наши дни и еще будут продолжаться – это без сомнения высшая задача, на которой исторический наблюдатель, может попытаться беспристрастность своего по-

¹⁰ Гервинус Г. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса. В 7 т. СПб., 1863.

¹¹ Dahlmann F.C. Geschichte der franzoesischen Revolution bis auf die Stiftung der Republik. Leipzig, 1845; *Idem*. Geschichte der englischen Revolution. Leipzig, 1848.

¹² Гейссер Л. История Реформации. М.–СПб., 1882; Hauesser L. Deutsche Geschichte vom Tode Fridrich des Grossen bis zur Grundung des deutschen Bundes. Leipzig, 1854–1855. 2 Bd.

¹³ Zimmermann W. Der grosse deutsche Bauernkriege. Berlin, 1982.

¹⁴ Droysen I.G. Geschichte der Freiheitskriege. Kiel, 1846.

¹⁵ Dahlmann F.C. Geschichte von Daenemark. Hamburg, 1840; Dahlmann F.C. / Waitz. Quellenkunde der deutschen Geschichte. Goettingen, 1883. 3. Aufl.

нимания, самоотречение своей личности и неподкупность своих суждений»¹⁶. Напротив, Л. Гейссер, в «Истории Реформации», которая представляет собой публикацию лекций, подготовленную его учеником Г. Онкеном, к вопросам современности не всегда сохранял научный подход, заменяя его порой страстным увлечением материалом. Это отмечал также редактор русского издания сочинения Л. Гейссера В. Михайловский¹⁷. Подобная множественность принципов в восприятии истории не позволяет четко обозначить философскую основу школы. Хотя в немецкой историографии подчеркивается тяготение ее лидера, Шлоссера к Канту, но этическая парадигма Канта не отождествляется с собственным мнением историка¹⁸.

Почти все названные сочинения являются произведениями многотомными, но это стремление к «крупным формам» скорее общее место в развитии исторического знания в Германии.

Специфика формальной коммуникации Гейдельбергской школы выявляется в рамках анализа сетей цитирования. Тон задает лидер школы Шлоссер. В его работах научный аппарат – набор цитат из источников, уточняющих цифр и дополнительных сведений и их анализ с позиций критического метода. Все справочные материалы были представлены в его работах на языке оригинала. По сути в сочинениях Шлоссера большой научный интерес представляет этот подтекст, нежели наполненный морализированием основной текст. Те сюжеты, которые были хорошо исследованы другими авторами, им не излагались, предполагалось, что читатель может взять необходимую книгу сам. Подобной практики придерживались и Гервинус с Гейссером. Так, «История девятнадцатого века» Гервинуса написана на основе самых разнообразных источников, среди них и документы официального происхождения, и мемуары, и переписка, и публицистика. Много уточняющих ссылок в курсе лекций Гейссера по истории Реформации. Исключение составляют посвященные Английской и Французской революциям сочинения Дальмана, которые более корректно отнести к жанру исторической публицистики. Так, «История английской революции» – это изложение работы Гизо, с политическими акцентами

¹⁶ Гервинус Г. История девятнадцатого века... Т. 1 С. III.

¹⁷ Гейссер Л. История Реформации. С. VII.

¹⁸ Gottlob M. *Geschichtsschreibung zwischen Aufklärung und Historismus*. Johannes von Mueller und Friedrich Christoph Schosser. Frankfurt am Main, 1989. S. 222–226. См. также: Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания // Диалог со временем. Вып. 4. М., 2001. С. 216–217. Следует отметить, что М.Н. Петров полагал, что только в учениках Шлоссера и Ранке различия между их школами отчасти «сгладятся» (см.: Петров М.Н. Указ. соч. С. 89.).

Дальмана. Хотя в своих работах по истории Дании он проявлял пиетет перед источниками, более того он показал себя мастером исторических этюдов, главное достоинство которых критическое исследование источников по методу Нибура и, как уже отмечалось, стал автором знаменитого «Источниковедения немецкой истории».

Анализ сетей цитирования исторической школы предполагает выяснение взаимного цитирования. С этой целью автором были проанализированы сочинения двух ближайших учеников Шлоссера Гейссера и Гервинуса. Так, Гейссер в «Истории реформации» не делает ссылки на произведения своего учителя, перу которого принадлежала, как известно, восемнадцатитомная «Всемирная история», где нашли отражения события Реформации. На представителей гейдельбергской школы он ссылается всего дважды: на работу В. Циммермана «История крестьянской войны» и в сноске приводит мнение И.Г. Дройзена о штурме Магдебурга в годы Тридцатилетней войны¹⁹. Наиболее цитируемый Гейссером историк – это глава Берлинской школы Л. фон Ранке (на него более десяти ссылок)²⁰. Эта публикация Гейссера снабжена списком литературы, куда включены работы представителей Гейдельбергской школы – «История крестьянской войны» Циммермана, «История Дании» Дальмана и сочинение Дройзена «Густав Адольф». Следует заметить, что работа Дальмана по истории Английской революции не упоминается, что свидетельствует о чисто историческом, а не публицистическом характере его труда. Но больше всего в этом списке работ Ранке (пять работ)²¹. В сочинении Гервинуса «История девятнадцатого века» взаимное цитирование также практически не обнаруживается (есть одна, причем уточняющая, ссылка на Шлоссера)²². Анализ взаимного цитирования подтверждает уже высказанную автором мысль, что Берлинская и Гейдельбергская школа в рамках методов работы и тематики, и проблематики исследований имело много общего²³, а взаимное цитирование, видимо, не является коммуникативным каналом этой школы.

К формальному типу коммуникации принадлежит и лекционная форма исторического знания. Блестящим лектором был Шлоссер. Под влиянием его лекций «ворота истории как бы с грохотом распах-

¹⁹ Гейссер Л. История реформации. С. 98, 477.

²⁰ Там же. С. 89, 97, 111, 114, 121, 175, 186, 195, 262, 328, 502 и т.д.

²¹ Например, в этот список включены такие работы Ранке как: "Die Roemischen Paepste", "Franzoesische Geschichte vomehmlich in 16. u. 17. Jhe", "Geschichte Wallensteins", "Geschichte Englands vomehmlich in 16.-17. Jhe".

²² Гервинус Г. История девятнадцатого века. Т. 1. С.38.

²³ Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке ... С. 216-217.

живались перед молодыми умами»²⁴. Гервинус, Гейссер пришли в историю из филологии именно таким путем, и в будущем сами стали неплохими лекторами Гейдельбергского университета. Дальман не учился в Гейдельберге, но часто встречался со Шлоссером, был знаком с его лекциями, и серьезно относился к собственным лекционным курсам, которые он читал сначала в Кильском и Геттингенском, а затем в Боннском университетах. Посещение лекций Шлоссера было как бы моментом связи формальной и неформальной коммуникации историков Гейдельбергской школы.

На лекциях происходило личное знакомство учеников с учителем, и некоторые получали приглашение на так называемые вечера Шлоссера, где происходило обсуждение лекций, а часто и их разъяснение. Эти вечера, которые Шлоссер проводил в течение нескольких лет раз в неделю у себя дома, во многом создали и поддерживали Гейдельбергскую школу. А с самыми близкими и преданными учениками патриарх историографии обсуждал поэзию античности и эпохи Возрождения²⁵. Подобная практика заставляет нас отмечать огромную роль лидера школы в организации познавательной модели коммуникации и утверждать тезис о социально-организационной стратификации Гейдельбергской школы. Не все историки, относившие себя к этому сообществу, были прямыми учениками Шлоссера в академическом смысле, но для них для всех он являлся «высокоцитимым учителем». Наиболее близкий ученик Шлоссера Г. Гервинус именно ему посвятил свою «Историю девятнадцатого века от Венского конгресса». В своем посвящении он заметил: «...небольшой кружок верных приверженцев собрался около Вас и держался в возможно близком к Вам положении: эти приверженцы Ваши в сравнении с другими группами любителей истории в Германии имеют ту общую особенность, что они соображаясь с потребностями времени, всегда охотно направляли свои труды на общепользные цели, или обрабатывали всю историю в национальном духе, или избирая соответствующие временные части ее неизмеримого целого»²⁶.

Корректнее всего Гейдельбергскую школу отнести к генетическому типу научного сообщества (учитель–ученик), что предопределило первенствующую роль неформального типа коммуникации. Хотя, как было показано, можно обозначить общие исследовательские проблемы, методологическую ориентацию, но в Берлинской школе историков сюжеты и методология схожие с гейдельбержцами

²⁴ Гервинус Г. Автобиография. С. 102.

²⁵ См.: Гервинус Г. А. Некролог Шлоссера...; он же. Автобиография.

²⁶ Г. Гервинус. История девятнадцатого века... Т. 1. С. 1.

также имела место. В западных обобщающих трудах по истории исторической науки Гейдельбергскую школу называют еще дидактической, подчеркивая одновременно роль истории как «наставницы жизни» и влияние этих историков на политические процессы в Германии, включая в рамки данного сообщества Роттека, Шлоссера, Гервинуса²⁷. Роттек был очень популярным политиком и популяризатором исторического знания, но свои труды он очень часто создавал, не используя источников, так что метод критики источников он и вовсе использовать никак не мог²⁸. Поэтому такой способ генерализации нам представляется несколько прямолинейным. Например, таким образом можно объединить в рамках одного направления Роттека и Дройзена, а это уже довольно противоречивый и даже антагонистичный тандем в политическом плане: Роттек всегда критиковал Пруссию, а Дройзен был ее протагонистом. Поэтому эти историки отчасти примыкали к этой школе, но присущие ей типы коммуникативных процессов не всегда разделяли.

Безусловно, в систему коммуникации научной школы вписываются существовавшая переписка историков, статьи в прессе²⁹, рецензии, в нее вторгается политический фактор, что заставляет нас принимать во внимание выступления Гейссера, Циммермана и Дальмана в парламентах, учитывать национально-государственную линию историков этого круга, которая очень сильно приближалась к малогерманскому варианту, а в итоге, уже в их учениках будет не просто преобладать, но станет главным школообразующим принципом³⁰. Например Г. Трейчке – лидер малогерманкой школы – ученик Ф.К. Дальмана. Но анализ всей палитры коммуникативного поля Гейдельбергской школы историков не позволит опровергнуть ярко выраженный принцип лидерства, который предопределил и особенности коммуникативной характеристики сообщества. Следует заметить, что название школы определяется не сложившимися в университете Гейдельберга принципами исторического образования и

²⁷ См.: *Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century*. London, 1958. P. 99–102.

²⁸ См. подробнее: *Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии*. Карл фон Роттек. М., 1999.

²⁹ Дальман, Гейссер, Дройзен предприняли в 1847 г. издание «Немецкой газеты» (*Deutsche Zeitung*), призванной пропагандировать идею немецкого единства и конституционализма. См., например, их переписку в: *Briefwechsel zwischen J.U.W. Grimm, Dahlmann u. Gervinus*. Berlin, 1886; или *Dahlmann F.C. Aufsätze, Reden u. Briefe / Hrsg. K.M. Schiller*. Meersburg, 1929.

³⁰ См.: *Schleier H. Die kleindeutsche Schule (Droysen, Sybel, Treitschke) // Studien ueber die deutsche Geschichte*. Bd. 1. Berlin, 1963.

исторического познания, а тем, что там почти 40 лет преподавал Шлоссер. После его смерти, смерти его ближайших учеников, образования Германской империи школа плавно исчезла, но университет сохранил привнесенные ею либеральные устремления и склонность к этическим суждениям. Там преподавал М. Вебер, ставший в годы Веймарской республики одним из лидеров немецкой демократической партии, учились представители русского либерализма, например, Кистяковский, с этим университетом связана деятельность Баденской школы неокантианства, которая понимала историю как процесс освоения и осознания этических ценностей.

В современных западных историографических трудах Гейдельбергская школа в целом практически не изучается. Рефлексия исторического знания фокусирует прежде всего те его пласты, которые сыграли серьезную роль в формировании ситуации историографии XX века. Историческое наследие Шлоссера слабо востребовано современными историками и, видимо, поэтому его школа несколько «распадается» в изучении. Очень часто и Дальман, и ближайший ученик Шлоссера Гервинус упоминаются безотносительно к их принадлежности к Гейдельбергской школе. Именно они продолжают пробуждать интерес у современных исследователей³¹. В настоящее время работ о Шлоссере практически не публикуется, а в обобщающих трудах он или не упоминается вовсе, или затрагивается в сюжетах, посвященных Ранке³². Все это подтверждает наш тезис о ведущей роли принципа лидерства в коммуникативных процессах Гейдельбергской школы.

³¹ Дальман, видимо, до сих пор интересен как автор «Источниковедения немецкой истории», а Гервинуса хотя и упрекают в том, что накануне образования Германской империи он сохранил верность принципам раннего немецкого либерализма и продолжал настаивать на необходимости нравственной линии истории, но с большим вниманием относятся к разработанным им типам восприятия гуманитарного знания. По Гервинусу, историку вещи являются в их действительности, поэтам – в их возможности, а философам – в их необходимости. Неслучайно в исследованиях о нем больше всего ссылок на его работу *Grundzuege der Historik*. См. об этом подробнее: *Gall L. Georg Gotfried Gervinus // Deutsche Historiker // Hrsg. H.-U. Wehler. Goettingen, 1973.*

³² См. *Gooch G.P. Op.cit.; Korbichler Th. Deutsche Geschichtsschreibung im 19. Jahrhundert. Wilhelm Dilthey und die moderne Geschichtswissenschaft. Pfaffenweiler, 1986.* (В этой работе есть главы, посвященные Ранке, Дальману, Гервинусу, но Шлоссер в ней не упоминается). Нет также специального этюда о Шлоссере в уже упоминавшемся обобщающем труде *Deutsche Historiker*.

С.В. Артамошин (Брянск)

КАРЛ ХАУСХОФЕР И ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Конец XIX – начало XX в. знаменует собой усиление внешнеполитической активности европейских государств и США, направленное на расширение колониальных и зависимых территорий в Африке и Латинской Америке. Видимо неслучайно именно на этот временной период приходится процесс оформления геополитической науки.

Произрастающая из политической географии и географического детерминизма геополитика была призвана учесть всё многообразие факторов, оказывающих влияние на внешнеполитические представления руководства страны, и предложить оптимальную стратегию государства, с учетом его политических, экономических и географических возможностей. Геополитика была рождена временем и испытала на себе влияние социал-дарвинистского направления социологической мысли. Отталкиваясь от постулата Ч. Дарвина о «борьбе за существование», её представители перенесли данный тезис на общественные процессы, что позволило им представить общество как естественное биологическое образование, в котором, как и в природе, идет борьба между народами и государствами. Эта борьба приводила к выживанию сильнейшего, к «естественному отбору» более приспособленных и жизнестойких народов и уничтожению более слабых. Выступая как «словесное клише», социал-дарвинизм являлся «символом и выражением борьбы за существование и выживание лучших». Он был «эффективным инструментом..., проповедавшим беспощадную и бескомпромиссную борьбу»¹.

Формирование немецкой школы геополитики произошло после окончания Первой мировой войны. Перелицовка европейской и мировой политической карты привела к созданию нового мирового порядка, определявшегося условиями Версальского мирного договора 1919 г. В этих условиях геополитики взяли на себя задачу осмысления сложившейся расстановки сил и определения будущей геополитической стратегии германского государства. Как отмечает германский исследователь Ф. Эбелинг, «идея нового порядка пространств обду-

¹ Koch H.W. Der Sozialdarwinismus. Seine Genese und sein Einfluss auf das imperialistische Denken. München, 1973. S. 66, 71.

мывалась не только в Германии..., но и в других странах, фактически практиковалась Советским Союзом, США, Англией и Францией»².

Инициатором и наиболее талантливым представителем немецкой школы геополитики являлся Карл Хаусхофер. Он родился 27 августа 1869 г. в Мюнхене в профессорской семье. Его дед по отцовской линии Макс Хаусхофер был профессором в Академии искусств в Праге. Дед по материнской линии Карл Николас Фраас занимал должность профессора экономики в Мюнхенском университете. Отец Карла Макс Хаусхофер был профессором экономики в Высшей технической школе Мюнхена, придерживался националистических взглядов и состоял в мюнхенском отделении Пангерманского союза.

В школе Карл Хаусхофер проявлял интерес к истории и природоведению, живописи. Однако, в отличие от семейной профессорской традиции, он решил выбрать иной путь и стать военным. Службу он начал в 1889 г. секунд-лейтенантом в баварском корпусе, а затем продолжил её преподавателем военной истории в Военной академии.

В августе 1896 г. Карл Хаусхофер определил свою семейную жизнь, женившись на Марте Майер-Досс, происходившей из семьи юриста, с которой прожил долгую и счастливую жизнь, уйдя вместе с ней из жизни в один и тот же день. От этого брака родились два сына: Георг Альбрехт – 7 января 1903 г. и Хайнц – 19 июня 1906 г. Марта Майер-Досс происходила из смешанной еврейско-германской семьи. Предпринятое ею в 1925 г. исследование своей родословной позволило установить, что её отец Георг Людвиг Майер происходил из испанских или португальских евреев. Однако она скептически относилась к своим еврейским корням, в большей степени относя себя отчасти к германскому, отчасти к романскому дворянству своего деда по материнской линии Адама фон Досса³.

Размеренная жизнь преподавателя военной академии была нарушена в конце 1908 г., когда он был откомандирован в состав германской военной миссии в Японии. 22 октября 1908 г. Карл и Марта Хаусхоферы в Генуе вступили на борт корабля, который через Неаполь, Порт-Саид и Цейлон, доставил их в Индию. В начале 1909 г. побывав в Гималаях, Хаусхофер в сентябре 1909 г. он приступил к выполнению своих обязанностей военного атташе.

Япония околдовала Карла Хаусхофера. С большим любопытством он знакомился с японской культурой, религией, ритуалами. Привязанность к японскому духу он пронес через всю свою жизнь. Однако очарование Японией не ограничивалось только культурным влиянием. Не меньшее значение для Хаусхофера имела и полити-

² Ebeling F. Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft. 1919–1945. Berlin, 1994. S. 32.

³ Jacobsen H.-A. Karl Haushofer. Leben und Werk. Boppard a. R., 1979. Bd. 1. S. 28.

ческая составляющая. Он не скрывал своего восторга от того, как японцы, без лишнего шума и публичной демонстрации, смогли укрепить свое господство на Дальнем Востоке. В его сердце укрепилась уверенность в том, что именно так должна действовать и Германия, расширяя свою колониальную территорию.

В июне 1910 г. Карл Хаусхофер отправился обратно в Германию. На этот раз он выбрал сухопутный путь. Переправившись из Киото во Владивосток, чета Хаусхоферов заняла свое место в вагоне поезда, который повез их по транссибирской магистрали через всю Россию в Москву. Прибыв в начале июля в белокаменную Москву, они провели там три дня, а затем отправились дальше через Варшаву в Германию. В 1911 г. Хаусхофер приступил к преподавательской работе в стенах мюнхенской военной академии.

После поездки здоровье Хаусхофера пошатнулось. Врачи поставили неутешительный диагноз – болезнь легких – и заняли весьма пессимистическую позицию. Однако поездки на лечение в Аросу сделали свое дело и опасность миновала. В это же время Хаусхофер приступает к работе над книгой, посвященной впечатлениям от страны Восходящего Солнца. В середине марта 1913 г. он уже держал в руках сигнальный экземпляр⁴. Вскоре в германских газетах и журналах появились благожелательные отклики на вышедшую книгу. При содействии профессора фон Дрюгальски Хаусхофер прочитал лекцию о географическом положении Японии и субъяпонском земельном пространстве перед аудиторией Мюнхенского университета. Также в июне 1913 г. он выступил с экскурсом о Японии на географической конференции в Страсбурге.

Однако Первая мировая война прервала работу Хаусхофера над диссертацией. В составе 1-го Баварского армейского корпуса он принимал участие в боях в Бельгии, в мае 1915 г. на Восточном фронте, а с июля 1915 г. вновь на Западном фронте. По окончании войны Хаусхофер выходит в отставку в генеральском чине и с августа 1919 г. занимает пост приват-доцента географии на философском факультете Мюнхенского университета. Именно в стенах университета он начал свою геополитическую деятельность.

Геополитические взгляды Хаусхофера опирались на англо-американскую и немецко-шведскую традиции, представленные именами А.Т. Мэхэна, Х.Дж. Макиндера, Ф. Ратцеля и Р. Челлена. В связи с этим представляется необходимым остановиться на творческом наследии вышеуказанных ученых.

Мэхэн отмечал, что морское могущество государства, вытекающее из морской силы и основывающееся на свободе морской торговли, является гарантией достижения мирового господства. Он

⁴ *Haushofer K. Dai Nihon. Berlin, 1913.*

подчеркивал, что «для развития морской силы имеет значение не количество квадратных миль, занимаемых страной, а длина береговой линии и характер её гаваней», конфигурация морских побережий и количество расположенных на них портов⁵. При этом приоритетное значение придавалось развитию военно-морского флота, что, применительно к США, было обусловлено двумя океанами, отделявшими американское государство от европейского континента.

Наибольшее влияние на представления К. Хаусхофера оказали взгляды английской геополитика Хэлфорда Дж. Макиндера. Всю человеческую историю Макиндер делил на три периода: доколумбову, колумбову и постколумбову эпохи. В первый период народы Европы испытывали постоянное давление со стороны Евразии, происходившее в форме грабительских набегов, завоеваний и войн. Второй период характеризуется стремлением европейских государств к захвату заокеанских территорий. Данный этап завершился к началу XX в., и человечество вступило в третий период – постколумбову эпоху. «XX век характерен тем, – отмечал Макиндер, – что наши географические знания завершены: не осталось неоткрытых территорий» и, «начиная с сегодняшнего дня и впредь, в постколумбову эпоху, мы будем вынуждены иметь дело с закрытой политической системой»⁶.

Для четкого понимания геополитического фактора в международной политике Макиндер предложил разделить планету на ряд взаимосвязанных регионов. В основе этого деления лежал фактор геополитической безопасности и неуязвимости. Европу, Азию и Африку он определял как «Мировой Остров», окруженный мировым океаном. Сердцевина Мирового Острова – Хартланд – выступала осевым регионом, включающим в себя территорию России. К нему примыкает пограничный полумесяц, в состав которого входят Германия, Австро-Венгрия, Балканский полуостров, Турция, Индия и Китай. Великобритания, Северная и Южная Америки, Австралия и Япония составляют внешний полумесяц.

Особое внимание Макиндер уделял материковой сердцевине, понимая её как «реальный географический факт», абсолютно недоступный морской державе, в чем и заключается «наибольшее стратегическое преимущество континентальной державы над морской»⁷. Несмотря на то, что материковая сердцевина, по сравнению с пограничными и островными державами, обладает ограниченной мобильностью, это не мешает состоянию «кругового вращения вокруг осевого государства», а в условиях XX в., вследствие развития

⁵ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. / Пер. с англ. М.–Л., 1941. С. 34.

⁶ Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999. С. 492.

⁷ Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. London, 1919. P. 141–143.

техники, она может получить столь необходимую мобильность за счет строительства трансконтинентальных железнодорожных линий. Россия занимает центральное стратегическое положение, как в Европе его занимает Германия, что позволяет ей наносить и одновременно получать удары со всех направлений. Это приводит Макиндера к выводу о том, что «природа создала все предпосылки для окончательного доминирования материковой сердцевины в мире»⁸.

Опираясь на доминирующую роль материковой сердцевины, Макиндер предложил формулу мирового господства: «Кто владеет Восточной Европой, господствует над Хартландом; кто правит Хартландом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром»⁹. Итоги Первой мировой войны представлялись Макиндеру неутешительными, так как, несмотря на победу Антанты, Великобритании не удалось окончательно устранить опасность, исходящую от материковой сердцевины. При этом он исходил из приоритета германской опасности над российской и рассматривал союз между этими двумя странами как непосредственную угрозу британскому могуществу. Для того, чтобы обезопасить Великобританию, Макиндер предложил создать «срединный ярус» независимых государств, который выполнял бы роль буфера между Германией и Россией. Это предостережение Макиндера было воспринято Хаусхофером только со знаком плюс: вместо недопущения союза России и Германии, немецкий геополитик стал ратовать за быстрое его заключение.

Существенное воздействие на формирование геополитического подхода Хаусхофера было оказано немецким географом Фридрихом Ратцелем, который, правда, сам термин «геополитика» не использовал. В сочинениях «Антропогеография» и «Политическая география» Ратцель высказал идею о том, что интересы народов и государств определяются почвой. Их развитие зависит от размера территории и местоположения. Государство рассматривалось им как «живой организм... произрастающий из почвы» и представляющий собой образование, обеспечивающее собой связь с землей: «Государство на всех стадиях своего развития рассматривается как организм, который с необходимостью сохраняет связь со своей почвой и поэтому должен изучаться с географической точки зрения»¹⁰. Государству присущи движение и рост, которые выражаются в приращении территории, расширении политических и географических границ. Каждое государство в процессе своего существования проходит стадии рождения, формирования, роста и гибели. Ему характерен свой собственный

⁸ Ibid. P. 222.

⁹ Ibid. P. 194.

¹⁰ Ratzel F. Politische Geographie. München, 1897. S. 7.

механизм развития и пределы роста. «Государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из неё все больше и больше энергии». Таким образом, государство представлялось Ратцелю «пространственным явлением, управляемым и оживляемым этим пространством»¹¹.

Основополагающее понятие Ратцеля – «жизненное пространство», которое оказывало влияние на возникновение государства, обуславливало эволюцию народа, его видение окружающего мира.

Пространство – решающий фактор в мировой политике... Необитаемое пространство, неспособное вскормить государство – это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно, если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в неё¹².

Государство должно жить за счет земли, увеличивая территорию, а вместе с ней наращивая собственную мощь. Только «обширные пространства сохраняют жизнь. ...Новое пространство, в которое врастает народ, является как бы источником, из которого государственное чувство черпает свои силы»¹³. Из этого вытекает, что пространственная экспансия государства выступает естественным процессом, подобно росту биологических организмов.

В XX в., по мнению Ратцеля, активность великих держав будет направлена на придание географической экспансии глобального характера. То, что в свое время Великобритания, Испания и Голландия делали спонтанно, Германия должна делать осознанно. Для придания захватническим действиям планетарного характера, каждой мировой державе необходимо развивать свои военно-морские силы, что является обязательным условием для достижения государством статуса «мировой державы» и в дальнейшем будет определять расстановку сил в борьбе за господство над Тихим океаном, названным Ратцелем «океаном будущего». Дух экспансионизма пропитывал воззрения Ратцеля, подчеркивавшего, что «в будущем новые великие державы будут возникать только на основе разгрома старых»¹⁴.

Большое значение Ратцель придавал воспитанию народа в концепциях развития малых пространств в большие. По его мнению, это во многом определяет основу развития жизненного пространства государства. Упадок государства является следствием ослабевающей пространственной программы и пространственного чувства. «Разло-

¹¹ Ibid. S. 19, 7.

¹² Ibid. S. 1, 6.

¹³ Ibid. S. 1, 346.

¹⁴ Ibid. S. 159.

жение каждого государства, – предупреждал Ратцель, – происходит при его отказе от концепции большого пространства¹⁵. Данное положение было воспринято Хаусхофером, который много внимания уделял именно воспитательной функции геополитической науки.

Существенное влияние на формирование немецкой школы геополитики оказала работа шведского профессора Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни», вышедшая в 1916 г. Хаусхофер познакомился с ней в июне 1916 г.¹⁶ Именно Челлен ввел в употребление термин «геополитика», понимая её в качестве учения о государстве как организме, воплощенном в пространстве. Заявляя себя в качестве ученика Ратцеля, он полагал, что существует зависимость государства от почвы и борьба за существование государства является борьбой за расширение пространства путем достижения такого стратегического положения, при котором оно будет способно обеспечить развитие нации и политическую безопасность страны:

Жизнеспособные государства, чьё пространство ограничено, подчинены категорическому политическому императиву: расширить свою территорию путем колонизации, объединения или завоевания различного рода... Здесь имеет место не стихийный инстинкт завоевания, а естественный и необходимый рост в целях самосохранения¹⁷.

Тенденция к расширению пространства приводит к тому, что малые государства не в силах противостоять крупным государствам из-за ограниченности военной мощи, численности народонаселения и масштабов территории, ими занимаемой.

Челлен развил до логического завершения идею Ратцеля о «континентальном государстве» приложив её исключительно к Германии, в которой видел единственного защитника миропорядка от хаоса разрушительных либерально-космополитических сил, пространство, спланированное вокруг себя все остальные европейские державы. Поэтому мировая война виделась автору как естественный геополитический конфликт динамической экспансии Германии с противодействующими ей периферийными европейскими государствами. Челлен отождествлял интересы Германии с интересами всей Европы, противоположными интересам Великобритании и Франции. Он оправдывал роль Германии в развязывании Первой мировой войны, считая, что Германская империя как «юное государство», а немцы как «юный народ», вдохновленный «среднеевропейским пространством», должны были двигаться к континентальному государству планетарного масштаба за счет территорий, контролируемых «старыми народами» – французами и англичанами.

¹⁵ Ibid. S. 262.

¹⁶ Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 125.

¹⁷ Kjellen R. Der Staat als Lebensform. Berlin, 1924. S. 75.

Опираясь на творческое наследие Мэхэна, Макиндера, Ратцеля и Челлена, Карл Хаусхофер в начале 1920-х гг. приступил к формированию немецкой геополитической школы. Её представители осуществляли анализ международных отношений современности и стремились выявить степень влияния географических факторов на политику государств. В качестве практического применения, их дискурс был направлен на выработку механизма, который позволил бы Германии занять достойное место в мировой системе. С целью пропаганды геополитических идей и воспитания народа в геополитическом духе в 1924 г. Карл Хаусхофер, Эрих Обст, Отто Мауль и Герман Лаутензах основали «Цайтшрифт фюр Геополитик».

Хаусхофер считал, что отличие геополитики от политической географии состоит в том, что «политическая география – это учение о распределении государственной власти над пространством поверхности земли и её обусловленности через форму и основание, климат и почву, а геополитика есть учение о политических формах жизни в естественном жизненном пространстве. Оно пытается понять его связь с землей и его детерминированность через историческое движение»¹⁸. Отличие между ними состоит в том, что при рассмотрении проблемы пространства и государства Хаусхофер считал, что «политическая география рассматривает государство с точки зрения пространства, а геополитика рассматривает пространство с точки зрения государства». К тому же, полагал он, «геополитика подготавливает инструменты для политического действия и директивы для политической жизни в целом»¹⁹.

Хаусхофер при анализе послевоенного геополитического положения исходил из несправедливого распределения пространств как результата Версальского мира. Ратцелевское чувство пространства трансформировалось у Хаусхофера в чувство границы. Он указывал на опасность произвольного проведения границ, которое бы игнорировало природную обусловленность. «Любая попытка подрыва и расчленения естественных сухопутных и водных путей искусственными, насильственно проведенными и установленными границами на длительный срок в ущерб обоим заключившим договор государствам... рано или поздно благодаря неумолимой встряске непризнанных коммуникаций приводит к устранению таких препятствий»²⁰. Послевоенная передвижка границ произошла без участия науки. Политикам следовало бы помнить, что «жизнь не терпит так называемые аккуратные

¹⁸ *Haushofer K. Politische Erdkunde und Geopolitik // Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 508.*

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. О геополитике. / Пер. с нем. М., 2001. С. 91.*

разделы, что природа не расположена к прямым, проведенным на картах линиям, часто насмехается над ними»²¹.

Стремление к политическому расширению границы должно подкрепляться воспитанием народа в духе расширения жизненного пространства. Необходимо создать единый «целостный взгляд всех слоев населения, понимание недостаточности нынешнего жизненного пространства и несостоятельности нынешних границ»²². Произвольный, неприкрытый нажим на границу без должного осознания народом этой необходимости является неэффективным и не может привести к достижению позитивных результатов. К такому результату пришла кайзеровская монархия.

«Впрочем, все эти наши бедствия имеют причиной два момента: первый – особенность нашего жизненного пространства, основательно разбитого внутренними границами на ячейки, и второй – рано проявившийся внутренний настрой нашей высокодаренной, но склонной к шизофреническим катастрофам народной общности. Поэтому на постоянное воздействие нашей природной среды, которое в сочетании с определенным пороком национального характера способно порождать опасные бури, следует... ответить постоянным воспитательным действием и бдительностью в отношении назревающей опасности вредных вспышек и проявлений»²³.

В период Веймарской республики геополитические взгляды Хаусхофера смыкались с представлениями «революционного консерватизма». Следует сказать, что с 1919 г. Хаусхофер с женой вступили в состав Немецкой народной партии Баварии, позднее ученый вошел в состав Союза Оберланд, отдавая предпочтение его «фёлькишески-национальным целям». Занимаясь проблемой немцев за границей, Хаусхофер сблизился с видным «революционным консерватизмом» Эдгаром Юлиусом Юнгом²⁴, а также был знаком с одним из лидеров «революционного консерватизма» Артуром Мёллером ван ден Бруком. Именно Хаусхофер организовал в начале 1922 г. выступление Гитлера в «Июньском клубе» и его встречу с ван ден Бруком²⁵. Однако, на наш взгляд, не это сыграло впоследствии существенную роль в положении геополитики в нацистском государстве. В большей степени это было связано с дружбой между К. Хаусхофером и Р. Гессом.

Хаусхофер познакомился с Гессом 4 апреля 1919 г. (Гесс был его студентом). Уже в январе 1920 г. Гесс был приглашен в дом Хаусхофера на чай и стал там частым гостем. Хаусхофер оказывал на

²¹ Там же. С. 99.

²² Там же. С. 110.

²³ Там же. С. 237–238.

²⁴ *Ebeling F.* Op. cit. S. 122.

²⁵ *Schwierskott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 144–145.

Гесса большое духовное воздействие²⁶. Эта дружба приняла более глубокий характер: на это указывает то, что именно в доме Хаусхофера Гесс нашел убежище в конце 1923 г. и в начале 1924 г.²⁷. Когда же Гесс был заключен в Ландсбергскую крепость, то Хаусхофер посещал его и там, передав ему, в частности, книгу Ф. Ратцеля «Политическая география», положения которой были заимствованы Гитлером. Теплые, дружеские отношения между ними длились вплоть до полета Гесса в Великобританию в 1941 г.²⁸

С приходом нацистов к власти положение Хаусхофера и немецкой геополитической школы существенно изменилось. Геополитика была втиснута в нацистское мировоззрение, заняв особое место в нацистском реестре наук. Идеология национал-социализма, пожалуй, впервые в мире использовала геополитический понятийный аппарат. Как справедливо отмечал отечественный исследователь В.А. Буханов, «не будет преувеличением сказать, что в понятии "жизненное пространство", как в капле воды сфокусировалась вся захватническая программа национал-социализма»²⁹.

Для самого Хаусхофера после 1933 г. началась череда назначений: в 1934 г. он возглавил Немецкую академию, был председателем Союза немцев за границей и др. В новых политических условиях им было рассмотрено геополитическое положение Германии и указаны её возможные союзники и противники. В отношении Великобритании он занимал враждебную позицию. Несмотря на то, что Германия никоим образом не затрагивает интересы британской политики, та по-прежнему сохраняет позицию «врага», препятствуя германскому внешнеполитическому развитию³⁰. Хаусхофер указывал на невозможность германо-английского сотрудничества по причине их геополитической несовместимости. Таким образом, геополитический анализ современной политической ситуации выделял Великобританию и Францию как потенциальных противников германской политики. Англофобия К. Хаусхофера не разделялась его сыном А. Хаусхофером, который считал Великобританию и США наиболее желательными партнерами Германии³¹.

Столкновение интересов Германии в Центральной Европе с интересами западных государств приводило к необходимости обраще-

²⁶ Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 225.

²⁷ Hipler B. Hitlers Lehrmeister. Karl Haushofer als Vater der NS-Ideologie. St. Ottilien, 1996. S. 107.

²⁸ Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 227.

²⁹ Буханов В.А. Гитлеровский "новый порядок" в Европе и его крах. 1939–1945. (Идейно-политические проблемы). Екатеринбург, 1994. С. 9.

³⁰ Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 113 ff.

³¹ Laack-Michel U. Albrecht Haushofer und der Nationalismus. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1974. S. 70–71.

ния на восток. К. Хаусхофер считал, что устранение «новым порядком Европы» Германии и России от активной роли в европейской политике, подталкивало их к солидарности. Он положительно оценивал Рапалльский договор и считал его залогом создания в будущем континентального блока, способного противостоять морским державам. К. Хаусхофер включал в его состав Германию, СССР и Японию.

Утверждение данной концепции неразрывно связано с необходимостью приспособления Центральной Европы к требованиям немецкой внешней политики. Идея создания континентального союза нашла свое отражение в работе К. Хаусхофера «Континентальный блок», которая была написана в 1940 г. и несла на себе отпечаток современной политики. Её опубликование должно было способствовать выработке внешнеполитического курса страны в условиях Второй мировой войны, а необходимость балансировки и опоры на союзника делали перспективным проект К. Хаусхофера. Он считал, что наиболее грандиозным и важным событием в современной мировой политике является «перспектива образования могущественного континентального блока, который бы объединил Европу с севером и востоком Азии»³². Хаусхофер определял создание его как «сознательное исполнение великой необходимости»³³. Она заключалась в том, что морские государства Великобритании и США, стремясь к достижению мирового господства, будут проводить политику подчинения европейского континента своей воле. Это найдет свое выражение не только в попытке экономического диктата, но и в проникновении и насаждении в Европе англо-американского образа жизни и культуры. Угроза потери политического или экономического суверенитета толкает государства континента к созданию континентального блока. При этом К. Хаусхофер предлагал подчинить волю и интересы отдельных стран общему делу. Их суверенитет не должен останавливать континентальный триумvirат при проведении политических действий. «Мы не могли, – писал он, – из-за нескольких геополитических аутсайдеров ставить под удар ту тройку, которая только и могла вырвать Старый Свет из объятий анаконды»³⁴.

Обращаясь к перспективам создания континентального союза, Хаусхофер указывал на его могущество с геополитической точки зрения. Обыгрывая формулу мирового господства Макиндера, он приходил к заключению, что «возможность создания евроазиатского континентального блока чревата угрозой мировому англосаксонско-

³² Haushofer K. Der Kontinentalblock. Mitteleuropa – Eurassen – Japan // Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 606.

³³ Ibid. S. 614.

³⁴ Ibid. S. 611.

му господству»³⁵. Англичане и американцы обратили внимание на это раньше всех и поэтому всячески противодействовали созданию блока. Вследствие геополитической близорукости германского руководства «второй рейх» упустил шанс утвердить господствующее положение на континенте. «Третий рейх» вновь получил его.

По мнению Хаусхофера, для создания евроазиатского союза «предварительным условием было образование германо-японского объединения»³⁶, к которому затем должен присоединиться СССР. Фактически роль последнего, с геополитической точки зрения, была определяющей в силу его центрального географического положения, но, с политической точки зрения, она носила вспомогательный характер, позволяющий соединить пространства и образовать антиатлантический плацдарм. Здесь обращает на себя внимание двойственное отношение К. Хаусхофера к России. Он справедливо считал, что без нее невозможно создание крепкого геополитического союза, способного противостоять возрастающей мощи англо-американских сил. Поэтому Хаусхофер оправдывал германо-советское сотрудничество и Рапалльский договор, считая их первым шагом к объединению. Но с другой стороны, он указывал на старогерманский характер «восточной судьбы» Германии, направленный на расширение германских территорий за счет восточных земель. При этом Советский Союз должен был занять подчиненное положение в предполагаемом евроазиатском континентальном союзе. Идея образования германо-советско-японского союза, выдвигаемая Хаусхофером, оказала влияние на внешнеполитическую концепцию Риббентропа, но не учитывала политическую реальность международных отношений в Европе в предверии второй мировой войны. Противоречия между Германией и СССР в Европе, СССР и Японией на Дальнем Востоке делали такое тройственное объединение маловероятным. Поэтому германской политике приходилось балансировать между европейскими государствами в поисках поддержки и нейтралитета³⁷. Концепция К. Хаусхофера встретила неоднозначную реакцию не только германского политического руководства, но и представителей геополитической школы. Так, А. Хаусхофер считал евроазиатскую мечту отца неосуществимой в силу мировоззренческих и политических расхождений нацистской Германии и СССР. Он считал, что потенциальными противниками Германии выступали Франция и СССР, а возможным союзником могла быть только Великобритания. Тем самым, представления А. Хаусхофера находили схожие параллели с

³⁵ Ibid. S. 607.

³⁶ Ibid. S. 611.

³⁷ Ibid. S. 608.

гитлеровской программой³⁸. В 1941 г. жизнь Хаусхофера изменилась. После полета Гесса он и его сын Альбрехт были допрошены гестапо. Отношения между ученым и властью испортились. Хаусхофер считал ошибочным нападение Германии на СССР и рассматривал 22 июня 1941 г. как «черный день в германской истории». Геополитика испытала на себе давление власти и в итоге была подчинена политической целесообразности нацистской стратегии. Отношение нацистского руководства, в частности Гитлера, к идеям К. Хаусхофера было скептическим³⁹. Взаимоотношения нацистской власти и ученого заметно обострились после 20 июля 1944 г. За участие в заговоре против Гитлера был арестован старший сын Хаусхофера Альбрехт, а ранним утром 28 июля был арестован и он сам. Его подозревали в причастности к заговору и заключили в Дахау. Старый, больной ученый 31 июля 1944 г. пишет письмо Гитлеру, в котором обращает его внимание на свою «двадцатипятилетнюю, самозабвенную и честную службу ему и его движению». Он сетует на то, что вынужден встречать свое семидесятипятилетие в концлагере. Оправдываясь перед Гитлером, Хаусхофер убеждал его в своей непричастности к заговору 1944 г., называя его участников «преступниками 20 июля». Спустя месяц, 31 августа 1944 г. он был освобожден из Дахау⁴⁰.

Судьба сыграла с Хаусхофером злую шутку. Связав свои надежды на возрождение Германии с нацизмом, поставив свой авторитет ему на службу, он сильно разочаровался в нём ещё к середине 1940-х гг. После окончания войны Хаусхофер и его супруга узнали о трагической судьбе своего сына Альбрехта, расстрелянного в Моабитской тюрьме в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г. 10 марта 1946 г. Карл и Марта Хаусхоферы добровольно ушли из жизни.

Стремление к внешнеполитическому рываншу подталкивало германские политические круги к осмыслению сложившейся расстановки сил. Большой вклад в это дело внесла немецкая геополитическая школа во главе с Карлом Хаусхофером. Поставленная на службу нацистской политике, она стала играть вспомогательную роль во внешнеполитической деятельности германского государства. Впоследствии произошло отождествление К. Хаусхофера с нацизмом, что повлекло за собой соединение геополитики и нацистской внешней политики. Как справедливо заметил германский исследователь Ф. Эбелинг, «трагедия его жизни была одновременно трагедией политического пространственного учения в Германии»⁴¹.

³⁸ Laack-Michel U. Op. cit. S. 109.

³⁹ Diner D. "Grundbuch des Planeten". Zur Geopolitik Karl Haushofer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 32 (1984). S. 27.

⁴⁰ Jacobsen H.-A. Op. cit. Bd. 1. S. 413–416.

⁴¹ Ebeling F. Op. cit. S. 24.

М.С. ПЕТРОВА

**О ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРАХ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
(на примере произведений Макробия)**

Латинские произведения V века, на который приходится годы жизни и творческой активности Макробия Феодосия¹, разнообразны в жанровом и содержательном отношении – писались басни, гимны, эпиграммы, моральные поучения, проповеди; составлялись компендии, брeвиарии и комментарии, в которых в доходчивой и популярной форме излагались самые различные сведения. Это не случайно. Именно такие сочинения были востребованы читателями того времени, отдававшими предпочтение не подробнейшим трудам типа *Истории Рима от основания Города* Тита Ливия (59 г. до н.э. – 17), а сокращенным и упрощенным изложениям.

Произведения Макробия не были исключением. Так, в *Комментарии на 'Сон Сципиона'* (с. 440–445) Макробий разъясняет заключительный отрывок из трактата Цицерона (106–43 до н.э.) *О государстве*². Жанр «комментария» принадлежит тысячелетней традиции, которая берет начало еще со времен существования пифагорейской школы и, по сути, возникший одновременно с появлением философской прозы³. Избранный Макробием метод для составления *Комментария* – тот же, что и у поздних комментаторов-платоников как греческих, так и латинских (среди которых – Ямвлих (с. 280–330), Прокл (412–485), Калкидий (fl. IV–V в.), Кассиодор Сенатор (с. 490–585) и др.)⁴. Несмотря на то, что

¹ О времени жизни автора см. нашу статью: Макробий Амвросий Феодосий (просопографический очерк). // Диалог со временем. М. УРСС, 2001 (далее ДсВ). Вып. 6. С. 164–176.

² Благодаря Макробию этот фрагмент сочинения античного классика дошел до нас целиком, так как этот отрывок прилагался к *Комментарию* автора во многих манускриптах.

³ Подробнее см.: Шичалин Ю.А. Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-философский ежегодник (далее ИФЕ) '89. М. Наука, 1989. С. 68–77.

⁴ Автор помещает цитату в начало главы и посвящает последнюю ее толкованию.

без разъяснения осталась четверть текста Цицерона (большая часть вступление), произведение Макробия в 16-17 раз длиннее первоисточника⁵. Многие изложенные Макробием теории укладываются в традицию неоплатонизма, хотя различимо влияние стоицизма, неопифагореизма, герметической философии. Источниками Макробия служили греческие философские тексты, которые он кратко пересказывает, опуская промежуточные рассуждения и оставляя лишь выводы, «дабы не вызвать неизбежной скуки» (II,12,8). Для манеры письма Макробия (впрочем, как и для всех комментаторов поздней античности) характерно желание создать впечатление работы с первоисточниками и продемонстрировать свою эрудицию. Яркий пример тому – длинный экскурс в пифагорейскую арифметику, гармонию сфер, астрономию, географию, учение о бессмертии души (эти темы занимают две трети *Комментария*).

Стиль Макробия четкий и ясный. Стремление автора к ясности проявляется постоянно. Макробий говорит, что стремится устранить всякую «непрозрачность» некоторых мест у Цицерона.

⁵ Автор начинает свой *Комментарий* с рассуждения о различии и сходстве между целями трактатов *О государстве* Платона и Цицерона, обосновывая причину включения этими авторами сновидений и мифов в свои работы (I,1). Затем Макробий говорит о допустимости использования вымысла в философских сочинениях (I,2), приводит классификацию снов (I,3) и указывает цель своего произведения – истолковать сочинение Цицерона (I,4). На этом заканчивается вступительная часть *Комментария*. Далее Макробий приступает непосредственно к комментированию, начиная с описания свойств и достоинств чисел пифагорейской десятки (I,5–7). Он приводит классификацию добродетелей (I,8), говорит о праведном образе жизни правителей государств и об индивидуальной душе (I,9–10); о границах преисподней (I,11); о стадиях нисхождения души от ее небесного источника до воплощения в тело человека (I,12); о недопущении самоубийства (I,13); о наделении человека умом, ощущениями и жизненным движением (I,14). Далее Макробий пишет о движении небесной сферы и планет (I,15–19), о диаметре солнца и небесных сфер (I,20), дает описание самого первого метода разбивки Зодиака на созвездия (I,21), доказывает, что земля находится в центре вселенной (I,22). Вторая книга *Комментария* начинается с изложения численных отношений музыкальных созвучий и планетарных сфер, их связи с мировой душой (II,1–3). Затем Макробий говорит о гармонии сфер (II,4) и географии (II,5–9) – в частности, он пишет о размещении четырех, населенных людьми, поясах земли, о расположении океанов, о причинах приливов и длительности мирового года (II,10–11), о том, что душа человека чужда смертности (II,12); об учении Платона относительно бессмертия души (II,13), об опровержении взглядов Аристотеля (II,15–16), и, в заключение, о разделении философии на нравственную, естественную и рациональную (II,17). В целом, работа Макробия представляет собой свод греческого знания, популярно изложенный для латинского читателя.

И если автор обещает что-нибудь разъяснить – например, различие между словами *sidera* (созвездия) и *stellae* (светила) (I, 17, 21) – он обязательно это делает. Макробий экономно использует греческие слова, объясняя их смысл, переводит цитаты из сочинений Платона. Однако, «четкость» и «ясность» стиля не присутствует в передаче самих греческих учений. К характеристике стиля Макробия относится и то, что он употребляет очень много промежуточных слов и выражений, как например: *ut diximus*, *similis*, *par*. Большинство его предложений содержат частицы и союзы, типа: *enim*, *ergo*, *nam*, *vero*, *ideo* и пр. Синтаксис Макробия почти не имеет отклонений от классики. Словарь автора зависит от Цицеронового. Он использует многочисленные неологизмы, которые ввел Цицерон, чтобы передать греческие философские понятия, которые редко встречались в латинском языке до постклассического периода. Но наряду с лексикой, заимствованной у Цицерона, в *Комментарии* содержится большое количество терминов, находимых только у поздних авторов (V в.), например, *circumspectum* (закругление или изгиб [орбиты]), *competentia* (соединение [небесных светил]), *globositas* (округлость, шарообразность), *incorporalitas* (бестелесность), *omnipotentia* (всемогущество), *profunditas* (глубина [философского учения]) и др.⁶ Особенность *Комментария* в том, что в нем налицо характерное для IV–V веков взаимопроникновение греческой и латинской культур⁷.

Ядром *Комментария* является тема индивидуальной души – ее происхождение, жизнь и смерть (I, 9–14)⁸ – которая проходит через все произведение автора, сочетаясь с арифметикой, астрономией, гармонией и др. темами. Цель Макробия – воскресить веру Платона и Цицерона в посмертное существование. Автор обосновывает необходимость праведного образа жизни, используя иной, наставительный жанр – «жанр моралий». Для того, чтобы убедить читателя в необходимости стремиться к такого рода жизни, Макробий, привлекая миф, показывает, как страшны будут наказания для тех, кто в сей жизни не следует добродетелям. Миф, по мнению автора, занимает промежуточное положение

⁶ Stahl W.H. Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio'. N-Y. 1952; 1990. P. 58-59.

⁷ В этом отношении весьма показателен принцип цитирования Макробием латинских текстов для подкрепления положений излагаемых им греческих теорий. Об этом см. нашу статью: Макробий и его метод цитирования латинских авторов. ДсВ. Вып. 7. С. 167-183.

⁸ Наш перевод см. в сб.: Философия природы в античности и в средние века. М. Прогресс-Традиция, 2001. С. 371-414. Реконструированное учение Макробия о метемпсихозе см.: ДсВ. Вып. 7. С. 172.

между правдой и вымыслом, за которым скрыт особый смысл, стоит особая правда, дающая знание и мораль (1,2)⁹.

Взяв за основу фрагмент сочинения *О природе вещей* (III,978–1023) Лукреция (с. 96–55 до н.э.), который считал, что никакой последующей жизни души вне тела не существует¹⁰, Макробий создает собственный миф, придавая словам Лукреция иной смысл: да, наши загробные мучения – страсти нашей души. Но они реальны и ужасны, это воистину муки Аида, ибо пребывание в теле есть смерть души. И, стало быть, здешнее существование – это нахождение в преисподней. Вот как это изложено Макробием (I,10,12-17)¹¹:

[12] Древние полагали, что описание наказаний взято из самой практики человеческого общежития. Стервятника, *терзающего бес-смертную печень*, они предпочитали понимать не иначе, как угрызения совести, которая берedit самое нутро, повинное в бесчестном поступке, терзает неустанным напоминанием допущенного злодеяния самые жизненные внутренности. И если люди вдруг попробуют успокоиться, она всегда возбуждает заботы, словно *внедряется в отрастающую заново печень*. Совесть не смягчает себя никакой жалостью, – ведь есть закон, что *всякий преступник не избегнет стать судьей себе самому*, и не может сам не вынести себе приговор. [13] Древние говорили, что те люди терзаются от голода и чахнут от истощения перед выставленными у них перед глазами яствами, кого жажда все большей и большей наживы заставляет не видеть уже имеющихся богатств. И в роскоши – нищие, они страдают от лишений среди изобилия. Они не умеют ценить нажитое [богатство], в то время как хотят иметь еще и еще. [14] Те, *распятые, висят на спицах колес*, кто ничего не обдумывает и не предусматривает, у кого ничто не сдерживается рассудком, кто не вызволяет себя [из трудного положения] превосходными качествами души, кто и себя, и все свои дела вверяет удаче, и вечно вращается под действием обстоятельств и случая. [15] [Иные] *огромные катят* камни, растрчивая свою жизнь в безуспешных и тяжких потугах. А мрачный валун, всегда готовый качнуться, и, кажется, повалиться [обратно], нависает над головами тех, кто домогается величайших постов и [хочет сделаться] злосчастливым тираном, кому только не одержать верх не обретя страха. И те, кто подвластную толпу заставляет ненавидеть, *лишь был бы страх*, всегда, похоже, кончают крахом, как того заслуживают. И не напрасно древние богословы предполагали это. [16] Ведь и беспощадный узурпатор сицилийского двора Дионисий, захотел однажды показать своему приближенному, который только жизнь тирана считал блаженной, до какой степени несчастна такая жизнь из-за постоянного страха и сколь ис-

⁹ Перевод этой главы, а также трех других, относящихся ко вступлению (I,1-4), см.: ИФЕ '2000. М. Наука, 2002. С. 45-61.

¹⁰ См. также ДсВ. Вып. 7. С. 176-177 и прим. 14 к этому месту.

¹¹ См. прим. 8.

полнена вечно нависшими опасностями. Он приказал, среди [расставленных] яств подвесить на тонкой нити за рукоять обнаженный меч, так, чтобы обращенное вниз острие его оказалось над головой того приближенного. И когда тот, перед лицом смертельной опасности, стал тяготиться богатствами и Сицилии, и тирана, Дионисий сказал ему: «Такова жизнь, которую ты считал блаженной. Так [живя], мы всегда видим нависшую над нами смерть. Скажи, может ли когда быть счастлив тот, кто не перестает бояться?». [17] Поэтому, в соответствии с тем, что утверждают богословы, если мы истинно полагаем, что каждый претерпевает собственные адские муки и преисподняя находится в этих [смертных] телах, то нужно ли смерть души понимать иначе, чем погружение в преисподнюю тела, а жизнь – восхождение ее к высшим [сферам], после того, как она оставит тело?¹²

Сатурналии (с. 430 г.) – другое произведение Макробия. Оно относится к жанру «симпосиев», начало которому положили своими одноименными диалогами Платон и Ксенофонт (430/25 – п. 355 до н.э.) и продолжили Плутарх (46–119) в *Застольных беседах* и Афиней (с. 200) в *Пирующих софистах*. Беседы за столом были важной формой общения среди греков и римлян. Корни такого рода культурной коммуникации уходят в глубокую древность, когда пировали после обильных жертвоприношений. Можно привести в пример *Илиаду* Гомера, где герои на пиру не только вкушают «сладостные яства», но и общаются друг с другом, излагают свои замыслы. Этой традиции привержен и Макробий. Одной из существенных сторон этого жанра является смешение серьезного и смешного, налет легкости, праздничное настроение собеседников и доступность формы при изложении серьезных рассуждений¹³.

При построении этого сочинения, Макробий следует модели трактатов Цицерона (*О старости*, *О дружбе*, *Об обязанностях*, *О государстве*, *О природе богов*), Афиней (*Пирующие софисты*), Плутарха (*Застольные беседы*), Авла Геллия (с. 130) (*Аттические ночи*) и др., а также использует многие литературные приемы. Прежде чем об этом говорить, имеет смысл привести краткое содержание макробиевого сочинения:

¹² Строки, выделенные курсивом, заимствованы Макробием из следующих произведений: Лукреций, *О природе вещей* III,978-9; Вергилий, *Энеида* VI,598; VI,600; Ювенал, *Сатиры* XIII,2-3; Вергилий, *Энеида* VI,616-17; VI,616; Акций, *Атрей*, фр. 203 (Риббек).

¹³ См. Лосев А.Ф. Макробий // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М. Искусство, 1992. Том VIII. Часть 2. Уколова В.И. Древний Рим. Пять портретов. М. Наука. 1992. Она же. Макробий и его *Сатурналии* // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М. Наука, 1988. Она же. Макробий и проблемы средневековой культуры // Средние века. М.: Наука. 1989. Вып. 52.

После вступления и пояснительной главы (I,1), Макробий описывает мизансцену – канун праздника Сатурналий в доме Претекстата (I,2,15-20). Претекстат, будучи хозяином дома, обсуждает с Фурием Альбином и Авиеном, когда следует начинать празднование. Затем он приглашает К.А. Симмаха, Альбина Цэцину и Сервия, после чего следует объяснения Цэцины о временных делениях дня (I,3); разбирается употребление некоторых слов в грамматике (I,4 и I,5). В первый день празднования Флавиан, Евстахий и Евсевий составляют кружок (I,6,4). Претекстат объясняет происхождение своих имен, обычая ношения окаймленной тоги (*toga praetexta*) достигшими совершеннолетия мальчиками (I,6,5-30). Затем прибывают Евангел, Дизарий и Гор (I,7,1-13). Разговор поворачивается к обсуждению происхождения празднования Сатурналий (I,7,14 – I,11), начиная с легенды о Сатурне и боге Янусе и длинного отступления, касающегося жестокого обращения с рабами и их поведения. Далее Претекстат обсуждает развитие римского календаря (I,12-16), дает обоснование религиозному монотеизму, рассматривая всех языческих богов как проявления единого божества – Солнца (I,17,23). Замечание Евангела (I,24,2) служит для перехода к обсуждению многосторонней эрудиции Вергилия. Поэт представляется как авторитет в любой области знаний (I,16,12). Симмах и другие участники показывают на примерах его познания в философии и астрономии, в законах авгуров и понтификов, в риторике и ораторских приемах, а также его использование ранних текстов греческих и латинских писателей (I,24,10-21). Затем участники приступают к пиршеству. Во второй книге Симмах предлагает (II,1,15) каждому гостю за обедом повторить какое-нибудь шутовское изречение древних (II,2) и сам начинает с пересказа нескольких шуток Цицерона (II,3). После чего в разговор вступают и другие персонажи (II,4-7), рассказывая различные истории. В последней главе второй книги Флавиан и Цэцина Альбин высказывают замечания о сластях. Затем ими приводятся высказывания Платона о свойствах вина, слова Аристотеля и Гиппократата – о невоздержанности в питье. Третья книга посвящена продолжению празднования в доме Флавиана. Первые двенадцать сохранившихся глав этой книги описывают знание Вергилием законов понтификов. Здесь Претекстат цитирует строки, которые относятся, например, к церемониальному очищению проточной водой (III,1) (при этом, иногда, обращая внимание на этимологическую точность, с которой Вергилий использует ритуальное значение слова или выражения (III,5-6)). После двенадцатой главы в тексте имеется лакуна. Главной темой второй части разговора, уже во время разгара пиршества, является обсуждение Цэциной Альбином роскоши времен республики (III,13,16); высказывается аргумент в пользу того, что прежнее поколение обращало больше внимания на роскошь, чем нынешнее. Фурий Альбин, подтверждая довод Цэцины, говорит о том, что древние люди времен республики отдавали дань мастерству танца (III,14), не скупилась платить высокую цену за некоторые виды рыбы (III,15-17). Сервий, вступая в беседу, описывает различные виды орехов, яблок, груш, олив и винограда (III,18-20). Беседа прерывается Претекстатом, обращающим внимание на поздний час и предлагающим гостям про-

должить ее завтра утром, в третий и последний день празднования, в доме Симмаха (III,20,8). Начало и конец четвертой книги утрачены полностью. Части, которые сохранились, посвящены правилам вергилиевой риторики. Перечисляются риторические приемы Вергилия, которые тот использует для пробуждения страстей и эмоций (πάθη), которые подробно анализируются (IV,2,4-8), приводятся конкретные примеры риторических фигур (IV,6,9-24). Начало пятой книги посвящено сравнению сочинений Вергилия и Цицерона. Перечисляются четыре рода ораторского стиля, причем все они, согласно доводам беседующих, могут быть найдены в поэмах Вергилия, который причисляется собеседниками к величайшим десяти ораторам Аттики (V,1,20). Указывается и на зависимость Вергилия от греческих авторов (V,2,1). Примеры такой зависимости приводятся до самого конца пятой книги и занимают часть шестой, где иллюстрируется как знание Вергилием греческих и латинских авторов, так и то, как он их использует. В последней, седьмой книге *Сатурналий* содержатся беседы, которые участники ведут после трапезы. Сначала обсуждается вопрос о том, можно ли философствовать за столом (VII,1), после чего следует беседа о правилах поведении во время трапезы (VII,2-3). Оставшаяся часть книги посвящена обсуждению самых разнообразных вопросов, многие из которых «научны» лишь отчасти¹⁴. Заключительная часть седьмой книги утрачена.

Так, автор изображает *идеализированный кружок аристократов прошлого*: в качестве действующих лиц он изобразил ярких представителей языческой культуры и аристократической среды IV в., среди которых политики и ученые. Сам Макробий не принадлежит описанному времени, но считает его идеальным¹⁵, следуя в этом Цицерону (*О государстве* и *О природе богов*). Возможно, наш автор *излагает события, которые происходили за некоторое время до смерти главного действующего лица*¹⁶ *Сатурналий* – Претекстата. Если это так, то такой прием позаимствован Макробием из диалогов Платона (*Федон*, *Тезэтэт*), трактатов Цицерона (*Об ораторе*, *О старости*, *О государстве*); Афинея (*Пирующие мудрецы*). Встречается и *анахронизм*, за который Макробий извиняется в начале сочинения (I,1,3-6), говоря, что он включает в свое повествование известных людей, которые не могли встретиться вместе в реальности. Так, современник Макробия баснописец Авиен¹⁷ жил позже, чем устроитель

¹⁴ См. ниже, примеч. 17.

¹⁵ Об этом см. нашу статью: «Макробий Феодосий и персонажи *Сатурналий*». ДсВ. Вып. 6. С. 177-184.

¹⁶ Примерно 17-19 декабря 394 г. Дата реконструирована. См. Там же. С. 180-182.

¹⁷ См. нашу статью Баснописец Авиен и Макробий Феодосий. ДсВ. Вып. 6. С. 185-191.

пира – Претекстат (ум. 385 г.). В этом Макробий следует Платону, описавшего беседу между Сократом, Парменидом и Тимеем. Придерживаясь модели трактатов Цицерона (*О старости, О дружбе, О природе богов, О государстве*), Макробий вводит в число действующих лиц *Сатурналий* не вымышленных персонажей, а реально живших людей.

В произведении Макробия всем действующим лицам присуще высокая степень образованности, изящество речей и поступков, за исключением Евангела. Этот персонаж намеренно включен Макробием в диалог для ведения беседы, что также является литературным приемом. Так, Евангел высказывает какое-либо мнение, задает вопросы, критикует старинные порядки. Остальные гости, отвечая ему, излагают свои взгляды. Таким образом строится беседа, обсуждаются вопросы философии, религии, литературы и науки.

Выделить главную тему всего произведения затруднительно, как из-за отсутствия некоторых частей книги, так и из-за сумбурности оставшихся. Однако, серьезных мест в *Сатурналиях* достаточно, хотя все они перемешаны с разного рода шутками и намеренными нелепостями¹⁸. Все же, в качестве основных можно выявить две темы – тему солнечного монотеизма¹⁹ (I,17–18), которая, будучи разработана еще императором Юлианом-Отступником (332–363), нашла у Макробия свое завершение, и критика Вергилия (отрывки из I, III книг, сохранившиеся главы IV книги, V и VI)²⁰.

В целом, в *Сатурналиях* в литературной форме запечатлены традиции и обычаи старины, передано классическое наследие античности, подводится итог филологической работы предшествующих поколений. Отметим, что Макробий не ограничивается

¹⁸ Например, какая пища усваивается лучше, простая или смешанная (VII,4-5), отчего женщины реже пьянеют, а мужчины чаще (VII,6) и отчего женщины реже мерзнут, чем мужчины (VII,7), какова причина облысения (VII,10), отчего люди краснеют и бледнеют (VII,11), отчего кольцо носят на безымянном пальце левой руки (VII,13), почему пресная вода лучше средство для очищения, чем морская (VII,13). Также обсуждаются свойства нервной системы (VII,9) и зрительного восприятия (VII,14), проблема того что произошло раньше – яйцо или курица (VII,16), высказываются некоторые наблюдения о целебных свойствах меди (VII,16).

¹⁹ См. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М. Т. 7 (1). С. 580-582.

²⁰ См. Миллер Т.А. Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения». Сервий, Макробий // Очерки истории римской литературной критики. М. АН СССР, 1963. С. 283-309; Уколова В.И. Макробий и его *Сатурналии* // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М. Наука, 1988. С. 50-56. Она же. Поздний Рим. Пять портретов. М. Наука, 1992. С. 59-64.

использованием какого-нибудь одного, нужного ему сочинения предшественников, компилируя отрывки из множества классических авторов. И это является его характерной чертой.

Работа Макробия *О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов* (с. 425), на первый взгляд, напоминает «учебник» по жанру. В ней достаточно полно представлены сведения о латинских глаголах с одновременным указанием аналогичных глаголов в греческом языке, разбирается их морфология, спряжения, наклонения, времена, использована греческая терминология. Однако, эта работа все же резко выделяется на фоне «учебников» поздней античности, так как ее характерной особенностью является то, что она больше напоминает научно-сравнительное рассуждение, которое могло быть интересно для культурной аристократии, похожей на ту, что изображена в *Сатурналиях*²¹. По сути, «греческая» составляющая трактата достаточно элементарна, что характерно для эпохи жизни Макробия, но манера изложения – рассудительна. Макробий не дает парадигм спряжений глаголов (за редким исключением, например, глагол *ποιέω* – делаю) и совершенно опускает те аспекты, которые не являются общими для двух языков. Например, он не упоминает *двойственное число* в греческом языке (которое, впрочем, употреблялось и в латинском, например, *duo, duobus* – два; *ambo, ambobus* – оба) или *аорист* (историческое время, которое выражает совершенное или законченное действие), что являлось бы важным, если бы автор ставил перед собой цель написать только лишь учебник. Таким образом, эта работа представляет собой сравнительное лингвистическое исследование, предназначенное для уже знающих язык читателей, которых интересуют тонкости и сложности языка.

Очевидно, что в жанровом и в литературном отношении сочинения Макробия весьма разнообразны. В какой-то степени все их можно рассматривать в качестве упражнений в свободных искусствах. В целом, работы писателя следует охарактеризовать как философские или сравнительные рассуждения, решающие задачу трансляции античного знания в условиях уже существующего христианского окружения, представляющие собой характерный пример поздней римской науки.

²¹ *Dionisotti A. Greek Grammars and Dictionaries in Carolingian Europe // The Sacred Nectar of the Greeks: The Study of Greek in the West in the Early Middle Ages. Ed. M. Herren. 1988. P. 19-21.*

С.В. МЕСЯЦ

ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНР ШКОЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНТИЧНОСТИ

Если окинуть взором все дошедшие до нас античные комментарии к произведениям Платона и Аристотеля, то легко обнаружить у них общие черты, указывающие на существование определенных правил составления сочинений подобного жанра. Обычно комментарии начинались с введения, в котором определялся предмет комментируемого сочинения (*σκοπός* или *πρόθεσις*), польза (*χρήσιμον*) от его изучения, место (*τάξις*) среди других произведений данного автора, композиция (*διαίρεσις*) и основные темы (*κεφάλαια*). Если речь шла о диалогах Платона, то было принято также пересказывать фабулу диалога, перечислять его действующих лиц, указывая на их символическое значение, и определять стиль (*χαρακτήρ*) изложения. Иногда затрагивались и обще-философские темы: о самопознании как исходной точке философствования, о последовательности изучения философских дисциплин, о природе ('фюсис') и т.п.

В «Комментарии к 'Горгию'» Олимпиодор перечисляет правила, руководствуясь которыми нужно строить ведение в комментарий. По его словам, «прежде чем приступать к диалогу, надо исследовать: во-первых, его драматическую завязку, во-вторых – предмет, в-третьих – композицию, в-четвертых – персонажей и символическое значение персонажей»¹.

Прокл в «Комментарии к 'Государству'» выделяет целых семь моментов, которые обязательно должны быть затронуты во введении, и среди них – предмет диалога, форму его изложения, его материю, включающую персонажей, время и место проведения диалога, порядок главных тем и т.д.². Гермий, записывая со слов Сириана комментарий к 'Федру', тоже считает необходимым определить с самого начала «материю диалога» – под ко-

¹ *Olympiodorus, In Platonis Gorgiam commentaria*. Ed. L.G. Westerink. Leipzig: Teubner. 1970. P. 2.

² *Proclus, In Platonis rem publicam commentarii*. Ed. W. Kroll. Leipzig: Teubner. 1899. I, 5, 21-25.

торой он понимает пересказ фабулы – чтобы затем с ее помощью понять истинный предмет всего сочинения³.

Такая детально разработанная структура введения свидетельствует о том, какое большое значение придавали ему античные комментаторы. Поздние неоплатоники придерживались так называемого яввлиховского экзегетического метода, главным принципом которого было толкование отдельных частей диалога в соответствии с его *σκοπός* – основным замыслом⁴. Так, если диалог «Тимей» определялся как физический, то и его драматический зачин, и краткий пересказ Сократом «Государства», и рассказ Крития об Атлантиде, не говоря уже о речи самого Тимея – все должно было интерпретироваться в натурфилософском ключе (*φυσικῶς*). Вот почему так важно было не ошибиться в определении замысла диалога, и вот почему любой комментарий начинался с его обстоятельного выяснения. Необходимо также учитывать и школьную практику. Ведь письменные комментарии появлялись в результате записей устных занятий, в ходе которых учитель в присутствии небольшой группы учеников читал и разбирал тот или иной авторитетный текст, отвечал на возникающие у слушателей вопросы и предлагал для обсуждения апории. Именно так возникли комментарий Прокла к «Кратилу», большинство комментариев Аммония и Олимпиодора, запись сириановых лекций был и «Комментарий к 'Федру'» Гермия, использовавшиеся потом как учебные пособия для новых поколений студентов. Чтению текста как правило предшествовала вводная лекция, которая в письменном комментарии соответствовала введению.

Следом за введением шел разбор самого диалога. Текст разбивался на небольшие фрагменты, которые затем обсуждались с разных точек зрения – от филологической до религиозной. Размеры фрагментов – от 1-2 строк до нескольких страниц – выбирались таким образом, чтобы толкование каждого из них занимало примерно одну лекцию. Прежде чем высказать собственное суждение относительно того или иного отрывка, комментатор приводил мнения прежних толкователей, казавшиеся ему наиболее авторитетными. С одними он соглашался, с другими спорил и, наконец, решался сформулировать свою собственную

³ Hermias. *In Platonis Phaedrum scholia*. Ed. P. Couvreur. Paris: Bouillon. 1901 (repr. Hildesheim: Olms. 1971) 1, 6-9.

⁴ Praechter K. *Richtungen und Schulen im Neuplatonismus* (1910) in: *Kleine Schriften*, hrsg. von H. Dörrie, Hildesheim – New York, 1973.

точку зрения. При этом он стремился не просто раскрыть смысл сказанного, но еще и продемонстрировать его истинность. Это можно было сделать разными способами: например, реконструировав ход рассуждения автора и показав, что оно строится по строгим логическим законам (так чаще всего поступали комментаторы Аристотеля); кроме того, можно было искать подтверждения той или иной мысли в божественном откровении – Оракулах и древних мифах или же показать превосходство данного учения над всеми прочими. В последнем случае комментатор был вынужден углубляться в сравнительное изложение доктрины того или иного древнего философа. Зачастую он подкреплял свои слова обильными цитатами – благодаря чему мы располагаем теперь бесценными фрагментами утраченных произведений Гераклита, Парменида, Эмпедокла, стоиков и многих других. Но поскольку среди прочих философских учений действительно равняться друг с другом могли лишь платоновское и аристотелевское, то чаще всего сравнивались друг с другом именно они, и тогда одно своей истинностью подкрепляло другое.

Если в тексте встречалось упоминание какого-то исторического лица, события или мифологического персонажа, толкователь обязательно давал о нем справку, привлекая труды античных историков и мифографов или собственную эрудицию. При наличии разночтений в списках комментируемого произведения, он подробно их анализировал и выбирал наиболее приемлемый. В случае, если комментарий делился на несколько книг, в начале каждой кратко пересказывалось содержание предыдущей.

Такое строение имели комментарии не только к Платону, но и к Аристотелю. В них также было принято предварять построчный разбор текста обширным введением, где говорилось о замысле трактата, его пользе, главных темах и о порядке, в каком его следует читать. По-видимому, первым, кто начал строить комментарий по данной схеме, был Александр Афродисийский. Во всяком случае, именно у него мы впервые встречаем слова *πρόβεισις*, *σκοπός*, *χρήσιμον*, *τάξις*, ставшие позднее основными экзегетическими терминами.

Разработанные Александром правила были затем перенесены на диалоги Платона – чем и объясняется сходство между аристотелевскими и платоновскими комментариями. Конечно, со времен Александра комментарий значительно изменился. Причем, особенно заметными эти изменения были там, где – как в александрийской школе – толкование авторитетных текстов все-

гда оставалось живым учебным процессом. Первоначально краткое введение постепенно разрасталось, вбирая в себя новые темы: биографию автора, классификацию его сочинений, обсуждение отправного момента и конечной цели философии, принципы отбора студентов и многое другое. В результате введение в комментарий превратилось в пролегомены ко всей философии и даже выделилось в самостоятельное произведение. Таковы, например, пролегомены к аристотелевской философии, составленные в VI в. александрийским неоплатоником Олимпиодором⁵.

В афинской школе развитие комментария получило несколько иное направление. Здесь появляются комментарии, которые можно было бы назвать тематическими, поскольку их составитель ставил своей целью не традиционный построчный разбор текста, а исследование некоей проблемы или ряда проблем. Примером такого комментария может служить «Комментарий на 'Метафизику'» Сириана, целиком посвященный анализу аристотелевской критики в адрес Платона и пифагорейцев. Сам Сириан определяет цель своего сочинения как попытку ответить на сформулированные Аристотелем апории. Многие комментарии Прокла – к «Государству», «Пармениду», «Горгию» – носили такой же характер. Освобождаясь от рабского следования за текстом диалога, Прокл пытался более последовательно обсуждать изложенные там учения, в результате чего его комментарии превращались в собрание пространных философских рассуждений, каждого из которых хватило бы на отдельный трактат со специальным названием. Не исключено, что тематическим комментарием была и его «Платоновская теология», которая, несмотря на всю свою оригинальность и безусловную самостоятельность, все же остается толкованием философии Платона, являясь как бы гиперкомментарием ко всем его произведениям.

⁵ *Olympiodori prolegomena et in categorias commentarium*. Ed. A. Busse. Berlin: Reimer, 1902.

М.Р. Ненарокова

О МИССИОНЕРСТВЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В истории Древней Англии VIII век ознаменовался ростом миссионерской деятельности англосаксов и развитием отношений с континентальными германцами. Наиболее образованные англосаксы уезжали проповедовать христианство своим сородичам-язычникам на север Европы, в нынешние Германию и Голландию. В те времена англосаксы не ощущали себя отдельным народом по отношению к континентальным саксам, о чем свидетельствует название *Saxonia*¹, как иногда официально именовалась область расселения саксов на Британских островах. Миссионеры несли своим соплеменникам новую веру и связанные с ней новые культуру и язык (латинский), но сами они родились, росли и исполняли пастырское служение в среде людей, говоривших по-саксонски, сравнительно недавно принявших христианство и еще помнивших старых богов и старые обычаи. Общение англосаксов-христиан с континентальными саксами-язычниками требовало от миссионеров активизации знаний в области трех культур – германской, римской и христианской – и косвенно характеризовало народную культуру «старых» и «новых» саксов.

В своих отношениях с континентальными саксами англосаксонские миссионеры придерживались принципов, сформулированных в свое время св. Григорием Великим в письме к Меллиту, одному из членов миссионерской группы, которую он сам послал в Англию для обращения англов, саксов и ютов в христианство (письмо от 18 июля 601 г.)². В этом письме св. Григорий рекомендовал Меллиту разрушать не святилища англосаксов, но только идолов в них, а сами здания, пристраивая алтари, освящать как церкви. Со-

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на IV Международной школе-семинаре «Языки. Словари. Культура». Иваново, 11–16 сентября 2001 г.

¹ *Beda Venerabilis*. *Patrologia Latina*. Ed. J.-P. Migne. P., 1850 (далее PL). V. 94. С. 727.

² *Beda Venerabilis*. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. P. 106–108. См. также: Церковная история народов англов. Пер. Э.Э. Эрлихмана. СПб. Алетейя. 2001.

гласно св. Григорию, следует не искоренять древние обычаи просвещаемого народа, а наполнять их новым смыслом: «чтобы в то время как какие-то внешние радости сохраняются для них, они (англосаксы – М.Н.) более легко захотели бы разделить и внутреннюю радость»³. Призывая Меллита бережно относиться к традициям просвещаемого народа, св. Григорий объясняет, что «невозможно сразу все отнять у их упрямых умов, потому что и тот, кто пытается взойти на вершину, поднимается постепенно или по шажку, а не прыжками»⁴. Англосаксы, ученики римских миссионеров, усвоили эту позицию св. Григория, сохранили ее и, став миссионерами сами, воплощали ее в жизнь. Так, более чем через сто лет епископ Винчестерский, Даниил, писал своему другу Винфриду-Бонифацию о том, что нужно действовать убеждением, «не оскорбляя, не раздражая»⁵ тех, кто захотел слушать его проповедь.

Винфрид (680–754), просветитель Германии, позже принявший имя Бонифация, друг и ученик епископа Даниила, в 20-х гг. VIII в. возглавлял миссию к континентальным саксам. Его проповеди представляют большой интерес, так как они рассчитаны на оглашаемых, то есть на тех, кто готовится принять крещение. Таким людям необходимо было не только рассказывать об основах христианского вероучения, но и объяснять, от каких привычных обычаев и обрядов они должны отказываться, приняв христианство.

Проповеди Винфрида⁶ были записаны на латинском, но произносились, конечно, на языке, понятном его слушателям. Перед проповедником стояли две задачи: во-первых, подобрать лексику для передачи германских языческих реалий, и, во-вторых, объяснить новое и неизвестное, пользуясь понятиями германской культуры. Очевидно, что реалии, о которых Винфрид упоминает в своих проповедях, были известны ему из его пресвитерского опыта, приобретенного на родине. Обращение к англосаксонским глоссариям показывает, что те обычаи, которые Винфрид порицал, обращаясь к континентальным саксам, были распространены и в Англии его времени.

Пласт германских реалий, относящихся к язычеству, побудил Винфрида обратиться к римской античности. Наиболее ярким примером такого обращения является перевод названий, связанных с гаданиями. Еще у Тацита мы встречаем свидетельство того, что

³ Op. cit. P. 106.

⁴ Op. cit. P. 108.

⁵ PL. V. 89. C. 708.

⁶ Тексты проповедей Винфрида приводятся по: PL. V. 89. C. 852, 855, 856, 859, 870.

германцы гадали по «голосам и полету птиц»⁷. И у континентальных саксов, и у англосаксов этот обычай продержался до VIII века. В древнеанглийских глоссариях содержится группа слов с общим значением «гадатель, предсказатель, узнающий будущее сверхъестественным способом»: *haelsere*, *fugelweohlere*, *wiglere* и *wicca*. *Healsere* мог исполнять жреческие функции, *wiglere* и *wicca* имеют дополнительное значение «колдун», «чародей»; сложное слово *fugelweohlere* означает «человек, гадающий по поведению птиц». Все эти древнеанглийские слова в глоссариях соответствуют *augur* – «жрец» или «предсказатель», делавший предсказания по крику и полету птиц, античной реалии. В Древнем Риме развитый ритуал гадания по полету и крику птиц был делом гадателей-авгуров⁸. Слово *auguria*, употребленное Винфридом в проповедях, связано и с римской и с германской языческой традицией.

Другой способ гадания – по жребию – также упоминается Тацитом⁹. Согласно Тациту: «обычай гадания по жребию прост: кусочки «ветки плодового дерева», «пометив какими-то значками», бросают на белое покрывало и после обращения к богам «поднимают три любые» и «толкуют знаки, начертанные на них прежде». Ко времени составления проповедей Винфрида этот обычай также сохранился и у островных и у континентальных саксов. В древнеанглийских глоссариях зафиксировано слово *hlyta* – «выбор по жребию», а также *tanhlyta* и *tanhlytere*, где *'tan'* означает «веточка», «гадательная палочка». Чтобы передать эту германскую реалию на латинском языке, Винфрид снова обращается к римской античной традиции и выбирает слово *sortilegus* – буквально «вынимающий жребий», «гадатель».

Вера в волков-оборотней не была присуща римлянам, зато у германских народов она была весьма устойчива. Так, законы короля Кнута (с. 994–1035) запрещают англосаксам верить в существование *wegewulf* («человек-волк», «колдун, убивающий людей»). О великанах, которые «видом волки», упоминает и Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» (XIII в.)¹⁰. Чтобы предостеречь своих слушателей от веры в этих мифологических персонажей, Винфрид изобретает словосочетание *factus lupus* – «притворный», «вымышленный», то есть «ложный» «волк», так как в античной культуре аналогии «волку-оборотню» нет.

⁷ Tacitus. *Germania*. Ed. L. Doederlein. Erlangen, 1850. P. 16. Также см.: Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1. М., Ладомир. 1993.

⁸ Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск. 2000. С. 314–315.

⁹ Tacitus. Op. cit. P. 16.

¹⁰ Младшая Эдда. М. 1994. С. 29.

Одной из характерных черт язычества является ношение разнообразных амулетов, которые Винфрид переводит как *ligaturae* – «повязанные амулеты». Ношение амулетов было в обычае не только у германцев, но и у древних римлян¹¹. Наряду с *ligaturae*, вероятно, довольно простыми по виду амулетами, Винфриду потребовалось описать чисто германский амулет: руны, вырезанные на небольшой дощечке, которые носили в мешочке. Такая дощечка должна была защищать своего хозяина и приносить ему удачу. В античной культуре существовал амулет (*bullae*), который мог напоминать германский «мешочек с рунами», но при ближайшем рассмотрении сходство между античной и германской реалиями минимально. Античная римская булла представляла собой медный или золотой футляр в форме чечевицы, состоявший из двух половинок. Его носили на шее. Внутри буллы вкладывалось изображение божества, животного или предмета, способных устроить злых духов. Право носить золотую буллу имели сначала дети сенаторов и всадников, позже – все свободно рожденные. Дети бедняков носили кожаные буллы. Булла была принадлежностью детства (*bullae dignatus* – букв. «достойный буллы», то есть «ребяческий»). Ее носили с рождения; в 17 лет юноша и перед замужеством девушка посвящали свою буллу домашним богам. Существовала еще «булла триумфатора», но далеко не каждый мог добиться права на триумф¹². С распространением христианства булла-амулет утратила свою актуальность. В эпоху раннего Средневековья значение слова *bullae* изменилось: буллой стали называть округлую металлическую подвесную печать, скреплявшую папские, императорские и королевские акты; позже это название было перенесено на сами документы; затем закрепилось за самыми важными посланиями римских пап¹³. Таким образом, изначально слово *bullae* применялось к амулету, который по форме, содержанию и ограничениям в ношении отличался от амулета германцев, а во времена Винфрида (VIII в.) изменение значения этого слова препятствовало его использованию для перевода германской реалии. Поэтому Винфрид обратился к Св. Писанию. В Ветхом Завете упоминаются так называемые «хранилища» (Исх. 9:10; Втор. 11:18): кожаные ящички со вложенными в них кусочками пергамента, содержащими слова из священных книг Исхода и Второзакония. Эти «хранилища» употреблялись иногда

¹¹ Гиро П. Указ. соч. С. 283.

¹² Сергеевко М.Е. Жизнь в древнем Риме. СПб., 2000. С. 150; Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности. М., 1993. С. 86. Античность. М. 1999. С. 11.

¹³ Смирнова Е.О., Сушкевич Л.П., Федосин В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск. 1999. С. 55.

как амулеты и талисманы против различных искушений, несчастий, злых духов, волшебства¹⁴. Сходное употребление древнееврейских «хранилищ» и германских мешочков с рунами позволило Винфриду для перевода германской реалии воспользоваться словом *phylacteria* – греческое заимствование, означавшее «хранилища».

При объяснении основ христианства могли возникать сложности, так как некоторые понятия были совершенно незнакомы континентальным саксам. Винфрид объясняет их при помощи реалий германской культуры. Описывая ад, Винфрид говорит, что грешники попадают в «темницы ада и вечные муки», где

...воздымающийся жар серного пламени и невыносимый холод не прекращаются для дрожащих и плачущих душ.

Ранние христиане представляли себе ад двусоставным: область вечного льда, где находятся языческие боги и их почитатели, и область адского пламени, где помещаются прочие грешники¹⁵, но уже у св. Григория Великого говорится только о геенском огне¹⁶. На Британских островах раннее воззрение могло сохраниться благодаря христианам кельтского обряда, о чем свидетельствует, например, христианская литература средневековой Ирландии. В описаниях ада встречаются «огненное море», «огненные равнины», «огненные долины», «огненные колеса» и одновременно с этим «холод», «ледяные горы» и «переменяющиеся жар и холод»¹⁷. Англосаксы усвоили это представление об аде от кельтских миссионеров, проповедовавших в VII в. христианство на Британских островах вместе с посланцами св. Григория Великого, так как, согласно германской мифологии, царство мертвых располагается в Нифльхейме, откуда «шел холод и свирепая непогода»¹⁸. То, что было понятно островным саксам, в равной степени подходило и саксам континентальным.

Винфрид рассказывал своим слушателям и о Страшном Суде, призывая их к покаянию:

...лучше исповедать грехи одному человеку, чем на Страшном Суде перед Тремя Сородичами, землей, небом и преисподней, сделать их всеобщим достоянием...

¹⁴ Библейская энциклопедия. М., 1891. С. 756–757.

¹⁵ Воззрения Св. Патрикия, епископа г. Пруссы в Вифинии (ум. 343), цит. по: Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. М., 1991. С. 98.

¹⁶ Свт. Григорий Великий. Двоеслов. Творения. М., 1999. С. 647, 659, 660, 663 и т.д.

¹⁷ Cross T.P. Motif-Index of Early Irish Literature. N.Y., 1969. P. 24–25.

¹⁸ Младшая Эдда. С. 21.

Еще Тацит писал, что у германцев судебные разбирательства велись в присутствии «толпы» вооруженных воинов, то есть при большом стечении народа¹⁹. Такие же суды, называемые *folc-gemōt* – «суд народа»²⁰, сохранились у англосаксов до Норманского завоевания. Они проводились на открытом воздухе, вероятно, в присутствии большого количества людей²¹. Так же проходили тинги у скандинавов. Скорее всего, такая же практика сохранялась и у континентальных саксов, поэтому описание Страшного Суда как «суда народа» было им понятно.

Равно должно было быть понятно обозначение Св. Троицы – «Три Сородича». В законах лангобардов, которые до VI в. жили в местах, где проповедовал Винфрид, сохранилась древнегерманская особенность – трое поручителей (родственников истца) при совершении сделки, например, при продаже имущества, если продажу хочет совершить женщина, то есть лицо, имеющее, согласно этим законам, ограниченные права. При этом сделка должна оформляться «не тайно, но в присутствии» правителя, судьи или должностных лиц и вышеупомянутых поручителей²². Свобода человека, дающего ответ на Страшном Суде, ограничена не его полом или социальным положением, а грехами. Грешник просит справедливости и милости, то есть находится в том положении, когда в земном суде ему полагаются поручители, которые будут свидетельствовать в его пользу, подтверждать им сказанное. В свете основных идей христианства, а именно: Бог послал Сына своего, чтобы искупить грехи людей, Бог – троичен, – понятен тот факт, что Св. Троица – «Три Сородича» – является Судией и одновременно Поручителем и Ходатаем за грешника. Поскольку и естество, и воля Св. Троицы едины, то появлялся повод распространить на все три Ипостаси то, что обычно связывается со Вторым Лицом Св. Троицы – Искупителем Иисусом Христом. Таким образом передавалась мысль о милосердии и благодати Всей Св. Троицы²³. Вероятно, для Винфрида богословская точность отступала здесь на второй план, а наиболее важной была наглядность и, следовательно, запоминаемость произносимого. Па-

¹⁹ Tacitus. Op. cit. P. 20.

²⁰ Pollok F., Maitland F.W. The History of the English Law. V. 1.

²¹ Op. cit. P. 40.

²² Шеруд Е.А. Законы лангобардов. К раннему этногенезу итальянцев. М., 1992. С. 78.

²³ Нелишне вспомнить, что в представлении англосаксов и, возможно, континентальных саксов Бог – Отец, Бог – Творец был могучим и грозным Вождем, вследствие чего могла возникнуть мысль о Его неродственности со страждущим и милостивым Сыном.

раллель пониманию Св. Троицы как «Трех Сородичей» можно найти в поздневизантийских и болгарских иконах, изображающих встречу Авраамом Св. Троицы в виде трех ангелов, где все три ангела имеют крестчатые нимбы и трижды повторенную подпись «СХС».

Возможно, Винфрид, обладавший огромной властью в Германии как архиепископ и представитель Рима, смог внести изменение в практику германского суда. В некоторых случаях «суд народа» мог заменяться исповедью пресвитеру и церковным покаянием. Так, в Гуталаге, первом своде законов шведов (записан в 20-ые гг. XII в.), есть закон, дающий обвиняемому право выбора: исповедь и эпитимья, исключают прочие наказания, или «суд всех людей» с теми наказаниями, которые он определяет²⁴. Поскольку среди шведов проповедовали миссионеры из Германии, продолжатели дела Винфрида, воспитанные на его проповедях, это не кажется невероятным.

²⁴ Из ранней истории шведского народа и государства. М. 1999. С. 120–121.

М.М. Горелов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ: РЕЗНЯ В ДЕНЬ СВ. БРАЙСА

Если IX в. прошёл для Англии под знаком вторжений викингов, приведших к скандинавской колонизации значительной части страны и образованию Области Датского права (Денло), то X в. ознаменовался своего рода «англосаксонской Реконкистой», начатой ещё Альфредом Великим и развернувшейся в полную силу при его потомках – Эдуарде Старшем (899–924), Этельстане (924–939), Эдмунде (939–946) и Эдреде (946–955). В результате этого процесса Англия была объединена в единое королевство под гегемонией Уэссекса, а прежде независимая Область Датского права была огнём и мечом приведена к покорности английской короне. Успехам англосаксов способствовали военно-политические таланты уэссекских королей, разобщённость самих скандинавов, в значительной мере превратившихся из завоевателей в обычных колонистов – земледельцев, торговцев, и т.п., что придало им уязвимость, свойственную оседлому населению перед лицом военной силы. В 954 г. пал последний крупный оплот скандинавов в Англии – Йорк, столица королевства викингов, правители которого состояли в родстве со скандинавской династией из Дублина¹. В ходе этой «англосаксонской Реконкисты» норманны абсолютно утратили наступательную инициативу и выступали в роли преимущественно обороняющейся стороны. Для англосаксов этот процесс имел ряд важных аспектов: поскольку борьба с викингами велась под руководством (да и преимущественно силами) Уэссекса, для прочих исторических областей страны, особенно подвергшихся скандинавской колонизации, эта борьба означала не столько отвоевание прежде утерянных земель, сколько завоевание их Уэссексом, государственную централизацию, проводимую в интересах уэссекской династии. Это послужило одной из ключевых предпосылок феномена «регионализма» – этнокультурной и, как следствие, политической раздробленности страны.

После взятия Йорка на 30 лет наступило относительное зати-

¹ The Anglo-Saxon Chronicle // English Historical Documents. Vol. 1, L., Eyre & Spottiswood, 1953 (далее – ASC // EHD). P. 190. Kapelle W. The Norman Conquest of the North: the region and its transformation, 1000–1135. L.: University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1979. P. 32.

шьё. Новообразованное Английское королевство переживало подъём². Это, безусловно, способствовало лояльности скандинавского населения Англии и поощряло процессы англо-скандинавского этнокультурного синтеза, начавшиеся ещё в IX в. на территории Денло.

Этническую картину раннесредневековой Англии дополняли кельты, органично влившиеся в процесс взаимной ассимиляции, причём не только на уровне покорённого, полузависимого населения, но и на уровне знати, в том числе высшей. Сходство патриархального уклада жизни англосаксов и кельтов облегчало этот процесс. В целом, можно говорить о том, что донормандское общество в Англии было англо-кельто-скандинавским по своему составу³.

После вступления на престол Этельреда II (978–1016) набеги норманнов на Англию возобновились⁴. Проигравшие в этой борьбе вынуждены были бежать за море в поисках новых мест для проживания и средств к существованию, и неудивительно, что значительная часть изгнанников выбрала привычные занятия викингов – пиратство,

² Британский историк Ч. Оман называл правление короля Эдгара «золотым веком», когда авторитет Англии, превратившейся из конгломерата варварских королевств в относительно единое, сильное государство, вырос во всей Европе. Оман также отмечает взвешенную этническую политику Эдгара в отношении скандинавского и англо-скандинавского населения страны, в том числе знати, которым гарантировались уважение их традиций, особенностей права и высокие государственные должности соответственно. См.: *Oman C. England before the Norman Conquest, being a History of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down to the year AD 1066.* L.: Methuen, 1938. P. 543–545.

³ *Sawyer P.H. From Roman Britain to Norman England.* L.: Methuen, 1978. P. 50.

⁴ В историографии бытуют противоречивые мнения о причинах и характере этого движения. Одни исследователи делают акцент на том, что набравший силу во второй половине X в. процесс формирования ранней государственности в Скандинавии, сопровождавшийся усилением королевской власти, привел к перерастанию обычных походов викингов, осуществлявшихся отдельными представителями знати, в централизованную военную экспансию под руководством «королей-викингов» с целью территориальных присоединений, что, в сущности, свойственно молодым государствам вообще. Другие историки заостряют внимание на том, что походы викингов в этот период осуществлялись зачастую как раз теми представителями скандинавского общества, которые боролись против централизации и сопровождавшей её насильственной христианизации, проводившейся методами, достойными, по словам Ч. Омана, «Карла Великого или Торквемады». См.: *Sawyer P.H. Kings and Vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100.* L., 1982.; *Stafford P. Unification and conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries.* L., 1989. P. 65, 117; *Oman C. Op. cit.* P. 560. Эта позиция подтверждается скандинавскими источниками, изобилующими описаниями откровенного насилия по отношению к непокорному населению и знати со стороны королей-христианизаторов – Харальда Синезубого в Дании, Олава Трюгвасона и Олава Святого в Норвегии.

наёмничество, и т.п. В частности, многие из них нашли прибежище в портах герцогства Нормандии, откуда совершали набеги на Англию⁵.

Так или иначе, походы скандинавов в Англию возобновились с мелких рейдов отдельных отрядов в последнее десятилетие XI в. Постепенно в среде викингов выделились крупные вожди, приводившие с собой на Британские острова значительные по размеру армии и оперировавшие флотами из сотен кораблей. Это были знаменитые «короли-викинги» Олав Трюггвасон, Олав Святой и, наконец, Свейн Вилобородый – датский конунг, перешедший от набегов к полномасштабному завоеванию Англии, завершённого его сыном Кнудом в 1016 г. (сам Свейн умер в 1014 г. в ходе этого завоевания).

Остановимся подробнее на личностях двух правителей – Этельреда и Свейна Вилобородого.

Свейн взошёл на датский престол в 986 г., одержав верх в междоусобице с собственным отцом, Харальдом Синезубым. Однако уже через год он попал в плен к шведам, затем – к западным славянам (венедам), и 14 лет скитался по чужим землям, проведя всю дальнейшую жизнь в заморских походах и мало уделяя внимания собственно датским делам⁶. Видимо, поэтому о правлении Свейна Вилобородого известно крайне мало⁷. В источниках и литературе имеются весьма противоречивые сведения об отношении Свейна к христианству, на чём основываются и характеристики его личности. Адам Бременский, например, говорит об эволюции Свейна от «безжалостного язычника» и «отцеубийцы» к обратившемуся христианину, даже учредившему в Дании три епископства и умершему в «христианской благодати»⁸. «Хваление королеве Эмме» явно приукрашивает добродетели Свейна и его потомков, так как это произведение носит явно тенденциозный характер⁹. Скандинавские саги предлагают более взвешенный вариант, указывая на то, что, если Харальд Синезубый насаждал в Дании христианство, то Свейн, живя в основном завоевательными походами, попросту не уделял этому внимания, и поэтому в некоторых местах началось возрождение язычества, хотя христиан-

⁵ ASC // EHD. P. 216.

⁶ Saga об Олаве сыне Трюгви. // Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. С. 119.; *Adam von Bremen (Adamus Bremensis)*. Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover & Leipzig, 1917. P. 91.

⁷ Об этом см.: *Sawyer P.* Kings & Vikings. P. 139.

⁸ *Adam von Bremen*. P. 94–95.

⁹ Оман считает Свейна лидером языческой оппозиции в Дании и даёт ему крайне отрицательную характеристику, называя «одним из последних представителей поколения языческих королей-разбойников», «жестоким варваром», «убийцей священников» и «поджигателем церквей». *Oman C.* Op. cit. P. 559, 574.

ская церковь отнюдь не перестала функционировать¹⁰. Сведения же об обращении Свейна в христианство источниками не подтверждаются. Таким образом, это был скорее всё-таки языческий король-воин, склонный к военным авантюрам за пределами родины.

Король Англии Этельред II был полной противоположностью Свейну, и за свои промахи и неудачи во внешней и внутренней политике получил в историографии прозвище «Нерешительный», или «Неспособный». Действительно, на первый взгляд, он не отличался военными и организаторскими талантами, ничем не напоминая такого харизматического вождя национально-освободительной борьбы против датчан, каким был Альфред Великий. Перед лицом внешней опасности он оставался пассивным, предпочитая откупаться от «ярости норманнов» звонкой монетой. Военная удача почти никогда ему не сопутствовала. Всё это и привело к тому, что от него отвернулась значительная часть магнатов, служилой знати, подданных, уставших от многолетних войн, хаоса и разорения страны, и потому отдавших предпочтение энергичным и удачливым датским властителям – Свейну и его сыну Кнуту. Однако следует учесть и объективные трудности, осложнявшие осуществление адекватной политики с его стороны. Прежде всего, это эгоистические, а порой и откровенно предательские настроения знати, как высшей, так и локальной, не раз приводившие к поражениям Этельреда. Наконец, стихийные бедствия – голод 1005 г., наводнение 1014 г. – усугубляли комплекс проблем, преследовавших Этельреда и его королевство. Сам Этельред имел на счету и определённые успехи: в 1000 г. он совершил победоносный поход в Камберленд (Камбрию) против «гальвежцев» (кельтско-скандинавской общности, сложившейся в результате взаимной ассимиляции пришлых норвежцев и бриттов), угрожавших северным границам Англии¹¹; династические браки родичей Этельреда с семьями разных элдорменов (управляющих областями) Англии укрепляли влияние уэссекского двора на периферии, а брак самого Этельреда с сестрой герцога Нормандии Эммой в 1002 г. подкрепил англо-нормандский договор, закрывавший для викингов порты Нормандии¹².

Таким образом, Этельред не был вовсе обделён талантами политика, и, как показали дальнейшие события, добросовестно подходил к исполнению своих обязанностей перед страной и подданными. В частности, в 1008 г. по его указу в кратчайшие сроки был выстроен и снаряжён флот для войны с датчанами на море¹³. Собственно, про-

¹⁰ Saga об Олаве сыне Трюгви // Снорри Стурлусон. Круг земной. С. 153.

¹¹ Ibid. P. 215.

¹² Finberg H.P.R. The formation of England, 550–1042, St. Albans, 1977. P. 185.

¹³ ASC // EHD. P. 219; Oman C. Op. cit. P. 569.

звище «Нерешительный» — это искажённая вариация староанглийского слова «неразумный», каковой эпитет, в свою очередь, был придуман более поздними хронистами как рифма-антоним к «Этельред» — «благоразумный», с целью подчеркнуть несоответствие деяний короля его имени¹⁴. Так или иначе, непоследовательность и медлительность в принятии решений в сочетании с неблагоприятными обстоятельствами привела Этельреда к ряду роковых ошибок, одна из которых и послужила поводом для Свейна к развязыванию полномасштабной англо-датской войны. Речь идёт о так называемой «резне в день св. Брайса» (13 ноября 1002 г.), когда якобы в целях предотвращения возможности поддержки викингов внутри страны Этельред повелел вырезать всех датчан, проживающих в Англии (повидимому, подразумевались скандинавы вообще, так как в Англии их всех, как правило, называли обобщающим этнонимом «даны»)¹⁵.

Современные историки скептически относятся к этому известию, записанному хронистами, скорее всего, на основе устной народной традиции¹⁶. Во-первых, скандинавы составляли добрую треть населения тогдашней Англии, а вкуче со смешанным англо-скандинавским населением их доля достигала 50 %¹⁷. Во-вторых, потомки воинственных норманнов за почти два века, прошедших с начала их массового переселения на Британские острова, превратились в мирных жителей и мало чем отличались от самих англосаксов. Более того, многие даны и англо-даны занимали руководящие посты в государстве, армии, местной администрации и в основном были лояльны королю. Так, например, в 1003 г. во время датского вторжения наиболее упорное сопротивление датчанам оказали отряды эрла Ульфкютеля — дана по происхождению¹⁸. В XI в. статус Области Датского права основывался уже не на политическом суверенитете, а на ряде правовых привилегий и некоторой этнокультурной обособленности — в общем, на том, что в наше время назвали бы культурной автономией.

Таким образом, версия о попытке геноцида датчан кажется фантастической в силу и бессмысленности подобной затеи, и сложности её осуществления. В «Англо-Саксонской Хронике», сообщающей о приказе Этельреда, лишь версия «С» (збингдонская) утверждает, что «это было сделано», а остальные списки умалчивают о претворении этого приказа в жизнь¹⁹. Единственное свидетельство о массовой

¹⁴ См.: *Whitelock D.* Introduction to English Historical Documents. Vol. 1. P. 49.

¹⁵ *ASC // EHD.* P. 217.

¹⁶ *Oman C.* Op. cit. P. 565; *Finberg H.* Op. cit. P. 184.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Oman C.* Op. cit. P. 567.

¹⁹ *ASC // EHD.* P. 217.

резне данов сохранилось в Оксфорде, в местной грамоте, датированной 1004 г. Это королевская грамота монастырю св. Фридесвиде от 7 декабря 1004 г., в которой Этельред упоминает об истреблении данов, «распространившихся по всему острову, словно плевелы среди зерна», предписанном им по совету и с согласия «лучших людей королевства», на благо страны и народа, и осуществлённому «вплоть до смерти» (собственно, грамота подтверждает возмещение ущерба монастырю, чья церковь была сожжена вместе с укрывшимися в ней от преследования данами осаждавшими их англосаксами)²⁰. Хотя в качестве мотивировки указа Этельреда «Англо-Саксонская Хроника» указывает некие обобщённые «намерения данов... лишить жизни короля и всех его советников и после этого овладеть королевством»²¹, в целом можно говорить о том, что резня была локальной и распространялась на относительно небольшое число данов из родственников и соратников военного магната Паллига (дана на английской службе), изменившего королю и присоединившегося к очередному набегу викингов, грабивших английское побережье²². Таким образом, «резня» была карательной акцией в наказание за государственную измену, и в ходе этой акции пострадали, очевидно, не только родичи Паллига, но и значительное количество зависимого от него населения. Это соответствовало средневековой практике войны, когда вместе с противником уничтожались его деревни, челядь, имущество, скот, посевы и т.д. С подобной беспощадностью было, например, подавлено восстание в Вустере в начале 1040-х гг., вызванное повышением налогов, а ведь там речь шла уже даже не об этническом меньшинстве, вроде скандинавов или кельтов, а об истреблении коренных англичан английскими же войсками²³. Наконец, следует заметить, что тогдашний уровень развития этнического самосознания вряд ли предполагал возможность идеи геноцида по национальному признаку.

Роковым это решение для Этельреда стало по другой причине. Жена Паллига Гуннхильд, также ставшая жертвой резни, была сестрой короля Дании – Свейна Вилобородого. Поэтому последовавшее в 1003 г. датское вторжение возможно оценить как акт кровной мести со стороны Свейна²⁴. Этот акт вылился в войну, растянувшуюся на полтора десятилетия и окончившуюся завоеванием Англии датчанами.

²⁰ ASC // EHD. P. 545.

²¹ ASC // EHD. P. 217.

²² Такое мнение преобладает в западной историографии. В частности, см.: *Finberg H.* Op. cit. P. 184.

²³ *Ibidem.*

²⁴ Об этом см.: *Finberg H.* Op. cit. P. 184.

ХРОНИКА

ХІV ЧТЕНИЯ

ПАМЯТИ ЧЛ.-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР В.Т. ПАШУТО «ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

Очередные Чтения памяти выдающегося историка Древней Руси В.Т. Пашуто, которые проходили в Институте всеобщей истории РАН 17–19 апреля 2002 г., были посвящены теме «Мнимые реальности в античной и средневековой историографии». Организаторов и участников конференции интересовали в первую очередь причины и пути формирования легендарных артефактов, их соотношение с реальностью, в том числе и их воздействие на реальность, их осмысление античными и средневековыми историографами, их функционирование в контексте исторического описания. Эта тема продолжила начатые два года назад исследования различных аспектов феномена исторической памяти, который широко обсуждается ныне в международной историографии и представляет предмет первостепенной важности для основанного В.Т. Пашуто и развиваемого центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» направления: изучения и издания зарубежных источников по истории Восточной Европы. Авторы этих источников, воспринимая народы и государства Восточной Европы «извне», через призму собственной культуры и литературной традиции, творили географический, этно-социальный, политический, конфессиональный и культурный образы этого региона, в которых органично сплетались мнимости и реальности. Аналогичные тенденции обнаруживаются и в древнерусских летописных текстах. Поэтому, как и в предшествующие годы, чрезвычайно важным представлялось выявление и сопоставление форм бытования одного и того же явления в разных культурных традициях.

Тема конференции вызвала живой отклик исследователей и собрала около 100 участников из научных и учебных заведений разных городов России (Москвы – Институт славяноведения РАН, Институт российской истории РАН, Институт востоковедения РАН, Институт русского языка РАН, МГУ, РГГУ, РГБ; Санкт-Петербурга – СПб. Институт истории РАН, СПб. отделение Института востоковедения РАН, СПбГУ; Казани, Воронежа, Владикавказа) и Украины

(Киев – Институт истории НАНУ, Институт востоковедения НАНУ и др.). Было заслушано более 50 докладов на пленарных и секционных заседаниях. Материалы конференции опубликованы¹.

Доклады первого пленарного заседания были посвящены центральной проблеме Чтений – причинам и способам формирования «мнимых реальностей» на различном материале: античном (А.В. Подосинов, ИВИ РАН «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе), древнерусском (Е.А. Мельникова, ИВИ РАН, «Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней русской истории» и М.В. Рождественская, Пушкинский дом, «Древнерусские описания рая и Святой земли: мнимое и реальное»), западноевропейском (А.П. Черных, ИВИ РАН, «Реальные проблемы воображаемой геральдики»). А.В. Подосинов обратил особое внимание на соединение реальных сведений, полученных в результате торговых и политических контактов греков и римлян с народами севернее Дуная и Черного моря, и фантастических представлений о землях и народах Восточной Европы. Последние частично восходили к мифо-космологическим воззрениям античности, частично опирались на искаженную информацию об удаленных от центров античной цивилизации областях. Е.А. Мельникова установила, что летописные «биографии» первых русских князей строятся по определенной схеме, включающей стереотипный набор «деяний» князя. Стремясь следовать этой схеме, летописец восполняет недостающие сведения собственными реконструкциями. М.В. Рождественская показала постепенное формирование единого паломнического текста на основе слияния описаний реальных путешествий паломников в Иерусалим и Царьград и средневековых культурных и литературных традиций: сближения Святой Земли и рая, использования христианской топографии Святой земли как библейского Эдема, мотивов «чудес» и «снов».

Более половины докладов было посвящено историографическим мифам в древнерусской литературе от их зарождения до XVI в. Чрезвычайно широк спектр рассматривавшихся проблем. С одной стороны, исследователей интересовали вопросы формирования и соотношения тех или иных текстов и их фрагментов. В докладе «Русские письма в "Житии св. Константина"» И.Г. Добродомов (ГПУ, Москва) и Р.Н. Кривко (ИРЯ РАН) обратились к крайне спорному упоминанию в житии *руш(ь)ских (русских) писем*, наименование которых они возвели – на основе чтения в одной из рукописей – к иранскому прилагательному *гаихь*, известному в Северном При-

¹ Москва. ИВИ РАН. 2002. 264 с.

черноморье². М.Б. Свердлов (СПб. Институт истории РАН) обратился к «Немецким латиноязычным названиям Руси IX–XIII вв. как отражению реальностей истинных и мнимых», усматривая в них отражение сложного комплекса германских и латиноязычных культурных традиций, а также реальных торговых и политических связей, где Русь была “зоной встречи” цивилизаций. Ю.А. Артамонов (Москва) отметил «Мнимые реальности биографии преп. Антония Печерского», отражавшие книжную традицию сведений об основателе Киево-Печерского монастыря, которые бытовали среди его обитателей и в процессе передачи из поколения в поколение обрастали “чудесными” подробностями, а также возникшие в результате ошибок и переделок при переписывании рукописей. И.В. Ведюшкина (ИВИ РАН) проанализировала сходства и расхождения в описании столкновения двух войск в «Летописных повестях о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 г.» по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, отметив, что оба рассказа могут быть результатом обработки летописцем источников, происходивших из Северо-Восточной Руси и Переяславля Южного. Т.Л. Вилкул (Киев), исходя из сопоставления летописных рассказов о смерти князя Андрея Боголюбского по Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописям, поставила вопрос о влиянии церковной литературы на содержание рассказов в первых двух летописных сводах.

С другой стороны, в центре внимания были собственно исторические проблемы, интерпретация которых в средневековых памятниках или современной историографии порождена превращением “мнимости” в “реальность” или наоборот. П.В. Лукин (ИРИ РАН) в вызвавшем обстоятельное обсуждение докладе «О так называемом “племенном вече” у восточных славян» отрицал возможность применения термина “вече” по отношению к племенным собраниям восточнославянских догосударственных обществ и показал, напротив, активное использование термина в древнерусский период и его отнесение к совершенно иному по характеру, нежели народное собрание, институту. А.В. Рукавишников (ИРИ РАН) обсуждал «Проблему “непризнания родства” в раннесредневековых памятниках» – причины упоминания в летописи только одного из сыновей в четырех первых поколениях княжеского рода. Аналогия с «Историей норманнов» Дудо Сен-Квентинского (между 996 и 1020 гг.) привела автора к выводу, что

² При оживленном обсуждении доклада указывалось, что взятое за основу чтение происходит из поздней рукописи и, вероятно, является случайным, что ставит гипотезу докладчиков в уязвимое положение.

летописцы сознательно избегали упоминать боковые ветви потомства первых князей, чтобы сконцентрировать повествование на Владимире Святом. Доклад «Мнимые реальности смешанного права русско-византийских договоров 911 и 914 гг.» С.Л. Никольского (ИВИ РАН) поднял вопрос о совместимости в договорах уголовных норм, бытовавших в обществах с разностадиальным укладом – принципиальной возможности объединения разнотипных норм и способов преодоления противоречий между ними. Одновременно анализ статей договоров привел к выводу о существовании за кажущимся равноправием руси и византийцев скрытой оппозиции «свой-чужой», а также о «двойной призме» преломления реальности: непосредственного нормотворчества и последующего редактирования договоров древнерусским переводчиком. Н.Ф. Котляр (Киев) в докладе «Остров Тмутороканьский» подчеркнул специфику политического положения Тмуторокани: сам город и окружающая его территория не были «окняжены», поэтому Тмуторокань, на взгляд автора, была не обычным русским княжеством, как это принято считать, а русским административным центром в иноплеменной среде. Тему Тмутороканского княжества продолжил А.О. Амелькин (Воронеж), который отметил связь восприятия политиками и идеологами времен Ивана Грозного уже забытой в XVI в. территории Тмуторокани и окрестных земель с политическими интересами государства.

В сообщении А.С. Щавелева (ИВИ РАН) «Символические функции креста в Древней Руси» были выделены военно-мобилизующая, гарантийно-клятвенная и отчасти маркирующая носителей власти функции христианского креста, вытеснившего и заменившего языческие символы аналогичного содержания. Доклад А.Е. Мусина (СПб.) «“Два Кирилла, три Леонтия...”: особенности восприятия небесного патроната в древнерусском сознании» рассматривал некоторые черты древнерусского религиозного сознания, проявившемся в возможности посвящать храм нескольким святым (на примере храма Крестовоздвижения в Пскове с приделом в честь св. Леонтия).

Реалии Московской Руси послужили отправной точкой для обсуждения их осмысления и трансформации в сознании современников в докладах В.А. Кучкина (ИРИ РАН) «Зачем митрополит Алексей в 1357 г. ездил в Орду?», А.А. Горского (ИРИ РАН) «О происхождении “холопства” московской знати», А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского (Ин-т славяноведения РАН) «Из истории России XVI в.: реальные имена и мнимые даты в жизни царевича Дмитрия Угличского», К.Ю. Ерусалимского (ИРИ РАН) «Конструирование современности в “Истории о великом князе московском” А.М. Курбского: постановка проблемы», С.М. Каштанова (ИРИ РАН) «О жалованной грамоте

Пскова Якову Голутвиничу», О.В. Скобелкина (Воронеж) «Интервен-ты или союзники? (к вопросу о попытке поступления на русскую службу отряда иностранцев в 1612–1614 гг.)». Процессы формирования и функционирования «мнимых реальностей» широко обсуждались также на материалах сопредельных с Древней Русью регионов. Н.П. Чеснокова (ИВИ РАН) в докладе «Ирреальное и рациональное в византийской политической астрологии XII в.» показала смешение реальности и суеверий в формировании представлений византийцев о мироздании и месте в нем человека.

Чрезвычайно разнообразен был круг использованных скандинавских источников и, соответственно, рассматривавшихся на их основе проблем. Впервые в отечественной скандинавистике рассматривались представления, свойственные скандинавскому язычеству и отраженные в изобразительном искусстве и сагах. Е.В. Шейкин (ИВИ РАН) посвятил свое выступление происхождению и семантике формы древнейших готландских рисованных камней (группа А), являвшихся надгробными стелами. Е.П. Картамышева (ИВИ РАН) в своем сообщении «Между жизнью и смертью: к вопросу о структуре загробного мира у древних скандинавов» выделила типовые сюжеты общения живых и мертвых, в которых проявляются представления о связи реального и потустороннего миров, а также о структуре последнего в скандинавской мифологии.

Формирование «мнимых реальностей» с помощью терминологии (социальной и географической) прослеживалось в докладах Ф.Б. Успенского (Ин-т славяноведения РАН) «Из истории Швеции XI века: конунг Стейнкель в “Саге о Хервёр” и у Адама Бременского», в котором анализировалось изображение родственных отношений Стейнкеля и конунга Эймунда, и Е.В. Литовских (ИВИ РАН) «Место жительства как элемент характеристики персонажей “Саги о Ньяле”», которая обратила внимание на использование топонимов для характеристики героев саги.

Доклад Г.В. Глазыриной (ИВИ РАН) «Heliopolis – “город солнца” или “град Христа”?» был посвящен упомянутому в «Саге об Ингваре» наименованию последнего пункта на пути отряда норманнов, который в древнескандинавской литературе являлся *haraх legomepop*. Автор пришла к выводу, что название Гелиополь – «Город Солнца» могло также служить символом Града Господня – Иерусалима. Т.Н. Джаксон (ИВИ РАН) в докладе «Ultima Thule: обретение реальности» проследила трансформацию взглядов античных и средневековых авторов на местоположение острова и его соотношение с реальной Исландией. Л.С. Чекин в докладе «Земля “по ту сторону” Северного океана» рассмотрел воззрения скандинавских и

некоторых западноевропейских ученых на северные границы Земли, показав, что изображения островов и полуостровов на средневековых картах Арктики не являются отражением реальных знаний.

Большая группа докладов основывалась на восточных источниках. Доклад С.М. Перевалова (Владикавказ) «Железные ворота Александра: легенда и действительность» осветил условия появления и распространения легенды, сочетание в ней географических мифов с историческими, стратегические и геополитические мотивы ее бытования в античный период. Ф.Х. Гутнов (Владикавказ) в докладе «Аланские “цари” древнеармянских памятников» показал ошибочность выводов ряда исследователей о принадлежности верховных владык аланских и маскутских племен к царским родам; автор предложил считать упомянутых “царей” представителями военной аристократии, возглавлявшими позднепотестарное общество. О.Б. Бубенок (Киев) в докладе «Страна Берсилия: миф или реальность?» предложил считать Берсилию, о которой часто упоминают восточные источники, союзом относившихся к аланам племен барсиллов, которые в предгуннский период обитали на Нижней Волге, в раннехазарское время передвинулись в Центральное Предкавказье, затем частично переселились вместе с булгарами на Среднюю Волгу, а частично продвинулись на территории Балкарии и Дагестана. В.А. Арутюнова-Фиданян (ИВИ РАН) в докладе «Фотий и Псевдо-Фотий в переписке с армянами» показала, что так называемое «Послание к католикусу Захарии» патриарха Фотия не принадлежит последнему, а было составлено армянами-халкидонитами на армянском языке и в самой Армении, а его создание является свидетельством сложных отношений между армянами-монофиситами и армянами-халкидонитами. Т.М. Калинина (ИВИ РАН) в докладе «“Великан” Ибн Фадлана и легенды о гигантах» показала возможную зависимость легенды как от семито-иранских, так и от общемировых сюжетов. Д.Е. Мишин (Ин-т востоковедения РАН) выступил с докладом «“Крепость джиннов” в рассказах средневековых мусульманских авторов о завоевании Северной Африки арабами», в котором пришел к заключению, что рассказ о штурме «крепости джиннов» войсками вполне реального полководца Мусы ибн Нусайра – проявление сказочно-эпической традиции, включенной в историческое повествование как красивая иллюстрация к сюжету, на реальности которой авторы сочинений не настаивали. Д.А. Радивиллов (Киев) в докладе «Преемственность мнимая и реальная (о духовных связях в ученой среде ибадитов)» показал, как в процессе развития одного из ранних религиозно-политических течений в исламе традиция этого направления прибегала не только к фактам, но также и к далеким от реальности, нарочито ложно выстраиваемым, хронологи-

чески некорректным связям, якобы бытовавшим в кругу духовных авторитетов ибадитов, возводя традицию религиозного знания к ранним харизматическим деятелям типа Абу 'Убайды и далее к самому Мухаммаду. Доклад С.Г. Кляшторного (СПб. Ин-т востоковедения РАН) «Сведения ал-Бируни о происхождении династии Кабул-шахов и древнетюркский генеалогический миф» показал тюркские корни генеалогического предания VII в., отразившегося в книгах ал-Бируни и имеющего также аналогии в китайских источниках, о происхождении династии владык земель Тохаристана, Кеписа и Забулистана. И.Л. Измайлов (Казань) в докладе «Разорение города Болгара Аксак-Тимуром: мнимая реальность и татарская историческая традиция» показал политическую подоплеку освещения событий историческими источниками. А.Г. Юрченко (СПбГУ) в докладе «Ирреальная империя Чингис-хана» обратился к хорошо известным сведениям Плано Карпини и заметкам его спутника, переводчика Бенедикта Поляка, о Монгольской империи, в которые вставлены легендарные рассказы, названные некоторыми исследователями «Романом о Чингис-хане», где походы монголов на край света заканчиваются их разгромом и гибелью полководца. И.В. Зайцев (Ин-т востоковедения РАН) в докладе «Мнимый протекторат. Казанское ханство и Османская империя в середине 20-х гг. XVI в.», рассмотрев эпизод русско-османских отношений 1524 г. в геополитическом плане, указал на попытки крымского хана поставить русское правительство перед опасностью конфликта с Турцией. Д.Ю. Арапов (МГУ) в сообщении «Полигамия в мусульманском браке: правовые номы, стереотип восприятия, реальная практика» указал на существенный разрыв между нормами брачных союзов мусульман, стереотипами восприятия этого обычая христианами и реалиями жизни мусульман.

Проблемам «мнимых реальностей» в западноевропейской литературе были посвящены доклады В.И. Матузовой (ИВИ РАН) «Видения в литературных памятниках Немецкого ордена (XIII–XIV вв.)», З.Ю. Метлицкой (ИНИОН РАН) «Гарольд – последний король англосаксов (человек и символ)», И.В. Ковалева (Москва) «“Contra naturae cursum”: нормальное и аномальное в “Топографии Ирландии” Гиральда Камбрийского (1146–1223)», О.В. Дмитриевой (МГУ) «“Agnus Scythicus” и английское ученое сообщество в конце XVI – начале XVII в.», П.Ш. Габдрахманова (ИВИ РАН) «Матрилинейные родословные церковных зависимых во Фландрии XII–XIII веков: мнимая реальность?», В.В. Зверевой (ИВИ РАН, Москва) «Causus realis: к вопросу о научной классификации единорога».

ЗРЕЛОСТЬ УЧЕНОГО 70 ЛЕТ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ БОРОЗНЯКУ

В конце 1999 г. в московском издательстве «Пик» вышла книга с интригующим названием: «Искупление». На обложке – фрагменты панно Пикассо «Герника», а в подзаголовке вопрос: «Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?» Оригинально уже соединение морально-оценочной констатации, относящейся к Германии («искупление» вины), с постановкой явно риторического вопроса: полезен ли чужой опыт России?

Сравнительно небольшая книга вместила множество фактов, заселена персонажами, действовавшими в разных сферах жизни, содержит суждения, сталкивающиеся друг с другом в поисках исторической истины. Талант пытливого ученого удачно соединился с литературным даром вдохновенного рассказчика. Только малый тираж (3 тыс. экз.) помешал этой прекрасно изданной книге на животрепещущую тему стать бестселлером и, что еще важнее, настольным пособием для студентов, тысяч учителей истории и обществознания, миллионов школьников.

В книге есть вступительная статья (Бориса Орлова) и послесловие немецкого профессора (Ханса-Хайнриха Нольте), но об авторе – Александре Ивановиче Борозняке – сказано лишь, что он «российский историк». Кто же он? Как пришел к потребности заняться важнейшей научной и общественной проблемой, выражающей познавательный и нравственный императив современности – необходимость продолжения и углубления застопорившегося процесса демократического обновления российского общества?

Когда 25 января 1933 г. в Киеве в трудовой семье Борозняков родился сын Александр, никто не мог и подумать, что его судьба окажется связанной с тем, что буквально несколько дней спустя в Германии придет к власти Гитлер. Однако через восемь лет, после немецко-фашистского вторжения в СССР, отец погиб на фронте, а мать с сыном оказалась в максимальном отдалении от этих событий – в Благовещенске-на-Амуре. Здесь Александр выбрал специальность историка и педагога. С отличием окончив институт, он стал учителем сельской школы, а, отслужив срочную армейскую службу, преподавал историю в городской школе. Жизненный путь был определен?

Лишь отчасти. Ибо в 25 лет Александр сам резко развернул собственную судьбу. Приехав в Москву, он стал в 1959 г. аспирантом

проф. А.И. Молока в МГПИ и, поскольку учил немецкий язык, избрал темой диссертации рабочее движение в послевоенной Западной Германии. Едва открылась возможность стажировки за границей, как Борозняк был на год (1961/62) командирован, правда не в ФРГ, а в университет имени братьев Гумбольдтов в Восточном Берлине. Его научным руководителем стал профессор Вальтер Бартель, не только крупный исследователь истории довоенных левых социал-демократов, но и активный участник антифашистского Сопротивления, обаятельный человек, мужественный организатор вооруженного восстания интернациональных узников концлагеря Бухенвальд. От Бартеля Борозняк, по природе понятливый и чуткий к людям, воспринял знание жизни и доброжелательность, общительность, что помогло ему, хорошо освоив язык, проникнуться глубокой симпатией к чужому народу и его культуре, завязать многие дружеские связи.

В 1963 г. Борозняк защитил в МГПИ кандидатскую диссертацию и вернулся доцентом в Благовещенский пединститут. Возвращение «на круги своя»? Отнюдь: успехи преподавания не погасили, а, напротив, сильнее разожгли в нем жажду к исследованиям. Переведясь в Липецкий пединститут, он использовал близость к столице для работы в библиотеках и участия в разнообразных научных обсуждениях. Уже первые публикации по теме диссертации свидетельствовали о серьезном интересе автора к западной историографии. Притом не «вообще». Его явно не соблазняли лавры еще модных тогда у нас «разоблачителей буржуазных фальсификаторов». Свидетельство этого – большая статья молодого ученого в академическом «Ежегоднике германской истории» («ЕГИ») об освещении политической борьбы в западных зонах историками ФРГ разных направлений. Она показала, что у нас появился поразительно начитанный эрудированный знаток тамошней литературы, способный к ее дифференцированному критическому анализу¹. Очередная статья в «ЕГИ» о программатике немецких профсоюзов вводила в оборот и некоторые новые источники². Так, за два десятилетия сформировался масштабно мыслящий специалист по истории и историографии послевоенного рабочего движения ФРГ. Он сам считает, что многим обязан профессорам А.С. Ерусалимскому, А.И. Данилову, своим коллегам Н.С. Черкасову, В.А. Буханову.

Александр Ивановичу понадобилось, однако, еще почти деся-

¹ Борозняк А.И. Политическая борьба в западных оккупационных зонах в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1977. М., 1978.

² Борозняк А.И. Борьба вокруг разработки программы западногерманских профсоюзов в первые послевоенные годы // Ежегодник германской истории. 1981. М., 1983.

тилетие напряженного труда, чтобы, овладев историческим материалом, выйти на особенно значимую широкую проблематику, охватывающую весь комплекс послевоенных антифашистских, демократических преобразований. Весомым итогом изысканий стала докторская диссертация. Автор скромно озаглавил ее: «Рабочее движение и проблемы демократического переустройства послевоенной Западной Германии (1945–1949 г.)». В действительности же анализу были подвергнуты не только первые 5, а все 45 лет, когда в изменившемся мире во взаимодействии внутренних, внешнеполитических, экономических, политических, моральных, социокультурных и иных факторов постепенно складывался статус новой ФРГ. Свою диссертацию А.И. Борозняк успешно защитил в 1991 г., уже после переезда в Екатеринбург, где он вскоре возглавил кафедру и стал профессором Уральского университета. Казалось, была достигнута устойчивая вершина? Но подспудно назревал новый разворот.

Семейные и иные обстоятельства в 1993 г. вернули Александра Борозняка в Липецкий пединститут, который стал впоследствии государственным педагогическим университетом с уникальным профилем иноязычного образования. Борозняк, как руководитель кафедры социальной и духовной культуры, очередное десятилетие научно-педагогической деятельности тоже до краев наполнил оригинальным личным творчеством, органически включенным в сеть широчайших научных и дружеских связей в нашей стране и за рубежом. Форматирующей осью исследований ученого все больше становился компендиум тех проблем, которые, будучи порождением противоречивых взаимосплетений многообразных факторов общественного развития, всякий раз оборачивались новыми гранями.

Начнем с того, что как раз в это время в российской исторической науке назрела потребность всерьез разобраться с расхожим понятием «тоталитаризм», которое буквально ворвалось в наш обиход с началом гласности, потеснив такие привычные и казалось незыблемые понятия как «советская власть» и «социализм». Стимулы к «новому мышлению» и пересмотру шаблонов исходили не только изнутри. В 1992 г. мы получили неожиданное приглашение от частной Европейской академии в Западном Берлине на первый для нас российско-германский коллоквиум. В дискуссии «Гитлер и Сталин: возможности и границы сравнения» нашим главным оппонентом был известный зачинщик германского «спора историков» антикоммунист Эрнст Нольте. А Борозняку досталась задача со знанием дела отражать попытки представить ГДР еще более тоталитарным государством, чем нацистский рейх.

Почти одновременно с началом работы в ИВИ РАН многомесячного теоретического семинара историков, философов,

социологов, политологов, где споры шли прежде всего о соотношении «тоталитаризма» и «демократии», Борозняк провел в Уральском университете двухдневный семинар: «Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века».

После выхода в 1996 г. коллективного труда (обобщающего и одновременно продолжавшего дискуссии) «Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления» центр тяжести дальнейших обсуждений был перенесен на последний пункт. И снова Александр Иванович на российско-германской конференции историков в Волгограде участвовал в выявлении внутренних связей между историографией антинацистского движения в годы войны и актуальными задачами историков по преодолению последствий тоталитарного мышления³.

Дальнейшее развитие этот многоплановый сюжет получил на международной конференции в Москве в мае 1998 г., на которую прибыла группа авторитетных представителей германской науки: Ганс-Адольф Якобсен, Карл Дитрих Брахер, Луттер Кюнхардт, Бернд Фауленбах, Эберхард Ессе и др. Ее итогом стала изданная на двух языках книга «Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию». Она отразила неоднозначный процесс преодоления учеными обеих стран многих упрощений и конфронтаций при сохранении, разумеется, разных точек зрения и научных подходов. Заметный личный вклад А.И. Борозняка выразился в анализе им динамики понятия "тоталитаризм" в российской научной дискуссии⁴.

Еще раньше на российско-германской конференции в Челябинске в 1996 г. Борозняк сделал творческую заявку на несколько иной, но не менее важный аспект проблемы преодоления тоталитарного наследия в обеих странах: он обратился к вопросам эволюции общественной психологии и исторического сознания разных слоев населения⁵. В этом плане примечательна его статья о «поколении 1968-го» и феномене «преодоления прошлого» в ФРГ. Основанная на сопоставлении оценок видных философов, историков, литераторов постериорная характеристика памятного «студенческого мятежа» или «молодежного бунта» вывела Борозняка на важную констатацию: «Опыт показал, что исследование проблематики "третьего рейха" может происходить только в открытом историогра-

³ Борозняк А.И. Российская историография НКСГ // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков в Волгограде. М., 1997.

⁴ Rußland und Deutschland auf dem Weg zum antitotalitären Konsens. Baden-Baden, 1999. Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000.

⁵ Борозняк А.И. Эволюция исторического сознания в Западной Германии // Веймар-Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998.

фическом пространстве, в атмосфере дискурса, взаимоотталкивания и взаимообогащения научных школ, в условиях разномыслия и свободного обмена мнениями, рождения научных гипотез, их подтверждения и опровержения». Сказанное относится и к освоению немецкого опыта на пользу российскому историческому сознанию⁶.

Используя дружеские связи со многими историками и собственный международный авторитет, завоеванный публикациями в немецких изданиях и выступлениями в разных аудиториях, Александр Иванович посетил в последующие годы ряд городов ФРГ, заглянув и в шенгенское зарубежье. В результате расширения угла зрения он смог подарить сборнику «Россия и Германия в историческом ракурсе» интереснейшее эссе, родившееся не только за письменным столом, а и в результате личных наблюдений в ФРГ недавних лет: «Дахау. Город у ворот концлагеря»⁷.

По многочисленным статьям Борозняка, можно проследить как шаг за шагом в германской и российской историографии сближались, смыкались (впрочем, не без временных откатов) трактовки и оценки принципиальных событий второй мировой войны, послевоенных преобразований, диалога культур. Для двух первых аспектов наиболее характерны работы сравнительно молодых немецких коллег Вольфрама Ветте и Герда Юбершера, для третьего деятельность патриарха российской германистики Льва Копелева.

Именно стараниями А.И. Борозняка вместе с педагогами В.Б. Царьковой и Е.И. Пассовым в Липецке реализовано то, что не удалось сделать в столице: начиная с 1995 г., проведены уже четыре тура международных «Копелевских чтений» под неизменным паролем: «Россия и Германия. Диалог культур». На последнем Александр Иванович (в связи с выходом в Германии сборника Х.-Г.Нольте «Узники из СССР в Берген-Бельзене») вернулся к трагедии советских военнопленных и остарбайтеров. «Немецкие ученые, – отметил Борозняк, – (и это остается и останется укором отечественной науке) осуществили, хотя бы отчасти, давний замысел Михаила Гифтера о воплощении "памяти-совести". А это важно для каждого из наших народов».

В последние годы А.И. Борозняк установил творческие связи с Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН. Он участвовал в ряде конференций, в том числе в ноябре 2001 г. в Москве по проблеме «Историческое знание и интеллектуальная культура». В альманахе «Диалог со временем» он опубликовал статьи о Карле Ясперсе, о конкурсе школьных исторических сочинений на приз президента ФРГ.

⁶ Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998, с. 211.

⁷ Россия и Германия в историческом ракурсе. М., 2002.

Где-то в начале 90-х гг. (а может быть и раньше) у А.И. Борозняка созрела идея создания обобщающей монографии, посвященной германскому опыту преоделения нацистского прошлого. Но рождалась она не просто, и первые читатели смогли получить ее в руки лишь в конце десятилетия. Речь идет о монографии, уже названной в начале нашей статьи, – «Искупление». Она вполне вписывается в рубрику «историография». Но и содержание ее, и форма существенно богаче обычных историографических обзоров: строгая научность подхода к творениям многочисленных авторов сочетается с живым описанием сложных процессов динамического развития немецкого общества и, особенно, его самосознания. Задача, что и говорить, не из простых. Она потребовала от автора не только «многого умения», энциклопедической начитанности, использования плодов личного знакомства с десятками немецких политиков и ученых, умения схватить и передать логику рассуждений единомышленников и оппонентов, а также «выстроить» сложные социально-психологические системы в обозримые ряды. Только мастерство исследователя, умение найти яркие и емкие характеристики позволили автору при описании событий более чем полувековой истории двух Германий, да еще в органической связи с тоже непростой отечественной историей, избежать отрывочности, мозаичности изложения, без преувеличений и прикрас рассказать о сложных и противоречивых процессах внутреннего очищения, исходящих из глубинного осознания немцами своей исторической вины и ответственности. Российским гражданам, в том числе и историкам, ищущим для себя и своего народа надежные пути и средства демократического возрождения, есть над чем задуматься. Из книги следует, что немецкий опыт преодоления груза нацистского прошлого происходил в Германии на протяжении более полувека в упорной борьбе моральных принципов и идей, и этот процесс далеко еще не завершен. Несмотря на существенное отличие гитлеризма от сталинизма, на разницу условий, сложившихся в ФРГ и современной России, немецкий опыт весьма поучителен для нашего народа и его руководителей.

Оценивая труд А.И. Борозняка с немецкой точки зрения упомянутый профессор Х.-Х. Нольте отметил, что «автор, находясь вне поля германских дискуссий, сумел написать яркое и важное исследование, книгу, которую непременно надо издать на немецком языке». Мы, со своей стороны, должны добиться, чтобы она вышла порусски действительно массовым тиражом.

Славный юбилей нашего друга – подходящий повод для того, чтобы пожелать ему новых книг и иных творческих свершений.

УЧИТЕЛЬ – В РЕМЕСЛЕ

И сознание того, что мы – ученики его, приподнимало нас в собственных глазах, обнажало невидимую связь поколений, соединяющую нас в единую цепь.

И.Н. Бороздин

Трудно говорить о такой несоизмеримости как Учитель. С чего начать? И чем кончить? И как начать и кончить, когда то, о чем ты говоришь, – несоизмеримость? Когда в творческом облике одного человека разные грани его личности и таланта сопрягаются и совпадают таким удивительным образом, что даже самое пристальное всматривание не обнаруживает не только зазора, но и швов в этой почти природной цельности, хотя и сработанной личной волею Мастера. Гармония высшего порядка...

Не менее трудно, рассказывая об Учителе, отойти, как и полагаются в подобных случаях, от личного, сосредоточив все свое внимание на том, о ком пишешь. Но как опустить это личное, если отрывочные и беглые заметки оказываются лишь слабой данью человеку, приобщившему тебя к тайнам Ремесла, что, как известно, не сводится к простому процессу обучения, являясь в определенном смысле эзотерическим актом, который для меня лично остается загадкой.

Между этими двумя трудностями – вся палитра мыслей и чувств, которыми мне предстоит поделиться, рассказывая о моем Учителе – Александре Ивановиче Борозняке.

Мы познакомились с Александром Ивановичем в 1986 г. во время вступительных экзаменов на исторический факультет Липецкого государственного педагогического института (ныне – университета). Представьте себе: по длинному вузовскому коридору вам навстречу идет невысокий, немного сухощавый человек с седыми, чуть взъерошенными волосами, густой бородой и такими же усами, и когда он подходит ближе, вы замечаете, что у него высокий лоб, живые умные глаза, внимательный взгляд. Помню, увидев его, подумала: «вылитый профессор». Именно таким – серьезным, внимательным и бородатым – изображается, как правило, солидный ученый в нашей художественной литературе и кинематографе.

Александр Иванович читал тогда только на старших курсах, поэтому первые три года он, благодаря рассказам старшекурсников, оставался для нас «живой легендой». Сталкиваясь с ним в коридоре,

мы невольно замолкали, провожая фигуру ученого почтительными взглядами. А на четвертом началось борозняковское священнодействие. Наверное странно, но стиль его преподавания сразу же напомнил мне рассказы об актерах довоенной поры: та же магия мастерства, то же самозабвение в работе. Не преподаватель – явление.

Он входил в аудиторию быстрой походкой и, осмотрев нас с подчеркнутым вниманием и лукавинкой в глазах, с ходу начинал читать лекцию. В его руках никогда не было никакого конспекта – ничего, за исключением груды книг, которые он не ленился приносить к нам на занятия, чтобы привести какую-нибудь цитату или порекомендовать для самостоятельного чтения. Вот так, безо всяких тезисов и бумажек, он час за часом, неделя за неделей, год за годом просто рассказывал нам о событиях XX-го столетия. Часто складывалось впечатление, что он видел все это сам, настолько красочной, изобилующей подробностями, а порой и виртуозно рассказанными анекдотами, была его речь. О чем бы он ни говорил – поездке английских лейбористов в Россию, Нюрнбергском процессе или Карибском кризисе – перед глазами неизменно вставала живая картина прошлого.

Но дело было, разумеется, не только во владении искусством исторического живописания. В лекциях Александра Ивановича не менее ярко проявлялся его исследовательский талант – мастерское владение историко-научным анализом, глубиной и последовательностью развития мысли, широта обобщений, комплексный и систематический анализ рассматриваемых явлений, серьезное отношение к методологии исследования.

Не секрет, что не все талантливые ученые являются умелыми педагогами и наоборот – хороший преподаватель может вовсе не быть ученым. Не удивительно, ведь процесс обучения требует от преподавателя как раз тех навыков, которые для ученого совсем необязательны: умение адаптировать сложный материал к восприятию слушателей и даже определенных артистических способностей, помогающих привлечь и поддержать внимание аудитории. В Александре Ивановиче оба таланта находятся в удивительной гармонии, благодаря чему увлеченный, находящийся в постоянном творческом поиске исследователь отнюдь не уступает талантливому педагогу. Совсем недавно мне понадобилось обратиться к своему студенческому конспекту курса по новейшей истории стран Европы и Америки. Найдя нужную мне информацию, не заметила, как увлеклась чтением. Признаюсь, я была потрясена прочитанным: свежестью оценок, глубиной мысли, неожиданностью сравнений, срывающимися на моих глазах прогнозами – всем тем, что запечатлел студенческий конспект курса, прочитанный тринадцать лет назад.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Наши занятия новейшей историей и историографией пришлось на переломные годы в

истории страны, связанные с крушением советского строя и государства. Первые три года нам читали «Историю партии», «Научный атеизм», «Исторический и диалектический материализм» (последние, естественно, в качестве единственно верной научной методологии), чтобы в начале 1989–1990 учебного года сообщить нам свои сомнения в продуктивности полученных нами знаний и посоветовать начать свое историческое образование заново. Прозрение несколько запаздало, что однако вполне объяснимо, если учесть, что город Липецк, равно как и его вузы, никогда не были центрами насыщенной интеллектуальной жизни. Перепад был чувствительный, и надо было очень любить свою науку, чтобы не поддаться скоропалительным выводам.

Запомнил, что на фоне сразу же обнаружившихся перекосов Александр Иванович не оказался в числе преподавателей, призывавших к полному отказу от марксизма и столь же полной смене теоретико-методологических позиций. В общении с нами он не устал подчеркивать колоссальный эвристический потенциал классического марксизма, значительно обогатившего теорию и методологию современного социогуманитарного знания; предсказывал, что настанет день, когда многие завоевания марксистской мысли вновь будут востребованы отечественной историографией. Взвешенность и основательность настоящего ученого, не способного в угоду конъюнктуре моментально менять свои позиции. Прекрасный урок различения истин и Истины.

Сегодня это кажется очевидным, но тогда сама возможность критики «святая святых» – марксистско-ленинской теории – действовала опьяняюще. Со свойственным юности максимализмом и безапелляционностью (в унисон с уничтожающей критикой советского общества со стороны средств массовой информации) мы готовы были предать советскую историографию забвению только на том основании, что она опиралась на марксистскую методологию и подчинялась партийному диктату. Александр Иванович был опытным преподавателем: он давал нам возможность задавать самые острые вопросы, чтобы потом аргументировано и корректно, опираясь исключительно на силу аргументов, одергивать самых запальчивых и нетерпеливых. Историк, – говорил он, – может принадлежать к любому научному направлению и исповедовать любую веру, но при этом обязательно оставаться верным принципу историзма. Нельзя смотреть на прошлое свысока, воспринимая его в упрощенном, стереотипном варианте. Чтобы узнать прошлое, надо вникнуть в реалии и мифы изучаемой эпохи, понять как и почему все это стало возможным. На этом поприще путь простого осуждения и отречения от прошлого – не самый надежный.

Помню, Александр Иванович очень расстраивался, когда мы не хотели понимать, что система в целом и судьбы отдельных людей в

ней – разные вещи, а мир индивидуального так сложен и парадоксален, что, несмотря на его тесную связь с внешними социальными и культурными предпосылками, может выходить за рамки системы. И, задумываясь об истоках такого недогматичного видения прошлого, некоторые из нас уже тогда начинали догадываться о том, что профессиональный опыт историка помимо добытых с помощью источников знаний содержит что-то еще. Желание идентифицировать это «что-то» со временем привело к пониманию роли «жизненных свидетельств» (выражение Е.Б. Рашковского) и личностного компонента в исследовательской практике ученого. С какой благодарностью вспоминаются сегодня эти преподанные некогда уроки!

Но более всего педагогический дар ученого раскрывался на его семинарах, в основе которых лежала тщательная работа с источниками, сначала в коллективной форме, затем в индивидуальной работе над докладами. Иногда к процессу подготовки и проведения семинара привлекались сами студенты. Какими интересными были эти занятия! Несмотря на то, что методика преподавания истории являлась, как в любом педагогическом вузе, базовым курсом, настоящую методику мы познавали на занятиях Александра Ивановича. Помню однажды во время лекции, пытаясь переключить наше внимание, Александр Иванович уронил на пол небольшую книжицу. Мы, естественно, встрепнулись, после чего он сказал: «Вот, пожалуй, один из приемов, которыми учитель может привлечь внимание уставших слушателей. Надеюсь, вы понимаете, что не обязательно при этом ронять именно книги». Поэтому когда кому-то из нас предстояло выступить на семинаре в роли преподавателя, мы старались продумывать и методические нюансы занятия. Александр Иванович всегда поощрял эти усилия, отмечая удачные находки. Надо ли говорить как приятна была похвала опытного педагога. Все мы, его студенты, вообще придавали большое значение каждой его оценке, каждому выводу, который он делал, прекрасно осознавая, что перед нами – носитель лучших традиций отечественной науки.

Щедро делясь с учениками обширными знаниями, Александр Иванович в то же время был строгим и взыскательным преподавателем: не терпел в работе небрежности или неточности, требовал серьезного отношения к науке. От него мы получили незаменимые уроки основательности и тщательности анализа. Например, давая задание сравнить освещение какого-либо события в различных справочных изданиях, он часто задавал нам вопросы, которые поначалу заводили в тупик, и, положив руку на сердце, казались причудами взыскательного профессора: каков тираж справочного издания, на какой бумаге оно отпечатано, где, в каком году и под чьей редакцией? Со временем, приучаясь обращать внимание на подобные «мелочи», поражались: сколько дополнительной информации может

извлечь историк, ставя перед собой эти и другие вопросы. Так, еще одна составляющая ремесла историка оформилась для нас в незыблемое правило: историческое исследование – это сложная конструкция, составленная скрупулезным историком из разных, порой мельчайших, деталей в процессе поиска ответов на те вопросы, которые он сам для себя формулирует. Мелочей в подобном конструировании нет и быть не может.

По мере расширения научного и профессионального общения с Александром Ивановичем открывались и другие стороны его многогранной личности – я узнавала ценителя юмора и хорошего анекдота, знатока и любителя художественной литературы, человека незнакомой мне доселе интеллектуальной выделки и личного масштаба. Я впервые наблюдала такой ритм научной и преподавательской работы, такой стиль жизни. У Александра Ивановича он по-европейски систематичный и насыщенный. На кафедре он всегда чем-то занят, не терпит пустых разговоров и умудряется работать даже в самых неподходящих для этого условиях и обстоятельствах. Обязательная система в работе (будь то в архиве, библиотеке или за домашним письменным столом) и категорический запрет на любительство – вот, пожалуй, тот императив, указывающий на реальность профессионального уровня, который для большинства начинающих сегодня исследователей становится все баснословнее и недостижимей.

Бесценным капиталом, проценты от которого идут и по сей день, стала работа под руководством Александра Ивановича над кандидатской диссертацией, наполненная с его стороны значительной человеческой поддержкой и помощью. Не менее поучителен стиль его взаимоотношений с аспирантами и соискателями. Александр Иванович никогда не отягощает своих учеников мелочной опекой, уважая право личности на собственный выбор позиции, взглядов, круга чтения. Он помогает сориентироваться в море научной литературы, указывает на имеющиеся в нашей стране архивы и, как может показаться, предоставляет полную самостоятельность. Он не приглашает на консультации, не требует отчета о прочитанном, но регулярно беседует со своими аспирантами и соискателями на научные и иные проблемы, порой вовсе не связанные с диссертацией. Но его видение этих проблем, неожиданные ассоциации с другими областями человеческого знания и опыта, его способность показать хорошо известные факты с новой стороны (банальные истины – в новой раскладке) каждый раз удивляют и являются громадным стимулом для раздумий о природе и, если угодно, тайне подобного культурного и научного зрения.

Стремление приобщиться к этой тайне заставляет кафедральную молодежь читать много дополнительной и, на первый взгляд, ненужной литературы, чтобы в очередной раз убедиться в правоте

Учителя: в общении ученого с миром должна постоянно присутствовать *воля видеть*. С нею рождаются, но ее и совершенствуют. И тогда наступает минута, когда человеку становится мало одной истории. Он любит ее не меньше, но понять хочет большее: жизнь, человека, человечество. И если это ему удастся, он возвращается к своей науке, но для него она уже не ремесло и даже не любимое дело, в том понимании, что раньше. Рождается существенный плюс... Он работает и *видит*. И то, что на уровне простой эмпирики казалось разрозненным и несоединимым, в философском и теоретико-методологическом контексте начинает приобретать неведомую доселе цельность и единство. А в ту минуту, пока еще не понял и не увидел, но уже стало одной истории недостаточно, думаешь и читаешь о чем угодно, только не о самом близком и понятном.

Убеждена: даже простое нахождение в пространстве этого человека и логика разговоров с ним ведет от чисто академического осмысления проблем исторической науки к наполненным личными переживаниями размышлениям о специфике гуманитарной научной работы, являющейся концептуальным откликом на вызов жизни и мысли. Таким образом, влияние Александра Ивановича на своих аспирантов определяется не только его научным и педагогическим талантом, но и обаянием его незаурядной личности, которое ощущается всеми, кто с ним соприкасается.

После некоторых колебаний воздержусь от приведения других примеров тех уроков профессионального мастерства, которыми Александр Иванович щедро одаривает своих учеников. Все они вместе взятые могли бы стать отличным поводом к раздумьям начинающих исследователей в их стремлении достичь высот в своей профессии. Это особая тема, требующая бесконечных комментариев и отступлений. Остановлюсь лишь на одном из многочисленных примеров.

Известно, что любой историк, обращаясь к историографической проблематике, обязательно уткнется в то, что принято называть «персональными исследованиями». Еще в студенческие годы мы отмечали, что лекции Александра Ивановича по историографии никогда не сводились к простому перечислению имен и названий книг. Рассказывая об историках, он всегда стремился показать, с одной стороны, творческую логику ученого, особенность его научного почерка, с другой, – живую и, как правило, сложную и самобытную личность. Это позволяло увидеть не только стереотипы идеологизированного сознания, но, порой, глубокую личную трагедию историка и в то же время уловить как под апелляциями к авторитету классиков марксизма закладывались основы новой исследовательской традиции. Александр Иванович всегда подчеркивал особый характер той реальности, с которой работает историограф. Если историк в привычном смысле этого слова вносит порядок в мировой хаос, то

историограф имеет дело с уже созданной гармонией. Это, с одной стороны, состоявшаяся человеческая мысль, с другой, – документ, судьба, свидетельство конкретной жизни с невымышленным именем, фамилией, отчеством... Впоследствии я не раз мысленно благодарила Александра Ивановича за то, что научил не поддаваться соблазну легкой критики, понимать важность бережного и ответственного отношения к слову, тем более, если это слово о человеке.

Постоянному росту авторитета А.И. Борозняка среди его коллег способствует неустанная и плодотворная научная деятельность ученого, не менее интенсивная (а быть может и более), чем двадцать или тридцать лет назад. Ежегодно на наших глазах появляются его труды, потрясающие не только высочайшим профессионализмом, но и простотой, доступностью изложения, стремлением помочь читателю понять предмет исследования не отвлеченно, а пониманием глубоко личным и жизненным. Слово – видному немецкому ученому, профессору Ганноверского университета Хансу-Хайнриху Нольте, отметившему в послесловии к монографии А.И. Борозняка «Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?»: «Что значит книга Александра Борозняка для меня, для историка, для немца, родившегося после 1938 года. Это – часть моей собственной интеллектуальной истории. Читая книгу, узнаешь немало о самом себе...»¹.

Знакомство с этой и другими книгами Александра Ивановича убеждает: можно глядеть назад, а идти вперед. Действительно, храня верность традициям, ему удается оставаться удивительно современным человеком. Современность при этом понимается не как следование моде, конъюнктуре времени (современно не то, что перекрикивает, а иногда и то, что перемалчивает) и тем более не как общепризнанность, ибо массовая популярность не всегда свидетельствует о достоинствах произведения, бывает, лишь о свойствах и потребностях публики. Современность ученого есть его обреченность на время, обреченность на «водительство» им. Думается, это одна из причин того, почему труды А.И. Борозняка востребованы как отечественным, так и зарубежным читателем.

Александр Иванович сумел преодолеть языковой барьер и найти путь к общению с зарубежными коллегами. Он часто и подолгу бывает в Германии, беседует со многими участниками дебатов о национальном прошлом, читает лекции в немецких университетах. Некоторые из его немецких коллег приезжают по приглашению ученого в Липецк на Копелевские чтения «Россия и Германия: диалог

¹ Нольте Х.-Х. Послесловие современника-немца к книге русского историка // Борозняк А.И. Искупление. Полезен ли России германский опыт преодоления прошлого. М., 1999. С. 282.

культур», которые, начиная с 1995 г., регулярно проводятся на базе ЛГПУ. Участники Чтений не раз отмечали особый «формат» этого мероприятия, приобретенный во многом благодаря усилиям Александра Ивановича Борозняка: в отличие от многих узкодисциплинарных конференций германистов оно больше походит на некое итоговое событие, волны от которого вновь расходятся в регионы.

В 1996 г. Александр Иванович согласился занять пост заведующего кафедрой социальной и духовной культуры в составе только что созданного Российского центра иноязычного образования. Момент несомненно рубежный и ответственный, поскольку начинать приходилось практически с нуля. Новые люди, новые условия, новая концепция содержания и организации образовательного процесса. Отсюда и новые требования к преподаванию исторических дисциплин, которые отныне должны были получить широкое социокультурное и междисциплинарное измерение.

Курс «Основы исторической культуры», разработанный Александром Ивановичем для студентов-первокурсников, не только отвечает всем этим требованиям, но и является подлинным шедевром профессионального творчества. Структура курса содержит в себе элементы всего комплекса исторических дисциплин – источниковедения, историографии, философии и методологии истории. И все это – с таким интеллектуальным размахом, увлеченностью, творческим задором, неиссякаемой фантазией на выбор форм обучения. Семинары по «Апологии истории» М. Блока и произведениям художественной литературы как памятникам эпохи (среди них: «Медный всадник» А.С. Пушкина, «Война и мир» и «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, «Василий Теркин» А.Т. Твардовского и др.), учебные конференции по книге М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» и судьбам российской интеллигенции серебряного века, коллоквиумы по официальным и культурным символам стран изучаемых языков и фотовыставка «История страны – история моей семьи», дискуссии о В. Высоцком, А. Галиче, Б. Окуджаве как отражениях своей эпохи, рефераты на научные темы и эссе по прочитанным книгам или просмотренным телепередачам, экскурсии по историческим местам и, конечно же, лекции, слушая которые, понимаешь, зачем люди на них ходят: никакого вещания, только размышления и постоянная интонация вопроса.

Александр Иванович по-прежнему считает обучение студентов своим главным долгом. Под его руководством пишутся дипломные работы, проводятся студенческие научные конференции. Выступать на них почетно и одновременно ответственно, ведь, согласно установленной Александром Ивановичем традиции, обсуждение докладов происходит в присутствии всех членов кафедры. К тому же требования к докладам весьма высоки: основательное знание мате-

риала, корректное обращение с источниками, пафос ответственности за каждое сказанное слово.

Задумав превратить небольшую кафедру в научный центр, Александр Иванович стал добиваться ее расширения, привлекая к работе молодых ученых, аспирантов и соискателей. Будучи чрезвычайно занятым человеком, он не жалеет ни времени, ни сил на своих коллег и учеников, проявляя неподдельный интерес к их судьбам и творческому росту. Благодаря стараниям своего руководителя, кафедральная молодежь живет бурной и насыщенной жизнью профессионального сообщества: участвует в конференциях, научных семинарах, круглых столах, летних школах, которые проводятся по инициативе кафедры и других учебных и научных центров нашей страны. Умение не замыкаться в собственных исследованиях и горячая забота о будущем науки – показатель истинного и ответственного ученого.

Особо следует отметить позицию Учителя, занятую им в ситуации материального унижения российской творческой интеллигенции в последнее десятилетие. К сожалению, все мы сегодня являемся свидетелями того, сколь разрушительными могут стать последствия такого унижения для жизни и сознания людей, занимающихся производством культурных ценностей и воспитанием подрастающего поколения: понятие чести, являвшееся совсем недавно центральным элементом профессиональной этики, начинает оттесняться в маргинальность. Именно это – понимание или непонимание личной и профессиональной чести – делит сегодня нашу творческую интеллигенцию на любящих честь больше жизни и любящих жизнь больше чести. На мастеров и поденщиков.

К проблемам материального порядка Александр Иванович относится философски, продолжая идти своей дорогой и стараясь не отвлекаться от преподавательской и научной деятельности. Глядя на него, понимаешь: в жизни для достижения настоящей цели, как правило, приходится чем-то жертвовать. Одни жертвуют материальным благополучием, другие – здоровьем, третьи – возможностью иметь семью. Нельзя жертвовать только истиной, честью и любовью. Иначе – бесструктурность, безразличие, заведомая энтропия. Сумеет ли мы усвоить и этот урок Учителя?

Сегодня Александру Ивановичу – 70 лет. Но его энергии, энтузиазму, умению работать с полной самоотдачей могут позавидовать молодые. Дай Вам Бог, дорогой Александр Иванович, и впредь сохранять тот внутренний дух и аристократизм мастерства, который помогает Вам жить, мыслить и повторять себя в своих учениках.

ЧИТАЯ КНИГИ...

М.С. Бобкова

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ ДМИТРИЕВНЫ И ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА ЛЮБЛИНСКИХ...

2002 и 2003 годы несут в себе память о столетних юбилеях со дня рождения талантливых, глубоких, серьезных исследователей, незаурядных людей Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских. Юбилеи коллег в историческом научном сообществе принято отмечать публикацией неизданных сочинений и сборников памяти, переизданием наиболее значимых трудов... Книгой памяти коллег, друзей, учеников об Александре Дмитриевне и Владимире Сергеевиче стал сборник «Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки». В РНБ библиотеке в собраниях русских коллекционеров хранятся уникальные памятники истории и культуры Западной Европы, изучению многих из них была посвящена жизнь выдающихся петербургских ученых.

Сборник делится на три основные части. В первой и второй создается яркая и удивительно глубокая, многоплановая картина жизни Люблинских, содержится аналитическое обобщение их научной деятельности, их вклада в отечественную и мировую историческую науку. Третья часть «Учителя и ученики» содержит четыре статьи Люблинских, а также работы их учеников и последователей. К слову заметим, что Александра Дмитриевна обладала огромным талантом педагога, широкой эрудицией, глубокими профессиональными знаниями. С 1935 г. она начала преподавать в Ленинградском Институте философии, лингвистики и истории, вскоре слившемся с Ленинградским университетом. А.Д. Люблинская объединяла вокруг себя большое число студентов и аспирантов. Навыки и методы научной работы, приобретенные на занятиях Александры Дмитриевны закладывали у ее учеников прочную исследовательскую базу, благодаря которой они могли сформироваться как специалисты-историки и палеографы. 49 из них защитили кандидатские диссертации, а 10 человек – докторские. Среди авторов статей сборника ученики школы А.Д. Люблинской, способной составить гордость любого ученого, школы, являющейся не только лучшей памятью о ней

как о выдающемся историке и педагоге, но и несущей в себе лучшие принципы профессиональной этики и профессионального мастерства историков старшего поколения, «старой школы».

С удивительной трепетностью, любовью и теплотой авторы сборника, каждый в своей статье, по небольшим фрагментам воссоздают целостный портрет значительной эпохи в развитии отечественной исторической науки. Ведь именно эпохой без преувеличения можно назвать жизнь Люблинских в науке.

Первая часть состоит из двух логически связанных разделов: первый посвящен Александре Дмитриевне, а второй – Владимиру Сергеевичу. Обе части предваряют основные даты жизни ученых.

Елена Викторовна Бернадская, Людмила Ильинична Киселев, Юрий Павлович Малинин и Владимир Александрович Сомов написали очерк об очень непростой жизни и многогранном творчестве А.Д. Люблинской. Авторы показали, что еще в ранней юности Александра Дмитриевна получила прекрасную историческую и филологическую подготовку благодаря занятиям в Демидовской гимназии и, затем, в Петроградском университете, где ее наставниками были крупнейшие медиевисты того времени И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, О.А. Добиаш-Рожественская. Немалую роль в ее формировании как будущего историка, по мнению авторов статьи, сыграло влияние родителей – Дмитрия Феофановича и Екатерины Андреевны Стефанович, благодаря которым в ней сформировались важнейшие качества исследователя: редкая трудоспособность, организованность, энергичность и настойчивость в достижении цели.

Стержневой темой исследований А.Д. Люблинской на протяжении всей ее научной биографии была история Франции XVII века. В 1940 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сен-Мену и Генеральные штаты 1614 г.», написанную на основе ранее не изученного исторического материала из собраний Отдела рукописей ГПБ (где она работала с 1922 г.) и Национальной библиотеки в Париже. Докторская диссертация («Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620 гг.») (1951 г.), доработанная Александрой Дмитриевной была положена в основу ее первой монографии «Франция в начале XVII в. (1610–1620 гг.)». В 1965 г. было опубликовано ее второе крупное исследование по истории Франции – «Французский абсолютизм в первой трети XVII в.» (1620–1629 гг.). Анализ социально-экономического развития Франции в эпоху первоначального накопления позволил Александре Дмитриевне по-новому взглянуть на социально-политическую эволюцию, выяснить структурные особенности французского общества,

обеспечивших подъем абсолютизма, и определить расстановку политических сил в начале XVII в. В монографии «Франция при Ришеле (Французский абсолютизм в 1630–1642 гг.)», А.Д. Люблинская обращается к изучению проблемы королевских финансов и народных движений, вызванных ростом налогов.

Сфера научных интересов Александры Дмитриевны не ограничивалась XVII веком. Она, как подчеркивают авторы публикации, прекрасно знала всю средневековую историю Франции. Первостепенное значение А.Д. Люблинская придавала исторической роли северо-французских городов, опираясь на военную и финансовую мощь которых, королевская власть сумела постепенно преодолеть политическую раздробленность, одновременно расширяя свою юрисдикцию над освобождавшимися крестьянами, а затем и над самими городами.

Итогом многолетних занятий А.Д. Люблинской аграрными проблемами является монография «Французские крестьяне в XVI–XVII вв.» (1978 г.). Она написала также ряд глав и была редактором третьего тома «Истории европейского крестьянства». Над историей Франции XVIII века Александра Дмитриевна работала вместе с мужем Владимиром Сергеевичем Люблинским, который был крупным исследователем творчества Вольтера. Научные труды А.Д. Люблинской получили заслуженное признание в нашей стране и за рубежом. Сейчас же мы с полным правом считаем их классическими работами по истории Франции средних веков и раннего нового времени.

Кроме того, авторы статьи рассказывают и о многообразной деятельности А.Д. Люблинской по публикации хранящихся в нашей стране документов по истории Франции XVI–XVII вв.

Действительно научная деятельность Александры Дмитриевны была тесно связана с изучением специальных научных дисциплин – западноевропейского источниковедения, латинской палеографии, археологии, с изданием источников. Более 100 работ, написанных А.Д. Люблинской, связаны именно с этим направлением исследований. Познавательной ценности объектов палеографического исследования в изучении А.Д. Люблинской проблем истории культуры посвящена статья Н.В. Ревуненковой. Б.Н. Комиссаров воспроизводит по сохранившейся магнитофонной записи последнее выступление А.Д. Люблинской, в котором были поставлены важные вопросы об особенностях дипломатических документов, их научной критики и возможностям использования. Борис Николаевич анализирует основные положения источниковой критики А.Д. Люблинской.

Бесспорно интересным является предпринятый авторами биографической статьи опыт анализа архива А.Д. Люблинской (с 1910 по 1980 гг.), состоящий из 11 разделов. Взгляд сквозь призму этого ана-

лиза позволяет читателю представить всю полноту жизни Александры Дмитриевны, проникнуть в лабораторию историка-исследователя, проследить путь становления ученого XX столетия.

Специально записным книжкам А.Д. Люблинской, хранящимся в ее архиве, посвящена статья Л.И. Киселевой, на протяжении тридцати лет близко общавшейся с Александрой Дмитриевной и сохранившей о ней самые светлые воспоминания. Записные книжки известной исследовательницы значительно расширяют наши представления о формировании ее внутреннего мира, показывают, что Александра Дмитриевна умела дорожить временем, благодаря чему ей так много удавалось сделать. Записные книжки А.Д. Люблинской помогают восстановить круг ее знакомых, коллег, друзей, близких людей, высоко оценить ее коммуникативные способности. Эти записи также воссоздают и повседневную жизнь двух выдающихся ученых.

Значительное место в архиве занимает личная переписка. Сохранилось более 4,5 тыс. писем от родных, близких, друзей, учеников, коллег, от официальных советских и зарубежных корреспондентов, учреждений. Две статьи сборника посвящены эпистолярному наследию А.Д. Люблинской. Исследование Людмилы Борисовны Вольфцун посвящено переписке (более 400 единиц) 1941–1944 гг. Александры Дмитриевны, эвакуированной в Пермскую область, и Владимира Сергеевича, оставшемуся в блокадном Ленинграде. Материалы этой статьи дают представления о жизни Александры Дмитриевны в эвакуации, о ее основных мыслях и переживаниях, раскрывающих богатый и динамичный внутренний мир. Конечно, хочется надеяться, что весь корпус этой бесценной переписки будет издан.

Б.С. Каганович опубликовал материалы переписки Е.В. Тарле и А.Д. Люблинской, которых сближали прежде всего профессиональные интересы к истории Франции XVII века. Евгений Викторович выступал оппонентом на защите кандидатской диссертации А.Д. Люблинской, принимал участие в обсуждении ее докторской диссертации, выступил в печати с оценкой ее работы по изучению Бастильского архива ГПБ. Около 40 писем Е.В. Тарле к А.Д. Люблинской датируются 1943–1954 гг., благодаря которым нам представляется завидная возможность погрузиться в атмосферу творческого интеллектуального общения двух историков и в тоже время стать свидетелями трагичных событий их жизни.

Вторая часть раздела «Жизнь и творческий путь» посвящена Владимиру Сергеевичу Люблинскому и открывается краткой биографической справкой о нем. Не будет преувеличением сказать, что вся жизнь Владимира Сергеевича была связана с Государственной Публичной библиотекой. Статья П.Л. Вахтиной показала драматичную

жизнь историка по призванию, каким был В.С. Люблинский. Как специалист по истории книги, имеющий большой опыт решения проблемы физической сохранности книг, В.С. Люблинский, по воспоминаниям Д.П. Эрастова, внес совершенно неоценимый вклад в развитие Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР. При нем у Лаборатории появились новые задачи по развитию реставрационной службы в рамках всей Академии наук СССР, а также участие в общесоюзных программах и издательская деятельность.

Материалам архива В.С. Люблинского и рассказу о его книгах, прежде всего, по проблемам книговедения посвящены статьи Б.С. Кагановича, П.Л. Вахтиной, М.Д. Эльзон и Г.Н. Питулько.

Раздел «Воспоминания» делает сборник прекрасным источником по истории интеллигенции XX века. Он написан друзьями – учениками, коллегами и являя нам рефлексию современного научного сообщества, повествует о нравственном достоинстве лучших представителей петербургской интеллигенции, сохранявшей на протяжении всей своей жизни «представления о первостепенной ценности традиций преемственности в науке и культуре и долге ученых воспитывать именно в этом духе своих учеников».

Третий раздел «Учителя и ученики» – это статьи А.Д. и В.С. Люблинских и их учеников по истории западноевропейского средневековья, специальным научным дисциплинам, рукописям и изданиям из собрания Российской национальной библиотеки.

Сегодня, вероятно, уже можно говорить о смене поколений в российской науке. В основном исследовательский корпус современных историков (если верить статистике) – это люди, рожденные во второй половине XX века, воспитанные и получившие образование совершенно в иной общественно-политической обстановке, работающие в ритме информационного общества. Поэтому подготовка и издание мемориальных сборников помогает сохранить высокие принципы служения Науке, присущие поколению исследователей 30–80 гг. XX вв. Хочется надеяться, что книга о Люблинских будет замечена, востребована и по достоинству оценена корпорацией историков.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ», ВЫП. 1–10

- Аверус А.И. Власть и университеты в России // Вып. 10. 2003. С. 207–218.
- Агирре Рохас К.А. Западная историография XX века в свете концепции *longue durée* // Вып. 9. 2002. С. 12–29.
- Айзенштат М.П. Жизнь и судьба графа Н.С. Мордвинова // Вып. 8. 2002. С. 257–274.
- Айзенштат М.П. Исторические взгляды британских либералов двадцатых годов XIX века // Вып. 7. 2001. С. 248–262.
- Айзенштат М.П. Исторические взгляды британских утилитаристов // Вып. 1. М., 1999. С. 139–151.
- Айзенштат М.П. Парламентская реформа 1832 года: мнения современников, оценки историков // Вып. 3. 2000. С. 226–240.
- Алябьева Л.А. «*This will never do*»: история литературной репутации Уильяма Вордсворта // Вып. 5. 2001. С. 157–177.
- Андронов И.Е. Интеллектуалы Неаполя: Фаусто Николини, его друзья и герои // Вып. 1. М., 1999. С. 120–38.
- Антощенко А.В. «Евразийские истории» Г.В. Вернадского // Вып. 9. 2002. С. 67–97.
- Антощенко А.В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900 г.) // Вып. 6. 2001. С. 135–154.
- Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // Вып. 5. 2001. С. 254–278.
- Артамошин С.В. // Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики // Вып. 10. 2003. С. 319–331.
- Балакин В.Д. «Во главе братьев и всей империи»: Оттон I – политик и глава семейного клана // Вып. 5. 2001. С. 226–253.
- Балакин В.Д. Идеал будущего – в прошлом (историческая параллель: Оттон III и Новалис) // Вып. 4. 2001. С. 55–73.
- Балакин В.Д. Средневековая Римская империя: идея и реальность // Вып. 2. 2000. С. 14–35.
- Бацер М.И. Иезуитизм или протестантизм? (к полемике вокруг «тезиса Вебера–Тоуни») // Вып. 9. 2002. С. 340–347.
- Безрогое В.Г. Социальный идеал воспитания в Новом Завете (интерпретации современной западной историографии) // Вып. 7. 2001. С. 224–247.
- Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Вып. 5. 2001. С. 29–45.
- Бердова О.В. Городская интеллектуальная среда в Российской провинции конца XIX – начала XX века (на примере Костромы) // Вып. 10. 2003. С. 185–206.
- Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое // Вып. 3. 2000. С. 34–46.

- Блохина И.Р.* Политическая теория и политическая практика (к оценке роли платоновской Академии) // Вып. 9. 2002. С. 314–324.
- Бобкова М.С.* Еще одна попытка реконструкции биографии Жана Бодена // Вып. 5. 2001. С. 75–101.
- Бобкова М.С.* Жан Боден о предмете истории // Вып. 2. 2000. С. 192–197.
- Бобкова М.С.* Исторический метод Жана Бодена как способ теоретического осмысления прошлого // Вып. 1. 1999. С. 184–200.
- Бонцевич Н.Н.* Интеллектуалы и власть в США (1947–1953) // Вып. 9. 2002. С. 199–213.
- Борозняк А.И.* «Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции // Вып. 5. 2001. С. 178–186.
- Борозняк А.И.* Против забвения: «Черная серия» немецкого издательства «Фишер» // Вып. 1. 1999. С. 170–183.
- Борозняк А.И.* Реалии «обыкновенного фашизма» в зеркале локальных исследований школьников ФРГ // Вып. 2. 2000. С. 209–224.
- Бурганова Л.А.* Уроки Уильяма Самнера // Вып. 2. 2000. С. 182–191.
- Ведюшкина И.В.* Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции // Вып. 1. 1999. С. 60–83.
- Венедиктова Т.Д.* Классическая американская автобиография: дискурс торго // Вып. 8. 2002. С. 130–147.
- Венедиктова Т.Д.* Рождение публики и версии дискурса власти как предмет литературной рефлексии в XIX веке // Вып. 4. 2001. С. 277–287.
- Вишленкова Е.А.* Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России // Вып. 5. 2001. С. 360–379.
- Вишленкова Е.А.* Трансформация понятия «мистицизм», или Поиски семантического единства // Вып. 4. 2001. С. 344–352.
- Вишленкова Е.А.* Феномен наделения в «Историях» Казанского университета // Вып. 10. 2003. С. 219–230.
- Волкова Т.Ф.* Историческая литература в составе Усть-Цилемских рукописных сборников: к характеристике исторического сознания печорских крестьян-старообрядцев // Вып. 9. 2002. С. 184–198.
- Володихин Д.М.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // Вып. 9. 2002. С. 51–66.
- Воробьева О.В.* Академик Е.А. Косминский об историософии Арнольда Тойнби // Вып. 3. 2000. С. 261–278.
- Воробьева О.В.* «Между прошлым и настоящим»: типы дискурсов в творчестве А. Тойнби // Вып. 8. 2002. С. 32–53.
- Воробьева О.В.* Парадоксы восприятия А. Тойнби в современной российской историографии // Вып. 4. 2001. С. 259–276.
- Гавришина О.В.* Историческое сознание в России 40-х годов XIX века: образ недавнего прошлого в биографии современника // Вып. 3. 2000. С. 241–252.
- Гайденко П.П.* Понятие времени в античной философии // Вып. 1. 1999. С. 13–35.

- Галямичев А.Н. Из истории отечественной медиевистики: воспитанники петербургской/ленинградской школы в Саратовском университете // Вып. 10. 2003. С. 289–299.
- Гладышев А.В. «Новая Энциклопедия» Сен-Симона: разрывы и преемственность интеллектуальной истории // Вып. 4. 2001. С. 84–99.
- Гладышев А.В. Протекция по-французски // Вып. 8. 2002. С. 213–227.
- Гладышев А.В. Сен-Симон: деньги для «улучшения участи человечества» // Вып. 5. 2001. С. 112–140.
- Голосеева А.А. Редьярд Киплинг и судьба британцев в Индии // Вып. 8. 2002. С. 288–308.
- Горелов М.М. Датское и Нормандское завоевания Англии в восприятии средневековых авторов XI–XII веков // Вып. 6. 2001. С. 25–39.
- Горелов М.М. Исторический факт: резня в день св. Брайса // Вып. 10. 2003. С. 352–357.
- Градскова Ю.В. Дискуссии о «проблеме пола» и «женской природе» в России начала XX века и современные гендерные исследования // Вып. 4. 2001. С. 335–343.
- Грушко К.П. *Ното Quakerus*: мировоззрение Стивена Греллета // Вып. 5. 2001. С. 317–339.
- Данилевский И.Н. От интерпретации к пониманию: традиции и перспективы // Вып. 4. 2001. С. 200–212.
- Девятайкина Н.И. «Письмо к потомкам» Петрарки как первый опыт гуманистической автобиографии // Вып. 5. 2001. С. 60–74.
- Ермаченко И.О. Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма // Вып. 2. 2000. С. 225–247.
- Ермаченко И.О. Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма. Статья вторая: «Русь Японская» // Вып. 3. 2000. С. 291–308.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Вып. 1. 1999. С. 215–222.
- Зверева В.В. Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX–XX вв.: четыре интерпретации // Вып. 1. 1999. С. 232–249.
- Зверева В.В. «Естественная история» Бюффона // Вып. 3. 2000. С. 106–129.
- Зверева В.В. Чувство прошлого в «Естественной истории» Джона Обри // Вып. 9. 2002. С. 144–155.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии конца XX века // Вып. 1. 1999. С. 250–265.
- Зверева Г.И. Понятие новизны в «новой интеллектуальной истории» // Вып. 4. 2001. С. 45–54.
- Карасева А.В. Образ жизни Цицерона и его окружения: реальность, стилизация и «поза» // Вып. 9. 2002. С. 325–339.
- Келли, Дональд. Основания для сравнения // Вып. 7. 2001. С. 89–105.
- Керов В.Л. Братия Свободного духа // Вып. 3. 2000. С. 163–174.
- Керов В.Л. Морис-Август Бенёвский: искатель приключений или политический деятель? // Вып. 8. 2002. С. 188–212.
- Ким С.Г. В поисках интегральной версии историописания (по материалам немецкой науки 1990-х годов) // Вып. 9. 2002. С. 30–50.

- Ким С.Г. Историческая наука Германии «после постмодерна» // Вып. 10. 2003. С. 66–84.
- Клемешов А.С. Понятие опыта у Роджера Бэкона // Вып. 9. 2002. С. 231–239.
- Козик О.М. Загадка Девы Мид в поэме Уильяма Ленгленда: проблема «правильного» в Англии XIV века // Вып. 2. 2000. С. 142–160.
- Козик О.М. Понятие «богатства» в контексте истории: учение св. Кирилла Туровского // Вып. 1. 1999. С. 84–108.
- Кокунова Ю.В. Общекультурный концепт судьба в художественном преломлении (на материале творчества У. Шекспира) // Вып. 9. 2002. С. 240–257.
- Колосова О.Г. Восприятие времени в диалоге Тацита «Об ораторах» // Вып. 1. 1999. С. 36–45.
- Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства: Русская река ал-Идриси // Вып. 6. 2001. С. 192–219.
- Королёвков А.В. Саллюстий: от политики к истории // Вып. 6. 2001. С. 242–247.
- Корякина Н.В. Жизнеописание Филиппа де Морне и традиции житийной литературы // Вып. 8. 2002. С. 148–167.
- Корякина Н.В. Религиозные убеждения Жана Бодена в контексте лингвистического анализа // Вып. 7. 2001. С. 155–168.
- Кошелева О.Е. Подьячий в интерьере Петербурга петровского времени // Вып. 7. 2001. С. 278–291.
- Креленко Н.С. Историческая тема в английском предромантизме // Вып. 9. 2002. С. 156–173.
- Креленко Н.С. Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Вып. 4. 2001. С. 74–83.
- Креленко Н.С. Судьба мистрис Афры Бен // Вып. 8. 2002. С. 168–187.
- Креленко Н.С. Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк // Вып. 5. 2001. С. 141–156.
- Кулакова И.П. Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII века // Вып. 6. 2001. С. 118–134.
- Ленская В.С. Платон, афинский аристократ // Вып. 8. 2002. С. 326–341.
- Любин В.П. «Но идея не умирает»: интерпретации истории «итальянского социализма» // Вып. 6. 2001. С. 327–346.
- Ляляев С.В. Эстетика истории: «История Англии» Томаса Бабингтона Маколей // Вып. 1. 1999. С. 223–231.
- Майофис М.Л. Карамзинист в политике и литературе: случай Д.Н. Блудова // Вып. 7. 2001. С. 292–313.
- Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Вып. 6. 2001. С. 275–283.
- Макарова Г.В. «Казус маркиза Позы»: Густав Грюндгенс на сцене и в ведомстве Йозефа Геббельса // Вып. 8. 2002. С. 98–112.
- Макарова Л.М. Идеология нацизма: основные аспекты создания и функционирования // Вып. 7. 2001. С. 106–135.
- Макашева Н.А. Нравственная философия у истоков экономической науки: загадка Адама Смита // Вып. 3. 2000. С. 129–148.
- Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920-х годов // Вып. 10. 2003. С. 231–254.

- Малышева С.Ю. Русские «белые» и «красные» тексты 1920-х годов // Вып. 4. 2001. С. 303–318.
- Маркасова Е.В. Историко-культурный контекст постмодернистской цитаты: времена года в поэме Т. Кибирова «Буря» // Вып. 2. 2000. С. 248–262.
- Маркасова Е.В. От конклюдии к стенгазете: из прошлого стеновой печати в России // Вып. 4. 2001. С. 288–302.
- Матузова В.И. Место философской традиции средневековья в концепции философии истории Эриха Капера // Вып. 4. 2001. С. 116–123.
- Мелихов М.В. Памятники Куликовского цикла: взаимодействие устной и письменной традиций // Вып. 10. 2003. С. 267–281.
- Месяц С.В. Философский комментарий как жанр школьной литературы // Вып. 10. 2003. С. 341–344.
- Мирзаханов В.С. Свидетель и активный участник: этюды интеллектуальной биографии // Вып. 5. 2001. С. 187–197.
- Мирзаханов В.С. «Экзотический интеллигент»: судьба интеллигентов в современной франкоязычной Африке // Вып. 4. 2001. С. 138–161.
- Михайленко В.И. Тоталитаризм: эвристический потенциал научного понятия // Вып. 6. 2001. С. 345–363.
- Морозова Е.Н. Ретроспективизм рубежа XIX–XX вв.: Содержание, формы, способы представления // Вып. 9. 2002. С. 174–183.
- Мосолкина Т.В. Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик // Вып. 8. 2002. С. 408–415.
- Мухина Г.А. Шатобриан и Революция // Вып. 5. 2001. С. 102–112.
- Мухина Г.А. Шатобриан: ностальгия по «старой монархии» // Вып. 8. 2002. С. 275–287.
- Мягков Г.П. «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Л. Ранке // Вып. 6. 2001. С. 40–79.
- Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // Вып. 8. 2002. С. 11–31.
- Немченко И.В. Томас Гоббс и теоретики «власти *de facto*»: право индивидуума в контексте политического конфликта // Вып. 3. 2000. С. 214–226.
- Ненарокова М.Р. О миссионерстве и межъязыковой культурной коммуникации // Вып. 10. 2003. С. 345–351.
- Ненарокова М.Р. Святой Феликс Ноланский – герой поздней античности и раннего средневековья // Вып. 8. 2002. С. 425–430.
- Николаева Н.И. Деятели советской литературы и искусства и антиамериканская пропаганда в первые годы холодной войны // Вып. 9. 2002. С. 214–230.
- Олейников А.А. Временной опыт и повествовательный сюжет в феноменологической и в «новой» философии истории // Вып. 6. 2001. С. 248–274.
- Парсамов В.С. Декабрист М.С. Лунин и католицизм // Вып. 5. 2001. С. 297–316.
- Парфенов О.Г., Филимонов В.А. Типологический метод Н.И. Кареева в свете современных исследований по теории истории // Вып. 4. 2001. С. 221–230.
- Патрушев А.И. Курт Брейзиг – еретик исторической науки // Вып. 1. 1999. С. 200–214.
- Петров В.В. Эпилог *Aulae siderae* Иоанна Скотта (vv.72–101) и предшествующая поэтическая традиция // Вып. 1. 1999. С. 46–59.

- Петров В.В. Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV–IX вв. // Вып. 6. 2001. С. 301–327.
- Петров Ф.Н. Сущность и смысл учений о грядущей гибели мира // Вып. 6. 2001. С. 284–300.
- Петрова М.С. Грамматическая наука в поздней античности и средние века: *Ars minor* Доната // Вып. 1. 1999. С. 295–303.
- Петрова М.С. I. Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк. II. Персонажи «Сатурналий» и Макробий Феодосий. III. Баснописец Авиев и Макробий Феодосий // Вып. 6. 2001. С. 164–191.
- Петрова М.С. Макробий и его метод цитирования латинских авторов (на примере «Комментария на “Сон Сципиона”») // Вып. 7. 2001. С. 169–183.
- Петрова М.С. Марциан Капелла // Вып. 2. 2000. С. 110–141.
- Петрова М.С. О жанрах и литературных приемах в Поздней Античности // Вып. 10. 2003. С. 332–340.
- Пивовое В.М. Кризис идентичности и методология истории // Вып. 9. 2002. С. 348–354.
- Пигалев А.И. Разрыв в интеллектуальной истории как смена модели всеобщности (христианство на фоне истории философии) // Вып. 4. 2001. С. 26–44.
- Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель // Вып. 8. 2002. С. 54–77.
- Пиков Г.Г. Представление об истории в Евангелиях. Часть I // Вып. 9. 2002. С. 258–287.
- Пиков Г.Г. Представление об истории в Евангелиях Часть II // Вып. 10. 2003. С. 112–136.
- Релина Л.П. Время, история, память: ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН // Вып. 3. 2000. С. 5–14.
- Релина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вып. 2. 2000. С. 5–13.
- Релина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Вып. 5. 2001. С. 5–12.
- Релина Л.П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Вып. 7. 2001. С. 61–88.
- Релина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Вып. 8. 2002. С. 5–10.
- Релина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Вып. 6. 2001. С. 5–10.
- Релина Л.П. Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // Вып. 7. 2001. С. 5–7.
- Релина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Вып. 1. 1999. С. 5–12.
- Ростиславлева Н.В. Н.И. Кареев и Карл фон Роттек: традиции либеральной историософии XIX века // Вып. 3. 2000. С. 95–105.
- Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания // Вып. 4. 2001. С. 213–220.
- Ростиславлева Н.В. Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в.: Гейдельбергская школа // Вып. 10. 2003. С. 311–318.

- Рубинштейн Е.Б. Размышляя над книгой о становлении историзма // Вып. 2. 2000. С. 273–284.
- Рубинштейн Е.Б. Роберт Дарнтон: «интеллектуальная история снизу» // Вып. 1. 1999. С. 266–278.
- Румянцова М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // Вып. 5. 2001. С. 13–28.
- Рыженко В.Г. Проблема преемственности культуры в наследии ученых 1920-х годов и современные гуманитарии // Вып. 4. 2001. С. 319–334.
- Рюзен, Йорн. Утрачивая последовательность истории // Вып. 7. 2001. С. 8–26.
- Рюзен, Йорн. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Вып. 10. 2003. С. 48–65.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. История как теоретическое знание // Вып. 3. 2000. С. 15–33.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая истина: эволюция представлений // Вып. 4. 2001. С. 162–181.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Прагматика истории // Вып. 10. 2003. С. 7–35.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Эмпирическая составляющая исторической науки // Вып. 2. 2000. С. 36–51.
- Сальникова А.А. Историк и автобиография // Вып. 8. 2002. С. 113–129.
- Серегина А.Ю. Веротерпимость и религиозные преследования: августиновская традиция в английской религиозной полемике конца XVI – начала XVII веков // Вып. 7. 2001. С. 136–154.
- Серегина А.Ю. Идея народного договора в елизаветинской политической мысли: Роберт Парсонс и его «Рассуждения о наследовании английского престола» // Вып. 1. 1999. С. 279–294.
- Серегина А.Ю. История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI – начала XVII в. // Вып. 10. 2003. С. 85–111.
- Серегина А.Ю. Происхождение королевской власти в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII веков // Вып. 3. 2000. С. 201–213.
- Ситникова Ю.В. Александр Поуп, «самый гармоничный поэт английской земли» // Вып. 8. 2002. С. 416–424.
- Смердов И.В. «Кризис западной философии» В.С. Соловьева как философская история: опыт нарративного анализа // Вып. 3. 2000. С. 73–94.
- Смирнов П.М. Защищая права художника: Бернард Шоу об отношениях Искусства и Власти // Вып. 1. 1999. С. 108–119.
- Смирнова О.П. Жизнеописание Евнапия из Сард, составленное по его собственным сочинениям // Вып. 5. 2001. С. 46–59.
- Смирнова О.П. История как драма: этап в развитии жанра? // Вып. 4. 2001. С. 182–199.
- Солопова М.А. Из истории термина *коффа крёа*, или какое мясо полезнее человеку? // Вып. 6. 2001. С. 155–163.
- Сотникова С.И. Естественно-научные методы в современном историческом познании // Вып. 2. 2000. С. 52–69.
- Сотникова С.И. Повседневная жизнь Московии в русских географических чертежах XVII века // Вып. 9. 2002. С. 288–313.

- Стогова А.В. «Без этого дружба не будет истинной»: споры во Франции XVII века // Вып. 3. 2000. С. 175–200.
- Стогова А.В. Семь страстей господина д'Анжии // Вып. 5. 2001. С. 340–359.
- Суприянович А.Г. Когда мать – не женщина: «Откровения божественной любви» Юлии из Нориджа // Вып. 3. 2000. С. 149–162.
- Суриков И.Е. Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Вып. 5. 2001. С. 198–225.
- Суриков И.Е. Фемистокл: *homo novus* в кругу старой знати // Вып. 8. 2002. С. 342–364.
- Токмаков В.Н. Марк Фурий Камилл: превратности судьбы и образа «второго Ромула» // Вып. 8. 2002. С. 365–390.
- Торстендаль, Рольф. Профессионализм и использование истории в политике // Вып. 10. 2003. С. 36–47.
- Трифонова Е.К. Славянство и неославизм: проблема преемственности в интерпретациях славянской идеи в Болгарии в начале XX века // Вып. 4. 2001. С. 124–137.
- Туманова А.С. Гражданские свободы в представлениях высшей российской бюрократии периода Первой русской революции // Вып. 10. 2003. С. 255–266.
- Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Вып. 7. 2001. С. 207–223.
- Фадеева Л.А. Интеллектуалы, интеллигенция и концепция политической культуры // Вып. 3. 2000. С. 279–290.
- Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Вып. 1. 1999. С. 152–169.
- Фомин Ф.М. Философия, рожденная войной: Формирование историко-философской концепции А.Дж. Тойнби в начале 1920-х годов // Вып. 9. 2002. С. 98–118.
- Хазанов О.В. Еврейский религиозный историзм и некоторые особенности национального сознания // Вып. 9. 2002. С. 119–143.
- Хряков А.В. Историческая наука в фашистской Германии: рождение «новой» социальной истории? // Вып. 4. 2001. С. 246–258.
- Хряков А.В. «Тайная Германия» Эрнста Канторовича // Вып. 8. 2002. С. 78–97.
- Цатурова С.К. Судьи и правосудие во Франции XV века глазами Жана Жувенала, королевского адвоката // Вып. 7. 2001. С. 263–277.
- Чайковский Ю.В. Основатели милетской школы: к истории рождения европейской науки // Вып. 2. 2000. С. 161–181.
- Черновёрская Т.А. Бунт, не имеющий перспектив: Сен-Жюст в период работы над поэмой «Органт» // Вып. 8. 2002. С. 228–256.
- Черновёрская Т.А. Самое раннее сочинение Сен-Жюста: «Арлекин Диоген» // Вып. 7. 2001. С. 336–339.
- Чиглинецов Е.А. Рецепция античного наследия в социокультурных условиях XIX–XX вв. // Вып. 4. 2001. С. 100–115.
- Чиглинецов Е.А. Спартак: герой без биографии? // Вып. 8. 2002. С. 309–325.

- Шанская Т.А.* Миф Просвещения и идеи частного образования в России XVIII века // Вып. 10. 2003. С. 137–163.
- Шепелева В.Б.* Историческая наука и русская религиозно-философская мысль второй половины XIX – первой половины XX века // Вып. 4. 2001. С. 232–245.
- Шепелева В.Б.* «Новое направление» в советской историографии социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. // Вып. 10. 2003. С. 300–310.
- Шкаренков П.П.* Римский аристократ «эпохи упадка»: Квинт Аврелий Симмах // Вып. 6. 2001. С. 219–241.
- Шкаренков П.П.* Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи // Вып. 8. 2002. С. 391–407.
- Шкаренков П.П.* Rex Theodericus princeps: формирование концепции королевской власти в Остготской Италии // Вып. 7. 2001. С. 184–206.
- Шкаренков П.П.* «*Variarum*» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Вып. 2. 2000. С. 95–109.
- Эксле О.Г.* Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Вып. 7. 2001. С. 49–60.
- Экштут С.А.* Битвы за храм Мнемозины // Вып. 7. 2001. С. 27–48.
- Экштут С.А.* «И в этой минуте должно быть все...» // Вып. 6. 2001. С. 11–24.
- Экштут С.А.* Императорская академия художеств и «Бунт 14-ти» // Вып. 10. 2003. С. 164–185.
- Экштут С.А.* История и литература: «полоса отчуждения»? // Вып. 3. 2000. С. 47–72.
- Экштут С.А.* «Несбывшееся – воплотить!»: опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории // Вып. 2. 2000. С. 70–94.
- Экштут С.А.* Пространство интеллектуальной истории // Вып. 4. 2001. С. 12–25.
- Янковская Г.А.* «Шинель дана очень обще и немножко бревном таким»: к вопросу о мотивационном аспекте деятельности комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства // Диалог... Вып. 7. М., 2001. С. 314–325.
- Ястер И.В.* Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920–1930-е гг. // Вып. 10. 2003. С. 282–288.
- Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин: Творчество историка и историографический процесс // Диалог... Вып. 6. М., 2001. С. 80 – 117.

Публикации

- Донат.* Краткая наука о частях речи (Пер. и коммент. М.С. Петровой) // Вып. 1. М., 1999. С. 304 – 332.
- [*Тарле Е.В.*] Воспоминания Е.В. Тарле о работе в западных архивах (Вступ. ст., публ. и коммент. Б.С. Кагановича) // Вып. 1. 1999. С. 332–354.
- Люблинский В.С.* Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе (Публ. и коммент. Л.Б. Вольфцун и Б.С. Кагановича) // Вып. 2. 2000. С. 263–272.
- Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Ключийского (Перевод, введ. ст. и коммент. В.Д. Балакина) // Вып. 3. 2000. С. 309–333.

- Малиновский И.В. О жизни Генерал-Майора Вольховского // Вып. 3. 2000. С. 253–260.
- Виноградов П.Г. Об истории (публ. и примечания. А.В. Антощенко) // Вып. 7. 2001. С. 326–335.
- Сэн-Жюст. Арлекин Диоген (пер. Т.А.Черноверской) // Вып. 7. 2001. С. 340–375.
- Досточтимый Беда. Житие блаженного Феликса (пер. М.Р. Ненароковой) // Вып. 8. 2002. С. 431–444.

Рецензии и обзоры

- Алексеев С.В. Не листья на ветру... О книге «Персональная история» (М., 1999) // Вып. 5. 2001. С. 380–383.
- Бобкова М.С. Приглашение в «Театр»: пьеса Энн Блейр // Вып. 7. 2001. С. 376–380.
- Бобкова М.С. Памяти Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских // Вып. 10. 2003. С. 380–384.
- Володихин Д.М. Нарратив побеждает. О книге «Человек в мире чувств» (М., 2000) // Вып. 5. 2001. С. 384–389.
- Володихин Д.М. Изящный семинар в сумерках Просвещения // Вып. 2. 2000. С. 285–290.
- Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Вып. 8. 2002. С. 445–447.
- Зверева Г.И. «Большая» интеллектуальная история: текст и историографическая норма // Вып. 3. 2000. С. 334–338.
- Зверева Г.И. История как «строгая наука»: концепции российских историков на рубеже XIX–XX веков // Вып. 7. 2001. С. 381–384.
- Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Вып. 6. 2001. С. 364–370.
- Зезина М.П. Интеллектуальное пространство России: Провинция и Центр (обзор материалов конференции) // Вып. 6. 2001. С. 379–388.
- Кудрявцев О.Ф. Ренессансная Флоренция в непривычном аспекте: преступление и наказание Антонио Ринальдеки // Вып. 6. 2001. С. 371–378.
- Мягков Г.П., Максимова А.Б. Ценное исследование «Опыта опомнившихся» // Вып. 9. 2002. С. 355–361.
- Экштут С.А. Рец. на кн.: Персональная история. Исповедь судьбы // Вып. 8. 2002. С. 448–450.

Хроника

- Воробьева О.В. Учитель – в ремесле // Вып. 10. 2003. С. 371–379.
- Драбкин Я.С. 70 лет Александру Ивановичу Борозняку // Вып. 10. 2003. С. 365–370.
- Калинина Т.М., Мельникова Е.А. XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в Античности и средневековье» // Вып. 10. 2003. С. 358–364.

SUMMARIES

I.M Savelyeva, A.V. Poletaev **Pragmatics of History**

Establishment of relations with specific events of the past is an essential component in construction of social reality. Ancient societies understood well the importance of the past for the present, and saw history as being essential for a number of cultural-political functions, functions of accumulation and dissemination of social experience. Radical change in the character of historical knowledge in the 20th century and definitive separation of history from the social disciplines raise the following question: to what extent are previous, centuries-old reflexes concerning functions of history in the contemporary situation still applicable? The authors of this article suggest a reformulation of traditional ideas about the "functions of history", reducing them to five key concepts: *maintenance of patterns, legitimization, identification, opening of the Other, and historical memory*. These concepts are sufficient to reveal the significance of historical knowledge as knowledge about the past of all three sub-systems of social reality (a culture, a social system and a system of personality). The suggested approach makes it possible to conceptualize the old theme of the role of history at the level of contemporary social theory and to make sense of what happened to the functions of historical knowledge in the 20th century.

A.Yu. Seregina **King Richard II in the English religious controversies** **of the late 16th – early 17th cc.**

The article addresses itself to a problem of historical arguments, *exempla*, in early modern controversial literature, their textual functions and contexts. This study is focused on one such example: the story of the deposition of King Richard II and its use in the English religious polemic of the 16th – 17th cc. Medieval and Early Tudor historiography treated the story of King Richard II as a legal conflict between a tyrant and his subjects, and the historians paid attention to its constitutional and moral aspects. Religious context was added by Protestant polemicists Tyndale and Bale: for them Richard II was both a proto-martyr for 'a true faith' (as

he did not persecute Lollards whom Protestants saw as their own predecessors) and a monarch punished for the lack of zeal (he did not become a Lollard himself). This concept was further developed in the "Book of Martyrs" by John Foxe, and under his influence all the historians of the late Tudor period not only viewed the deposition of King Richard II in terms of a constitutional conflict but also showed its religious (even confessional) connotations. Thus a historiographical pattern was created. It became an object of a critique from Catholic side. In course of polemic Catholic controversialists construed their own story of King Richard II by placing it into constitutional and religious contexts as well (though the religious context presents the Protestant version turned upside down). As for the constitutional aspect, Catholics (and first of all, R. Parsons) were more radical in their advocacy of popular resistance. In order to justify it they used not only traditional language of English political and legal system but introduced ideas and concepts by continental monarchomachs and adopted them to English political tradition.

S.G. Kim

Historical discipline in Germany "after postmodernism"

The article presents the study of contemporary historical thought in Germany and its experience in searching meaningful characteristics of life and history. It is the criterion of meaning that has become a fundamental principle of historical knowledge for German scholars as it defines the correlation of the past, the present, and the future. An interest to the meaning of world is a characteristic feature of most contemporary versions of studying the 'movement within time', from the history of everyday life to interpretations of symbols and rituals. The author's analysis shows that German historians tend not only to demonstrate all range of influences over one's life but more often to reveal mechanisms by which one assimilates them.

G.G. Pikov

A view of history in the Gospels:

II. The origin of Christian historiography

This article is devoted to a complex of the problems connected to occurrence and evolution of representation about history in the Western civilisation. Namely the 'sacral' ideas are responsible for 'the meaning' of being and 'history', prove 'the right on existence' of the civilization. In the history of the European civilization 'the sacral' sphere of culture is repre-

senting by 'Bible' which base is Tora (Pentateuch of Moses). The article considers appearing and fixation of history representations in Tora as archetypal text and Christian conception of history that reflected in the New Testament books, especially the operation of the return to basic ideas of Tora and Mediterranean civilization that is fulfilled by Christ (the God as above-natural superperson, 'the world' as the place of being and action of 'selected people' etc.). As a result many cultural ideas ('the Gospel', 'the world', 'the New Testament', 'the God-incarnation', 'Doomsday' etc.) appeared. The article also analyzes the role of Apostles and particularly Paul. Basing on this material the author considers the Christian revolution in ideology as universalization and internationalization of the 'basic' cultural paradigm. Thus in fact the matrix of further development of the European culture was laid.

T.A. Shanskaya

***The Enlightenment myth and the ideas
of private education in the 18th-century Russia***

This article is devoted to the private education in Russia in the second half of 18th century and to its connection with the Enlightenment. The author understands this notion as a particular type of mentality, the cultural myth, and attempts to define the place of education in the system of this myth and his transformation in the Russian culture. T.A. Shanskaya sets the following questions: what did the notion "*private*" education mean in 18th century and how did it change later; what was the difference between the Russian and European private education. The analysis of the pedagogical ideas of J.-J. Rousseau occupies the important place in this article. This research is illustrated by the examples of the children's education in the families of Russian noblemen (the Grand dukes Alexander and Constantine, Paul Stroganov).

S.A. Ekshtut

The Royal Academy of Arts and the "Revolt of the 14"

The article is focused on the events of 9 November 1863, which became a landmark in the history of Russian art. The "Revolt of the 14" artists who refused to paint on subjects from Scandinavian mythology proposed by the Russian academy of Arts helped to disseminate the idea that a Russian artist could live and work without state sponsorship. It was the beginning of the end for the monopoly of the Academy of Arts.

O.V. Berdova

***Urban intellectual environment of the Russian province
in the late 19th – early 20th centuries (the case of Kostroma)***

The article deals with the intellectual atmosphere of Kostroma – one of provincial Russian towns – in the late 19th – early 20th centuries. The author focused herself on the range of interests of the provincial intellectuals, the accessibility of information, the attitude of provincials to contemporary events and phenomena of different kinds, their views of social problems and ways to solve them. The author analyses readers' preferences and book market, information resources of local libraries, newspapers, and cinema. The article describes intellectual centres of the town, local scientific societies, and evaluates the role of zemstvo, and public and private initiatives in the formation of urban intellectual environment.

A.I. Avrus

Authorities and universities in Russia

The article is devoted to the relationship between Russian universities and authorities, which often was and is problematic and conflicting. Authorities always tried to integrate universities into the system of state institutions, and the universities struggled for the preservation and further extension of their rights of autonomy. In the author's opinion, the successful development of higher education requires that Russian universities would be free to deal with their internal problems and to manage their staff in a most effective way.

E.A. Vyshlenkova

***A phenomenon of imparting
in the 'Histories' of Kazan' University***

The author deals with the jubilee edition of the "Histories" of the Kazan' University, and with this example she shows that as a rule a historian believes in a "main character of the research" created by himself. Thus when creating a historical narrative he faces numerous temptations, and among them – a phenomenon of imparting (i.e., a tendency to impart realities of life with qualities which are not inherent in them). In order to avoid it, according to the author's view, one should follow the advice of the French historian Antoin Preaux, who said: "a scholar should keep a distance in reflection on oneself and one's problems, and should be a professional in a sense of mastering research methods". The author of

the article concludes that if there is no possibility to make an objective portrait of a professor of Kazan' University in the early 19th c., one should try to be impartial (in a literal sense of the word) and professional.

S.Yu. Malysheva

***Historical mythology of the Soviet
"revolutionary anniversaries" in 1917–1920s***

The author shows that an important role in the mental revolution of post-Revolution Russia was played by so called "revolutionary anniversaries" of 1917–1920s, represented by mass performances (often in the open air). These performances interpreted and re-interpreted history and some historic events. The author concludes that a historical mythology of revolutionary anniversaries fulfilled their mission as it created common semantic context, in which a Soviet citizen thought of historical process, and which to some extent created a citizen. The mythology linked him with authorities, and guaranteed the stability of the Soviet regime.

A.S. Tumanova

***Russian bureaucracy and its views on civil rights
in the period of the first Russian revolution***

The article presents a study of the views in Russian bureaucracy of 1905–1907 on the character and scale of political reforms that were supposed to implement constitutional principles of civil rights.

M.V. Melikhov

***The reflections on the battle on Kulikovo field in works
by scholars from Northern Russia***

The author studies historical works such as "The story of Mamay's battle", "The Story of Mamay's army", and "On Mamay infidel", which remained popular in Russia for centuries as they were not only being read and copied, but also re-written. The author comes to a conclusion that "The Story of Mamay's army" is a combination of two traditions: a scholarly redaction of "The story of Mamay's battle" and folklore – bylinas, historical song and poems, which were not connected with the battle on Kulikovo field.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Продолжаем наш «Диалог»..... 5

Историческое знание и его функции

И.М. Савельева, А.В. Полетаев

Прагматика истории.....7

Торстендаль, Рольф (Швеция)

Профессионализм и использование истории в политике.....36

Рюзен, Йорн (Германия)

Может ли вчера стать лучше?

о метаморфозах прошлого в истории.....48

С.Г. Ким (Томск)

Историческая наука Германии «после постмодерна»..... 66

История, религия и культура

А.Ю. Серегина

История короля Ричарда II

в английской религиозной полемике втор. пол. XVI – нач. XVII в.....85

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

Представление об истории в Евангелиях:

II. зарождение в христианской историософии (окончание).....112

Из истории просвещения и образования

Т.А. Шанская (Казань)

Миф просвещения

и идеи частного образования в России XVIII века.....137

С.А. Экштут

Императорская академия художеств и «Бунт 14-ти».....164

О.В. Бердова (Кострома)

Городская интеллектуальная среда в Российской провинции

конца XIX – начала XX века (на примере Костромы)..... 185

А.И. Аврус (Саратов)

Власть и университеты в России.....207

Е.А. Вишленкова (Казань)

Феномен наделения в «Историях» Казанского Университета.....219

Из истории России XX века

С.Ю. Малышева (Казань)

Историческая мифология советских «революционных празднеств»

1917 – 1920 годов..... 231

А.С. Туманова (Тамбов)

Гражданские свободы в представлениях высшей Российской

бюрократии периода Первой русской революции.....255

История и память

М.В. Мелихов (Сыктывкар)

Памятники Куликовского цикла:

взаимодействие устной и письменной традиции.....267

По материалам конференции «Наука и власть...»

<i>И.В. Ястер (Саратов)</i> Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920–1930 гг.....	282
<i>А.Н. Галямичев (Саратов)</i> Из истории отечественной медиевистики: воспитанники петербургской / ленинградской школы в Саратовском университете.....	289
<i>В.Б. Шепелева (Омск)</i> Новое направление в советской историографии социально-экономической истории России кон. XIX – нач. XX в.....	300
<i>Н.В. Ростиславлеева</i> Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в. Гейдельбергская школа.....	311
<i>С.В. Артамошин (Брянск)</i> Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики.....	319

Notulae eruditae

<i>М.С. Петрова</i> О литературных жанрах поздней античности (на примере произведений Макробия).....	332
<i>С.В. Месяц</i> Философский комментарий как жанр школьной литературы.....	341
<i>М.Р. Ненарокова</i> О миссионерстве и межъязыковой культурной коммуникации.....	345
<i>М.М. Горелов</i> Исторический факт: резня в день св. Брайса.....	352

Хроника

<i>Т.М. Калинина, Е.А. Мельникова</i> XIV чтения памяти чл.-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в Античности и средневековье».....	358
<i>Я.С. Драбкин</i> 70 лет Александру Ивановичу Борозняку.....	365
<i>О.В. Воробьева (Томск)</i> Учитель – в ремесле.....	371

Читая книги

<i>М.С. Бобкова</i> Памяти Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских.....	380
Библиография публикаций: «Диалог со временем». Вып. 1–10. Сост. С.А. Экштут).....	385
SUMMARIES.....	395
Содержание.....	400

Contents

Editorial

To continue our "Dialogue".....5

Historical knowledge and its functions

I.M. Savelyeva, A.V. Poletaev

Pragmatics of history.....7

R. Torstendahl (Sweden)

Professionalism and the use of history in politics.....36

J. Rüsen (Germany)

Could the past become better?

On metamorphoses of the past in.....48

S.G. Kim (Tomsk)

Historical discipline in Germany "after postmodernism".....66

History, religion, and culture

A.Yu. Seregina

King Richard II in the English religious controversies

of the late 16th – early 17th cc.....85

G.G. Pikov (Novosibirsk)

A view of history in the Gospels:

II. The origin of Christian historiography (the end).....112

History of education

T.A. Shanskaya (Kazan)

The Enlightenment myth and the ideas of private education

in the 18th-century Russia.....137

S.A. Ekshtut

The Royal Academy of Arts and the "Revolt of the 14".....164

O.V. Berdova (Kostroma)

Urban intellectual environment of the Russian province

in the late 19th – early 20th cc. (the case of Kostroma).....185

A.I. Avrus (Saratov)

Authorities and universities in Russia.....207

E.A. Vyshlenkova (Kazan)

A phenomenon of imparting in the "Histories" of Kazan' University.....219

Russia in the 20th century

S.Yu. Malysheva (Kazan)

Historical mythology of the Soviet "revolutionary anniversaries"

in 1917–1920.....231

A.S. Tumanova (Tambov)

Russian bureaucracy and its views on civil rights in the period

of the first Russian revolution.....255

History and Memory

M.V. Melikhov (Syktyvkar)

The reflections on the battle on Kulikovo field in works

by scholars from Northern Russia.....267

Conference "Science and Authority ..."

I.V. Yaster (Saratov)

The influence of the Communist party and the state on the contents and structure of school courses of history in 1920–1930s.....282

A.N. Galyamichev (Saratov)

On the history of medieval studies in Russia: St Peterbourg / Leningrad school in Saratov university.....289

V.B. Shepeleva (Omsk)

New trends in the Soviet historiography of the socio-economic history of Russia in the late 19th – early 20th cc.....300

N.V. Rostislavleva

Types of communication in German communities of historians in the 19th c.: Heidelberg school.....311

S.V. Artamoshin (Bryansk)

Karl Haushofer and the formation of the German school of geopolitics.....319

Notulae eruditae

M.S. Petroff

On literary genres in Late Antiquity: Macrobius.....332

S.V. Mesyats

Philosophical commentary as a genre of school literature.....341

M.R. Nenarokova

On missionaries and inter-cultural communication.....345

M.M. Gorelov

A historical event: the massacre at St. Braice day352

Chronic

T.M. Kalinina, E.A. Melnikova

14 conference in the memory of academician V.T. Pashuto "Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages"358

Ya.S. Drabkin

Alexandr Ivanovich Boroznyak is 70.....365

O.V. Vorobyeva (Tomsk)

A master in his art.....371

Reading books

M.S. Bobkova

In memoriam of Alexandra Dmitrievna and Vladimir Sergeyeovich Lyblinsky.....380

Bibliography of articles published in the "Dialogue with Time" Issues 1–10. (by S.A. Ekshtut).....385

SUMMARIES.....395

Contents.....400

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1–9. Ред. *Репина Л. П.*

История России

Очерки феодальной России. Вып. 1–7. Под ред. *Кистерева С. Н.*

Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди.

Данилевский И. Н. Смысловые уровни повести временных лет.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.

Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. Под ред. *Тимошиной Л. А.*

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного.

Есаков В. А. Очерки истории географии в России как науки. XVIII — начало XX века.

Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года.

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов.

Под ред. *Сенчаковой Л. Т.*

Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи.

Гришин И. В., Клешинов В. Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.).

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на юге России.

Мировая история

Французский ежегодник. 2000–2002. Вып. 1–3. Под ред. *Чудинова А. В.*

Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794.

Гиймен А. Наполеон: уж каков есть...

Лалу Р. История французского стиха (IX–XVI века).

Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история.

Лебедева Г. С. Новейший комментарий к трактату Витрувия.

Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории.

Рыбин А. И. Атлантида как реальность. Исследование легенды.

Индия: страна и ее регионы. Под ред. *Ваниной Е. Ю.*

Голоса индийского средневековья. Под ред. *Серебрякова И. Д., Ваниной Е. Ю.*

Варьяш И. И. Правовое пространство Ислама в христианской Испании XIII–XV вв.

Койре А. Очерки истории философской мысли.

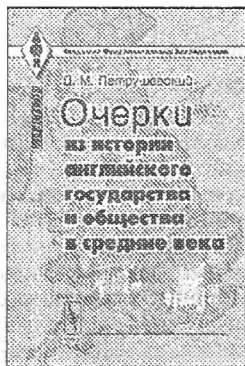
По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135–44–23, тел. 135–42–46
или **электронной почтой** urss@urss.ru.
Полный каталог изданий представлен
в **Интернет-магазине:** <http://urss.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература

Представляет Вам свои лучшие книги:

Петрушевский Д. М.

Очерки из истории английского государства и общества в средние века.

В книге известного историка-медиевиста Д. М. Петрушевского (1863–1942) излагаются основные моменты в истории государства и общества средневековой Англии, позволяющие понять общий ход ее социально-политического развития и показать создание государственных учреждений, позже ставших достоянием всего цивилизованного мира. С политической и социальной стороны рассматриваются такие исторические этапы, как смутное время и реформы Генриха II, Великая хартия вольностей и возникновение парламента. Изложению истории Англии предпослано введение, в котором автор высказывает

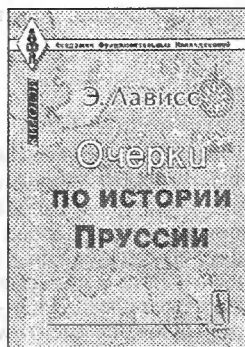
свое мнение о феодализме как определенной форме государственного устройства и управления и об английском феодализме как его идеальном типе.

Лависс Э.

Очерки по истории Пруссии.

Известный французский историк Эрнест Лависс (1842–1922) после поражения своей страны во франко-прусской войне 1870–1871 годов особенно глубоко занимался историей Германии и, главным образом, Пруссии, стремясь выяснить и показать причины ее военных и политических успехов.

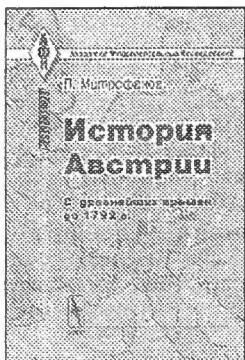
В книге подробно изложены история происхождения прусского государства и судьбы Бранденбургского маркграфства и рыцарского Тевтонского ордена, которые явились предшественниками прусской монархии, ведущей свое начало с XVII века. С точки зрения исследования государственного строительства описаны жизнь и деятельность прусских королей из династии Гогенцоллернов, в том числе самого известного из них — Фридриха II Великого.

Митрофанов П. П.

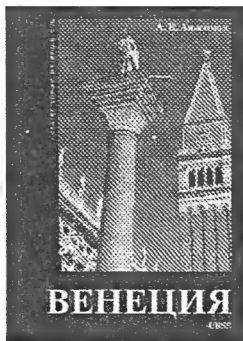
История Австрии с древнейших времен до 1792 г.

В книге российского историка П. П. Митрофанова (1873–1917) излагается история Австрии — с древнейших времен до конца правления императора Леопольда II в 1792 году. Автор рассматривает судьбы так называемых «немецких земель», составлявших ядро габсбургской монархии, и при этом руководствуется мыслью, что история Австрии — одна из самых типичных в Западной Европе, и в ней отчетливо отражаются последовательные явления западно-европейской истории, в том числе реформация, католическая реакция, «просвещенный абсолютизм».

Представляет Вам свои лучшие книги:

Анисимов А. В.

Венеция. Архитектурный путеводитель.

Полноцветный альбом, около 200 фотографий и карт.

«Венеция» была написана автором для самого себя в качестве «конспекта» перед второй поездкой его в Италию с целью, «чего бы не забыть посмотреть». После третьей она расширилась, после четвертой стала похожа на книжку, в которой есть шпаргалка по истории и географии Венеции — города и республики, рассказ о мастерах венецианской архитектуры и живописи. Основная часть книги — краткие сведения о выдающихся памятниках архитектуры Венеции, систематизированных по районам города, начиная с центра — площади Сан Марко и Большого канала и кончая удаленными островами. Всего более 100 памятников. В книге рассказано, почему так популярен в этом городе свангелист Марк, как найти на фасадах зданий и интерьерах знаменитые росписи и мозаики, когда, что и кем было построено, о преимуществах и опасностях города на воде.

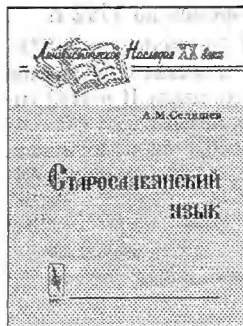
Витрувий

Десять книг об архитектуре.

Серия «Из истории архитектурной мысли».

Римский архитектор и инженер Витрувий жил и работал во второй половине I в. до н.э. в годы правления Юлия Цезаря и императора Октавиана Августа. Его трактат представляет собой целую энциклопедию технических наук своего времени, сочетая в себе жанры практического руководства и обобщающего теоретического труда. Более двух тысяч лет этот знаменитый труд переписывался, переводился, комментировался, являясь фундаментом для разработки теории архитектуры во многих странах мира.

Книга адресована архитекторам, историкам науки, культуры и искусства, всем интересующимся классическим наследием.

Селищев А. М.

Старославянский язык.

«Старославянский язык» является посмертным изданием многолетнего труда профессора Афанасия Матвеевича Селищева (1883–1942) — одного из крупнейших отечественных ученых в области славянского языкознания.

Из всех подобных изданий как русских, так и зарубежных авторов труд А. М. Селищева особо выделяется своей полнотой, обстоятельностью изложения, богатством фактического материала и широтой его сравнительно-исторического освещения.

Представляет Вам свои лучшие книги:

Зинченко А. В.

История России (IX—XX вв.) в таблицах и схемах.

В книге рассматриваются наиболее значимые вехи в истории России в таблицах и структурно-логических схемах.

На базе обширного круга источников, работ отечественных и зарубежных историков, а также многочисленной справочной литературы представлены обобщенные сведения о великих князьях, царях, императорах Российского государства, высших должностных лицах Советского государства и Российской Федерации, в краткой форме изложены ключевые аспекты истории России.

По содержанию и структурному оформлению работа выполнена в форме справочника и рекомендуется в качестве учебного пособия при изучении истории России и в ходе подготовки к экзаменам. Рекомендуется для всех интересующихся историческим прошлым Российского государства.

Ильичев А. Т.

**Справочник по русской истории.
Киевская Русь.**

Настоящая книга представляет собой первую часть «Справочника по русской истории». Содержание справочника охватывает период русской истории с IX по XV век, от начала формирования Руси Киевской до конца формирования Руси Московской. Справочник построен по принципу хронографа: все изложенные там исторические события датированы и каждое событие отнесено к тому году, когда по имеющимся летописным сведениям оно имело место.

Справочник достаточно полно отражает фактический материал, имеющийся в летописях и исторических монографиях, и в этом смысле может служить стандартным учебником по истории. В тексте цитируются фрагменты из Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской, Никоновской летописей, Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, а также Московского летописного свода конца XV века. Для облегчения восприятия в конце каждой части справочника помещена специально составленная таблица русских владетельных домов, куда входят имена всех князей, упомянутых в тексте, родословную которых удалось проследить. Справочник снабжен также картами русского государства и его областей в соответствующие исторические периоды.

Предлагаемая вниманию читателя первая часть справочника отражает следующие периоды отечественной истории: а) формирование и расцвет Киевской Руси (середина IX в. – 1054 г.); б) распад Киевской Руси (1054–1169 гг.).

Книга предназначена для всех интересующихся отечественной историей и может служить пособием для студентов исторических специальностей.

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Серия «Академия фундаментальных исследований»

Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.

Тарле Е. В. История Италии в средние века.

Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов. Общий очерк.

Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.

Шрадер О. Индоевропейцы.

Нейгебауер О. Точные науки в древности.

Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.

Авенариус Р. О предмете психологии.

Шнет Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта).

Серия «История языков народов Европы»

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков.

Кальгын В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии.

Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка.

Бах А. История немецкого языка.

Бруннер К. История английского языка. Т. 1, 2.

Вольф Е. М. История португальского языка.

Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей.

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык.

Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка.

Шшишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании.

Григорьев В. Ф. История испанского языка.

Серия «Bibliotheca Scholastica». Под общ. ред. *Апполонова А. В.* Билингва: параллельный текст на русском и латинском языках.

Вып. 1. *Бозций Дакийский.* Сочинения.

Вып. 2. *Фома Аквинский.* Сочинения.

Вып. 3. *Уильям Оккам.* Избранное.

Вып. 4. *Роберт Гроссетест.* Сочинения.

**Издательство
УРСС**

**(095) 135-42-46,
(095) 135-44-23,
URSS@URSS.ru**

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242)

«Москва» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144)

«Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марксистская, 9. Тел. (095) 270-5421)

«Старый Свет» (м. Пушкинская, Тверской б-р, 25. Тел. (095) 202-8608)

«Гюэзис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-4713)

«У Кентавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайная, 15. Тел. (095) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)